

François Chamoux

LA CIVILISATION
GRECQUE A L'ÉPOQUE
ARCHAÏQUE
ET CLASSIQUE

ARTHAUD
1983

Франсуа Шаму

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ

Екатеринбург
У-Фактория
АСТ
МОСКВА

Перевод Т. Баженовой

Ш19 Шаму, Ф.
Цивилизация Древней Греции / Франсуа Шаму; пер. с фр.
Т. Баженовой. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА;
2009. — 368 с.

ISBN 978-5-9757-0412-2 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)
ISBN 978-5-403-00104-5 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
(С.: Великие цивилизации)
Ответственный за выпуск В. Харитонов

ISBN 978-5-9757-0444-3 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)
ISBN 978-5-403-01000-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
(С.: Золотой фонд мировой классики)
Серийное оформление А. Кудрявцева

Греческая цивилизация, пожалуй, известна нам лучше других древних культур. Ее мифология, философия, искусство стали основой европейской цивилизации, она дала современному миру принципы морали и государства, духовные ценности и категории мышления. Но это не отменяет нашего интереса к ней. Напротив, перед нами по-прежнему стоит задача понять, в чем корни этой культуры, какие связи человека той эпохи с природной, социальной, политической и духовной средой сформировали своеобразие феномена, известного нам как Древняя Греция.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)32

© Arthaud, 1983
© Баженова Т., перевод на русский язык, 2008
© ООО «Агентство прав «У-Фактория»,
издание на русском языке, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование «Цивилизация Древней Греции в архаическую и классическую эпохи», переизданное издательством *Arthaud*, появилось на свет двадцать лет назад с тем же редактором в серии «Великие цивилизации». Оно сопровождалось богатым иллюстративным материалом с комментариями. Этот труд встретил интерес у массового читателя, оценившего оригинальную формулу серии, предложенной Раймоном Блоком и заключавшейся в неременном сопровождении текста иллюстрациями. Во всяком случае, презентуя книгу своим будущим читателям, я настаивал в 1963 году на том, что, с моей точки зрения, было основным элементом, а именно на тексте, «который единственный придает смысл картинкам». Поэтому эта презентация завершилась старой просьбой, которую ученики класса риторики прошлого века адресовали мэтру в завершении своих диссертаций: *Lege, quaeso!* («Потрудитесь прочитать мой труд, прошу вас!»).

Этот примат текста заставил рассмотреть вопрос о настоящем переиздании, которое в более скромной форме предлагает более широкому кругу читателей основную часть произведения. Я ни в коем случае не пытаюсь лишить изобразительные источники их свидетельской и показательной ценности: напротив, я более чем убежден, что невозможно в полной мере изучить цивилизацию, не обращаясь к археологии или тому, что ее заменяет. Тем не менее конечной целью исторической науки является интерпретация совокупности источников — литературных, эпиграфических, монументальных или изобразительных, и именно

она помогает ученому разобраться с отдельными проблемами и документами. Исходя из этих позиций, мы бы хотели, чтобы материал, представленный двадцать лет назад, был теперь по-новому подан публике, без сопровождения иллюстраций. Поскольку, как мне представляется, последующие открытия не изменили в корне этих весьма старых выводов.

Основные пункты изложения, на мой взгляд, сохранили свою ценность. Существенное развитие исследований о микенской эпохе не изменило представления о греческом характере этого первого этапа греческой цивилизации, что я подчеркивал прежде всего. Что же касается следовавших за этим «темных» веков, недавние работы обнаруживают преемственность, о которой свидетельствуют источники с конца микенской эпохи вплоть до «геометрической», или гомеровской, цивилизации. Филологи все больше склоняются к мнению, что Гомер не мог задумать и сочинить свои большие эпосы без помощи алфавитного письма, появление которого в конце VIII века отныне достоверно установлено. История архаического и классического времени в общих чертах не изменилась, даже при том, что беспрестанная работа специалистов приводит относительно тех или иных деталей к новым интерпретациям. Определяющая роль войны в развитии греческого общества в настоящее время факт, хорошо известный, что я и утверждал в свое время. В отношении греческой религии указанной эпохи, как я и отмечал, приоритетным становится рассмотрение культовых практик, ритуалов и местных мифов, а не претенциозное обобщение, концентрирующееся на крупных божествах, которое искажает многообразную реальность, невосприимчивую к чрезмерным упрощениям. По мере достижений эпиграфистов социально-политическая система греческого полиса постепенно предстает перед нами в своей великолепной сложности. Теперь уже никто не считает, что греческая цивилизация сводится к одному лишь вкладу Афин, сколь бы заслуженным ни был авторитет этого полиса. Социальная роль искусства и литературы, место писателя и мастера в полисе, который они, как могли, украшали, привлекает внимание филологов и историков искусства, осознающих прямую связь между техническим развитием и требованиями общества. Эти взгляды, которые я попытался четко изложить в своем труде, остаются актуальными до сегодняшнего

дня. Я со всей ответственностью мог делать на него ссылки, продолжая свое исследование в другой книге — «Эллинистическая цивилизация».

Поэтому настоящее издание безо всяких изменений, кроме нескольких минимальных корректировок формы, полностью дублирует текст, изданный двадцать лет назад. Справочный индекс был существенно сокращен. Библиография была исправлена с учетом последних трудов. Желаю лишь, чтобы в этой новой форме труд снова вызвал любопытство и размышление широкого круга читателей, желающих лучше понять цивилизацию, чье наследие до сих пор является основой нашего достояния.

Ф. Ш.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир много чем обязан греческому народу. Принципы нашей морали, духовные ценности, категории мышления, которыми мы сейчас оперируем — все это их наследие. Само христианское учение, вдохновившее всю западную цивилизацию, стало известно благодаря греческой философии, которая выработала и систематизировала его основы. Она явила миру универсальный характер христианства и ускорила процесс его распространения: не нужно забывать, что греческий язык был языком первоначальной церкви. Рим здесь, как и в других сферах, играл поначалу лишь второстепенную роль, прежде чем принять великое наследие и явиться хозяином и наставником Запада. В общем наследии, которое в течение пятнадцати веков питало наших мыслителей и художников, бесспорно первостепенное место принадлежит греческой культуре.

Вероятно, мы поэтому и не теряем интереса к изучению этой цивилизации, что так многим ей обязаны. Радует то, что обилие и разнообразие источниковой базы по истории Древней Греции позволяет с каждым годом узнавать новые факты. Греческий язык представлен литературными текстами без каких бы то ни было перерывов начиная с VIII века до н. э. и вплоть до наших дней. Недавно расшифрованные микенские таблички, которые, по правде говоря, носят исключительно административный характер, позволяют возвести его по крайней мере к XV веку до н.э. Больше ни один язык мира не может предложить столь же богатое литературное наследие и похвастаться столь же длительным перио-

дом существования — три с лишним тысячелетия. Помимо богатого письменного наследия, мы располагаем ценнейшими археологическими материалами, которые в совокупности предоставляют нам многочисленные сведения по истории Греции. Древнегреческие памятники несут в себе не только познавательную ценность, передавая нам информацию о предыдущих эпохах, но также имеют огромное эстетическое значение для современного человека. Наконец, немаловажным является то, что страна, где жили древние греки и где они выработали свое представление о мире и свою этику, находится так близко от нас. Мы можем легко посетить ее, познакомиться с самобытностью ее жителей, с их традициями, бережно хранимыми даже в нынешний век единобразия и глобализации; насладиться пейзажами, которыми любовались Гомер, Софокл и Платон...

Используя все эти возможности, мы можем глубоко изучить корни европейской ментальности. Новички в этой области могут усомниться в обоснованности выводов, сделанных учеными и в возможности изучить столь огромный объем материала, тем самым дискредитируя завязтого эллиниста, констатируя ненадежность выводов и недостаточность сил задачи такого масштаба. Анализ цивилизации, которая оказала на нас такое сильное влияние и благодаря которой мы стали такими, какие мы есть, таит в себе опасность множества ложных путей. Однако желание изучить свое прошлое стало для автора путеводной звездой в написании этой книги.

Автор не стремится подытожить труды всех эллинистов, археологов, филологов и историков, занимавшихся изучением Древней Греции. Целой жизни не хватит для написания такой работы, а, если кто и возьмется за это, его произведение, вероятно, будет страдать пробелами и однобокостью. Автор предлагает читателю нечто вроде размышлений о различных аспектах древнегреческой культуры периода архаической и классической Греции, представленных человеком, посвятившим их изучению двадцать пять лет своей жизни. Предмет данных размышлений, их размах и направленность во многом зависят от сюжетов, которыми автору приходилось заниматься на протяжении всей его жизни. Поэтому некоторые темы могут удивить глубиной исследования и осмысления, в то время как другие остаются практически не

освещенными. Признаюсь в этом сразу, ибо любая человеческая цель несовершенна. По крайней мере, эту книгу, мой друг-читатель, можно назвать «честной».

* * *

Мы не будем утверждать вслед за Ипполитом Тэнном, что все или почти все в истории объясняется географическими условиями и климатом. Нас интересуют прежде всего люди, которые творили историю и которые могли извлечь выгоду из географических условий силой своего упорства и изобретательности. Но все же нельзя не согласиться, что окружающая среда оказала немалое воздействие на формирование ментальности народа. Всякий, кто посетит Грецию, может отметить, что ее природные условия не самые благоприятные. Для современных людей, обладающих разнообразными орудиями труда и изобретениями цивилизации, способными совладать с требовательностью почвы и капризами климата, эгейский мир очень привлекателен, а каково было человеку в то время, когда зависимость от природы была намного сильнее, чем сейчас? Рассмотрим наиболее характерные черты этой особой территории.

Собственно Греция занимает южное побережье Балканского полуострова. Размеры ее весьма скромны: не более 400 км от Олимпа, который находится на северной границе Фессалийской равнины, до мыса Тенар (или Матапан), самой южной точки Пелопоннеса. Эта маленькая страна очень сильно раздроблена из-за гористой местности и изрезанной береговой линии. Очевидцы утверждают, что «вживую» она кажется намного более обширной, чем представлена на карте, на которой в ее размеры сложно поверить. Разнообразие пейзажей, где почти всегда присутствуют горные массивы, соседствующие с водными пространствами, усиливает ощущение величия, вдохновляет зрителя.

Материковая Греция, которая за Коринфским заливом переходит в полуостров Пелопоннес (или Морею), практически вся покрыта горами — если и не очень высокими (ни одна вершина не достигает 3000 м), то весьма крутыми. Две сколько-нибудь значительные равнины — Беотийская, на просторах которой находилось важное в древности Копайдское озеро, и, чуть севернее,

Фессалийская, единственная, на горизонте которой нет горных хребтов. В остальном это гористая и холмистая местность, лишенная других относительно крупных равнин или прибрежных террас. Изрезанный берег облегчает доступ к морю: из любой точки Греции дорога до берега будет не длиннее 90 км.

Островная Греция является неотъемлемой частью и продолжением Греции континентальной. Она включает в себя Ионические острова, несколько изолированные на просторах центрального Средиземноморья, и острова Эгейского моря. Последнее, на севере омывающее Македонию и Фракию, а на юге ограниченное вытянутым и возвышенным островом Крит с его горой Идой (2500 м), буквально усыпано островами. Моряк здесь вряд ли потеряет землю из виду. От Эвбеи до Родоса Киклады и Южные Спорады (или Додеканес) образуют длинную цепь островов между Грецией и Малой Азией, протяженную вереницу участков суши, выступающих из воды. Именно благодаря этим островам, которые служили убежищем и пристанищем для моряков, Эгейское море быстро стало доменом греков.

Почвы на этих островах скалистые, обезвоженные и мало пригодные для земледелия. Разве только Киклады, Андрос, Тинос, Наксос, Парос и Мелос имеют более благоприятные условия. Вулканический остров Санторин (в древности Фера), богатый различными породами (в частности, пемзой), не получил развития из-за естественных портов. Больше повезло островам азиатского побережья — Лесбосу, Хиосу, Самосу, отделенным от континента небольшими проливами. Их жители имели многочисленные контакты с населением прибрежной Анатолии. Родос на юге занимает особое место, несколько в стороне. Северные острова Самофракия и Фасос вкуче с трехпалым полуостровом Халкидика составляют «передовую линию» Фракии и Македонии. Между ними и Кикладами — Лемнос, Скирос и архипелаг Спорады образуют северную цепь островов Эгейского моря.

Разумеется, разные области этой страны обладают своими уникальными чертами: вершины Пинда покрыты альпийскими лугами, Делос или Кифера — это голые скалы; цветущие деревни Элиды всегда зелены в отличие от выжженных солнцем просторов Фессалийской равнины. Но всех их объединяет средиземноморский климат, различия становятся лишь особенностью

отдельных «интерьеров». Уже в Античности этот климат признавался особенно благоприятным для жизни человека. Геродот писал: «Эллада же зато имеет самый умеренный [благодатный] климат»¹ (III, 106). Море, горы и этезии (ветра, которые на Кикладских островах называются *мельтем*²) немного смягчают невыносимую жару продолжительного лета. Зима, в целом теплая, — это, как правило, сезон дождей, однако бывают и ясные солнечные дни. Также случаются заморозки, иногда выпадает снег, даже в Аттике, но эти явления кратковременны и нечасты, так же как и грозы. В целом климат здесь здоровый, благоприятный для жизни человека. Чистота воздуха просто поражает: еще Еврипид воспевал воздух Аттики: «...там нега в воздухе разлита»³ (*Медея*, 830). Крупных рек здесь не много: можно назвать лишь Ахелоос и Арактос в Акарнании и Эпире, Пиньос в Фессалии, Алфей в Аркадии и Элиде, однако источников воды предостаточно, кроме Кикладских островов, где обычно воду собирали в цистерны. •

Местные почвы пригодны для выращивания разнообразных культур: злаков (ячмень и пшеница), винограда, оливы, смоковницы. Пастбища для скота имелись только в горах и на Фессалийской равнине, там было распространено разведение лошадей. В лесах без труда можно было пасти овец, коз и свиней. Зайцы и кролики, дикие птицы, кабаны, олени и лани водились в лесах. Имелись и хищники: медведи, волки и даже львы, на которых охотились в классическую эпоху в северных горах. Озера также предлагали неисчерпаемые ресурсы для рыбной ловли: угрей из Копайдского озера экспортировали в Афины. Ловили и морскую рыбу — от мелких анчоусов и сардин до крупных тунцов. Достаточно рано греки начали практиковать разведение пчел. Почвы и недра предоставляли богатые ресурсы: великолепный строительный камень, например тесаный камень (или *порос*) Сикиона, серо-голубой известняк Парнаса, мрамор Кикладских островов, Фасо-

1 Перевод Г. А. Стратановского. (Здесь и далее примечания переводчика и редактора.)

2 Мельтем (тур. Meltem — регулярно возвращающийся) — регулярный, внезапно начинающийся северо-восточный ветер в Босфорском проливе, в Черном и Эгейском морях.

3 Перевод И. Анненского.

са и Аттики; глину высокого качества, позволявшую использовать в строительстве необожженный кирпич и развивать искусство керамики, достигшее особого совершенства в Аттике; а также полезные и драгоценные металлы. В Эвбее были месторождения меди, на Фасосе, Сифносе (Киклады) и холмах Лаврия — серебра; золото находили на Фасосе и во Фракии. Что касается железной руды, здесь она не отличалась высоким качеством, но была широко распространена. Обсидиан, редкий черный камень, острый и твердый как стекло, очень ценившийся в эпоху неолита, находили в большом количестве на острове Мелос.

Как видим, Греция предоставляла весьма благоприятные условия для жизни, нужны были только люди, способные воспользоваться этими условиями и извлечь из них пользу. Кроме того, не стоит забывать и об отрицательных сторонах природных условий. Угроза землетрясений была вполне реальной: Коринф, Санторин, Кефалления, страдают от них до сих пор. Пахотные почвы были хорошего качества, но они составляли не более 18 % от всей территории, и земледелец должен был постоянно бороться с эрозией и орошать земли при засухе. Раздробленность территории — следствие гористой местности — изначально благоприятствовала образованию небольших политических сообществ, не позволяя при этом создать крупное государство. И хотя море, выход к которому был доступен почти из любой точки страны, облегчало внешнее сообщение, международная торговля могла возникнуть только благодаря труду и изобретательности: экспортировать Греция могла продукты сложных технологий, вино, масло, благовония, керамику, металлические изделия, а нуждалась во многих продуктах первой необходимости, в частности в хлебе. Недостаток собственного зернового производства постоянно грозил стране голодом: к тому же по мере увеличения населения вставала проблема нехватки земель, эта *стенохория* стала одной из основных причин, приведших впоследствии к греческой колонизации. Таким образом, стремление выжить требовало от греков активности, сообразительности и даже подвигало их к территориальной экспансии. Положение не совсем комфортное, но весьма интересное, и история показывает нам, с каким умением они его использовали.

Глава первая МИКЕНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Двадцатый век стал серьезной вехой в истории изучения Древней Греции: в 1953 году англичане М. Вентрис и Дж. Чедвик смогли расшифровать доселе таинственное линейное письмо Б. Дальнейшие исследования подтвердили их предположение, что это письмо передает греческий язык. Это открытие имело грандиозное значение: теперь не только стали понятны загадочные микенские письмена, но и прояснилось происхождение греческой цивилизации. Благодаря преданиям, собранным в поэмах Гомера, историкам и мифографам, нам хорошо известно, что индоевропейские народы, предшествовавшие и бывшие в близком родстве с древними греками, проникли на Балканский полуостров во 2-м тысячелетии до н. э. Гомер называл их ахейцами, и о них есть свидетельства в египетских и хеттских источниках. Им принадлежит решающая роль в становлении и развитии микенской цивилизации, существовавшей на территории Греции и островах Средиземноморья. Многие исследователи склонны сравнивать ее с критской цивилизацией, открытой в начале века Артуром Эвансом в руинах Кносского дворца, и уверены, что между расцветом микенской культуры в XIV—XIII веках до н. э. и началом эпохи архаической Греции в VIII веке до н. э. — огромная дистанция. Малоизученный период, который также называют древнегреческим средневековьем, таящий в себе глубокие потрясения и перемены, разделил два мира — догреческий мир 2-го тысячелетия, исчезнувший в XII веке с вторжением дорийских племен, и собственно греческий мир, начавшийся с Гоме-

ром. В 30-е годы археологи, изучая сосуды, найденные в некрополях Аттики, смогли установить некоторую преемственность между микенским и так называемым геометрическим стилями. Для описания искусства XII—VIII веков до н. э. были предложены термины субмикенский и протогеометрический и постепенно определена хронология керамики. Однако однозначных выводов относительно того, была ли микенская цивилизация протогреческой, сделано не было.

После расшифровки линейного письма Б Вентрис и Чедвик пришли к выводу, что микенцы все-таки были греками или по крайней мере говорили на греческом языке, что для нас является определяющим, поскольку принадлежность к греческой культуре в первую очередь определяется языком. Таким образом, мы должны признать, что греческая цивилизация возникает не в VIII веке до н. э., а с появлением первых более или менее дешифруемых текстов — во 2-м тысячелетии до н. э., в конце XV века или даже раньше. Микенский период можно с полным основанием считать отдельной главой греческой истории. Мы можем также утверждать, что греческий язык известен нам по текстам начиная с XV века до н. э. и по сей день, то есть почти 3500 лет, что является феноменальным и вызывает огромный интерес со стороны лингвистов. С другой стороны, эпоха архаической Греции предстает перед нами не как начало, а как продолжение или возрождение более ранней культуры, поэтому мы акцентируем свое внимание не на разрыве, а на преемственности между двумя цивилизациями. Микенская культура переходит из догреческой эпохи в историю, и герои ее эпоей становятся для нас реальными историческими персонажами.

* * *

Что же представляет собой линейное письмо Б, расшифровка которого имела такое важное значение? Во время раскопок Кносса в 1900—1904 годах сэр Артур Эванс обнаружил глиняные таблички с явно не алфавитными письменами.

Исследователи сразу смогли различить в этих надписях две системы письма, достаточно близкие друг другу, но тем не менее имеющие определенные различия, и назвали их линейным

письмом А и Б. В кносском дворце было найдено около 3000 таких табличек. В 1939 году американский исследователь Карл Блеген, занимавшийся изучением раскопок на месте дворца в Пилосе, обнаружил комплект из 600 табличек, исписанных линейным письмом Б. После Второй мировой войны раскопки были продолжены, и в настоящее время таких табличек найдено более тысячи. В 1950-е годы английский археолог А. Вэйс со своей командой организовал раскопки Микен и обнаружил около пятидесяти новых табличек. И с каждым годом в научный оборот вводятся все новые материалы.

С самого начала ученые прилагали огромные усилия для расшифровки этих надписей. Документы подвергались тщательному сопоставлению и разбору, однако перевести их было невозможно, так как не имелось ни одного двуязычного документа вроде Розеттского камня, которым располагал Шампольон. Исследователи могли лишь строить догадки, пока молодой английский архитектор Майкл Вентрис, предположивший, что язык линейного письма Б имеет греческое происхождение, и его соотечественник Джон Чедвик не установили определенной закономерности и не вывели принципы транскрипции. В статье, появившейся в «Журнале эллиноведения» в 1953 году, они опубликовали первые результаты своей работы: из девяноста знаков линейного письма Б они смогли интерпретировать шестьдесят пять. Результаты были ошеломляющими. Исследования продолжались, несмотря на внезапную гибель Вентриса в 1956 году, и со временем его предположения только подтвердились.

Линейное письмо Б — это графическая система знаков, обозначающих различные слоги. Наряду со слоговыми знаками линейное письмо Б содержит понятийные идеограммы, которые обозначают различные слова («мужчина», «женщина», «зерно», «чаша», «бронза» и др.), а также цифровые и метрические обозначения. Знаки чертились с помощью стилета на глиняных табличках, имеющих форму прямоугольной пластины размером с тетрадный лист, строчки читались слева направо и были разделены тонкими горизонтальными чертами. На одной такой узкой табличке продолговатой формы могло уместиться не более двух строчек. Знаки письма представляют собой простые фигуры, начертанные несколькими штрихами. Однако идеограммы иногда

достаточно четко и ясно прорисовывают некоторые образы. Цифры соответствовали десятичной системе счисления, для дробей были отдельные знаки.

Совершенно очевидно, что система транскрипции, которую греки заимствовали у критян, не разрабатывалась изначально для греческого языка. Действительно, установлено, что значение различных слоговых значков должно было определенным образом измениться, чтобы это письмо могло передавать греческий диалект, даже на самом архаичном уровне. Например, греческие дифтонги в критском письме не отражаются, нет существенных различий между долгими и короткими гласными, между глухими, звонкими и придыхательными согласными, между *l* и *r*. Например, один и тот же знак может означать *pe* и *phe*; или читаться *lo* либо *ro*. Также опускались согласные в конце слога и слова. Например, греческое слово *elephantei*, означающее «из слоновой кости» (дательный падеж) в линейном письме Б выглядит так: *e-re-pa-te*, а *doulos*, «раб» (именительный падеж), пишется *do-e-ro*.

В целом очевидно, с какого рода трудностями приходится сталкиваться при чтении подобных текстов. Однако принцип дешифровки Вентриса остается неоспоримым; именитые лингвисты теперь работают над разработкой правил «микенской филологии» на основе этих текстов. Это необходимо для полного понимания сохранившихся текстов. Однако уже сейчас они дают нам достаточно информации.

В микенских табличках мы не найдем ни литературных текстов, ни договоров, ни переписки между государями. Все наши источники — это части архивов Кносского, Пилосского и Микенского дворцов. В основном это хозяйственные документы: описи имущества, запасов, скота; списки служащих, рабочих или воинов; сведения о налогообложении и жертвоприношениях. Очевидно, эти документы не создавались для длительного пользования, они предназначались лишь для ведения дворцовой отчетности. И именно благодаря этому мы можем изучить повседневную жизнь первого греческого народа. Мы не только узнаем, на каком языке они говорили, мы можем реконструировать их социальную структуру по этим источникам. Правитель контролировал хозяйственную деятельность и управлял своими владениями с помощью чиновников, которые постоянно вели реестры.

Налоги в натуральной форме пополняли государственные запасы зерна, масла, вина, меда, благовоний, пряностей, мяты, укропа, кунжута, кориандра, тмина.

Были подсчитаны все стада, принадлежащие дворцу. Ремесленники, свободные жители и рабы работали на правителя: кузнецам доставляли слитки бронзы для дальнейшей обработки, гончары изготавливали разнообразные сосуды, столяры и каретники делали мебель, колесницы. Другие тексты свидетельствуют о передвижении войск и морских операциях. Третьи рассказывают о многочисленных жертвоприношениях богествам.

* * *

Таким образом, мы знакомимся с ранней греческой цивилизацией не через политические события, а сквозь призму социальной организации и религии. В период, освещенный в микенских табличках, эта цивилизация насчитывала уже несколько веков своего существования в бассейне Эгейского моря. Со 2-го тысячелетия до н. э. греки расселяются по территории Греции, начиная с севера — Македонии и Фессалийской равнины, куда они пришли немногим раньше. Там они смешиваются с местным населением, материальная культура которого нам известна с эпохи неолита (примерно середина 3-го тысячелетия) и до *ранней бронзы* (середина 3-го — начало 2-го тысячелетия до н. э.). Местное население заимствовало их язык индоевропейского происхождения, впоследствии он стал микенским греческим языком. Цивилизация *средней бронзы* (начало — середина 2-го тысячелетия до н. э.) стала результатом синтеза местной культуры и культуры пришлых племен: распространяется новый тип жилища — *мегарон*; гончарный круг, наряду с традиционной «матово-расписанной» керамикой развивается так называемая «минийская» керамика, напоминающая своей поверхностью металлические изделия.

С начала эпохи *поздней бронзы* (середина — конец 2-го тысячелетия до н. э.) население материковой Греции, которое раньше поддерживало контакты лишь с северо-востоком Эгейского моря и Кикладскими островами, начинает налаживать отношения с минойским Критом. Эти контакты имеют решающее значение.

Воинственные греки вступают в связь с более древней, развитой и утонченной цивилизацией. Крит в то время был централизованным государством со столицей в Кноссе с населением более 50 тысяч человек; управлял им богатый и могущественный монарх, окруженный аристократией, привыкшей к красивой жизни при дворе, к украшенным фресками дворцам, к уютным виллам, к праздникам и игрищам. Благодаря развитому флоту, торговля на Крите процветала, большим спросом пользовались оригинальные и изысканные предметы искусства. Очень скоро греки испытали на себе влияние южных соседей. Они стремились поближе познакомиться с этой богатой страной: они пристрастились к мореплаванию и вскоре достигли мастерства в этом деле. По свидетельству ряда археологических источников (которые, кстати, недавно были поставлены под сомнение) около 1450 года греки разрушили минойское государство и заняли его место. Именно в этот период — с середины XV до середины XII века — могущество микенских греков в Эгейском бассейне достигает своего пика и распространяется на другие территории — от Сирии и Египта до южной Италии и Сицилии. Этому благоприятствовали и международные отношения: между хеттской и египетской империями установилось некоторое равновесие, и города Палестины и Сирии, которые были объектом препирательств, потеряли былую экономическую свободу. Греки стремились развивать торговлю в этих регионах — на Кипре, где они обосновались с этого времени, на сирийской территории в Угарите (городище Рас-Шамра). Война с Троей, которая действительно имела место, о чем свидетельствуют раскопки, в конце XIII — начале XII века, была одним из последних проявлений этой экспансии, которая стала причиной глубокого и продолжительного упадка в XII веке.

* * *

Таким образом, именно в этот период, с XV до конца XIII века до н. э., мы имеем дело с ранней греческой цивилизацией. Нам она известна как *микенская* — по названию города Микены, изученного немецким археологом Генрихом Шлиманом в 1876 году. Им двигало желание найти могилу Агамемнона, однако судьба

распорядилась так, что вместо этого ему довелось открыть ни много ни мало греческую цивилизацию 2-го тысячелетия до н. э., погребенную в стенах древних Микен. Поистине сказочные богатства были обнаружены в королевском некрополе, украшенном стелами и скульптурами. В шахтовых могилах было найдено оружие, а также роскошные драгоценности: диадемы, ожерелья, перстни, браслеты, панцири из листового золота, пояса и портупей из золота, золотые маски, скрывавшие лица погребенных, чаши и вазы из драгоценных металлов, мечи и кинжалы в ножнах, украшенных золотыми бутонами. Все эти потрясающие находки хранятся в большом Микенском зале Афинского национального музея и демонстрируют роскошь и великолепие, в котором жила династия правителей Арголиты в XVI веке до н. э. Такая датировка некрополя устанавливается по археологическому материалу, изученному специалистами (керамика, изделия из кости и металла).

К числу наиболее интересных памятников Античности относятся так называемые *толосы*, или купольные гробницы, — усыпальницы царей более поздних династий. Они представляют собой круглые сооружения, слегка углубленные в землю, с коническим куполом, сложенным из великолепно отесанных каменных плит. Чтобы попасть в эту гробницу, нужно пройти через коридор под открытым небом — *дромос*, который упирается в огромную, богато украшенную дверь. Среди наиболее интересных усыпальниц такого типа, построенных во второй половине XIV века, — так называемая «сокровищница Атрея», которая находится на склоне холма перед микенским акрополем. Свод гробницы прекрасно сохранился, однако внутреннее убранство было утеряно. Поражают небывалые размеры гробницы (более 13 метров в высоту и 14,5 метров в диаметре), огромные плиты (в частности, одна из балок притолоки весит более 100 тонн) и, наконец, прочность всех механизмов.

Восхищает также грандиозность конструкции крепостных стен вокруг акрополя, также выполненных из огромных блоков. Знаменитые «Львиные ворота», защищенные бастиянами по бокам, относятся к памятникам архитектуры середины XIV века до н. э. Многие века они подвергались разрушительному воздействию подземных колебаний и деятельности человека. Над

воротами мы видим треугольную каменную плиту со знаменитым барельефом, который изображает двух львиц, опирающихся на пьедестал колонны, — известный геральдический мотив. Эта тема заимствована из критской традиции, однако на Крите мы не найдем подобных образцов монументальной архитектуры. Поэтому данную технику следует считать изобретением континентальных греков.

Микены расположены в пустынной предгорной местности, воскрешающей в памяти современников мрачные трагедии, созданные греками классической эпохи и связанные с родом Атридов. В пятнадцати километрах к югу и в двух километрах от моря на Арголитской равнине возвышается небольшой холм, на котором находятся руины другого гигантского дворца — Тиринфского. Его массивная крепостная стена и каменные блоки (некоторые из них достигают трех метров в длину) еще больше потрясают воображение. В Тиринфе, как в Микенах, дворец защищен крепостью, но сохранился он лучше. Здесь мы впервые сталкиваемся с новой архитектурной формой, ставшей впоследствии очень популярной в Греции, — это так называемые *пропилеи* — парадные проезды или проходы, обрамленные колоннадами. Они имеются в двух залах дворца. В глубине второго зала, с трех сторон окруженного колоннами, располагается еще одна колоннада, пошире, открывающая вход в вестибюль. Большой прямоугольный зал, или *мегарон* (около 12 метров в длину и 10 метров в ширину), с очагом в центре, вокруг которого располагались колонны, поддерживающие навес, являлся центральным помещением: здесь находился трон, проводились празднества и собрания. В дальнейшем этот тип зданий будет использоваться при строительстве храмов: жилище царей превратится в жилище богов.

Из всех исследованных дворцов микенской эпохи лучше сохранился, пожалуй, Пилосский дворец, располагавшийся недалеко от бухты Наварин. Раскопки на этой площадке проводила американская команда археологов в 1952 году. Считается, что дворец этот принадлежал династии мудреца Нестора, о котором Гомер писал в «Илиаде». Основная часть дворца имеет форму прямоугольника со сторонами 55 и 30 метров, в центре которого располагается *мегарон* с четырьмя колоннами и очагом посередине. К мегарону ведут вестибюль и портик, выходящий во внутренний

* * *

двор. Вокруг этой анфилады расположены многочисленные залы: спальни, ванные комнаты, кабинеты, различные склады, где хранились большие сосуды со съестными запасами, поставленные на скамьи. В комнате, расположенной слева от главного входа, был найден архив табличек, исписанных линейным письмом Б. Эти таблички, сделанные из мягкой глины, сохранились лишь благодаря пожару, погубившему дворец. Чудом сохранился этот уникальный архив.

Как и дворцы в Тиринфе и Микенах, Пилосский дворец славится утонченным внутренним декором: полы покрыты гипсовыми плитами, стены украшены фресками, которые благодаря долгой и упорной работе реставраторов были почти полностью восстановлены. По обеим сторонам царского трона расположены скульптуры грифонов — чудищ с птичьими головами и львиными телами. Вдалеке мы видим человека, играющего на лире: он сидит на скале, а перед ним взлетает большая белая птица. В других залах изображены сцены охоты. В Микенах *мегарон* расписан фресками на военные темы.

Несомненно, в технологии строительства, по которой нижняя часть стен была сложена из камней, а верхняя — из необожженного кирпича, в особенностях планировки, в частности в концентрации многочисленных комнат вокруг центрального двора, а также в основных мотивах декора, чувствуется сильное критское влияние: минойские дворцы в Кноссе, Маллии, Фесте, по сути, были прообразом микенских дворцов. Однако несмотря на очевидное сходство, последние обладают более выраженным собственным стилем. Кроме того, минойская архитектура еще не знала *мегарона* — большого центрального зала с вестибюлем и портиком. Микенские греки не только включили *мегарон* в сложную структуру критского дворца, но и придали большое значение симметрии, что было совершенно не свойственно островной архитектуре. Точно так же микенские греки заимствовали у критян технологию изготовления фресок, но ввели новые сюжеты, например военные, тематика которых была далека от беззаботной, лишенной внешних угроз жизни Крита. Таким образом, мы видим, что первые греки оставили свой собственный отпечаток на всем, что было ими унаследовано — и в царских дворцах, и в крепостях, и в захоронениях.

Много информации о развитии и распространении микенской культуры дает нам анализ керамических изделий. Долгое время считалось, что в эпоху поздней бронзы критская керамика переживала упадок, и в это время была заимствована ремесленниками материковой Греции. Однако сегодня считается, что микенская керамика заслуживает отдельного изучения. Исследователи проанализировали все имеющиеся формы сосудов и орнаментов и на основе полученных данных смогли разработать весьма точную классификацию согласно хронологическому принципу. Среди многочисленных центров по изготовлению керамики отметим АргOLIDУ, Родос, Кипр, Аттику. Мягкость местной глины и мастерство ремесленников придавали этой продукции особое качество.

Микенская керамика представлена сосудами разнообразной формы: кувшины с тремя ручками, сосуды с ложными отверстиями, кувшины для вина с удлиненными носиками и с ребристыми ручками, напоминающие изделия из металла; сосуды для смешивания вина с водой, или *кратеры*, с большим туловом, широким горлом на красиво изогнутой ножке; чаши с двумя ручками на удлиненной ножке; многочисленные вазочки, а также уменьшенные модели различных сосудов. Роспись выполнялась черной или красной краской по глине (разные цвета достигались с помощью различных температур). Часто эта роспись представляла собой горизонтальные линии разной толщины, подчеркивающие форму сосуда. Также встречались чешуйчатые и сетчатые орнаменты, концентрические круги. Большие сосуды были украшены стилизованными орнаментами, заимствованными у критян. Иногда критское происхождение угадывается лишь в сравнительном анализе: например, три изящных завитка на тулове сосуда — это изначально изображение наутилуса, поднимающего вверх три щупальца, символизирующие парус. Об этом писал Плиний Старший, а Каллимах в одной из своих эпитаграмм говорит: «...Когда-то я плыл по морским волнам, поднимая свои паруса при дуновении теплого ветра...». Микенский художник с помощью простой графической схемы передал удивительный образ.

Также были заимствованы и стилизованы другие декоративные мотивы: изображения осьминогов, моллюсков; растительные орнаменты. Микенские греки начинают изображать птиц и животных на больших вазах, чего ранее на Крите не делали. Также на керамике появляется фигура человека, которая ранее украшала лишь фрески. Очень удобно делать большие рисунки на кратерах, обладающих толстым туловом. Например, это сцена, где птица клюет быка в шею или где двуконной колесницей управляют два человека. Эти новые рисунки дают нам немало информации, как, например, знаменитая ваза с микенскими воинами или кратер из Энгони (Кипр) на котором, по мнению некоторых специалистов, изображена мифическая сцена, описанная в «Илиаде».

Другими ценными источниками для изучения микенской цивилизации являются изделия из слоновой кости. В микенских табличках неоднократно упоминаются комнаты, обставленные мебелью, украшенной такими изделиями с антропоморфными или зооморфными орнаментами. При раскопках были найдены костяные пластины, которые могли быть их частью. Статуэтки воинов и животных, найденные в Делосе, очень характерны для XIII века. Многообразие шкатулок и коробочек из кости говорит о популярности восточной техники, которую микенские мастера прекрасно освоили. Также они делали статуэтки из слоновой кости, например, известна найденная в Микенах композиция из двух сидящих в обнимку девушек и молодого человека. Божества это или простые смертные? Мы не знаем, и эта неопределенность обнаруживает глубокую амбивалентность. Четкость и реалистичность этих изображений сродни той, что мы видим в «Львиных воротах» в Микенах или на расписных вазах. С самого своего рождения греческое искусство, даже заимствуя традиционных восточных чудовищ, таких как, например, грифоны, изображает их с поразительной точностью и в соответствии с человеческими знаниями.

* * *

Таблички линейного письма Б, захоронения, крепости и дворцы, керамика, изделия из слоновой кости, — вот те источники, которые могут дать нам представление о микенской цивили-

зации. Они рассказывают нам о воинственном народе, жившем независимыми царствами. Царь, которого Гомер назвал *анактом*, живет в своем богатом дворце и с помощью чиновников следит за общественной жизнью: он руководит поземельными отношениями, дает работу ремесленникам, следит за исполнением богослужений. Его войска прекрасно оснащены бронзовым оружием: копья и мечи, шлемы, украшенные бивнями кабана или разноцветными перьями, панцири из бронзовых пластин. Микенское общество еще не знало конницы, однако высокопоставленные военные передвигались на двуконных колесницах. Военный флот защищал торговые судна и периодически участвовал в успешных набегах на чужеземцев. Пиратство и торговля объединяли весь эгейский мир — от Трои до Крита, включая Киклады и Анатолию. Важные торговые пути проходят между Родосом, Кипром и Востоком, где создаются микенские колонии. Сирия, Палестина и Египет охотно покупают греческие товары. В обмен они поставляют ткани, золото, слоновую кость и пряности. Позднее устанавливаются торговые контакты с Сицилией, Липарскими островами, Искьей и особенно с Торентом, где греки с Родоса основали свои колонии чуть ли не в XV веке до н. э. Таким образом, к XIV—XIII векам до н. э. греки устанавливают контроль над Восточным Средиземноморьем и начинают подбираться к восточным портам.

Эти греки, предстающие перед нами отличными воинами и торговцами, обладали к тому же потрясающим вкусом к предметам искусства. Они заимствовали декоративные элементы и технические приемы у жителей Крита и придали им оригинальные черты — массивность и величие формы, уникальное сочетание реализма и абстракции. В результате — великолепные городские стены, гробницы, совершенные по форме сосуды, яркие барельефы, в которых художники, еще не вполне овладевшие мастерством передачи естественных форм, с гениальной наивностью изображают первичные природные силы. В лучших произведениях мы видим какое-то особое внутреннее напряжение, которое прослеживается также в шедеврах византийского искусства.

Первые греки почитали тех же богов, что и их потомки. В микенских табличках упоминаются многие божества, которым приносились дары, и, к нашему удивлению, добрая часть

классического Олимпийского пантеона уже во 2-м тысячелетии до н. э. была объектом культа. Лучшим доказательством греческого характера жителей Пилоса, Кносса, Микен можно считать имена Зевса, Геры, Посейдона, Афины, Гермеса, Артемиды и Ареса и даже Диониса, который, как предполагали, вошел в круг греческих богов позднее. Это именно греческий пантеон, и появляется он там, где позже будут построены храмы и святилища. Были найдены посвящения *всем богам*, где первостепенные божества (или те, кого мы таковыми считаем) объединяются с второстепенными, которых впоследствии вытеснили или затмили более важные фигуры. Например, так произошло с Эниалием, богом войны, который стал ассоциироваться с Аресом; образ Пеана, бога врачевания, слился с образом Аполлона; Илифия, богиня деторождения, дочь Зевса и Геры, была тесно связана со своей матерью, можно вспомнить также Ифимедию, возлюбленную Посейдона. Этим богам служили жрецы и жрицы, получавшие зачастую те же имена, которые им дадут греки классической эпохи, — например, *Держатель Ключей*.

Нет неоспоримых доказательств того, что эти божества, имевшие индивидуальные черты и имена, ставшие такими привычными для нас, появились в антропоморфном виде еще у микенцев. Однако это более чем вероятно. На знаменитом саркофаге начала XIV века из Аяя-Триады, где особенно заметно смешение минойского и микенского стилей, представлена сцена жертвоприношения антропоморфному божеству. Скульптурная композиция, изображающая двух женщин с ребенком, найденная в Микенах, возможно, не является религиозной. Но нельзя не узнать Аполлона, бога Алашии (древнегреческое название Кипра), в бронзовой статуэтке, изображающей мужчину в каске с длинными рогами, которая была найдена в Энгоми в дворцовом святилище. Она является прототипом поздней греческой скульптуры.

* * *

Почему же эта жизнеспособная цивилизация, этот предприимчивый народ и эта прочная социальная структура так быстро угасли в течение XII века? Многие объясняют падение микенского

общества и упадок греческой культуры (так называемое древнегреческое средневековье) вторжением дорийских племен. Дорийцы тоже были греками, находящимися, правда, на более низкой ступени развития. Они продвигались из северо-западной части полуострова, постепенно занимая центральную часть Греции, большую часть Пелопоннеса и южные острова Эгейского моря и Крит в том числе в течение XI—X веков до н. э. Поскольку это вторжение способствовало смене обычаев и распространению железа, очень велик соблазн связать завоевания воинственных дорийцев с падением микенской цивилизации.

Эта логика сегодня подвергается глубокому переосмыслению. Более детальный анализ микенских памятников не обнаруживает следов сильных разрушений. Четко прослеживаются этапы упадка, и очевидно, что цивилизация прекратила свое существование не в одночасье. Кроме того, появление железа и смена похоронного обряда (кремация вместо ингумации) произошли до дорийского вторжения. Таким образом, не они явились первопричиной упадка микенской цивилизации.

Есть и другое объяснение. В течение XIII—XII веков на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье происходят сложные миграции. О них рассказывают египетские документы, неоднократно упоминая многочисленные атаки со стороны «*народов моря*», — коалиции племен, в которую входили греческие контингенты. Эти нападения нарушили равновесие на Ближнем Востоке. Пало Хеттское царство, египтяне оставили свои владения в Азии. Однако благоприятные для торговли условия, сложившиеся в восточной части Средиземного моря, исчезли в связи с развитием пиратства. Микенские греки, занимавшиеся торговлей, очень сильно от этого пострадали. Вскоре они оказались отрезанными от восточных партнеров и были вынуждены обходиться внутренними ресурсами. Их оказалось недостаточно для удовлетворения нужд местного населения, привыкшего к роскоши и богатству. Микенские царства, поставленные в жесткие условия, начали воевать между собой. В результате ряда внутренних войн царства были сильно ослаблены, большинство из них прекратили свое существование. Отсюда упадок культуры, забвение прежних источников вдохновения и достижений (в том числе и линейного письма Б). Дорийцы, расселившиеся по территории

Греции, встретили уже умирающую цивилизацию. Их появление лишь ускорило этот процесс и инициировало иммиграцию в более плодородные местности, на анатолийский берег, где впоследствии эллинизм возродит свою мощь и блеск. Это продолжалось до IX века, пока не была возрождена торговля с Востоком и Греция не вернулась к жизни.

Глава вторая

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, или ГОМЕРОВСКИЙ ПЕРИОД

В IX веке, после долгого и мрачного периода потрясений, греческий мир возвращается к жизни в новом облике, резко отличном от микенского периода. Упадок ахейских государств и вторжение дорийцев стали причиной серьезных изменений в расселении народов в бассейне Эгейского моря. В то время как пришлые племена занимали материковую Грецию и Пелопоннес, их предшественники, стремясь избежать порабощения, уходили в поисках лучшей жизни. Нам плохо известны подробности этих многовековых миграций; часть сведений сохранилась в виде легенд, однако с исторической точки зрения это не самый достоверный источник. С уверенностью можно утверждать, что народы передвигались в восточном направлении, через Киклады и анатолийский берег, и окончательно закрепились в Малой Азии, где были основаны густонаселенные греческие колонии. Поскольку в наиболее крупных колониях говорили на ионийском диалекте, принято считать, что они были основаны в результате *ионийской миграции*. Вместе с *дорийским вторжением* это явление образует своего рода историческую цепочку взаимосвязанных событий. Сложность этих процессов не раз была показана в различных исторических трудах.

Пока еще рано рисовать во всех подробностях картину этих непростых миграций. Сохранившиеся легендарные традиции, а также археологические данные позволяют установить время прибытия греческих колонистов в те или иные пункты азиатского побережья. Исследования пока находятся на начальной стадии,

но, как показывают примеры Смирны и Фокеи, они являются достаточно многообещающими. На сегодняшний день принято считать, что первые греческие колонии появились еще в конце микенской эпохи — это были Милет и Кларос, куда греки пришли около XIV века до н. э. Возможно, к этому времени там уже жили критяне. Далее следовало еще несколько миграционных потоков, разных по этническим и количественным показателям, по мере того как коренное ахейское население Греции отступало под натиском дорийских племен. В одних случаях они занимали новые места, сгоняя коренных жителей, в других — присоединялись к существующим колониям. Дорийцы также продолжили продвижение, завоевывая южные острова, Крит, Родос и некоторые территории на малоазийском побережье. К IX веку эти миграции в целом прекратились. Появление в самом центре Анатолии новой могущественной державы — Лидийского царства — положило конец греческой экспансии. С этого времени расселение греков продолжается на северном побережье Эгейского моря, уже ставшего «греческим озером».

* * *

В древности греки различались между собой языковыми особенностями, поскольку каждая этническая группа обладала своим диалектом. Сегодня нет такого жесткого разделения, разве что в общественных учреждениях говорят на диалекте, близком большинству населения. К концу эллинского средневековья и, соответственно, миграций населения, эгейский мир предстает в следующем свете.

На *эолийском* диалекте говорят в северной части азиатского побережья, колонизованного греками — от Смирны до острова Лесбос включительно. Эолийские колонизаторы пришли из Фессалии и Беотии, где эолийский диалект после их ухода сильно изменился под влиянием северо-запада. Народы, говорящие на *ионийском* диалекте, поселились в Аттике, на Эвбее, Кикладах (кроме южных) и, главным образом, на азиатском берегу от Смирны до Галикарнаса, а также на островах Хиос и Самос. *Дорийские* племена принесли свой язык в завоеванные ими Мегариду, Коринф, Арголиду, Лаконию, Южные Киклады (в особен-

ности на острова Мелос и Фера), Крит, Родос и Додеканес и, наконец, на азиатский берег — в Галикарнас, Книд и на территории карийцев. В северо-западной части материковой Греции, на Пелопоннесе, в Ахайе, Элиде, говорят на так называемых *северо-западных диалектах*, очень близких дорийскому: эти диалекты оказали большое влияние на язык Фессалии и Беотии. И наконец, в двух других, достаточно отдаленных друг от друга территориях, в Аркадии и на Кипре, установился *аркадо-кипрский* диалект греческого языка, который, по-видимому, сохранил наибольшее сходство с древним микенским греческим языком.

Это разделение было продолжительным. Оно повлекло за собой серьезные последствия как в политической, так и в культурной сферах. Благодаря этому языковому родству, в греческом мире, раздираемом внутренними противоречиями, установилось некоторое единство или, по крайней мере, солидарность. Это просматривается в войнах V века, когда Афины и Спарта вовлекали в свои военные кампании ионийские и дорийские города. Это видно и на примере ионийских городов Азии, которые в X—IX веках объединились в союз. Действительно, общность религиозных традиций ионийцев и дорийцев, усиленная близостью языков, способствовала развитию чувства их изначального родства. У ионийцев общество было поделено на *четыре* филы, каждая из которых носила традиционное название. Общим для всех племен было празднование апатурий. Для дорийцев было характерно разделение общества на *три* филы и наличие общих культов, в частности культа Аполлона Карнейоса. Конечно, это не исключает существования глубоких различий и внутренней вражды между городами, и даже военных столкновений внутри одной группы. Таким образом, мы совершаем ошибку, придавая различиям между ионийцами и дорийцами исключительную важность в греческой истории. Эти различия слабо проявлялись в этническом плане вследствие глубокого смешения народностей. Однако это не мешало им играть серьезную психологическую роль в противостоянии между Спартой и Афинами, которые находили удобное оправдание своей враждебности в использовании разных диалектов.

Для самой греческой культуры разнообразие диалектов долгое время было основной характерной чертой. Греки глубоко

верили, что их внутреннее родство кроется в общности языков: греческий язык был тем, что отличало их от варваров и объединяло перед остальным миром. Разнообразие местных диалектов, безусловно, способствовало развитию партикуляризма. Но в то же время оно было источником языкового богатства, возможности которого умело использовали писатели и поэты и передавали посредством талантливых актеров. Достаточно поздно складываются литературные языки, которые вбирают в себя особенности и звучание различных диалектов и их сочетаний. Самый яркий и самый ранний пример — эпический язык, где сложным, но гармоничным образом сочетаются ионийские и эолийские элементы, подчиняясь требованиям изысканного стихосложения. Этот искусственный язык, используемый только в шестистопной эпической речи, который никогда не являлся *разговорным*, стал удивительно популярен, его употребление сохранилось до конца античного периода и даже до времен византийских эрудитов. С появлением новых литературных произведений диалекты, на которых они были написаны, становились каноническими для того или иного жанра. Были и смешанные произведения: хоровые песни в аттических трагедиях сочинялись не на аттическом диалекте, как остальная часть произведения, а на дорийском, который был проще прочих и лучше подходил для хоровой лирики. В комедиях Аристофана на диалектах говорили иностранцы, чем достигался потрясающий эффект.

Мы не должны забывать и о том, что древние греки сами дали названия *дорический* и *ионический* двум основным архитектурным ордерам. Действительно, можно наблюдать, что начиная с VI века, когда эти ордера окончательно оформились, в разных регионах греческого мира использовался тот или иной стиль: дорический — в материковой Греции, ионической — на территории Малой Азии, колонизованной греками. Однако различия никогда не были строгими, и скоро некоторые архитекторы начали смешивать эти два стиля для достижения особого эффекта в одних и тех же ансамблях, например афинском акрополе и в ряде подобных памятников, таких как пропилеи Мнесикла. Тут, как и в литературе, различные вкусы и традиции разных представителей греческого народа внесли свой вклад в обогащение культуры, ставшей их общим достоянием.

* * *

Девятый и восьмой века получили название *геометрической эпохи* из-за распространенной в этот период характерной керамики. Действительно, рисунки на вазах и фрагментах керамики представляют собой прямые линии и простые геометрические мотивы. Долгое время возникновение этого стиля связывали с дорийским вторжением: в нем пытались увидеть влияние племен, прибывших с севера. Сегодня эта интерпретация считается устаревшей: раскопки показали, что геометрический стиль не зависит от меняющейся этнической картины и восходит к микенской традиции. Следует особо отметить, что такая преемственность была обнаружена в Аттике, куда дорийские племена не дошли, но где геометрическая керамика достигла непревзойденного уровня. Подобную эволюцию мы можем наблюдать и в других областях. Для удобства в обозначении этапов археологи предложили термины *субмикенский* и *протогеометрический*, которые позволяют даже при отсутствии точных исторических сведений дать хотя бы относительную хронологию темных веков. Принято считать, что субмикенский период охватывает время с конца XII до примерно середины XI века (ок. 1100—1050), а протогеометрический начинается с середины XI века и завершается в начале IX века (ок. 1050—900). В рамках собственно геометрического периода археологи выделяют чистый, или *ранний*, *геометрический* стиль (приблизительно 900 г. — середина VIII века), развитый, или *зрелый*, *геометрический* стиль, подаривший нам великолепные шедевры геометрических мотивов, среди которых особое место занимает стилизованная фигура человека; и, наконец, преобладавший во второй половине VIII века *новый геометрический* стиль, в котором все более важное место занимают образные изображения, способствуя тем самым разложению собственно геометрического стиля.

Следует уточнить, что такая периодизация базируется на анализе аттической керамики, изученной лучше любой прочей. В других частях греческого мира наблюдается заметное отставание по отношению к Аттике: из-за сложностей в сообщении в период древнегреческого средневековья самые отдаленные районы оказывались почти отрезанными от окружающего мира. Но в целом ход развития был везде одинаков.

Не следует удивляться важной роли керамики в составлении хронологии этого периода. Политические события так называемых «темных веков» ускользают от нас, и археологические исследования, единственные способные пролить свет на тот период, базируются на материалах, наиболее часто находимых при раскопках, то есть на фрагментах керамики. Эти источники имеют тройное преимущество: во-первых, они повсюду распространены, поскольку являются предметами быта; во-вторых, их достаточно легко классифицировать по орнаменту, который постоянно развивается; и, наконец, как правило, они хорошо сохраняются, поскольку расписанные терракотовые вазы хотя и очень хрупки, но, по крайней мере, их фрагменты устойчивы к разрушительному воздействию времени. Поэтому, перефразируя поэта, можно сказать: *лишь черепки хранят вечность.*

Геометрическую керамику находят во многих частях греческого мира: в Коринфе, Аргосе, Беотии, на Кикладах, особенно на Тере, на Родосе, Кипре и в Италии. Но именно аттическая керамика субмикенского периода известна лучше всего благодаря раскопкам некрополей, в частности одного, расположенного в районе Керамика, возле отдаленного афинского квартала, заселенного гончарами (и благодаря этому получившего свое название). За пределами города, недалеко от ворот Дипилона, находилось кладбище, которое продолжало действовать в классическую эпоху. Исследования более ранних захоронений, проходившие в период между двумя мировыми войнами, обнаружили отдельные кремационные захоронения, которые появляются в субмикенский период, получают распространение в X веке и продолжают использоваться в следующие века, хотя погребения, будучи менее дорогостоящим ритуалом, чем кремация, вновь появляются позднее. На дно ямы помещалась урна с прахом и несколько сосудов — даров умершему. Яма наполовину засыпалась землей, а сверху устанавливался надгробный камень, заменявший стелу. Зачастую рядом помещалась чаша для жертвенных возлияний, которые являлись важной частью погребального обряда. Естественно, что на этом кладбище, как и в других подобных некрополях, например в Элевсинском, было обнаружено небывалое количество керамики.

Форма ваз (амфоры, кратеры, кувшины, чаши, кубки, шкатулки с крышками, или *пиксиды*) изменяется в одном направле-

нии: границы между разными частями сосудов (например, у амфор — между туловом и горловиной) становятся все более резкими, в отличие от плавных переходов, свойственных микенской керамике. В том, что вазы начинают создаваться как композиции с четко выделяемыми элементами, можно усмотреть усиливающееся влияние архитектуры. Оригинальность гончаров росла вместе с их мастерством: они делали настоящие монументы из обожженной глины, как, например, погребальные амфоры и кратеры из Дипилона в человеческий рост, иллюстрирующие смелые технические решения.

Первоначально рисунок наносился черным лаком на чистую глину; затем, начиная с протогометрического периода, вся ваза покрывалась черным лаком за исключением прямоугольного участка на горлышке или на боку, предназначенного для декоративного геометрического мотива: концентрических кругов или полукругов, волнистых или ломаных линий, треугольников или ромбов, прямоугольников, разделенных на квадраты, или шахматного узора. Пластическая красота этих сосудов вкупе с ярким контрастом светлого рисунка на черном фоне остается для нас уникальной в своем роде. Именно в то время появляется мотив меандра, который уже был известен в Египте и на Крите, но который мы называем *греческим* благодаря столь частому использованию его в древнегреческом искусстве. Постоянно пополняющийся набор орнаментов обогащается мотивами из животного мира, представленными все в той же абстрактной манере. Схематичные черные силуэты животных на фризах едва отличаются от чисто геометрических мотивов: птицы и животные больше похожи на символы, чем на живые существа. Такое расширение репертуара заставляет гончаров оставлять все больше места для декора, а в итоге вся поверхность сосуда покрывается орнаментом.

Гигантские амфоры и кратеры Дипилона относятся к периоду развитого геометрического стиля. Эти памятники поражают, во-первых, тем, с каким изысканным вкусом разделены зоны орнамента, как великолепно выбранные мотивы соответствуют их расположению, а во-вторых, насколько тонко и изящно сочетаются эти мотивы в безупречно продуманной композиции. В конце концов мастера обращаются и к человеческой фигуре, изображая ее так же условно, как и животных. Впоследствии человек

изображается уже в сюжетной сцене. Например, на большой амфоре из Дипилона между ручками изображена сцена оплакивания умершего, лежащего на ложе, вокруг которого сидят и стоят члены похоронной процессии. Безусловно, эти схематические фигуры похожи друг на друга, их невозможно отличить ни по одеянию, ни по полу. Однако сам жест — поднятые к голове руки — выражает эмоцию: человеческий элемент, введенный в абстрактную композицию, действует разрушающе и в скором времени изменяет ее характер. Быстрое развитие сюжетных сцен в геометрический период в Аттике подчеркивает исключительное дарование художников, которые уже издавна превосходили в этом всех остальных греков.

* * *

Это преобладание афинской геометрической керамики затмевает другие проявления материальной культуры этой эпохи. Архитектура известна лишь по нескольким уцелевшим фундаментам храмов или домов. К VIII веку относится достаточно большое количество статуэток, отлитых из бронзы: они изображают животных или стилизованных персонажей, очень похожих на силуэты последнего геометрического периода. Некоторые из них имели основание, которое служило печатью. Другие были частью ваз или бронзовых треножников: было обнаружено несколько поврежденных экземпляров таких предметов. Третьи служили дарами в святилищах. На бронзовых фибулах — застежках для дорийских драпирующихся, нешитых одежд — были изображены рисунки в геометрическом стиле. Статуэтки из терракоты, как и из бронзы, изображали те же схематические образы, за исключением «колоколообразных» идиолов из Беотии с приставленными ногами и с туловищем, зачастую расписанным геометрическими орнаментами. Все это, тем не менее, незначительно по сравнению с огромными аттическими вазами. Однако геометрическая Греция сделала для цивилизации гораздо больше: она подарила ей алфавит и Гомера.

Принятие финикийского алфавита греками, вероятно, относится к IX или началу VIII века. Самые древние алфавитные надписи относятся ко второй половине VIII века. Адаптируя для

своего языка систему фонетических знаков, придуманную финикийцами, греки сделали существенное изменение: они ввели обозначения для гласных, чего не использовали семитские народы. Возможно, память о древнем микенском силлабарии, который четко различал слоги с разными согласными, способствовала такому обогащению алфавитной системы, что и придало ей впоследствии универсальный характер. Новая техника написания получила быстрое развитие и с небольшими изменениями распространилась по всему греческому миру. Латинский алфавит, как и большинство современных, появился позже.

Не случайно два первых крупных литературных произведения, «Илиада» и «Одиссея», датируются сегодня большинством ученых IX веком или, чаще, VIII веком, то есть временем, когда эллины начали использовать алфавитное письмо. Несмотря на крайнюю сложность гомеровского вопроса, многие читатели, рассматривая обе поэмы без предубеждений, замечают четкость их конструкции. Античные авторы, которые, несомненно, были гораздо лучше знакомы с гомеровскими текстами, чем наши современники, не сомневались в однородности этих двух эпопей. Лишь немногие из них предполагали, что «Илиада» и «Одиссея» не могли быть написаны одним автором, и даже лучший критик Античности Аристарх, так умело обнаруживающий в исходных текстах поздние вставки, беспощадно боролся с этими «сепаратистами», или, как их еще называли, *горизонтами*. Я, со своей стороны, склоняюсь к этому авторитетному мнению, которое подтверждает современный анализ, показавший, что в разных частях поэм прослеживается поразительное сходство в построении, свидетельствующее о едином творческом духе.

Однако даже если развить такую же память, которой обладали поэты, помнившие эпос наизусть, невозможно представить, как добиться подобных результатов без письменности. В то же время эпический стиль по своему характеру еще недалеко отошел от устного, и необходимо признать, что, хотя поздние легенды сообщают нам, что автор «Илиады» и «Одиссеи» был слепым, изначально он должен был записать эти произведения. К тому же наиболее древние греческие надписи, известные нам, например, на вазе с дарственной надписью лучшему танцору или недавно расшифрованная надпись на чаше Нестора, найденной на Искье

(обе находки относятся ко второй половине VIII века), свидетельствуют о том, что эпическое стихосложение с этого времени получает широкое распространение как в Афинах, так и в отдаленных колониях Западного Средиземноморья.

Совершенство этих двух поэм свидетельствует о том, что они явились результатом долгой традиции. Античные авторы признали это после того, как Аристотель написал в «Поэтике»: «Нам не известна ни одна поэма, написанная предшественниками Гомера, но все указывает на то, что таковых было много». Утрата всей предыдущей литературы, несомненно, обусловлена отсутствием надлежащего способа записи. Даже если микенское слоговое письмо осталось в употреблении (что не является доказанным), оно было слишком несовершенным, чтобы увековечить это эпическое литературное произведение. Зато Гомер, прибегнувший к помощи алфавита, сумел, в отличие от предшественников, спасти свои труды от забвения.

Многие города боролись за славу называться родиной Гомера. Однако независимо от того, родился ли он на Хиосе, в Смирне, в Колофоне, на Иосе или в Киме, можно утверждать, что свои произведения он записал в ионийских городах Малой Азии. Все они в VIII веке процветали после сложного времени становления. Составлявшие лигу из двенадцати городов, объединенные языковым и религиозным родством (центром, где отправлялся культ Посейдону, было панионийское святилище на мысе Микале), а также прочно связанные исторической памятью с Афинами, они представляли собой крепкую социальную организацию, основным элементом которой была крупная землевладельческая аристократия, обладавшая фактической властью, независимо от того, группировалась она или нет вокруг царя. Именно во дворцах этих ионийских держав были впервые прочитаны «Илиада» и «Одиссея». Одна из них воскрешала в памяти чудесный поход, воспоминания о котором были дороги эллинам Малой Азии: в войне с Троей они видели прообраз ионийской колонизации Анатолии, и рассказы о необыкновенных военных подвигах нравились этим любителям охоты и военных походов. Другая тешила воображение повествованиями о дальних путешествиях в западные моря, напоминая о походах, предпринятых моряками Эвбеи и Греции вслед за финикийцами. Войны и странствия — две излюбленные

темы для эпоса. По прошествии «темных веков» память об ахейском мире сохранилась благодаря поэтическим произведениям, на которых основывались труды Гомера, затмившие их впоследствии. С новыми открытиями в микенской археологии и с расшифровкой линейного письма B современные исследователи занялись изучением отголосков микенских традиций в гомеровских поэмах, и действительно, значение наследия 2-го тысячелетия весьма велико. Однако ошибкой было бы не признать, что Гомер, живший в геометрическую эпоху, многим обязан своему времени. Оно дало ему основной элемент его поэзии — сравнения, иногда весьма развитые, героических событий с повседневной жизнью; метод, позволивший ему передать всю красоту эпического мира слушателям, вызывая к их общему жизненному опыту. Оно дало ему знания о природе и населении, которые позволяют нам проникнуться ощущениями персонажей и вернуться в те природные условия, когда разворачивались известные события. Отсюда то ощущение правдоподобия, пронизывающее поэмы, которое и делает их невыдаемыми.

Стало быть, не без оснований в течение нескольких лет многократно отмечалось сходство между творчеством Гомера и наиболее красивыми сосудами геометрического стиля. Ощущение композиции, позволявшее огромным ансамблям быть стройными произведениями; строгая иерархия в религиозной, общественной и эстетической сферах; пронизательное сознание, описывающее мир с позиций человека и строящее произведение в соответствии с требованиями духа, — все это есть в двух великих ионийских эпопеях, и то же самое мы находим в шедеврах аттических гончаров VIII века, но в более отчетливой форме. Во второй половине века в Афинах особое внимание в росписи уделялось фигурным изображениям, на больших кратерах художники рисовали сцены наземных и морских боев, сходство которых со сценами из «Илиады» отмечалось неоднократно. Несмотря на то что эти произведения сохранились лишь фрагментарно, они не теряют своей значимости. Сохраняя контакт с традицией, подарившей эти маленькие схематические фигуры, мастер оживлял их различными позами или жестами, которые придавали им индивидуальность. Не примечательно ли то, что Гомер в своих описаниях использует тот же прием, выбирая из всей совокупности свойств одну основную деталь

или характеристику, которую постоянно повторяет, чтобы закрепить в нашей памяти. Творчество поэта и творчество художника основываются на совершенном владении своим ремеслом, которое дает им шаблоны и приемы, разработанные их предшественниками. Но их собственный творческий гений вдыхает в эти традиционные элементы новую жизнь благодаря острому и точному взгляду на мир. Экспрессивная сила произведения, ощущение полноты и завершенности идут непосредственно от этого равновесия между наследием минувших лет, сознательно используемым художником, и собственным взглядом на суть вещей. Пересечение двух видов искусства, принадлежащих таким разным сферам, но очевидно обладающих одним духом, является характерной чертой цивилизации.

* * *

Благодаря Гомеру и аттической геометрической керамике греческое общество VIII века предстает перед нами в своем наиболее благоприятном ракурсе. С другой стороны, мы видим это время благодаря другому поэту, более суровому и менее пленительному, — Гесиоду, который жил, вероятно, во второй половине века, а то и позднее. Он был знаком с произведениями Гомера, которому иногда весьма точно подражал и с которым, согласно любимому в школах преданию, якобы даже соревновался. В отличие от ионийского поэта, он не жил при дворе власть имущих, он был беотийским крестьянином, владельцем небольшого участка возле пригорода Аскры, у подножия Геликона, недалеко от долины, посвященной музам. Сохранились две его поэмы, написанные эпическим языком, «Теогония», или родословная богов, и «Труды и дни», дидактическая и земледельческая поэма. В этой второй он зачастую рассказывает о себе самом, о своих размышлениях и заботах. В то время как личность Гомера полностью скрыта за его поэмами, в сочинении Гесиода, несмотря на формальности стиля и несколько угловатую форму, слышна личность, и в нем мы находим точные сведения о судьбе простых людей в деревнях геометрической Греции.

Эта судьба не всегда завидная. Крестьянин без конца трудился на своем участке земли, постоянно сталкиваясь с капризами

климата. Работа — его закон. В случае успеха его ждало богатство, а значит, и уважение. Однако семейные распри или ссоры между соседями провоцировали судебные процессы, которые подкупаемые цари (т.е. вельможи) зачастую разрешали несправедливо. Гесиод горячо призывает к правосудию и полагается на справедливость Зевса, верховного бога. Но в то же время он говорит, насколько редко эта справедливость соблюдается. В этом призыве, в обоженной абстракции ясно просматривается упование неимущих граждан, неудовлетворенных своим положением, на лучшую жизнь. Здесь, в греческих городах, был источник социальных конфликтов, которые в последующую эпоху стали причиной колонизации и политических потрясений.

Глава третья АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (VIII—VI века)

В предыдущей главе мы обозначили крупные события, придавшие геометрической эпохе особую значимость для истории Запада. Теперь настало время поговорить в общих чертах об основных событиях греческой истории с VIII по VI век, с момента, когда после темных веков мы начинаем просматривать развитие греческого народа, и до персидских войн, когда судьба всей древнегреческой культуры оказалась под угрозой. Источники этого периода лишь иногда позволяют восстановить события в деталях, причем история остается сильно смешанной с мифологическими элементами. Но в отличие от греческого «средневековья», архаический период не канул в Лету. Принятие алфавитного письма позволило теперь сохранять архивные документы: списки магистратов, списки победителей в спортивных играх, ответы оракулов, позднее — тексты законов, декретов, договоров. Вести список победителей в Олимпийских играх, который впоследствии стал универсальной хронологией, начали в 776 году до н. э., когда был учрежден этот панэллинский праздник. Подобие историографии, по правде сказать, лишь слегка отошедшее от эпических традиций, начинает появляться в конце VIII века, и связано оно с именем Эвмела из Коринфа. Великие историки V века, Геродот и Фукидид, использовали эти источники весьма ограниченно, лишь когда это было необходимо. Благодаря этим текстам, которые дополняются и подтверждаются археологическими исследованиями, мы можем в общих чертах описать историю этого сложного периода, когда окончательно оформляется классическая древнегреческая культура.

Прежде чем переходить к подробностям и изучать детали, зачастую сомнительные и неполные, относительно истории отдельных государств, следует очертить общую картину, отражающую основное направление развития греческого мира в архаическую эпоху, дабы не запутаться в хитросплетении локальных проблем. Отметим основные процессы, характерные для этого периода. Широко распространенный социальный кризис, в основе которого лежит проблема несправедливого распределения земли, стал причиной огромной волны эмиграции, которая привела к появлению греческих колоний далеко за пределами Эгейского мира — от Черного моря до Испании. Однако эти миграции не решили проблемы. Внутреннее развитие городов зачастую сопровождалось насильственными переворотами и установлением новых режимов, например тирании. И наконец, на протяжении всего этого периода наряду с политическими происшествиями отмечается возобновление прямых контактов с Востоком. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

* * *

О социальном кризисе мы знаем по его последствиям, а также по свидетельствам Гесиода, относящимся, правда, только к одному региону — Беотии и к одному времени — VIII веку. В ограниченных по площади полисах, сформировавшихся по всему греческому миру на берегах Эгейского моря, проживало несколько тысяч человек, которые были вынуждены делить между собой и без того скудные пространства. Каждая из этих политических единиц, состоявшая из разрозненных поселений или объединенная вокруг крупного города, имела монархическую организацию, как свидетельствуют гомеровские поэмы; наследный правитель, поддерживаемый главами крупных родов, вершил судьбы маленького государства. Кровные или религиозные связи, семейные кланы, или *роды*, группы, объединенные общим культом, или *фратрии*, совместно обеспечивали сильную сплоченность народа. В городе власть принадлежала крупнейшим землевладельцам, поскольку земля была основным источником богатства, к тому же только они могли содержать лошадей для своих военных колесниц и покупать дорогостоящее тяжелое

вооружение. Эта земельная аристократия зачастую сводила роль монарха до положения «первого среди равных» — царская должность была номинальной, в его ведении находился суд, причем в основе своей религиозный. Но в то же время неотвратимый ход истории менял экономические устои и общественный порядок. Наследственный режим заключался в равном разделе имущества между прямыми наследниками.

Но поскольку владелец земельного участка мог иметь нескольких сыновей, имущество после его смерти дробилось на части, которые постоянно уменьшались. Очень скоро владелец каждого земельного участка оказывался в плачевном состоянии, и обнищание вынуждало его либо погрязнуть в долгах, либо перейти на службу к богатым, которые рано или поздно прибирали к рукам его маленький надел. Отсюда — общая тенденция к концентрации земель в руках нескольких привилегированных особ. В то же время росло число людей, трудившихся в тяжелых условиях и постоянно рисковавших потерять свою экономическую — а из-за долгового рабства и личную — независимость. Такими были в предельно схематичной форме процессы, которые начиная с архаического периода можно отметить повсеместно в греческом мире. При постоянном росте численности населения они и стали причиной греческой колонизации.

Античные авторы кратко определили причину колонизации как «отсутствие земель», или *стенохория*. На практике же было множество причин, побуждавших переселенцев уезжать в дальние края: соперничество между политическими главами, потребность в приключениях, изгнание целых групп людей, позднее — предпринимательский дух, ставший следствием политической и торговой экспансии. Но почти во всех случаях в основе лежала потребность радикальным образом разрешить проблему перенаселенности или земельного кризиса.

Обстоятельства, при которых создавались колонии, поражали умы современников, переселенцев и их потомков, вот почему эта тема, как никакая другая, быстро обрастала легендами. Однако в нескольких случаях мы имеем достаточно точные описания, которые позволяют нам воспроизвести обычный ход переселения. Например, рассмотрим историю небольшого вулканического острова Фера (ныне Санторин) в Кикладском архипелаге, с которого

немногим позднее середины VII века в Африку отправилась экспедиция. Ход путешествия в подробных деталях был изложен Геродотом (IV, 150 и далее) и в основном подтвержден киренской надписью, которая восходит к IV веку и, безусловно, представляет более раннюю легенду, не имеющую никакого отношения к тексту Геродота. Совпадение двух источников более чем показательное.

Из этих двух текстов следует, что в середине VII века на острове Фера из-за плохих урожаев начались тяжелые времена. Правитель острова обратился с вопросом к Дельфийскому оракулу, который посоветовал отправить экспедицию в Ливию и основать там колонию. Без особого воодушевления жители острова подчинились: народное собрание, созванное царем, решило поручить командование экспедицией некоему Батту. В качестве будущих переселенцев было выбрано по одному сыну от каждой семьи. Все избранные под страхом смерти должны были сесть на судно и остаться жить в новой колонии. Они могли вернуться назад, на Феру, лишь в том случае, если через пять лет упорных усилий предприятие потерпит неудачу. На таких условиях избранные участники были посажены на две *пентеконторы*, т. е. на два корабля для пятидесяти гребцов, что значит, что переселенцев было более двухсот человек. Два судна отправились на Крит, затем в Итан, где они нашли проводника, а после — в Ливию, где они высадились недалеко от восточного берега Киренаики на неприютном островке, который обеспечил им отличную базу для исследования континента. От этого форпоста они начали продвигаться вглубь, входя в контакт с местными жителями, которые встретили их дружелюбно. И после шестилетнего проживания в восточной Киренаике, они окончательно закрепились в глубине страны, на краю плоскогорья, в благоприятной местности с хорошо орошаемыми землями, пригодной для земледельческой колонизации. Город Кирена был основан в 631 году до н.э. по современной хронологии, и он процветал в течение тринадцати веков, вплоть до вторжения арабов в 642 году н.э.

Эта история, о которой мы особенно хорошо осведомлены, весьма показательна. В ней мы находим основные элементы, которые встречаются в большинстве рассказов об основании колоний: экономический и социальный кризис, вынуждающий принять решение о переселении; вопрошание Дельфийского оракула,

чтобы заручиться поддержкой неоспоримого религиозного авторитета и, возможно, чтобы уточнить направление, дабы не столкнуться с другими переселенцами; авторитарное вмешательство государства в форме постановления народного собрания для организации экспедиции, выбора ее главы и участников, вынужденных под страхом самых суровых наказаний покинуть родину; их отъезд в небольшом составе, поскольку благодаря ограниченному пространству греческого полиса острые социальные проблемы могли быть решены путем выселения всего нескольких сотен человек; их остановка на прибрежном острове, на подступах к неизвестному континенту, чтобы обеспечить себе убежище перед вторжением; и наконец, окончательное оформление земледельческой колонии на благоприятной местности, богатой источниками воды и плодородными землями. Все это обнаруживается с теми или иными вариациями в зависимости от обстоятельств в истории большинства колоний, основанных с одними и теми же целями и столкнувшихся с одними и теми же трудностями.

В Кирене, как и в других населенных пунктах, греки, по крайней мере поначалу, не встречались с враждебностью местных жителей: они имели дело с кочевыми племенами, для которых долговременное поселение чужестранцев на их территории не представляло опасности. Но не везде удавалась такая мирная колонизация. В некоторых местах, например в южной Италии, приходилось вести долгую и жестокую войну, чтобы сломить сопротивление варваров. Наиболее яркий пример — это, бесспорно, Тарент. Греческий путешественник Павсаний во II веке писал, основываясь на древних источниках: «Тарент колонизовали лакедемоняне, а основателем города был спартанец Фаланф. Назначенный главой колонизаторской экспедиции, Фаланф получил от Дельфийского оракула предсказание, будто как только будет дождь под ясным небом, он завоюет землю и город. Тогда он не понял смысл оракула и не обратился за разъяснениями к толкователю. На своих судах он подошел к Италии. Там он одержал многочисленные победы над туземцами, но не смог взять ни город, ни землю. Тогда он вспомнил оракул и сказал себе, что бог предсказал ему невозможное, ибо никогда не может идти дождь при ясном небе. Когда он почувствовал упадок сил, его жена, сопровождавшая его в дальнем странствии, пыталась найти способ при-

дать ему сил. Она положила его голову себе на колени и начала в волосах его выискивать блох. При этом, думая о положении своего мужа, которое не улучшалось, она начала обливаться слезами. Слезы ее, падая, омывали голову Фаланфа, и тогда он понял предсказание, ибо жену его звали Эфра, что означает «чистое небо». Следующей же ночью он атаковал Тарент, самый крупный и богатый город побережья, и победил варваров».

Несмотря на анекдотический и сказочный характер повествования, оно свидетельствует, с какими трудностями приходилось сталкиваться греческим колонизаторам, чтобы обосноваться в области Апулии, где мессапийцы боролись с ними начиная со времени их поселения и до конца VIII века. Оно показывает также чрезвычайно важную роль главы, избранного для руководства операцией, который впоследствии получал звание основателя, *ойкиста*, и который под покровительством божества помогал переселенцам преодолевать трудности. Этим людям, несущим огромную ответственность, воздавались особые почести: после их смерти к ним относились как к настоящим героям, а перед их могилами совершались соответствующие богослужения.

* * *

Конечно, хотелось бы в деталях проследить эту удивительную греческую экспансию, однако достоверные источники зачастую страдают неполнотой, особенно это характерно для более ранних периодов, да и колоний было слишком много, чтобы мы могли перечислить их все. С другой стороны, многие колонии, освоив свою территорию, начинали расширяться, отправляя своих поселенцев в соседние регионы. Таким образом, сложно выделить последовательные этапы этого продвижения, продолжавшегося почти три века в разных направлениях. Несомненно, можно сказать с высокой степенью достоверности, что эти колонии с самого своего основания и до середины VII века были земледельческими поселениями, а их появление было вызвано социальным кризисом, о котором речь шла чуть выше. Торговые интересы начали играть более существенную роль в последующий период. Однако этот ход развития не был строгим, и он не позволяет установить четкие хронологические рамки для всей эпохи

колонизации. Поэтому мы будем говорить о ней, как это принято, в контексте географических направлений.

На заре VIII века бассейн Восточного Средиземноморья не мог предложить больше свободного пространства, за исключением северного направления. Внутренняя часть Анатолии, гористая и труднодоступная, мало привлекала народ, привыкший жить вблизи моря. Ассирийцы и финикийцы закрывали доступ к Киликии и Сирии. Более того, они закрепились на Кипре, где грекам приходилось с ними считаться. На юге Египет, хотя ослабленный и разделенный, был перенаселен, так что о легком завоевании думать не приходилось. Одни лишь северные берега Эгейского моря были свободны от многочисленного народонаселения и сложных социальных структур. Начиная с VIII века они привлекают переселенцев с Эвбеи, где два соседних города — Халкида и Эретрия — явились организаторами этих действий. Хотя хронология нам мало известна в деталях, поселения очень быстро сменяли друг друга в регионе, получившем название Халкидика из-за большого количества колоний (тридцать), основанных переселенцами из Халкиды. Три полуострова — Паллена, Ситония и Акта — были освоены с большим трудом. Наиболее важными городами здесь были Менда в Паллене и Торон в Ситонии. Позднее на македонском берегу была основана Мефона, на полпути между Олимпом и Термаикосом. Большинство из этих городов имели скромную территорию, о них почти не упоминали, разве что в связи с качеством их вина. Самый могущественный город, Потидея, расположенный на перешейке полуострова Паллена, был основан лишь в конце VIII века переселенцами из Коринфа, а не с Эвбеи.

На востоке фракийский берег, населенный воинственными племенами, привлек ионийцев с Кикладских островов. В первой половине VII века колонисты, пришедшие с Пароса, основали город на острове Фасос, расположенном недалеко от устья реки Неста, близ Пангейского хребта. Найденные на самом острове и на континенте золотые рудники сделали эту колонию необычайно богатой. Но это начинание, в котором принимал участие поэт Архилох, не обошлось без боев с фракийцами, в результате чего жители Фасоса завоевали большую часть этой территории — от устья Неста на востоке до устья Стримона на западе, обеспечив себе,

таким образом, основу для дальнейшего процветания. За Стримоном, на восточном берегу Халкиды, греки с острова Андрос в середине VII века основали Аканфос и Стагир. В то же время ионийцы с острова Хиос обосновались к востоку от Неста в Маронях, тогда как другие, пришедшие из Клазомен, тщетно пытались соседствовать с фракийцами в Абдерах: спустя век ионийцы, изгнанные персами из Теоса, вернулись в Абдеры, и на этот раз вполне успешно. И наконец, еще восточнее, в устье реки Эброс, эолийскими переселенцами был основан город Айнос, в то время как другие эолийцы в начале VII века заняли Самофракию. Отныне все побережье от Олимпа до Херсонеса Фракийского и все острова были под контролем греков.

Освоение Черного моря через Проливы и Пропонтиду (Мраморное море) начинается, вероятно, с конца VIII века. Однако первые поселения были разрушены кимерийцами, и греки закрепились здесь на полвека позже. В VIII веке жители Милета основали Кизик на южном берегу Пропонтиды. В 676 году он был восстановлен после набега киммерийцев. Другие милетские поселения появились чуть позже, в частности Абидос на азиатском берегу Геллеспонта (Дарданеллы). Между Абидосом и Кизиком фокийцы основали Лампасак. Европейский берег позднее принял эолийцев с Лесбоса в Сесте, в Геллеспонте, а позднее, около 600 года, — ионийцев с Самоса в Перинфе. Все-таки один город материковой Греции — Мегара — составил конкуренцию греческим городам Азии: с 676 года он отправил колонистов в Калхедон, на восточный берег Босфора, а через шестнадцать лет, в 660 году, на противоположном берегу они основали Византий, снискавший впоследствии великую славу. То, что мегарийцы потратили семь лет, чтобы обосноваться на территории Византия, вызывало, по свидетельству Геродота, огромное удивление и презрение персидского военачальника времен Дария. Тем не менее мегарийские колонии Босфора теперь могли контролировать выход к Черному морю.

Греки называли его Понтом Эвксинским, или гостеприимным морем — в обратном смысле, поскольку страшные бури, туманы и ветра, обрушавшиеся на это море без островов, усложняли судоходство. Они исследовали его берега, начиная с Босфора, одновременно в двух направлениях: на восток, в сторону Кавказа

и мифической страны Золотого Руна — Колхиды, и на север, за устье Дуная, до Крыма. Милет играл здесь ведущую роль, второй была Мегара, как и в Пропонтиде. К 630 году переселенцы из Милета окончательно закрепились в Синопе, в центральной части северного берега Анатолии. Позже, в VI веке, за Синопой они основали Амис. Синопа же, в свою очередь, отправила колонистов дальше на восток, в Трапезунд. Эти города обязаны успехом не только животноводству, рыболовству и земледелию: морская торговля позволяла им зарабатывать на новых каналах сбыта, так как некоторые товары перевозились сухопутным транспортом по высоким анатолийским плоскогорьям из Синопы или Амисма через Киликию на Кипр.

Идя вдоль западного берега Понта Эвксинского, милетяне быстро достигли Дуная: немного южнее реки в середине VII века была основана Истрия. Десятью годами позже они закрепляются в Ольвии, в устье рек Буг и Днепр, который они называли Борисфеном. До конца VII века они осваивались в Аполлонии на фракийском берегу, затем севернее, в Одессосе (Варне). В первой половине VI века они достигают Крыма (или Херсонеса Таврического), основывают там Пантикапей (Керчь) и Феодосию, а затем уходят в Азов, чтобы построить там город Танаис в устье реки Дон. На Кавказе также были созданы более мелкие фактории, например Фасис или Диоскурия. Мегарийцы, менее активные в этом плане, около 560 года основали Гераклею Понтийскую между Босфором и Синопой. В 510 году — Месембрию, между Аполлонией и Одессосом. И лишь в 422 году жители Гераклеи Понтийской закрепляются в Херсонесе, на южной оконечности Крыма.

Эта колонизация Черного моря мегарийцами и особенно милетянами носила особый характер: большинство городов, разбросанных по этой обширной территории, были торговыми, изолированными в среде варваров, которым они зачастую платили дань. Однако ресурсы этих далеких стран обеспечивали выгодный обмен, от которого Эллада получала прибыль: железо, свинец и медь из фракийских рудников, лес с Балкан, сушеная или копченая рыба с больших лиманов, фракийские и скифские рабы и особенно хлеб с черноземов территории Южной России, — все эти продукты греческие суда везли из факторий Понта Эвксинского. В обмен они поставляли изделия греческих ремесленников,

украшения и вазы из золота и серебра, изделия из керамики, вина, масла и благовония, которые очень любили варвары. В захоронениях Фракии и юга России были найдены многочисленные сокровища, свидетельствующие о масштабах этого обмена: особый вид аттических сосудов IV века настолько широко представлен в погребениях, что он получил название *Керченского стиля*.

* * *

Совершенно иначе проходила колонизация Италии и Сицилии: здесь создавались не просто торговые фактории, но могущественные колонии процветающего и независимого населения, которое внесло свой вклад в укрепление греческой цивилизации. Судьба западного эллинизма — блестящая страница в греческой истории.

Начинается она достаточно рано — с основанием колонии Кумы в Кампании в 757 году согласно традиционной хронологии, подтверждаемой археологическими данными. Двадцатью годами раньше эвбейцы уже заняли остров Искья, прежде чем двинуться на континент. Итак, Кумы, колония Халкиды, находившаяся севернее греческих городов Италии, на краю богатой кампанийской равнины, смогла установить морские торговые контакты с этрусками, господствовавшими на севере полуострова. В то же время другие халкидонцы обосновались в Наксосе, близ Таормины, в Сицилии, откуда они переселились практически сразу же на юг, к Катане и Леонтини. К 740—730 годам все те же халкидонцы основали Занклу (Мессину), затем Регий на побережье Калабрии, на другой стороне пролива: как и мегарийцы на Босфоре, халкидонцы контролировали отныне этот неминуемый пункт для прохода на север. Мегарийцев мы тоже находим на западе — они ведут здесь колонизацию не менее активно, чем на Понте Эвксинском: в этот период они основали свою колонию Мегару Гиблу к югу от Леонтини. Наконец, коринфянин Архий в 733 году избрал для остановки интересную территорию — место будущих Сиракуз, откуда он изгнал все местное сиккульское население. Вскоре Сиракузы станут самым процветающим городом среди всех греческих колоний Сицилии. Жители Сиракуз начали расширять свои территории вглубь острова, основали там

Акрэ и достигли южной оконечности острова. Продвигаясь на запад по южному берегу, они основали колонию Камарина в VI веке.

Однако другие греки уже опередили их в этом походе на запад. Объединенная экспедиция родосцев и критян в первых годах VII века успела укрепиться в Геле, на плодородной равнине. Спустя столетие, около 580 года, жители Гелы отправили колонистов в Агригент. Еще дальше зашли жители Мегары Гиблы, которые в середине VII века основали Селинунт. На северном берегу единственным крупным греческим городом была Гиммера, колония Занклы, основанная почти одновременно с Селинунтом. Однако западная часть острова осталась в руках местных жителей — элимов и финикийцев из Карфагена, которые здесь прочно закрепились. Частые войны настроили их против греков, которым не удалось их выселить и которые все-таки потеряли важный город Селинунт в конце V века.

Одновременно с колонизацией Сицилии шло заселение южной Италии. К 720 году переселенцы из Ахайи, с Пелопоннеса, высадились у Сибариса, в западной части Тарентского залива, на облюбованной ими равнине. Наземный путь через горы Калабрии позволял выйти к Тирренскому морю, минуя Мессину. Чуть южнее другие ахейцы основали Кротон, который начал соперничать с Сибарисом и в конце концов в 511—510 годах разрушил его. Между тем сибарийцы создали колонию Метапонт в глубине Тарентского залива, а у Тирренского моря в Лукании — Посейдонию, больше известную под названием Пестум. Тем временем наиболее могущественный город этого региона, Тарент, был основан в конце VIII века лакедемонянами в более чем благоприятных условиях: отличный порт и плодородная территория обеспечили ему быстрый расцвет. И наконец, в первой четверти VII века на носке итальянского «сапога» локрийцы построили Локры Эпизефирии. Буквально усеянная густонаселенными и активными греческими городами, южная Италия стала называться Великой Грецией.

Путь из старой Эллады проходил по побережью Акарнании и Эпира через пролив Отрант. Не удивительно, что этот маршрут был усеян греческими колониями. Самой древней была Керкира (Корфу), сперва занятая Эретрией в начале VIII века, затем взятая коринфянами в 733 году, когда они устроили поход, чтоб основать Сиракузы. Позднее Коринф усиливает контроль над выхо-

дами из Коринфского залива на западе и севере, создавая колонии в Левкаде, Амбракии и Анакторионе, а позже еще севернее, в иллирийской Аполлонии. Керкирийцы опередили их, основав Эпидамнос (Дуррес) на Адриатическом берегу. Когда афинские корабли в конце VI века поднимались до устья реки По, везя туда прекрасные вазы, найденные в этрусском некрополе Спины, они останавливались в греческих портах за проливом Отрант.

* * *

Дальше всех на запад продвинулись ионийцы. Геродот рассказывает нам историю об одном торговце, который, отправившись в Египет, сначала сбился с курса и пристал к берегам Киренаики, а затем из-за шторма очутился у Геркулесовых Столбов (Гибралтарский пролив), прошел через них и оказался в устье реки Гвадалквивир, около Кадиса, в регионе, который доселе был не известен грекам и который они стали называть Тартессом. Груз, который торговец вез на корабле, принес ему целое состояние, и в благодарность богам он установил огромную бронзовую статую в святилище Геры на Самосе, которую видел и описывал Геродот. Возможно, в Испании находили серебро и медь. Ионийские моряки из Фокеи стали специализироваться на этом обмене, к которому местные жители с конца VII до середины VI века относились весьма благосклонно. Несмотря на конкуренцию карфагенских моряков, которые посещали Западное Средиземноморье и имели фактории в Испании, на западе Сицилии, в Сардинии и на Балеарских островах, фокейцы завоевали испанские берега через северный путь. К 600 году они обосновались в Массалии (Марсель), где один из них, Протис, женился на Гиптис, дочери местного царя. Город стал центром торговли с внутренней частью страны. На французском побережье массалиоты создали множество факторий — Агафею (Агд) на западе, Ольвию (Иерос), Антиполис (Антибе) и Никею (Ницца). Другие фокейцы устроили порт на испанском берегу: Эмпорион (Ампуриас), Гемероскопейон (близ мыса Нао) и Маинаке (Малага). Что касается метрополии, Фокея была взята персами в 545 году, часть ее жителей переселилась в Марсель, а затем закрепились в Алайе, на восточном берегу Корсики.

Эти походы греков в Западное Средиземноморье встретили объединенную враждебность со стороны карфагенян и этрусков. В 540 году их совместный флот столкнулся с флотом фокейцев Алалии в крупном морском сражении недалеко от Сардинии. Хотя исход битвы остался не определен, греки потеряли несколько кораблей (две трети личного состава), были вынуждены оставить Корсику и отойти к южной Италии, где они основали Элею (Велию) в Лукании, южнее Посейдонии. В Испании же давление карфагенян вынудило фокийцев оставить Менакею, однако они смогли удержать свои позиции в Галлии и Каталонии.

* * *

В Африке присутствие пунийцев предупреждало любое вторжение в Магриб. Однако греческое население во второй половине VII века привлекала Киренаика — зеленая равнина, окруженная пустынями. Мы уже видели, как жители Феры под руководством Батта основали Кирену в 631 году. Новый город достаточно быстро достиг расцвета и развил земледельческую колонизацию с помощью иммигрантов с Пелопоннеса, Кикладских островов и Родоса. Он отразил нападения соседних ливийцев, которым оказал поддержку фараон Априй, и сам основал несколько колоний в регионе: Барку, в сотне километров на запад от Кирены, и Эвгеспериды (Бенгази) на восточном берегу, перед огромными пространствами Большого Сирта. Характерно то, что и Кирена и Барка обе расположены на возвышенностях в глубине континента. Конечно, оба города имели порты для выхода в море, но главной ценностью для греков, обосновавшихся в Ливии, было обладание пахотными землями. Так что вскоре Киренаика стала хлебным амбаром античного мира.

Восточнее, в перенаселенном и богатом Египте, на землях древней цивилизации, не было места для колоний. В микенский период между ним и греками были тесные контакты, которые со временем ослабли и практически прекратились в период «темных веков», и ассирийское завоевание не способствовало их восстановлению. Лишь после того как Псамметик I в 663 году освободил Египет от иноземного гнета и восстановил единое государство, греки вновь получили доступ в эту страну. Саисский фараон

и его последователи обратились к ионийским и карийским торговцам, чьи имена мы можем прочесть на надписях в Абу-Симбеле в долине Нила. Греческие воины, служившие египетскому фараону, подали пример греческим торговцам, и торговля между Эгейским миром и Египтом вновь начала процветать. Однако основание факторий не было исключительно свободной инициативой греков. Воины, естественно, обосновались в лагерях, например в Дафне, на восточном берегу Дельты, на Пелусийском рукаве Нила. Торговцы же были вынуждены обосноваться в Навкратисе, на западном берегу дельты, на Канокийском рукаве. Археологические источники показывают, что греки обосновались здесь в последней четверти VII века. Но лишь при фараоне-филлэллине Амасисе (568—526) статус Навкратиса был окончательно определен. Греки получили административную автономию и свободу в отправлении культа. Двенадцать полисов разделили между собой обязанности в этой привилегированной фактории: это все полисы Малой Азии, такие как Милет, Фокея, Книд и Галикарнас, крупные острова, например Самос, Хиос и Родос. Одна лишь Эгина представляла здесь Элладу. Эта фактория процветала вплоть до взятия Египта Камбизом в 525 году: греческие суда доставляли серебро, добытое в копиях Сифноса и Фракии, в обмен на зерно Дельты. Каждый имел свою выгоду от этой торговли.

Возможно, похожие попытки имели место в Посейдеонии (Ал-Мина), близ устья Оронта, в Сирии. В ходе недавних раскопок там была обнаружена микенская керамика, а также фрагменты архаической керамики, что свидетельствует об импорте греческих продуктов в период между серединой VIII и концом VII века. Однако мы исключаем наличие здесь постоянного поселения, поскольку финикийцы и ассирийцы время от времени прогоняли греков с берегов Сирии и Палестины. На Кипре греки и семиты поделили остров между собой, причем первые получили большую часть — с Саламисом, Солесом и Пафосом, вторые же заняли юго-восточный регион с Амафонтом и Китионом. Греческая культура продолжала развиваться на Кипре, явным свидетельством тому являются «Кипрские сказания» поэта Стасина, написанные в гомеровской традиции. Однако Кипр сильнее других был подвержен восточному влиянию, благодаря чему архаические скульптуры носят отпечаток особого стиля.

* * *

Что же происходило в Элладе, пока греческий народ расселялся от Испании до Кавказа? Колонизация, как мы уже увидели, была следствием социального кризиса, охватившего весь эгейский мир. Внутреннее политическое развитие и конфликты между городами стали новыми аспектами этого кризиса, между тем как греческая цивилизация развивалась и обогащалась благодаря контактам с Востоком.

В VIII и VII веках в греческом мире появляется новое политическое образование — город-государство, размеры которого были весьма скромны, а центром являлась городская агломерация, в которой были сосредоточены общественные учреждения и которая служила центром культа. Везде, где посредством объединения, или *синойкизма*, из многочисленных сельских поселений образовывался город, рождалась политическая единица человеческого масштаба, которая стала основой для развития классической цивилизации. Увеличение числа греческих полисов, как и распространение колоний, является поразительным феноменом: их были сотни, многие из них исчезли для нас бесследно, но в целом они показали отличную жизнеспособность. Каждый полис обладал минимальной территорией: в Фокиде, например, площадь которой составляла 1650 кв. км, насчитывалось двадцать два независимых полиса. Крит, с площадью 8500 кв. км, был разделен между сотнями мелких полисов: уже Гомер называл его «стоградным» островом. Коринф с площадью 880 кв. км или Аргос с 1400 кв. км считались крупными полисами. Что касается Афин (2500 кв. км) или Спарты (8400 кв. км включая Мессению), то это были полисы необыкновенных размеров. Колониальные полисы, как мы уже видели, всячески пытались расширить свои территории, однако им не удалось превзойти эти размеры. Кирена и Сиракузы, бывшие наиболее мощными, контролировали территорию, которая по площади уступала любому французскому департаменту. Невозможно понять греческую историю, не принимая во внимание эту предельную политическую раздробленность, где образование конфедераций и лиг было лишь временной мерой. Осознание греческим народом своего единства, проявлением и символом которого с 776 года стали Олимпийские игры, пре-

красно уживалось с внутренним соперничеством и войнами. Местный патриотизм, воспеваемый поэтами, поддерживал и обострял конфликты. Потребности вооруженной борьбы приводили к росту численности воинов и влекли за собой изменения в вооружении и тактике: в результате нарушалось социальное равновесие. Внутренние кризисы и войны за границей — такой с течением времени предстает перед нами архаическая Греция.

В этом развитии, крайне сложном в деталях, можно выделить несколько основных фактов. Во внутренней политике большинство полисов испытывают политические и социальные изменения, результатом которых становится расширение гражданского корпуса и повышение статуса беднейших слоев населения. В отношениях между полисами на роли первого плана выходят некоторые государства: либо те, что отличаются высокой торговой активностью, такие как города Эвбеи и особенно Коринфа, либо же те, что сильны своей военной мощью, как, например, Аргос или Спарта. Начиная с VI века все возрастающее значение Афин делает их столицей. В то же время на другом берегу Эгейского моря процветавший эллинский мир Анатолии уже попадает в зависимость от Лидии, а позже, после персидского завоевания, — в рабство. Греция оказывается перед лицом внешней угрозы, результатом которой становятся персидские войны. Эти разнообразные аспекты греческой истории предстают перед нами один за другим.

* * *

Большинство греческих полисов VIII века имели аристократический режим, основанный на господстве крупных земельных собственников. Даже при сохранении наследной царской власти реальная власть находилась в их руках. Они владели землей, поэтому назывались «землевладельцами» — *геоморами* в Самосе или *гаморами* в Сиракузах. У них были лошади, запрягавшиеся в колесницы, на которых, по ахейскому обычаю, ездили тяжело вооруженные воины, единственно способные разрешить исход битвы: отсюда их название — «коневоды», или *гиппоботы*, прославившие Халкиду на Эвбее. Махинации с наследованием, натуральные займы и долговое рабство приводили к концентрации

земельной собственности и обнищанию мелкого и среднего крестьянства. Но неожиданно появляются новые возможности. Со временем изменяется военная тактика: на смену поединку на колесницах между знатью разных лагерей приходит новый способ ведения боя, сделавший войну более результативной — маневры пеших сомкнутых рядов, или *фаланг*. Тяжеловооруженные воины, или *гоплиты*, защищенные огромными круглыми щитами, касками, панцирями и поножами и умело обрацавшиеся с копьями и мечами, составляли компактную и грозную массу, против которой отдельные воины на колесницах были бессильны. Каждой армии вскоре пришлось обзавестись отрядом хорошо вооруженных пеших воинов, которым больше не нужны были колесницы, а только оруженосцы, помогавшие тащить снаряжение. Гоплиты набирались из числа мелких и средних собственников, которые были способны купить вооружение и содержать помощника, но состояние которых не позволяло иметь лошадь. Незаменимые в военных действиях, эти люди скоро начали требовать свои политические права. Именно здесь кроются главные причины многих последующих реформ. Подобную ситуацию можно наблюдать на флоте, куда для эскадр было необходимо набирать большое количество гребцов: эти последние, беднейшие слои населения, не имевшие ничего, кроме собственных сильных рук, будут играть существенную роль в жизни полиса и ускорят политическое развитие многих морских государств.

Борьба против политических, судебных и земельных привилегий аристократии — часто вела к концентрации власти в руках одного человека. Арбитр, назначаемый общественными группами во время конфликта, обладал исключительными полномочиями и давал городу законы, которые стороны обязаны были соблюдать. Архаический период в Греции — это золотой век законодателей. Это мог быть чужеземец, прославившийся своей мудростью, к которому прибегли за помощью, или человек непредвзятый, не связанный с местным конфликтом. Так, для реформирования своих учреждений, киренейцы в середине VI века пригласили в Ливию мудреца из Мантиней. Эфесцы обратились к афинянам, Фивы — к законодателю из Коринфа. Иногда народ обращался к одному из сограждан, которому доверялось восстановить порядок и закон. Залевкос в Эпизефийских Локрах в пер-

вой половине VII века — самый древний из полуполюгендарных персонажей. Дракон в Афинах (около 625—620) принадлежал к аттической знати, как и Солон в начале VI века. В Митилене, на острове Лесбос, законодатель Питтак восстановил мир между гражданами, занимая верховный пост в течение десяти лет. Благодаря своей стойкости, справедливости и умеренности он удостоился чести стать одним из Семи мудрецов, несмотря на свое решение отправить в ссылку поэтов Алкея и Сапфо.

Большинство этих законодателей были озабочены все теми же основными проблемами. Сначала они должны были кодифицировать земельное право, особенно для поместных владений: поскольку политическая правоспособность была связана с обладанием имуществом, то есть земельным участком, крайне важными оказывались предписания, касающиеся наследования, которые позволили бы избежать как чрезмерного дробления, так и крайней концентрации земельных участков. С этим связаны запреты на излишества, касавшиеся женского одеяния или похоронных церемоний и направленные на искоренение серьезной причины растраты имущества. Другой заботой было справедливое правосудие и необходимость избавиться от злоупотреблений и «несправедливых приговоров» со стороны сильных мира сего, против которых боролся Гесиод: составляя весьма суровые подчас кодексы, как, например, Даконовские, которые, несмотря на свою строгость, были всем необходимы, законодатели стремились удовлетворить основные требования простых людей. И наконец, они занимались проблемой убийства. По обычаю в случае убийства личная месть превращалась в вендетту, переходящую от семьи к семье, от клана к клану. Эти обычаи, связанные с религиозными предубеждениями, заменяли государственное правосудие и, несмотря на крайнюю суровость, освобождали отдельного человека от подчинения клану, или *роду*.

Эти реформы не кажутся нам исполненными революционного духа: совсем наоборот, их авторы стремились поддержать равновесие в традиционном обществе, которое представлялось им идеальным. Однако эти консервативные тенденции не помешали им откликнуться на обоснованные чаяния народа. И они добились успеха, то есть в подавляющем большинстве греческих полисов внутреннее развитие проходило спокойно в рамках

аристократического и цензового режима, который по возможности расширялся. Но если законодатель встречал сопротивление или к его решениям относились небрежно, он мог прибегнуть к силе. Итак, роль личности была первостепенной: архаический период — это также время первых тиранов.

Термин «тиран», происхождение которого, явно иностранное, обсуждается до сих пор, изначально обозначало любое лицо, обладавшее верховной властью, так что не существовало никакой разницы между тираном и царем, или *басилевсом*. Впоследствии он стал обозначать узурпаторов, захвативших власть и удерживающих ее силой. К этому слову присоединяется уничижительное значение, что чувствуется уже у Геродота и усиливается у Платона и философов IV века. Однако феномен тирании интересен нам не столько своей моральной стороной, освещавшейся писателями и моралистами, сколько той ролью, которую он играл в архаическом греческом полисе. Фукидид, великолепно осознавая это, с присущей ему четкостью писал: «Обычно тирания устанавливалась в городе, когда возрастали доходы». Этим он хотел сказать, что обогащение за счет ремесла и торговли, создавая новый источник дисбаланса в государстве, провоцирует политические потрясения. Получая отказ от земельной аристократии на свои требования, другие общественные классы отдают свои голоса энергичному и бессовестному человеку, который насильем или хитростью захватывает власть и ломает сопротивление аристократов. Очень часто такой человек сам имел знатное происхождение и уже занимал важный пост в государстве. Кипсел, первый тиран Коринфа, принадлежал правящей династии города и, возможно, был военачальником, когда установил тиранию. Аркесилай III из Кирены был свергнут с престола и вернул свою власть, став тираном. Другие тираны происходили из простонародья: Орфагор, первый тиран Сикиона, был сыном мясника. Но все они ловко и решительно использовали местную ситуацию для достижения своих целей.

Они возглавляли недовольных: бедные слои населения, как это сделал Феаген в Мегаре, завоевавший популярность, убивая богачей; или мелких сельских собственников, как Писистрат в Афинах; или этнические меньшинства, считавшие себя угнетенными, как Клисфен в Сикионе, проводивший враждебную поли-

тику по отношению к дорийцам, которые управляли городом. Тиран выбирает себе личную охрану, *дорифоров*, или копьеносцев, часто набравшихся из числа наемных воинов, контингент которых уже появился к тому времени в греческом мире. С их помощью он расправляется с аристократией, отказывающейся признать его власть. Так, Писистрат ссылает весь род Алкмеонидов, Аркесилай III конфискует земли киренейской знати и раздает их своим сторонникам, Фрасибул в Милете советует Периандру в Коринфе (во всяком случае, обе стороны ссылаются на этот анекдот) рубить непослушные головы, подобно тому как он отсекает палкой чересчур высокие колосья. Одновременно он удовлетворяет некоторые требования среднего класса и простонародья: в Афинах именно Писистрат на практике решил проблему долгов и крестьянской собственности, которой до него начал заниматься Солон. Он расширил объем общественных работ как для того, чтобы поддержать свой престиж, так и для того, чтобы дать работу ремесленникам и облегчить жизнь своих подопечных. Поликрат в Самосе усилиями архитектора Эвпалина из Мегары построил подземный акведук, которым век спустя любовался Геродот, а также глубоководный мол. Он восстановил огромный храм Геры — «самый большой из всех, что я видел», говорит нам историк. Писистрат и его сын продолжили ту же линию: в центре Афин был построен *Девятиструйный фонтан*, снабжаемый водой с равнины Гиметт, о местонахождении которого споры ведутся до сих пор, а также начато строительство храма Зевса Олимпийского, который так и не был при них завершен. Батт IV, наследник Акесилая III, тиран, как и его отец, построил в Кирене храм Зевса, оставшийся самым большим греческим храмом в Африке.

Своей тягой к роскоши и желанием потрясти воображение публики тираны способствовали развитию изобразительных искусств и литературы. Они делали роскошные жертвоприношения в панэллинские храмы: Кипсел, например, создал настоящую сокровищницу в Дельфах и оставил в олимпийском Герайоне великолепнейший ларец, описанный в мельчайших деталях Павсанием во II веке н. э. Клисфен из Сикиона построил в Дельфах памятник, резные метопы которого, обнаруженные в наши дни, иллюстрируют тщательно подобранные с учетом его антидорийской политики мифы. Периандр принимает и чествует поэта

Ариона, спасенного, согласно легенде, от пиратов дельфином. Поликрат приглашает к своему двору поэта Ивика из Регия и прославленного Анакреона из Теоса, а также заказывает самосцу Феодору, самому известному мастеру своего времени, свой знаменитый перстень. Писистрат и его сын способствовали удивительному расцвету аттического искусства во второй половине VI века; они пригласили в Афины Симонида из Кеоса, а после падения Поликрата — и Анакреона; по их распоряжению также впервые были тщательно записаны гомеровские поэмы. В первой половине V века, несмотря на то, что тирании в материковой Греции прекратили свое существование, колониальные тираны Гелон и Гиерон в Сиракузах призвали поэтов Симонида и Вакхилида из Кеоса, а также самого Пиндара, который затем отправился к Аркесилаю IV в Кирену.

В отношении зарубежных государств, как греческих, так и варварских, политику тиранов сложно определить сразу. Некоторые поддавались соблазну нападений и завоеваний: Кипсел содействовал появлению коринфских колоний в северо-западной Греции, Левкадии и Амбракии; Периандр поставил Керкиру под контроль Коринфа и основал на Паллене город Потидею, который вскоре стал самой значительной греческой колонией на Халкидике. Поликрат вел борьбу против Милета и вторгся на Киклады, где завоевал остров Ренею, чтобы вернуть его зависимость от Делоса. Аркесилай III подчинил своей власти другие греческие города Киренаики — Барку и Эвгеспериды. Но в целом тиранов мало интересовали зарубежные авантюры. Озабоченные утверждением своей власти и, по возможности, установлением своей династии, они развивали военную мощь, чтобы защищаться как от внутренней, так и от внешней угрозы, а не с целью проведения захватнической политики. Батт IV, царь Кирены, в конце VI века побоялся поддержать спартанца Дориея, просившего помощь для основания колонии в зоне влияния Карфагена — там, где позднее возвысится Лепсис-Магна, и невмешательство тирана Кирены повлекло за собой провал этой затеи. Писистрат ограничивает свои внешнеполитические амбиции захватом Сигея в Малой Азии, близ Дарданелл. В остальном он ведет себя миролюбиво и ловко со своими соседями и завязывает дружеские отношения с другими тиранами, например с Лигдамом в Наксосе и Поликра-

том. Сам Поликрат, не раз поддававшийся искушению вступить в вооруженные походы, старался вести себя осторожно с могущественными восточными царствами; он заключил союз с египетским фараоном Амасисом, а позже во время нападения Персии на Египет помог Камбису кораблями. Несмотря на это, он был впоследствии убит персами. В ионийских городах тираны приспособились к персидскому господству и довольствовались ролью сатрапов. Баттиады Киренаики также придерживались этой политики. Зато на Сицилии в начале V века обстоятельства сделали Гелона, а затем и Гиерона защитниками греческой культуры против этрусков и карфагенян.

Логика тиранического правительства, даже если оно, как в Кирене, было замаскировано видимостью наследственной царской власти, требовала, чтобы оно пало под ударами своих противников, то есть сторонников отстраненной от власти аристократии, в тот момент, когда сила и здравомыслие тирана ослабевали. Вот почему, несмотря на желание каждого из них основать свою династию, очень немногим это удалось, и ни одна из династий не продержалась больше трех поколений: в Коринфе — Кипсел и Периандр, объединившиеся для поддержания своей власти с 657 по 586 год (согласно традиционной хронологии, которую некоторые современные ученые ограничивают примерно тридцатью пятью годами), однако их преемник был убит; в Афинах — сыновья Писистрата, Гиппарх и Гиппий (первый был заколот *тираноборцами* Гармодием и Аристокитоном в 514 году, второй изгнан в 510 году); в Сиракузах — Гелон, а затем его брат Гиерон, правившие с 485 по 466 год (однако со смертью последнего тирания завершилась); в Кирене — внук Аркесилая III Аркесилай IV, третий и последний тиран из династии Баттиадов (был убит около 440 года в Эвгесперидах после того, как его изгнали из столицы в результате переворота). Таким образом, хотя феномен тирании был весьма распространенным в греческом мире между серединой VII и серединой V веков, в каждом отдельном городе он продолжался не долго. Однако этот кратковременный период, несмотря на горькие воспоминания из-за жестоких методов, применяемых тиранами, имел не только дурные последствия. В некоторых случаях он был необходимым этапом на пути к демократии: это особенно четко видно на примере Афин, а также Коринфа,

Кирены и городов Сицилии, например Сиракуз или Гелы, где тиранию сменил режим умеренной аристократии. Часто тираны давали своим городам сильный импульс в экономической и культурной сфере, способствуя ломке или изменению старых общественных устоев. Наконец, своей уникальной личностью наиболее известные архаические тираны снискали себе скандальную или восхищенную славу, которая отражена в «Истории» Геродота, изобилующей описаниями тиранов. Порицая их неумные амбиции и отсутствие чувства меры, проницательный историк из Галикарнаса не скрывает человеческого интереса к своим персонажам. Греки, размышляя над их качествами, считали, что эти люди обладают тем же талантом, энергией и теми же изъянами, что и простые смертные. Они всегда помнили, что это люди, творившие историю, и что народ, призываемый ими, охотно доверялся авторитету отдельного человека.

* * *

Неудивительно ли, что Спарта, самый большой и могущественный полис материковой Греции, осталась «без тирана»? Фукидид называл ее *atyranneutos*. Во всяком случае, историк подчеркивает, что политика спартиатов по отношению к тирании была враждебной, это заставило их выступить против Поликрата и против Писистратидов. Они разгромили Лигдама в Наксосе. Они приняли Коринф и Сикион в свой союз лишь после того, как те свергли своих тиранов. Их политические и общественные институты, основанные на жесткой иерархии, были полной противоположностью власти толпы, необходимой тиранам. Возможно, как иногда предполагалось, этот режим был установлен как «альтернатива тирании», как альтернативный способ преодоления внутреннего кризиса, который Спарта испытывала наряду с другими греческими городами. Эти альтернативные реформы, согласно античной традиции, были приписаны знаменитому законодателю Ликургу, жившему в конце IX века, — фигуре исключительно легендарной. Действительно, в Лакедемоне (другое название Спарты) к середине VI века постепенно сформировались институты и обычаи, оставшиеся неизменными до конца классической эпохи. Основная причина этой эволюции заключается в политике тер-

риториальной экспансии, которую проводило Спартанское царство с самого начала архаического периода: она обусловила его величие, его слабости и его уникальность.

Дорийские завоеватели, выбравшие для поселения плодородную долину реки Эврот, не довольствовались Лаконией, расположенной между горными хребтами Тайгет и Парнон. Они двинулись на восток, к Парнону, до Эгейского моря, и столкнулись с интересами Аргоса, установившего свое господство на всем побережье вплоть до острова Кифера. Здесь начался длительный конфликт, в котором Спарта одержала окончательную победу и в который оказались вовлечены два соседних города, несмотря на общий дорийский язык и единую общественную организацию. На север лакедемоняне продвинулись за счет Аркадии и отвоевали у нее несколько крупных пограничных горных областей. Но самым далеко идущим решением было вторжение в Мессению, за пределами Тайгета. Во второй половине VIII века Спарта захватила этот регион в результате двадцатилетней войны (740—720) против мессенцев, ожесточенно сражавшихся за свою свободу. Их сопротивление было в конце концов сломлено, вся страна обращена в рабство, а жители превращены в *илотов*, то есть практически рабов. Богатая равнина Мессении между Тайгетом и массивом горы Ифомы отныне стала для спартанцев основным источником ресурсов благодаря труду илотов. Это завоевание отвлекло Спарту от колониальных захватов, за исключением Тарента: вместе с Фаланфом туда отправились колонны, рожденные в Спарте вне брака за время долгого отсутствия лакедемонских гоплитов.

Обладание Мессенией сделало Спарту значительным государством на Пелопоннесе. Однако притесняемые мессенцы мечтали сбросить оковы рабства. Восстание илотов около середины VII века поставило Лакедемон на грань гибели и привело ко второй Мессенской войне, где он смог одержать победу лишь через тридцать лет (650—620): военные элегии поэта Тиртея способствовали поднятию боевого духа лакедемонских воинов. Благодаря этому возвращается тактика фаланги, и военная дисциплина позволяет одержать верх над мятежниками и союзниками из Аргоса и Аркадии. Необходимость удержать Мессению имела решающее значение для дальнейшей судьбы Лакедемона. Чтобы быть готовыми в любой момент встретиться с угрозой, спартанцы

отныне придерживались правил, обусловленных требованиями войны: подчинение, общинный образ жизни, постоянные упражнения, сосредоточение командования в руках узкого круга лиц. Эта строгая система должна была логически привести к еще большей суровости: после блестящего периода, последовавшего за второй Мессенской войной, цивилизация Спарты быстро угасает к середине VI века. Прекрасная керамика, экспортируемая на Самос, в Кирену, Тарент или Этрурию и конкурировавшая с керамикой Коринфа, полностью исчезает. Город закрывается для ионийских мастеров, таких как Бафикл из Магнесии, создавший знаменитый Трон Аполлона в Амиклах во второй половине VI века. В его церемониях больше не участвуют знаменитые чужеземные поэты, такие как Алкман из Сард или Терпандр с Лесбоса в VII веке. Безусловно, Лакедемон становится грозной державой, чье преимущество в Греции было неоспоримо. Весь Пелопоннес, Аргос и Ахейя вступают в систему альянсов, где Спарта играет ведущую роль, что иллюстрируется часто встречающейся формулой: «лакедемоняне и их союзники». Однако эта сила не участвовала в большой политике. Спарта не стремилась к новым завоеваниям, довольствуясь тем, что она уже имела, и гордилась своими военными заслугами и славой мужественных предков среди других греческих городов.

За пределами Пелопоннеса вооруженные конфликты происходили не реже. Два города Эвбеи, Халкида и Эретрия, с самого начала принявшие активное участие в колонизации, вступают друг с другом в конфликт в конце VIII века из-за долины реки Лелантин, находившейся между двумя городами. В этой Лелантинской войне, где Эретрия проиграла, участвовало, по словам Фукидида, большинство греческих городов. Другой информации у нас нет, однако из этой ремарки можно сделать вывод, как легко в греческом микрокосме малейшее разногласие могло перерасти в крупный конфликт. Начало VI века известно войнами между Мегарой и Афинами за остров Саламин: Солон, а затем Писистрат многое сделали для победы Афин. Местный конфликт между двумя городами Фокиды, Дельфами и Криссой, имел серьезные последствия, поскольку в Дельфах находился оракул Аполлона и *Амфиктионии*, объединявшей двенадцать народов северо-восточной Греции. Этот союз вмешался и объявил Криссе пер-

вую *священную войну* (600—590). Побежденная Крисса была разрушена, а ее территория посвящена Аполлону. Немного позже, в 582 году, впервые праздновались Пифийские игры. Это подняло престиж Дельф, и фессалийцы, которые руководили военными действиями против Криссы, долгое время играли первые роли в Амфиктионии.

Итак, войны между городами архаической Греции вспыхивали часто и были их постоянным и основным занятием. Однако при прочих благоприятных обстоятельствах они несколько не мешали экономическому развитию. В этой связи наиболее репрезентативен пример Коринфа: обосновавшись на перешейке с двумя своими портами — одним на западе, рядом с городом, и другим на востоке, в Сароническом заливе, — Коринф занимал привилегированное положение, находясь на пути торговцев, плывших из Эгейского моря в Ионическое. Город сумел воспользоваться этим сначала при Вакхиадах, затем при тиранах Кипселе и Периандре. Мы уже наблюдали, как он участвовал в колонизации востока и Халкидики. На своей земле коринфяне безуспешно пытались перекопать перешеек, чтобы соединить два моря, затем они построили мощную дорогу, *диолкос*, по которой волоком тянули судна с одного конца перешейка на другой. Коринф был не только важным транзитным пунктом, но еще и крупным ремесленным центром. Его керамика, появившаяся в геометрическую эпоху, производилась в больших количествах и была распространена по всему греческому миру, в особенности на востоке. Четко просматривающаяся эволюция ее стиля (*протокоринфский* — до последней четверти VII века; *коринфский* — до конца VI века) дает археологам точную датировку при раскопках. Некоторые весьма распространенные типы сосудов, например флаконы для благовоний, никогда не перевозились пустыми: в них экспортировали продукцию, производимую в Коринфе. Другим источником доходов была металлургия: оружие, зеркала, бронзовые вазы в огромных количествах выходили из его мастерских. Чтобы обезопасить торговлю, Коринф создает сильный военный флот: именно ему Фукидид приписывает изобретение триера — судов с тремя рядами гребцов, сменивших пентеконторы. Ремесленники, флот и торговля сделали Коринф самым процветающим городом материковой Греции в первой половине VI века.

Развитие торговли еще более ускорилось с началом чеканки серебряной монеты. Античная традиция приписывает лидийцам, на чьей территории имелись залежи электрума, природного сплава серебра и золота, инициативу в использовании его как денежной единицы. В Греции единственным металлом, годным для этого, было серебро. Царь Аргоса Фидон в середине VII века отчеканил первые серебряные монеты и почти в то же время ввел систему мер и весов. Отныне греки имели в своем распоряжении более удобный инструмент для обмена, чем железные прутья, или *оболы*, первоначально игравшие эту роль.

Главные полисы быстро ввели в обращение свои собственные монеты, ставшие особой эмблемой: «черепahi» Эгины, «жеребята» Коринфа, «совы» Афин. Метрическая система Фидона, которую также называют *эгинетической*, впрочем, конкурировала с другими системами, в особенности *эвбейской*, принятой Коринфом и затем Афинами. Отсюда возникли сложности, которые греки так и не смогли полностью разрешить. Но тем не менее обращение монеты дало заметный импульс торговле.

Нельзя сказать, что с чеканкой монеты в начале VI века Афины начинают активно участвовать в экономической жизни. Любопытно, что Аттика, прославившаяся блестящей цивилизацией микенской и геометрической эпох, переживала своего рода упадок в VII веке. Не потому, что творческие способности ее обитателей иссякли (*протоаттическая* керамика, которую оставила нам эта эпоха, сегодня оценена по достоинству), однако внешнее процветание ограничивалось ближайшими соседними регионами — верный знак внутреннего ослабления, которое исторические свидетельства, какими бы неясными они ни были, весьма отчетливо подтверждают. Афины переживали такой же общественно-политический кризис, что и другие греческие города: чрезвычайные полномочия, сконцентрированные в руках крупных семейств, или *геносов*, непосильные долги крестьянства, плохая работа правосудия, всецело находящегося в руках аристократии, распространение практики кровной мести. Некоторые попытки реформ, слишком нерешительные, потерпели неудачу, и властолюбивый юноша Килон попытался установить тиранию. Реакция знати, подчинявшейся роду Алкмеонидов и его главе Мегаклу, помешала ему: эта попытка была жестоко подавлена,

некоторые сторонники Килона, укрывшиеся в храмах, были убиты, несмотря на право убежища. Проклятье за это святотатство долго не сходило с рода Алкмеонидов, которые были изгнаны вместе со своим главой: два века спустя Перикла укоряли тем, что по материнской линии он принадлежал этому роду, запятнавшему себя массовым убийством сторонников Килона. Критянин Эпименид очистил этот город от скверны (632).

После всего этого афинскому законодателю Дракону было доверено реформировать судебную систему: он составил кодекс весьма жестоких законов, названный его именем. Впервые составив письменный свод аттического права, он заменил обычай кровной мести специальной процедурой в государственном трибунале. При этом, разведя преднамеренное и непреднамеренное убийство, он уточнил понятие личной ответственности. Произвол и всемогущество родовой аристократии было сильно подорвано.

Но тем не менее социальный кризис не был преодолен. Это произойдет при мудреце Солоне, поэте, политике и торговце, который в 594—593 годах был избран первым архонтом и получил широкие полномочия в сфере установления законов. Он начал с отмены долгов, освободив от них людей и их имущество. Долговое рабство было объявлено вне закона. Различные юридические меры ослабляли тираническую силу родовых связей внутри *геноса*. Законы против роскоши и чрезмерных расходов запрещали проведение пышных похорон, дававших родовой аристократии возможность продемонстрировать свое богатство и могущество. Был проведен ряд экономических реформ для развития сельского хозяйства и торговли. Солон реформировал систему мер и весов, ввел эвбейскую монету: это ослабило экономическое влияние Эгины с ее фидонской системой на афинян. Благодаря добыче серебра на государственных копях Лавриона, на юге Аттики, монета Солона вскоре получила признание на международном рынке.

Другие реформы носили политический характер. С одной стороны, все жители делились по рождению на четыре традиционные ионийские филы, а с другой — на четыре ценовых класса в зависимости от годового земельного дохода. Солон сохранил это двойное разделение, но он ввел участие в общественных учреждениях на основе ценового разделения, что дало возможность

любому разбогатевшему человеку принять участие в управлении. Был учрежден ежегодный совет из четырехсот членов (по сто от каждой филы) в помощь Народному собранию. Наконец, он создал народный суд, или *гелиэю*, члены которого выбирались среди граждан и который впоследствии играл существенную роль в афинской демократии: как сказал Аристотель, «поскольку народ имел право голоса в суде, он имел его и в правительстве».

Реформы Солона заложили многие основы будущего демократического режима в Афинах. Однако они не принесли гражданского мира: каждая из двух сторон — и знать и народ — ждали большего от этого прозорливого и умеренного законодателя. Тридцать лет спустя, в 561—560 годах, аристократ из Браврона Писистрат, предприняв смелый государственный переворот, захватил акрополь и установил тиранию. Его дважды изгоняли, но оба раза ему удавалось восстановить свою власть, а после смерти она перешла к его сыновьям Гиппарху и Гиппию, которые поддерживали ее вплоть до 514 года, когда «тираноборцы» Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха из личных соображений, никак не связанных с его политикой. Гиппий продержался у власти до спартанского вторжения, поддержанного Алкмеонидами, противниками тирана. По совету Дельфийского оракула его изгнали в 510 году.

Тирания, так ненавистная афинянам, принесла городу множество серьезных последствий. Враг крупных родов, чье состояние было сформировано из нескольких крупных хозяйств, Писистрат симпатизировал мелким земельным собственникам: различными мерами он способствовал формированию независимого и устойчивого класса крестьянства, прикрепленного к земле, которую они обрабатывали собственными силами. Отныне земельная проблема, которую не смог разрешить Солон, была решена. С другой стороны, Писистрат расширяет масштабы чеканки монеты в Лаврионе и на новых монетах заменяет изображение Афины и совы, символов афинского государства, эмблемами крупных родов. Эти монеты имели хождение и вне страны: их находят повсеместно от Египта до Халкидики, от Хиоса или Коса до Тарента. «Чернофигурная» аттическая керамика начиная примерно с 550 года теснит коринфскую на всех иноземных рынках — как в Этрурии, так и в Египте, как в Кирене, так и на Черном море.

Престижное строительство в Афинах, а также поощрение искусства тоже были признаками процветания города, чему он во многом был обязан разумному правлению тиранов.

После поражения Гиппия формируется две партии: одна поддерживала аристократию и лакедемонян, другая, возглавленная Клизфеном из рода Алкмеонидов, выражала интересы народа. После неудачного спартанского вторжения Клизфен одержал верх над своими противниками и провел новые существенные политические реформы. Это знаменовало рождение афинской демократии. Разнородная коалиция, куда вместе со Спартой входили Коринф, Халкида и беотийцы, распалась. Беотийцы и халкидионцы, оставшись в одиночестве, были полностью разбиты в 506 году; эта победа принесла Афинам земли на Эвбее, на которых они установили свои первые военно-земледельческие колонии, или *клерухии*. С новой политической организацией и армией, блестяще доказавшей свою мощь, город Паллас сыграет решающую роль в событиях, которые приведут к столкновению азиатской империи Ахеменидов с греческим миром.

* * *

В ходе освоения восточного побережья Малой Азии греки не переставали поддерживать отношения с местными государствами. Благодаря раскопкам Гордиона, столицы Фригии, мы лучше узнали историю Мидийского царства, которому легенды приписывают сказочное богатство. В начале VII века во время одного из набегов киммерийцев это царство было разрушено, и главной силой в Анатолии стала Лидия со столицей в Сардах. В первой половине VII века Гигес стал основателем династии Мермадов, наиболее ярким представителем которой был Алиатт, правивший в начале VII века, а затем Крез (560—546). Под влиянием этих предприимчивых монархов Лидия завязала отношения с ионийскими городами с целью установить над ними протекторат. После длительного противостояния Алиатт замирился с Милетом, заключил договор о дружбе и открыл эти государства для греческой торговли. Торговля шла между ионийскими портами, привозившими товары из Египта или с Черного моря, а также из Эллады и с Крайнего Запада, и с рынка Сард, города

роскоши и развлечений. Греки быстро приспособились к этой не очень тяжелой зависимости от утонченных царей, выказывающих уважение греческой культуре: Алиатт был женат на гречанке, Крез принимал Солона при своем дворе; и тот и другой приносили великолепные дары Дельфийскому храму, взамен дельфийцы предоставили Крезу право гражданства. Благодаря хорошим отношениям с Лидией греческие города Ионии переживали расцвет в первой половине VI века. О распространении ионийской керамики свидетельствует упаковка, использовавшаяся для экспорта этой продукции: она встречается повсюду — в Этрурии, Провансе, Испании, Навкратисе и колониях Черного моря. Одновременно с экономическим развитием Иония переживает культурный расцвет: пока в Эфесе строится гигантский храм Артемиды, размерами сравнимый лишь с самосским *Герайоном*, милесийцы, например Фалес, предсказавший солнечное затмение в 85 году, или Анаксимандр, автор первого известного нам прозаического произведения греков (546), создают теоретические начала науки и философии.

Но уже к тому времени восточное искусство и мысль оказывают ощутимое влияние на всю греческую цивилизацию. VII — первая половина VI века в археологической классификации называются *ориентализирующим периодом*. Торговые отношения с восточными рынками — сначала через финикийцев, затем — напрямую, как по морю, так и по земле через Анатолию, доставляют в Грецию продукцию азиатских ремесленников: золотые и серебряные изделия, ткани, скульптуры из слоновой кости, домашнюю утварь из бронзы. Феномен, имевший место в микенскую эпоху, повторился вновь: влияние Азии сильно ощущалось в нравах, мышлении и искусстве. Восточная мода — длинные, богато украшенные одеяния, роскошные драгоценности, парфюм, дорогие аксессуары, изнеженность и роскошь в повседневной жизни — приходит в греческие города Ионии, а также в богатые колонии Запада, торговавшие как с этрусками, так и с Востоком. Религиозные воззрения и мифы заимствуют восточные традиции: эфесская Артемида, Афродита в Пафосе, Аполлон в Дидиме, около Милета — все они отмечены влиянием азиатских божеств. Фасосский Геракл по происхождению считался финикийцем. Чудовища, так хорошо прижившиеся в мифологии, — сфинкс или

грифон, горгона или химера, сирена или пегас, — пришли из азиатского фольклора. Декоративно-прикладное искусство, производство золотых и серебряных изделий, керамика воспроизводили мотивы восточного искусства, известные во всей Греции, в частности благодаря тканям: изображения бесконечно повторяющихся животных, будто напечатанных одной из тех печатей-цилиндров, которые вырезались ремесленниками Ближнего Востока, были основным элементом декора на красивых «ориенталистских» вазах Родосской керамики, или керамики Коринфа. В музыке тоже очевиден значительный вклад анатолийцев: греки заимствовали у них лидийский и фригийский лады.

Однако, как и в микенскую эпоху под влиянием Крита, в этот период греческой культуре не грозила перспектива потерять свою самобытность под натиском восточного влияния. В Ионии архитектура в основе своей остается греческой; и в керамике Хиоса, и на саркофагах Клазомен, и на ионийских гидриях Керей всегда присутствует греческий дух, его реалистический взгляд на мир; неизменное участие художника, привнесившего свою индивидуальность в произведение, выводило его из разряда обыкновенных утилитарных предметов. Греческий архаизм нашел в контактах с Востоком возможность обогатиться, и начал активно ее использовать, но он не собирался копировать. Больше всего, конечно, это относится к Аттике, во второй половине VI века, с ее знаменитой группой акропольских *кор*, чья элегантность и драпировки были чисто ионийскими, но сдержанность и скромность соответствовали идеалам гречанки. Улыбка на их мраморных лицах — не простая условность: она передает их внутренний мир, очеловечивая статую. Это совершенно не свойственно безликим образам Востока.

Однако в то самое время, когда эта цивилизация извлекала пользу из азиатского влияния, которое не было доминирующим, появляется серьезная угроза. Восток, выступавший до тех пор источником богатства и выгоды, внезапно обернулся смертельной для греческой культуры опасностью. В середине VI века проявила себя новая держава — Персидское царство, основанное в самом сердце Ирана Киром из династии Ахеменидов. Этот завоеватель, выйдя из Мидийского царства, главой которого он был, благодаря своей гениальной политике за несколько лет завоевывает

державу Креза (546), захватывает всю Анатолию, подчиняет себе греческие города побережья и несколько островов Эгейского моря. Затем он покоряет Вавилон и всю Переднюю Азию, от Средиземноморья до Месопотамии. Его сын Камбиз покоряет Египет (525). После 522 года империей Ахеменидов правит великий царь Дарий и стремится расширить ее пределы. Много раз на своем пути он встречал греков материковой Греции: Спарта поддержала Креза в борьбе с Киром, сохраняя враждебное отношение к Персидской империи. Афины отказались принять Гиппия, которому покровительствовали персы. В 499 году персидская экспедиция безуспешно пыталась покорить остров Наксос в Кикладском архипелаге. Это поражение побудило ионийцев поднять мятеж. Они получили подкрепление от Афин — двадцать кораблей, и еще пять от Эретрии. Экспедиционная колонна была отправлена в долину Герма, где она разрушила Сарды вместе с храмом Кибелы, весьма почитаемым лидийцами. Вся азиатская Греция подключилась к восстанию, в ходе которого афиняне вернулись домой. Но Дарий отреагировал сильно и эффективно: в 494 году был взят Милет; вслед за победой в морском сражении при Ладе, где ионийский флот был разгромлен, это было финалом восстания. Жители Милета были депортированы в массовом порядке, храм Аполлона в Дидимах был разграблен, приношения в качестве трофеев были привезены в Сузы (в наше время один из них был там обнаружен). Чуть позже, в 492 году, персидское войско под командованием Мардония прошло через Проливы и восстановило власть Дария во Фракии и Македонии, которые уже были подчинены ранее, как греческие города региона, до восстания в Ионии. Двумя годами позже, в 490 году, экспедиция под руководством Датиса и Артаферна отправилась из Киликии с целью покарать Афины и Эретрию за помощь, оказанную повстанцам в Ионии. Но в это время появилась более серьезная претензия — подчинение всей Греции власти Великого Царя. Во время персидских войн все будущее независимой греческой цивилизации оказалось под угрозой. Заслуга Афин заключалась в том, что они это поняли с самого начала и, не дрогнув, встретились лицом к лицу с опасностью.

Глава четвертая

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(от греко-персидских войн до прихода
к власти Александра Великого, 490—336)

Экспедиция под командованием Датиса и Артаферна объединила существенные силы пехоты и кавалерии (возможно, 25 тысяч человек), которые были перевезены на военных кораблях по морю. Гиппий, бывший тиран Афин, сын Писистрата, сопровождал эту экспедицию с целью восстановить свою власть в Аттике с помощью персов. Он рассчитывал найти поддержку в народе среди тех, кто вспоминал о режиме писистратидов как о «золотом веке». По пути флот сжег остров Наксос, покорил Киклады, затем опустошил территорию Каристы на Эвбее, достиг Эретрии, которая после десятидневной осады была сдана в результате измены. Наконец войска высадились в Аттике, в Марафонской бухте, перед Эвбеей. Гиппий давал советы персам в этих операциях.

Афины перед лицом этой опасности отправили гонца в Спарту с просьбой о поддержке. Однако скрупулезные лакедымоняне не посмели отправиться в поход на новолуние, которое должно было наступить через шесть дней: когда же они прибыли, все было кончено. На народном собрании афиняне приняли решение дать бой в открытом поле вместо того, чтобы дожидаться атаки на городские стены. Один из десяти выбранных стратегов, Мильтиад, уже имевший дело с персами во время колонизации Херсонеса Фракийского, настоял на этом решении. Он сыграл решающую роль на поле боя, уговорив полемарха Каллимаха, верховного главнокомандующего, попытаться счастья в бою и не выжидать. На рассвете сентябрьского дня 490 года удар был нанесен. Платея, верный союзник Афин, прислала подкрепление —

тысячу воинов. Гоплиты беглым маршем атаковали персидскую пехоту, по численности в два раза превосходившую их силы, и после рукопашной схватки обратили ее в бегство. Вражеский флот встретил побежденных и поднял паруса. Каллимах и чуть менее 200 афинян пали на поле боя и были похоронены в братской могиле, которая до сих пор заметна на прибрежной равнине Марафона посреди оливковых деревьев. Персы потеряли почти 6500 человек. Мильтиад и стратеги вернули войско в Афины в тот же день и прибыли вовремя, чтобы предотвратить высадку врага в Фалере. Увидев, что берег защищен, Датис и Артаферн отказались идти дальше и вернулись в Азию, увозя с собой трофеи и пленников с Эвбеи и Киклада.

В глазах Дария операция была проведена с половинчатым успехом. Конечно, Афины избежали кары Великого Царя, но Эретрия, другой город, поддержавший ионийских повстанцев, был жестоко наказан. Пленные эретрийцы были доставлены в Ардерикку, севернее Суз, в Луристане, регионе, где велась добыча нефти. Спустя пятьдесят лет они продолжали говорить на своем языке и сохраняли обычаи — так свидетельствует посетивший их Геродот. Разграбление городов Эвбеи и Наксоса, огромное количество пленников — это, безусловно, позитивные результаты для персов, однако провал в Аттике запомнился им надолго. Афины ничего не теряли от своей выжидательной политики. Стало понятно, что для того, чтобы покорить Грецию, Великому Царю недостаточно десантного корпуса, поддерживаемого флотом. Дарий начал разрабатывать новый, более масштабный план вторжения, однако восстание в Египте затормозило его осуществление. В этот промежуток времени царь умер (486), и его преемник Ксеркс должен был сначала восстановить порядок в Египте, прежде чем предпринимать новую экспедицию в Европу.

То, что для персов было лишь небольшим поражением, в памяти греков осталось как победа, имевшая огромное значение. Впервые грозная персидская армия была разгромлена в открытом поле гоплитами. До этого она была непобедимой. Этот подвиг Афины совершили собственными силами: город Кекропа, гордившийся своими древними традициями и недавним успехом, отныне был окружен ореолом военной славы, которой не было даже после победы в Халкиде в 506 году. Наряду со Спар-

той, до сих пор бывшей непревзойденной в отношении войны, Афины заслужили авторитет, который подпитывал их зарождающиеся амбиции. Но прежде всего покушение Дария на Афины заставило греков перед лицом могущественной азиатской империи осознать, что такое греческая культура.

Речь шла не о жизни или независимости одного народа, но о будущем целой цивилизации. Какими бы ни были до этого заслуги Писистратидов перед Аттикой, присутствие Гиппия в персидской армии стало для них символом. В лице юной афинской демократии, выбравшей путь мужественного сопротивления иноземным захватчикам, весь греческий народ выражал свое нежелание оказаться в рабстве. Конечно, греки не раз завоевывали друг друга до и после этого. Но на сей раз речь шла не о рядовом конфликте, где «война — мать всего», как сказал Гераклит, и где сталкивались интересы отдельных людей. Скромная колониальная экспедиция Датиса и Артаферна представлялась грекам не просто попыткой установить иностранное господство в Греции, но угрозой укоренения политической философии крупных восточных государств, в основе которой лежала идея божественной власти суверена и где вместо граждан была безликая толпа, подавляющая личность. Такое будущее войны Марафона, или *марафономахи*, отказывались принять для себя, своих братьев и своих потомков. В противовес Азии, чье могущество, богатство и величие были основаны на подчинении народа воле абсолютного монарха, они выдвинули идеал полиса, жители которого были свободными людьми. Когда ясным летним утром солдаты Мильтиада, вооруженные круглыми щитами и длинными копьями, двинулись против темной массы персов, выделявшейся на фоне блестящих морских волн, они боролись не только за самих себя, но за свое мировоззрение, которое впоследствии станет общим достоянием Запада.

* * *

Вторая греко-персидская война носила совершенно иной характер. Все знали о приготовлениях Ксеркса, начавшихся в 483 году: он не только собрал значительные силы на суше и на море, он также развернул впечатляющие общественные работы. Например,

он создал канал вдоль перешейка Акта (полуостров горы Афон) на Халкидике, чтобы не обходить опасный мыс, где корабли Дария понесли большие потери десять лет назад, в 492 году, в ходе операции на северных берегах Эгейского моря. Было очевидно, что готовится новое вторжение и что целью Великого Царя является вся Греция.

В Афинах умер попавший в опалу после неудачной экспедиции на остров Парос Мильтиад. Наиболее авторитетный политический деятель, Фемистокл, видел угрозу и предусмотрел средства ее отражения. По его совету народ ассигновал чрезвычайные средства из Лаврийских рудников для строительства флота из двухсот триер. Спарта, благодаря своей прежней славе и поддержке союзников, стала во главе греческих городов, решивших сражаться за свою независимость. Внутренние войны были прекращены. Собравшиеся на Истме представители разных государств обсуждали свою стратегию и доверили верховное командование спартанским командирам. Аргос, Ахайя, Этолия и Крит сохранили нейтралитет. Гелон, тиран Сиракуз, отказался от участия, поскольку его не пожелали признать главой коалиции. Наконец соглашение между персидским царем и Карфагеном заставило отговорить сицилийского тирана от участия в далеком путешествии из-за пунической угрозы, которая могла возникнуть в любой момент.

Силы Ксеркса, собранные на северо-западе Малой Азии, начали переход через Геллеспонт в начале июня 480 года по понтонному мосту, который персы перебросили через пролив между Абидосом и Сестом под руководством греческого инженера Гарпала. Флот из 1200 кораблей прикрывал маневры на суше и снабжал провизией многотысячные войска. Все провинции огромной империи предоставили контингенты, о пестроте и живописности которых говорил Геродот. Морская армия состояла из финикийских, египетских и кипрских эскадр, к которым присоединились 300 греческих судов от ионийцев или островных владений царя. Через Фракию и ее греческие колонии, превращенные в сатрапии, затем через Македонию, связанную с монархией Ахеменидов, Ксеркс достигает окрестностей горы Олимп и вторгается в Фессалию, отбросив греков далеко на юг. Фессалийцы и беотийцы (кроме Платей и Феспии) примкнули к Ксерксу. Первое столк-

новение на суше произошло при Фермопилах, между морем и Каллидромским хребтом, в месте, которое считалось непроходимым для целой армии. В самом начале августа 480 года персы захватили оборонные позиции греков, которые вражеская колонна обошла по горной дороге. Вовремя предупрежденные, греческие войска были отведены на Коринфский перешеек, а оставшиеся царь Леонид и его триста спартанцев вместе с несколькими беотийцами из Феспии боролись до последнего. Их жертва воодушевила всех эллинов и была воспета поэтом Симонидом в эпиграммах, выгравированных впоследствии на братской могиле этих храбрецов: «Странник! Скажи Спарте, что мы пали здесь, повинаясь ее законам».

В то же время греческий флот, собранный у мыса Артемисон, в северной части Эвбеи, впервые встретился с эскадрами Великого Царя, шедшими от города Ферм, места, где впоследствии будут построены Фессалоники. Хотя они попали в шторм, разбивший 400 кораблей о скалистый полуостров Магнесию, египетские и азиатские судна отлично показали себя в течение всего боя, длившегося с перерывами два дня. После поражения при Фермопилах греческий флот направился на юг и бросил якорь около острова Саламин, откуда он мог защищать линию укреплений на Истме.

Через Фокиду, которая была разрушена, и Беотию, которая стала союзником, персы пришли в Аттику. По совету оракула афиняне оставили город, чтобы спастись на кораблях, которые доставили их на Саламин и в Трезен. Слабый гарнизон, оставшийся в акрополе, храбро оборонялся до полного истребления. Афины были разграблены и сожжены. Таким образом, как того желал Дарий, Ксеркс отомстил за сожженные ионийцами храмы в Сардах.

Перед тем как напасть на оборонительные сооружения Истма, царь должен был разрушить греческий флот, собранный у Саламина. Посланцы сообщили ему о распрях и сомнениях в среде союзных греческих военачальников под предводительством спартанца Эврибиада. Афинянин Фемистокл считал, что необходимо дать бой без промедления в водах Саламина, где недостаток пространства помешал бы противнику развернуть все суда и воспользоваться численным превосходством. Он искусно маневрировал, чтобы отвергнуть предложение отступить к Истму. Предупрежденные персы выставили эскадру на западном входе в Элевсинскую

бухту, через которую греки могли отступить. Бой теперь был неизбежен. Утром, ближе к концу сентября 480 года, флот Великого Царя с финикийскими судами во главе входит в пролив шириной не более одного километра между Саламином и берегами Аттики. Ксеркс установил свой трон на склонах Эгалеоса, чтобы наблюдать за победой своих эскадр. Греческие корабли были готовы к бою: согласно тактике Фемистокла, они использовали свои возможности маневрировать, чтобы протаранить вражеские суда, которым было тесно и которые начали друг другу мешать. Высадившиеся гоплиты, вооруженные лучше своих азиатских и египетских противников, одержали победу в боях на абордаж. Афиняне и эгинеты, два самых многочисленных контингента в греческом флоте, проявили в сражении свою сноровку и храбрость. После жестокого и беспорядочного боя, суда Великого Царя повернулись другим бортом и двинулись к Фалере, а греки до наступления ночи уничтожали вражеские корабли, которых они, как говорит Эсхил, били «как тунцов». Менее 400 греческих кораблей одолели флот, в три раза превосходивший их числом.

Ослабленный этими тяжелыми потерями персидский флот уже не был опасен. Армия же осталась цела. Однако Ксерксу довольно было увиденного, и время года было неблагоприятное. Он дал приказ отступать, отправив остатки флота к Геллеспонту, а сам двинулся вместе с армией по суше. Сорок пять мучительных дней заняло возвращение обратно в Азию. В Фессалии он оставил одного из своих генералов, Мардония, со значительными силами, который должен был перезимовать на месте, чтобы возобновить наступление весной.

В 479 году, как только наступило время жатвы, в начале июля, Мардоний вторгся в Аттику, жители которой вновь были эвакуированы на Саламин. Поняв, что объединенная греческая армия покинула Пелопоннес, он возвратился в Беотию, оставляя после себя разрушенный город и опустошенные деревни. Он поджидал греков на проходах через Киферон, близ реки Асоп. Его войска были многочисленны и отлично обучены: к персидской и азиатской пехоте присоединились беотийские и фокейские гоплиты; особенно опасной была кавалерия, усиленная эскадронами Фессалии, Беотии и Македонии. Греческая армия под командованием спартанца Павсания, племянника Леонида, насчитывала около 40 000 гопли-

тов, среди которых было 10 000 спартанцев и 8000 афинян, не считая легковооруженных воинов. Они пересекли Киферон и заняли позиции у подножия горы, перед персами, возле города Платеи. Противники наблюдали друг за другом в течение трех недель. Все это время греки подвергались беспрестанным налетам вражеской кавалерии. Приказ об отступлении, отданный Павсанием, но проигнорированный его подчиненными, побудил Мардония пересечь Асоп со своей пехотой и атаковать дезорганизованную греческую армию. Однако греки стойко выдержали нападение: лакедемоняне, в частности, показали себя достойными своей традиционной славы — они отразили наступление персов и стремительно атаковали врага, обратив его в беспорядочное бегство. Мардоний погиб на поле боя. Афиняне, левое крыло, повергли беотийцев в бегство. Варварский лагерь пал под ударами греков, которые перебили захватчиков. Остатки вражеской армии направились на север под защитой кавалерии. Фивы, после двадцатидневной осады, сдали персидских сторонников. Победители по праву могли праздновать свою победу, делая вотивные приношения в крупные храмы, например, известную змеиную колонну в Дельфах: на этот раз Греция была окончательно спасена.

Битва при Платеях, через год после Саламина, положила конец угрозе, которая в течение пятнадцати лет нависала над греческим миром: но она не положила конец греко-персидским войнам. В тот же день, когда Павсаний разбил армию Мардония на полях Беотии, греческий флот под руководством спартанца одержал другую крупную победу. Он перешел в наступление по призыву ионийцев, которые мечтали избавиться от гнета Ахеменидов. Персидский флот, отказавшийся принять бой, был вынесен к мысу Микале, на азиатском берегу перед Самосом, и его экипаж объединился с войсками региона для создания укрепленного лагеря. Греки высадились и взяли лагерь штурмом, в результате которого ионийские контингенты персидской армии перешли к противнику. Победа при Микале дала грекам превосходство на Эгейском море. Ионийцы почти отовсюду изгнали персидские гарнизоны и послов Великого Царя. Греческий же флот направился к Геллеспонту, чтобы разрушить понтонные мосты, построенные Ксерксом над проливом: но за них это уже сделал штурм. После этого флот вернулся в Грецию, но афинский контингент

остался в Проливах и осаждал Сест, который сдался зимой. Весной 478 года афинский стратег Ксантипп, отец Перикла, привез в Афины вместе с внушительной добычей канаты, связывавшие понтонные мосты Ксеркса. Эти трофеи, посвященные богам в крупных храмах, усилили престиж Афин. Отныне этот город взял в свои руки военно-политическую инициативу в операциях против Азии.

* * *

«С периода персидских войн до Пелопоннесской войны, — как говорит Фукидид, — лакедемоняне и афиняне боролись то между собой, то против своих же союзников, которые стремились избавиться от их власти, то заключали перемирие, не прекращая наращивать военную мощь, по возможности увеличивая боевой опыт». Для историка этот пятидесятилетний период, или *Пентеконтаетия*, — время назревания конфликта, который вылился в соперничество двух крупных греческих полисов. Спарта, чей авторитет доселе был неоспорим, с беспокойством наблюдала за ростом могущества Афин, которые стали весьма влиятельны на Пелопоннесе. Это восхождение было важным не только для Греции, но и для всей нашей цивилизации: ведь именно после того как Афины вышли на первые роли в политике, началось развитие в сфере литературы, искусства и мышления. Пятидесятилетие, с 480 по 430 год, известно как *век Перикла* — это период решительного взлета и ослепительного блеска греческой цивилизации.

С зимы 478—477 годов афиняне организовали вместе с ионийскими полисами Малой Азии и островами союз для ведения войны с персами. Их армия оставалась грозной, и постоянно существовала опасность контратаки. Города Малой Азии, Проливы и Эгейское море, которые были под прямой угрозой, требовали постоянной защиты со стороны моря. Одни лишь Афины могли это обеспечить: общность традиций между Аттикой и Ионией, несомненно, способствовала их объединению, однако в основе лежали более широкие интересы. Афины предоставили свой флот в распоряжение союза и взяли на себя командование объединенными силами. Города, не способные предоставить морские контингенты, оказывали ежегодную финансовую помощь, или *три-*

бут, размер которой был справедливо установлен и распределен Аристидом. Союзный фонд под руководством афинских казначеев находился под покровительством Аполлона в Делосском святилище, в сердце Кикладского архипелага, который был объектом всеобщего многовекового поклонения ионийцев. Успешные кампании под предводительством афинских военачальников обеспечили контроль над Проливами, изгнали персидские гарнизоны из Фракии, позволили основать афинские военные колонии (*клерухии*) в устье Стримона и на острове Скирос, пресекли попытку отделения на Наксосе. Наконец, в 467 году сын Мильтиада, Кимон, повел многочисленную эскадру навстречу персидскому флоту на южном берегу Малой Азии; в Памфилии, в устье реки Евримедонт. Он одержал двойную победу на море и на суше, оживившую в памяти битву при Микале. Безопасность греческих городов в Эгейском море отныне была упрочена.

Тем временем основные действующие лица второй греко-персидской войны сошли со сцены при скандальных обстоятельствах. Павсаний, одержавший победу при Платее, проявил властолюбие, противоречащее традициям спартанского государства. Смещенный с командного поста, он вступил в тайные отношения с Великим Царем. Эти интриги вскоре обнаружились, и его бросили умирать голодной смертью в святилище, где он искал убежище. Фемистокл, подлинный победитель в Саламинском бою, также попал в немилость. Он еще раз помог своей родине, настояв, несмотря на противостояние Спарты, на необходимости строительства стен, разрушенных персами, и укрепления Пирея. Однако политические события отстранили его от афинского народа, он был подвергнут остракизму. Он оказался замешан в переговорах между Павсанием и персами и был изгнан послами Спарты и Афин. Он смог спастись, лишь перейдя под защиту Артаксеркса, сына Ксеркса, который благосклонно встретил его и дал ему земли в Анатолии, где он умер вскоре в 460 году.

Если Афины без Фемистокла нашли в лице Кимона способного правителя и вдохновили его на смелую политику, то Спарта испытывала серьезные осложнения. Она была вынуждена столкнуться с Аргосом, своим соседом и заклятым врагом. Затем неожиданно вспыхнуло восстание илотов, что повлекло за собой третью Мессенскую войну (469—460). Сильное землетрясение

в 464 году практически полностью разрушило город: лишь благодаря энергии царя Архидама и традиционной спартанской дисциплине страну удалось спасти от полной катастрофы. Поэтому Спарта не смогла воспользоваться первыми помехами на пути Афин к гегемонии: когда в 465—464 годах остров Фасос у берегов Фракии пожелал отделиться от афинского союза, он напрасно взывал к помощи Лакедемона; Кимон подавил мятеж после двухлетней осады. Кроме того, Спарта обратилась за поддержкой к Афинам, чтобы подавить восстание мессенцев. Кимон отправился вместе с экспедиционным корпусом, чтобы взять крепость на горе Итоме, где укрывались повстанцы. Лакедемоняне беззащитно отказались от помощи. Это был повод для открытого разрыва отношений между двумя государствами: вооруженная борьба сменила двадцатилетний период скрытой вражды.

Внутриполитическое развитие Афин подогрело враждебность Спарты. Кимон всегда испытывал глубокое расположение к консервативным традициям Лакедемона. Но несмотря на его победы, он был подвергнут ostracismu в 461 году: он не смог помешать демократической партии, которую возглавляли Эфиальт и сын Ксантиппа, Перикл, провести реформы, ограничивающие функции совета Ареопага, состоящего из бывших архонтов, и оставляющие ему лишь ограниченные судебные функции в делах, связанных с убийством или святотатством. Совет пятисот и суд гелиэи, которые набирались по более демократическим принципам, унаследовали другие функции, до сих пор исполняемые Ареопагом. Хотя Эфиальт почти сразу после этого был убит, изменения были сохранены, о чем Эсхил упоминал в «Орестее» (458): «Откажись от анархии, как от деспотизма» («Эвмениды», 525—526). В то же время Афины развернули наступательные операции одновременно против персов, лакедемонян и их союзников. Расширяя оборонительные ресурсы, построив от города до Пирея сплошное укрепление в продолжение Длинных Стен, они отправили флот в помощь ливийскому правителю, который около Мемфиса пытался поднять Египет против Великого Царя. Эта экспедиция, начавшаяся весьма успешно, завершилась крахом в 454 году: почти все войска были уничтожены. В континентальной Греции Афины добились поддержки Мегары, которая до этого была союзником Спарты, вели войну с Коринфом и сломили

могущество Эгины (457), обеспечив себе, таким образом, свободу действий в Сароническом заливе. В Танагре, в Беотии, они потерпели поражение в бою со спартанской армией (457), которая вернулась в Пелопоннес после своего успеха. Афиняне воспользовались этим, чтобы утвердить свою власть в центральной Греции. Затем военные действия на море под частичным командованием Перикла велись на берегах Пелопоннеса. В Западной Локриде, в городе Навпакте, афиняне создали надежный опорный пункт для защиты мессенцев, которые были сосланы спартацами: теперь они могли контролировать Коринфский залив точно так же, как и Саронический.

Десятилетие с 460 по 450 год было очень важным для Афин: именно в это время Перикл, родившийся около 495 года в знатной семье, связанной с родом Алкмеонидов, стал главным вдохновителем афинской политики. Красивый, обаятельный, образованный, великолепный оратор, компетентный в военном деле, он пользовался абсолютным доверием демократов, которые считали его в политическом и финансовом отношении неподкупным и остались верны ему до конца, несмотря на нападки комических поэтов, расположенных к его противникам. Он вынашивал для своей родины далеко идущие планы огромного значения и не стеснялся использовать крайние меры для их достижения. Убежденный, что афинский народ обладает особенными способностями, он считал, что эти способности дают ему право на гегемонию и что он должен это право реализовать: это привело его к захватнической политике, к которой его сограждане быстро приспособились. Народ находил здесь свою выгоду, поскольку он становился не просто правящей верхушкой конфедерации, но центром целой империи, а финансовые ресурсы союза предоставляли ему денежную помощь: введение ежедневной оплаты для судей гелиэи, увеличение числа государственных служащих в метрополии и во внешнем мире, военные жалованья и пособия, за счет всего этого, по свидетельству Аристотеля, кормились более двадцати тысяч граждан. Если к этому прибавить престижное строительство, которое Перикл развернул в акрополе и которое обеспечивало работой сотни рабочих в течение более двадцати лет, мы увидим, насколько политика Перикла благоприятствовала материальным интересам народа, не говоря о том, какое удовлетворение она

приносила народному самолюбию. В 454—453 годах союзная казна была перемещена из Делоса в Афины, перейдя, таким образом, из-под покровительства Аполлона к Афине. Эта мера была продиктована угрозой, которую создавал вокруг Киклад персидский флот из-за провала афинской операции в Египте, но по сути это был политический шаг, который означал полное господство Афин в политике союза. Союзные полисы фактически стали подданными, а союз превратился в империю.

Перикл с помощью Кимона, вернувшегося из ссылки, действовал решительно и энергично. Провал в Египте и захватнические устремления Афин заставили несколько союзных полисов перейти на сторону неприятеля, не без содействия персов. Чтобы развязать себе руки, Афины заключили перемирие со Спартой. Они стремились вернуть отделившиеся полисы под свое влияние. После восстановления своей власти они возобновили войну с персами: Кимон с эскадрой отправился искать сражение к Кипру. Одержав там победу в военных действиях, он скончался от болезни. В 449—448 годах начались переговоры, в результате которых был подписан так называемый Каллиев мир — по имени главы афинской делегации. Автономия греческих полисов Азии была обеспечена. Военные суда Великого Царя больше не могли появляться в Памфилии и Босфоре. Афины, со своей стороны, обязались не покушаться на территории Великого Царя. Установление мира обеспечило безопасность ионийцам, к чему стремился Делосский союз, и морская торговля вновь стала свободной.

Афины воспользовались этим, чтобы утвердить влияние на своих «союзников»: создаются все новые военные колонии (*клерухии*) на их территориях; Афины все чаще оказывают влияние на внутреннюю политику этих государств, поддерживая демократов; они вводят в оборот аттическую монету и систему мер и весов. Экономическое доминирование шло в ногу с политическим. Тем временем Спарта тоже не бездействовала на континенте. Она начала против фокейцев, афинских союзников, вторую священную войну, чтобы защитить автономию Дельф. Афины быстро дали отпор, однако они столкнулись с трудностями в Центральной Греции, где ряд беотийских городов встретил их враждебно. Один афинский корпус потерпел тяжелое поражение

в 446 году при Коронее: и пришлось покинуть Беотию. В Мегаре, а затем на Эвбее поднялось восстание. Наконец, спартанская армия подошла к Элевсину. К счастью для Афин, командир этой армии не пошел в атаку, а, наоборот, отступил. Перикл воспользовался этим, чтобы жестоко наказать восставших эвбейцев. В 446—445 годах он заключил со Спартой перемирие на тридцать лет, благодаря которому установился баланс сил между афинской империей, потерявшей большинство своих союзников на континенте (кроме Платеи и Навпакта), но остававшейся хозяйкой на море, и Пелопонесским союзом под предводительством Спарты, который укрепило присоединение Мегары и Беотии. Обе стороны отказывались от операций против союзников друг друга, но могли действовать по своему усмотрению относительно нейтральных стран. Свобода морской торговли как на западе, так и на востоке была гарантирована.

Несмотря на неудачи в материковой Греции, Афины пребывали на вершине своего экономического и военного могущества. Воодушевленные Периклом, они передали часть фондов для строительства сооружений и статуй в акрополе: строительство Парфенона шло с 447 по 438 год, священное место оставалось объектом непрерывного строительства до 432 года. Одна статуя Афины Парфенос, созданная Фидием, стоила 700 талантов, что равнялось почти двукратному годовому налогу с союзников. В то же время Афины содержали свой флот, поддерживая 60 триер в состоянии боевой готовности в течение восьми месяцев в году. Эти силы позволяли им вторгаться в самые разные области. В 443 году именно афиняне основали в Фуриях, в южной Италии, недалеко от древнего Сибариса, колонию от разных греческих полисов: историк Геродот из Галикарнаса был одним из первых ее жителей. В 440—439 годах Перикл с трудом подавил восстания на Самосе и в Византии. Жестокость подавления самосцев ясно показала всем, что союз превратился в империю с тираническими требованиями. Таким образом, укрепив свой авторитет, Афины теперь могли направить экспедицию на Черное море к Синопу и Амису, где помимо прежних захватчиков поселились новые группы колоннов. В 436 году в устье Стримона они основали крупную колонию Амфиполь, чтобы усилить свое влияние во Фракии и на Халкидике. Наконец, на западе Афины заключили союз с Акарнанией.

В этом регионе, как и на Халкидике, интересы Афин сталкиваются с интересами Коринфа, бывшего участником пелопонесского союза. Между Коринфом и его бывшей колонией Керкирой (Корфу) разворачивается конфликт; последняя обращается за помощью к Афинам: в морском сражении в 433 году в прибрежных водах Корфу жители Керкиры ждали подкрепления от Афин, чтобы смять коринфскую эскадру. Появился риск разрастания конфликта, и Перикл, осознававший это, считал его неизбежным. Таким образом, он бросил вызов Спарте. В 432 году он принял декрет, который закрывал торговцам из Мегары доступ к портам и рынкам Аттики и афинской империи: это повергло Мегару, предоставившую убежище беглым рабам из Афин, в экономический паралич. Тем временем в Потидею, крупнейший город на Халкидике, который был колонией Коринфа и сохранял тесный контакт со своей метрополией, была направлена афинская экспедиция. Вторжение в Корфу, осада Потидеи, «мегарский» декрет — такого Спарта стерпеть не могла. Заручившись поддержкой своих союзников, при подстрекательстве Коринфа, она предъявила Афинам ультиматум, требуя по крайней мере отмены декрета против Мегары. По совету Перикла афиняне отвергли это требование: это привело к разрыву и окончательной конфронтации между двумя враждующими полисами. Война, начавшаяся в 431 году, длилась двадцать семь лет и завершилась поражением Афин в 404 году.

* * *

С самого начала конфликта Перикл настоял на принятии дорогостоящей стратегии, которая единственная была способна дать Афинам серьезные шансы на победу. Он отлично осознавал слабость афинских войск перед силами Спарты и ее союзников в бою в открытом поле: ведь не только численное преимущество, но и знаменитая храбрость спартанских гоплитов заставляла их противников задуматься. Очевидно, лакедемоняне ждали столкновения, чтобы решить конфликт исходом одного-единственного сражения. Перикл принял решение отказаться от этого боя: население Аттики должно было укрыться за крепостными стенами города, оставив для вражеского вторжения деревни. Зато афиняне полностью использовали свое преимущество на море, не

только чтобы поддерживать свободу торговли начиная с Пирея, но и чтобы давать отпор на берегах Пелопоннеса постоянным высадкам и налетам. Триста собственных триер, суда Хиоса, Лесбоса и Керкиры, качество экипажей, базы в Навпакте и Акарнании на западе, господство в Эгейском море, объем финансовых запасов, постоянно пополняемых за счет налогов, — вот преимущества Афин перед их врагом, не столь хорошо оснащенным на море и не столь богатым. Можно было ожидать, что Пелопонесский союз, истощенный беспощадной морской войной, закончит свое существование распадом и что Спарта, брошенная своими союзниками, признает свое поражение. Итак, речь шла об изнурительной войне, где Афины должны были показать твердость и моральную силу, позволяя захватчикам опустошить свои земли, но сохраняя веру в конечный исход войны. Периклу потребовался весь его авторитет, чтобы отстоять свои взгляды: половина населения Аттики — все крестьяне и горожане, имеющие сельские земли, — принесли в жертву свое имущество и образ жизни в пользу долгосрочной стратегии.

Первый период войны, длившийся десять лет (431—421), часто называют войной Архидамы — по имени царя Спарты, который проводил первые операции и который, как и многие другие, погиб в 427 году. После налета Фив на Платеи, союзника Афин, спартанская армия вступила в Аттику и разорила равнину, тогда как афинский флот совершал рейд на пелопонесские берега. В следующем, 430 году лакедемоняне вновь вторглись в Аттику. Афины в это время страдали от неожиданно обрушившегося на них удара — эпидемии чумы. Сосредоточение всего населения в городской зоне, где деревенские жители размещались на пустырях в ужасных условиях без всякого соблюдения гигиены, способствовало эпидемии, которая продолжалась больше года и возобновилась в 427 году. Треть населения была истреблена болезнью. В этом ужасном испытании, описание которого оставил нам Фукидид, афиняне на время отвернулись от Перикла, но весной 429 года они вернули ему свое доверие, переизбрав его стратегом. Истощенный, этот великий человек умер осенью. Его гибель лишила Афины единственного политического деятеля, способного довести войну до конца. Кроме него, никто не имел ни подобного доверия, ни ясности ума.

Военные действия шли с переменным успехом. На Халкидике афиняне взяли Потидею (429) после двух лет дорого обошедшихся попыток. В прибрежных водах Навпакта стратег Формион в том же году одержал крупную победу над пелопоннесской эскадрой, во много раз более многочисленной: чтобы отпраздновать свою победу, афиняне построили портик в Дельфийском храме. Но они столкнулись с предательством Митилены — самого значительного полиса на Лесбосе, за что он поплатился разрушением. По предложению вождя демократов, Клеона, подстрекатели восстания подверглись массовой казни. В том же 427 году Платей, осаждавшиеся в течение двух лет, сдались, а небольшой гарнизон платейцев и афинян был расстрелян. Война приняла жестокий и непримиримый характер.

В 425 году Афины, по счастливому стечению обстоятельств, оказались очень близки к победе. Они ввели несколько отрядов в Сицилию против Сиракуз и городов-союзников Спарты. Эскадра с подкреплением, направленная на запад, из-за плохой погоды была вынуждена стоять на рейде у Пилоса, на западном берегу Мессении. Афинский полководец Демосфен, отличившийся еще в Акарнании, принял решение остаться в Пилосе и укрепиться там с несколькими солдатами, чтобы оттуда контролировать всю Мессению, бывшую уязвимой частью территории спартанцев. Чтобы устранить эту угрозу, лакедемонянам необходимо было взять позиции афинян, сопротивлявшиеся их атакам: они занимают прибрежный остров Сфакторию, закрывающий рейд в Пилосе. В этот промежуток времени внезапно появляется афинская эскадра и блокирует на острове 400 занявших его спартанцев. Число собственно спартанцев в Лакедемонском полисе было таким ограниченным, что блокада 400 из них побудила Спарту просить мира на очень выгодных для Афин условиях. Но народное собрание в Афинах по наущению афинского демагога Клеона, склонного к крайним мерам, повело себя непримиримо и после оживленных дебатов приняло решение уничтожить осажденный на Сфактерии корпус. Под искусным руководством Демосфена афинские войска, во много раз численно превосходящие, разбили лакедемонских гоплитов: спустя двадцать дней Клеон привел в Афины 300 заключенных, среди которых 120 были спартанцами (425). Эта блестящая операция укрепила большинство насе-

ления в намерении бороться до победного конца, несмотря на горячие речи Аристофана в пользу мира.

Однако удача отвернулась от Афин. В 424 году афинская армия совершила вторжение в Беотию. В Делионе, недалеко от Танагры, они столкнулись с беотийцами и потерпели поражение в открытом поле: Афины совершили ошибку, не прислушавшись к советам, которые когда-то дал Перикл. С другой стороны, спартанский полководец Брасид отправился в северную Грецию и захватил Амфиполь, несмотря на усилия афинянина Фукидида, который руководил отрядом, размещенным на Фасосе; обвиненный в потере Амфиполя Фукидид был отправлен в ссылку, где посвятил свое свободное время написанию истории этой войны. Между тем Брасид одержал победу на Халкидике, лишив Афины нескольких союзников. Клеон взял на себя командование экспедицией по возвращению Амфиполя: летом 422 года он столкнулся с Брасидом у стен города. И сам он, и Брасид погибли в ходе операции. Одновременное исчезновение лучшего спартанского полководца и афинского военачальника, сторонника беспощадной войны, позволило двум государствам начать переговоры, которые в 421 году завершились так называемым Никиевым миром — по имени афинского политического деятеля, который в них участвовал. Этот мир, заключенный в результате истощения обеих сторон и основанный на взаимных уступках, не разрешал споров о превосходстве между Афинами и Спартой. Он не мог длиться долго.

С самого начала было понятно, что условия договора останутся прописанными лишь на бумаге: Афины, не вернув контроль над Амфиполем и Халкидикой, сохраняли позиции в Пилосе и на Кифере, откуда они могли угрожать Спарте. Сложная дипломатическая игра разворачивается между Спартой и Фивами, Афинами и Аргосом, игра, к которой присоединяется Элида и города Аркадии. Афинскую политику тянули в разные направления Никий, сторонник мира и согласия с Лакедемоном, Гипербол, последователь Клеона во главе демократической партии, и юный Алкивиад, обаятельный и бессовестный интриган, демократ по расчету, стремящийся к власти, ученик Сократа и племянник Перикла. Процедура остракизма, которая была применена в 417 году в последний раз против Гипербола, столкнула друг с другом Алкивиада и Никия, компаньонов и соперников

одновременно. Годом раньше Спарта восстановила свой военный авторитет, разгромив в открытом поле близ Мантиней аргосскую армию, укрепленную отрядами аркадийцев и небольшим афинским контингентом. Со своей стороны, Афины стремились усилить свой контроль над Эгейским морем. Остров Мелос, отказавшийся присоединиться к союзу, был взят силой, все взрослое мужское население было истреблено (416—415). Эта расправа вызвала всеобщее возмущение, но афинский народ, проигнорировав это, отправил экспедицию на Сицилию.

Уже долгое время на Сицилии Сиракузы были на первых ролях. В начале века смелая политика наследственных тиранов — Гелона, а затем его брата Гиерона — способствовала росту могущества и территориальных владений города. Их слава затмила славу других западных тиранов, таких как Ферон в Агригенте и Анаксилай в Регии. Они блестяще отстояли греческую культуру перед пуниками в одержанной Гелоном победе в Гимере (480) и перед этрусками — в выигранной Гиероном в 474 году морской битве при Кумах. В Олимпии были найдены многочисленные этрусские шлемы, переданные Гиероном в дар в честь победы. Даже после падения тирании, в 466 году, через год после смерти Гиерона, Сиракузы оставались самым могущественным полисом Сицилии. Верные своим истокам, они сохраняли хорошие отношения со своей метрополией, Коринфом, и с самого начала Пелопоннесской войны объединили для Коринфа и Спарты большинство греческих городов острова. Афины в 427—424 годах стремились поддержать Леонтины и Камарину, боровшихся против Сиракуз и их союзников с помощью Регия, однако это вмешательство не дало результатов. Теперь необходимо было воспользоваться передышкой на континенте, чтобы возобновить политику на западе. Поводом для этого стала просьба о помощи города Сегесты, союзника Афин, который находился в состоянии войны с Селинунтом, союзником Сиракуз. Всегда осторожный Никий отговаривал афинян от этого мероприятия. Алкивиад же был самым горячим его сторонником. Для народа, надеявшегося на материальные выгоды, этот поход обещал жалованье и трофеи. Совместное командование экспедицией, на которую были выделены значительные средства, было поручено Алкивиаду и Никию. На исходе весны 415 года начался поход.

Несколькими днями раньше осквернение святыни вызвало негодование афинян: колонны с головой Гермеса, установленные в знак народного почитания божества на улицах и на агоре при Писистратидах, были осквернены ночью неизвестными лицами. Поднялось всеобщее негодование, и под подозрение попал Алкивиад, поскольку его уже подозревали в осмеянии Элевсинских мистерий. Чтобы найти его, на Сицилию был отправлен корабль, однако он скрылся в Спарте. Там он в ярких красках описал намерения своей родины в отношении запада. Лакедемоняне, последовав его советам, отправили в Сиракузы спартамца Гилиппа, чтобы тот возглавил сопротивление вторжению, и решили возобновить военные действия в материковой Греции. Эти мероприятия увенчались успехом: после двух лет безрезультатных действий, несмотря на усилия лучшего афинского полководца Демосфена, экспедиционный корпус не смог захватить Сиракузы, но позже нападение на Сиракузы было отдано под искусное руководство Гилиппа, от которого они и пали летом 413 года. Никий и Демосфен были казнены победителями. Выжившие попали в плен и проданы в рабство, после чего они были отправлены на сиракузские каменоломни, или *латомии*.

Тем временем возобновилась война в материковой Греции. В том же 413 году лакедемоняне по совету Алкивиада вторгаются в Аттику и укрепляют крепость Декелию у подножия Парнаса, откуда они контролируют район Афин. Этот пункт, удерживаемый в течение всего года, позволил им отныне постоянно блокировать город с суши, не давая использовать земельные ресурсы деревни и, в особенности, закрывая доступ к лаврийским серебряным рудникам, откуда бежали работавшие там рабы. Сложный период 412—404 годов отмечен, с одной стороны, безнадежными попытками Афин избавиться от давления со стороны своих внешних врагов, а с другой стороны — многократными попытками реформировать политический режим, который считался причиной краха на Сицилии. Амбиции отдельных лиц играли немалую роль в военных действиях, зачастую решая их исход. Это была трагическая и беспощадная борьба, в которой каждый рисковал не просто своей головой, но и судьбой всей республики. Военные подвиги, дипломатические переговоры, подозрительные махинации авантюристов, народные движения, вызванные к жизни

демагогами, интриги в тайных обществах, или *гетериях*, политические убийства, смертные приговоры, избивание пленников — вот что повсеместно видит историк в этот беспокойный период истории. Уникальные фигуры политических деятелей, бывших при этом и полководцами, знаменуют собой неожиданные повороты событий: сначала Алкивиад, затем афиняне Ферамен, представитель умеренного крыла, демократ Фрасибул и стратег Конон, спартанцы Лисандр, энергичный и талантливый полководец, хитрый и беспринципный переговорщик; персидские сатрапы Фарнабаз и Тиссаферн, младший сын Великого Царя Кир младший, организовавший поход десятитысячного войска. Отныне роль персов в развитии конфликта становится определяющей. Прошли те времена, когда греки объединялись против азиатской угрозы. Теперь они, напротив, начинают бороться за союз с Ахеменидами и их представителями в Анатолии: помимо военной помощи, им необходимо было золото царя, чтобы покрыть военные расходы и переманить наемных солдат из другого лагеря более высоким жалованьем. Этот фактор стал решающим для окончательной победы Спарты.

Война ведется, главным образом, на море, становясь более дорогостоящей и более опасной одновременно. Афины безнадежно пытаются сохранить свою империю, в которой повсеместно вспыхивают восстания, а также линии коммуникации, по которым они получают продовольствие. Отрезанные вследствие измены Родоса от Египта, одного из двух главных поставщиков злаковых культур, они борются не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить открытыми Проливы, по которым они получали зерно из регионов южной России. В Ионии учащаются случаи восстаний: один лишь остров Самос, где афиняне установили демократический режим, предлагает их флоту надежный опорный пункт. Однако моряки и солдаты, остановившиеся на Самосе, не приняли олигархическую революцию, которая разразилась в их отсутствие под совместным влиянием аристократических гетерий, вдохновленных оратором Антифоном, и умеренного крыла под руководством Ферамена. В 411 году в течение нескольких месяцев демократия была ликвидирована и заменена олигархическим режимом так называемых *Четырехсот*. Однако эти последние не сумели сохранить поддержку Ферамена, временно восстановив-

шего предыдущий режим по договоренности с самосским флотом, которым руководил Фрасибул. Алкивиад, связанный со Спартой, вернулся к своим соотечественникам. Под его командованием объединенные силы Фрасибула и Ферамена одержали крупную морскую победу при Кизике в 410 году. Спарта сделала предложение заключить мир, которое народное собрание Афин имело неосторожность отвергнуть. Вплоть до 408 года афинский флот одерживал победы во Фракии и в Проливах, однако после того, как Лисандр, получавший финансовую помощь от Кира Младшего, стал адмиралом пелопоннесского флота, ситуация изменилась. Лисандр предложил афинским гребцам более высокое жалованье и обеспечил себе преимущество в первой битве. Алкивиад, считавшийся ответственным за это, передал свое командование Конону и скрылся в Херсонесе. В 406 году Афины приняли еще одну попытку: их флот, существенно усиленный, одержал победу над пелопоннесской эскадрой на Аргинусских островах, на азиатском побережье ввиду Лесбоса. Это был последний подарок судьбы. Афинский народ не сумел им воспользоваться: более того, в пылу беспричинного гнева он приговорил к смерти стратегов-победителей, которые были обвинены в том, что не спасли экипажи кораблей, разбитых в бою. Среди полководцев, ставших жертвой этого противозаконного процесса был сын Перикла. В следующем году Лисандр с помощью хитрой военной тактики застал врасплох афинский флот, стоявший на якоре у Херсонеса, недалеко от устья Эгоспотам, и полностью его разрушил, захватив корабли и взяв в плен экипажи. Одному только отряду под руководством Конона удалось скрыться. Это было окончательное поражение. В ноябре 405 года Пирей был блокирован, и осажденное городское население начало страдать от голода. Спротивление длилось четыре месяца, и город сдался в апреле 404 года, приняв условия победителя: разрушение Длинных Стен, сдача последних военных кораблей, подчинение распоряжениям Спарты во внешней политике. Лакедемоняне показали свое благородство, не согласившись с требованиями своих союзников, Фив и Коринфа, установить в Афинах жестокий режим, подобный тому, который сами Афины устанавливали на Мелосе, в Митилене и других городах. Под звуки флейт были разрушены Длинные Стены: казалось, что Греция вступает в эру независимости.

* * *

Хотя падение афинской империи и породило подобную надежду, она просуществовала не долго. Спарта, бесспорный лидер коалиции победителей, скоро обнаружила свою неспособность играть ведущую роль в преобразовании греческого мира: привязанная к своей традиционной политике гегемона на континенте, стесненная союзом с персами, денежная помощь которых была необходима для поддержания флота, ослабленная последствиями развития своей общественно политической системы, в ходе которого число собственно спартанцев постоянно уменьшалось по отношению к низшим классам и илотам, она не имела ни достаточного количества людей, ни широких политических взглядов, чтобы навязать греческим полисам, дорожащим своей автономией, власть, способную объединить их усилия и разрешить их споры. Личный авторитет Лисандра, которому греки после его победы отдавали особые почести, позволил ему управлять бывшими союзниками Афин, повсюду отдавая власть олигархическим партиям, которых поддерживали спартанские гарнизоны во главе со спартанскими командирами, или *гармостами*. Но с конца 403 года Спарта, всегда недоверчивая к исключительным личностям, отобрала всю власть у этого «царя без короны» и вернулась к своим старым интересам гегемонии на Пелопоннесе, подавляя стремление к независимости, проявляемое элейцами.

Афины после своего поражения в течение нескольких месяцев переживали тяжелую антидемократическую реакцию. Руководство полисом было поручено комиссии из тридцати граждан, среди которых фигурировал Ферамен и Критий, образованный и цинично амбициозный аристократ, ученик Сократа и дядя Платона. Ободренные присутствием спартанского гарнизона, введенного Лисандром, Тридцать начали нагонять ужас на город, казнив более 1500 жителей и множество метеков и изъвав в свою пользу имущество осужденных и тех, кому удалось уцелеть и отправиться в ссылку. Всегда умеренный Ферамен безрезультатно пытался противостоять этому насилию: Критий убил его с помощью своих помощников; при этом совет Пятисот, приведенный в ужас, не осмелился ему помешать. Однако эмигранты, объединенные Фрасибулом, который нашел убежище в Беотии,

возвращаются в Аттику, занимают крепость Филею, а затем овладевают Пиреем. После братоубийственной войны между жителями города и населением Пирея, в которой погиб Критий, Тридцать были изгнаны, после чего перед угрозой вторжения спартанской армии в Афины стороны примирились. В 402—403 годах при архонте Эвклиде была объявлена амнистия, которая не затронула лишь совет Тридцати и нескольких магистратов; и традиционная демократия была восстановлена.

Народ неукоснительно соблюдал обязательство об амнистии и взял на себя погашение долгов, которые были взяты у спартанцев для борьбы с жителями Пирея. Однако воспоминания о бесчинствах олигархов изгладились очень медленно, и ненависть народа к ним сыграла свою роль в процессе Сократа: обвиняя его в святотатстве и разращении малолетних, Мелет при поддержке демократа Анита пробудил в судьях подозрение, что философ несет ответственность не только за свои смелые мысли и критические статьи, подрывавшие моральные устои полиса, но также и за скандальное поведение своих учеников, заносчивых и скептических аристократов Алкивиада, Кармида и особенно Крития. Неудивительно, что Сократа признали виновным: таковым он казался слабому большинству. Его героическая безропотность перед лицом смерти, уважение законов полиса, проявившееся в его нежелании избежать приговора, оказали на его друзей неизгладимое впечатление, которое Платон и Ксенофонт передали своим современникам. Его драматическая смерть в определенном смысле содействовала распространению его учения.

Занятые внутренним восстановлением, Афины послушно предоставили Спарте решать вопросы об отношениях с Персией, которая испытывала острый кризис, в который оказались вовлечены греки. После смерти царя Дария II его сын Кир младший, игравший важную роль в последние годы Пелопоннесской войны, взбунтовался против своего старшего брата, ставшего царем под именем Артаксеркс II. Он набрал отряд греческих наемников, чтобы усилить свою армию в Анатолии и направился в Вавилон. Летом 401 года он столкнулся с царской армией при Кунаксе, в Месопотамии, и погиб на поле боя. Около 13 000 греческих наемников, предоставленных самим себе, отступили на север, вдоль Тигра, пересекли Армению и следующей весной подошли к Трапезунду

на Черном море, откуда вернулись в Европу. Эта эпопея Десяти Тысяч, как их называли по приблизительному числу выживших, поразила воображение современников: она продемонстрировала внутреннюю слабость империи Ахеменидов, не сумевших остановить этот небольшой отряд на всем протяжении его длительного отступления, и укрепила уверенность греков в их военном превосходстве над Востоком. Блестяще описанная как очевидцем и участником этого путешествия Ксенофонт в «Анабасисе», эта эпопея впоследствии вдохновила Александра на его замысел.

В этом же 400 году Спарта разорвала договор с Великим Царем, чей сатрап Тиссаферн вознамерился восстановить владичество над греческими городами Ионии. Война представляла собой череду несогласованных военных операций в Малой Азии, проводимых спартанскими армиями, чье желание захватить трофеи мешало выработке эффективной стратегии. Царь Спарты Агесилай отличился здесь своей активностью и энергией. Афинянин Конон, после поражения при Эгоспотамах укrywшийся на Кипре у царя Евагора, собрал отряд для персов. И наконец, послы Великого Царя прошли по всей Греции, раздавая золото в поддержку полисов, завидовавших власти Лакедемона.

К 395 году благодаря этим усилиям была создана коалиция, куда вошли Фивы, которым Спарта после инцидента в Фокиде угрожала напрямую, Афины, Аргос и Коринф. Лисандр был убит в неудачном бою в Беотии. Отозванный из Азии по воле Великого Царя, Агесилай одержал победу над силами коалиции при Короне (394). Однако Афины восстановили Длинные Стены, и флот под руководством Конона разбил пелопоннесскую эскадру недалеко от острова Книд. В скором времени берега Лаконии вновь подверглись нападениям с моря. Военные действия разворачиваются также вокруг Коринфского перешейка, откуда они и получили свое название Коринфской войны. В ходе этой войны впервые вступила в бой легковооруженная пехота (или *пелтасты*) афинянина Ификрата, который ввел новшества в военное искусство. Восстановленный афинский флот одерживает победу в Эгейском море под руководством Фрасибула. Спарта наносит ответный удар, преградив путь в районе Проливов кораблям с продовольствием для Афин и совершая набеги на Пирей, начиная от Эгины. Противники Спарты теряют силы. Спартанец Анталкид

начинает переговоры с персами, и Артаксеркс оглашает условия, предлагаемые греческим полисам. После долгих колебаний последние подписывают так называемый Анталкидов мир (386). Они признали за Ахеменидами владение городами Азии и Кипра. Другие греческие полисы, как большие, так и малые, оставались автономными. Афины сохранили за собой Лемнос, Имброс и Скирос, где они восстановили клерухии. Царь считался гарантом этих соглашений: он получал от них выгоду, поскольку под его контроль возвращались анатолийские греки, а европейская Греция в силу автономии полисов становилась россыпью слабых государств, поход на которые становился большим соблазном. Это была компенсация за греко-персидские войны.

На западе греческий мир был вынужден выступить против угрозы Карфагена, который использовал распри между греческими полисами, чтобы возобновить экспансию на Сицилию, приостановленную после победы Гелона и Гиерона в 480 году. Войска пуников взяли штурмом Селинунт и Гимеру в 408 году, захватили и разрушили Агригент, оккупировали Гелу и грозили Сиракузам. В ходе военных действий во главе Сиракуз встал Дионисий, молодой энергичный офицер, который был избран единственным стратегом и установил свою тиранию, устранив противников. Мор, разразившийся в лагере пуников, вынудил их начать переговоры: Дионисий согласился признать господство Карфагена над большей частью Сицилии (404). После этого он предпринял попытки восстановить свои силы: он отодвинул линию укрепления вокруг Сиракуз, чтобы сделать город самым большим в греческом мире; собрал многочисленные отряды наемников — как греческих, так и варварских; создал базу стенобитных орудий и построил флот из 300 кораблей — не только триер, но и судов с четырьмя и пятью рядами гребцов. С этими мощными силами Дионисий в 397 году атаковал Карфаген и после длительной войны, где блестящие победы чередовались с поражениями, в 392 году был заключен новый договор, который значительно сузил зону влияния пуников. После этого Дионисий осуществляет другие мероприятия в южной Италии, где с опорой на местное население Лукании он занимает весь Бруттий с греческими городами Локры, Кротон и Регий, захватив который он обеспечивает себе контроль над противоположным берегом пролива (387). В то же

время его флот хозяйничает в Ионическом море, позволяя сиракузским купцам выйти в воды Адриатики: они основывают колонии в Лиссе (Иллирия), Адрии (дельта реки По) и Анконе — прекрасном порту на итальянском берегу. Налет с моря на этрусский город Агилла (Каэр) перемещает угрозу сиракузских кораблей в Тирренское море. В любом случае, несмотря на две новые войны с Карфагеном, Дионисий не смог изгнать пуников с Сицилии: в конечном счете противники согласились соблюдать границу между своими территориями от Гимеры на севере до реки Галик на юге. Карфагеняне оставили за собой треть острова в западной его части с городами Селинунт и Сегест. Остальное отходило грекам под контролем Сиракуз.

Этими мероприятиями и этими успехами Дионисий Старший (которого так называли, чтоб отличить от его сына и преемника Дионисия Младшего) заслужил серьезный авторитет: умерший в 367 году, он был, бесспорно, самым выдающимся греком своего времени. Основой его власти была военная сила, то есть главным образом наемники, которым он хорошо платил и которые были отлично вооружены, и полное отсутствие сомнений. Он создал первое крупное государство, где греки самого разного происхождения, варвары-италиоты, наемники и торговцы со всех краев жили бок о бок под его личной властью, будучи скорее подданными, чем гражданами. Он не собирался создавать из этих разнородных элементов настоящее политическое единство, но, тем не менее, он пошатнул привычные рамки полиса. С другой стороны, он дал мощный импульс экономическому развитию и превратил Сиракузы в большой рынок Запада. Пышность его двора, его интерес к литературе (он пытался писать трагедии), его необыкновенная личность привлекли к нему его: и оба остались недовольны. Исократ, мечтавший увидеть объединившихся перед персидской угрозой греков, видел в роли объединителя Дионисия. И наконец, афиняне незадолго до смерти тирана Сиракуз даровали ему гражданство и присудили ему первое место в драматическом состязании на дионисиях 367 года. Эта награда, присвоенная его трагедиям, льстила ему больше, чем все его военные победы! Но пример автократического правительства, продемонстрированный им на Сицилии, не был забыт: у него будет еще не один подражатель.

* * *

В это время материковая Греция боролась с анархией, установившейся после Анталкидова мира из-за попустительства Спарты. Последняя начала подавлять стремление своих союзников к независимости, успешно проведя военные операции в Мантинее (Аркадия), а затем в Флионте (Коринфия) и установив там удобные себе правительства. По просьбе двух городов Халкидидки, отказавшихся войти в союз, созданный при Олинфе, крупнейшем городе региона, спартанская армия вторглась, чтобы распустить этот союз и обеспечить «автономию», предписанную Анталкидовым миром. Во время этого похода в северную Грецию спартанский отряд, проходя мимо Фив, по просьбе группы заговорщиков, боровшихся за власть, оккупировал фиванскую цитадель Кадмею. Эта оккупация длилась несколько лет: однако зимой 379 года несколько фиванских патриотов во главе с Пелопидом свергли режим лаконофильских магистратов и освободили город, заставив спартанские гарнизоны отступить. Войска, направленные Спартой в Беотию, не смогли склонить Фивы к соглашению.

Афины, несмотря на старое недоверие к своему северному соседу, быстро вступились за него против Спарты: новые люди, руководившие судьбами города, оратор Каллистрат, полководцы Хабрий, Ификрат и Тимофей, сын Конона, решили воспользоваться обстоятельствами, чтобы восстановить авторитет своей родины. В 377 году благодаря их усилиям был создан второй морской союз, который, ровно через век после первого, объединил вокруг Афин большинство островных полисов Эгейского моря и греческих городов фракийского побережья. Ряд двусторонних соглашений, заключенных в 384—383 годах, подготовил основу для создания этой новой организации, объединившей на равных Афины и их союзников. Последние объединились в Совет (*синедрион*), в котором Афины не принимали участия. Решения Совета принимались большинством голосов, каждый полис имел один голос. Афинское государство принимало свои собственные решения. Если они совпадали с решениями синедриона союзников, то только в этом случае союз действовал как таковой. Афины имели право руководить совместными операциями. Чтобы оплачивать издержки союза, его члены вносили налоги, установленные

синедрионом, а не дань. Афины, со своей стороны, взяли на себя обязанность поддерживать собственные военные силы. Они приложили немало усилий, что позволило им одержать на море многочисленные победы в схватках с пелопоннесскими кораблями не только на Кикладах, но и в Ионическом море, куда на Керкиру и Аккарнанию Тимофей отправил отряды. В 374 году Афины, стремившиеся сократить свои расходы и обеспокоенные возвышением Фив, заключили мир со Спартой, в основе которого лежал принцип status quo: они вернули себе превосходство на море.

Тем временем Фивы с выгодой для себя восстановили союз беотийских городов, а в Фессалии энергичный правитель Ясон, тиран из Фер, объединил под своей властью весь регион. Этот ученик софиста Горгия собрал сильную армию из наемных воинов, подкрепленную великолепной фессалийской кавалерией: ее присутствие стало новым элементом в центральной Греции. Это стало причиной беспокойства Афин и их сближения со Спартой, несмотря на спорный вопрос о Керкире. В 371 году в Спарте собралась мирная конференция, в которой принимали участие представители основных греческих государств, в том числе Дионисий из Сиракуз, и представитель Великого Царя. Однако разразился конфликт из-за Беотии: полномочный представитель от Фив, Эпаминонд, пожелал подписать соглашение от имени всех беотийцев, а не только от Фив. Царь Спарты Агесилай воспрепятствовал этому и Эпаминонд покинул Спарту, не подписав соглашения.

Спарта тут же отдала приказ лакедемонской армии, остановившейся в Фокиде, двинуться против фиванцев, отказавшихся признать автономию беотийских городов. В нескольких километрах к юго-западу от Фив, близ городка Левкрат, произошло сражение (371). Эпаминонд, руководивший силами Фив, применил важное тактическое новшество: вопреки сложившейся традиции, он сосредоточил основные силы на левом фланге, усилив его в глубину, и мощным ударом разбил правый фланг лакедемонян: царь Клеомброт и 400 спартанцев пали на поле боя. Эта победа положила конец военному превосходству Спарты в открытом поле и сделало Фивы новым претендентом на гегемонию в материковой Греции. Успех фиванцев был напрямую связан с деятельностью Эпаминонда. Его неподкупность, патриотизм и особенно

военный талант позволили вывести его родине выйти на передний план истории.

Убийство Ясона в Ферах в 370 году устранило грозного соседа: Фивы воспользовались этим, чтобы распространить свое влияние в Фессалии. Однако в то же время Эпаминонд вторгается на Пелопоннес по просьбе аркадийцев, восставших против Спарты. В 370—369 годах он проникает в до сих пор неприкосновенную Лаконию, где старому Агесилаю удалось защитить город Спарту, позволив фиванцам разорить деревню. Вновь охваченная восстанием Мессения окончательно избавилась от гнета лакедемонян: ее центром стал основанный на склонах горы Итома новый город Мессена, чьи высокие стены стоят по сей день. Спартанское государство потеряло свой основной ресурс: теперь упадок был неизбежен. Города Аркадии объединились в союз с общей столицей — новым городом небывалых размеров Мегалополем: его возникновение на границе с Лаконией должно было преградить путь любому новому вторжению со стороны Лакедемона. С гегемонией Спарты на Пелопоннесском полуострове было покончено.

Эти блестящие победы Фив привели к заключению союза между Спартой и Афинами, которые изо всех сил старались заручиться поддержкой персов: однако Пелопид, посол Фив в Сузах, снискал благосклонность Великого Царя, который признал независимость Мессении и потребовал разоружения афинского флота (367). Война возобновилась со всех сторон. В то время как Фивы ввели гарнизон в Оропе, на границе с Аттикой, афиняне благодаря Тимофею заняли Самос, изгнав оттуда персов, и основали там клерухии. То же самое они сделали в Потидее, на Халкидике, и подчинили многие города в этом регионе. Однако Фивы тоже не бездействовали: они создали флот, разместив его базу в Локриде, в Эвбейском проливе, а Эпаминонд поддержал Византий и Поливы против Афин. Морской престиж Афин существенно пошатнулся.

Во всяком случае обстановка на Пелопоннесе оставалась крайне сложной: элейцы и аркадийцы столкнулись в конфликте. Затем начались распри в сердце аркадийского союза между Мантинеей и Тегеей. Фивы поддержали Тегею и отправили Эпаминонда на подмогу в 362 году. Около Мантинеей спартанская армия, усиленная афинскими и мантинейскими контингентами,

ожидала нападения фиванцев. Как и при Левкрате, Эпаминонд организовал свое левое крыло «в форме носа корабля» и сломил сопротивление спартанцев. Но сам он пал в бою во главе своих гоплитов: с этим талантливым человеком погибла возможность Фив взять на себя руководство греческими делами. Будучи личной армией своего военачальника, фиванская армия не получила выгоды от своей победы. В Греции воцарился небывалый до тех пор беспорядок.

* * *

Не лучше обстояли дела на западе, где со смертью Дионисия Старшего управление Сиракузами перешло в руки его сына, Дионисия Младшего (367—357), который не унаследовал отцовских качеств. Дабы помочь советами юному правителю, сводный брат его отца Дион вновь вызвал Платона, однако это путешествие философа на Сицилию было не более удачным, чем первое. Очень скоро Дионисий поссорился с Дионом, который был изгнан и вернулся в Коринф. Несколько лет спустя, изгнанник при поддержке Карфагена победоносно возвращается в Сиракузы. Дионисий бежал в Локры, оставив Диона тираном. Применявший насильственные меры Дион был убит в 354 году. Это стало началом сложного периода, в результате которого передаваемая из рук в руки Сиракузская империя распалась. Сам Дионисий, вернувшись к власти в 347 году, не смог ее восстановить: в каждом полисе Сицилии — в Катане и в Таормине, в Мессине и в Леонтини — появлялся местный тиран. Сиракузцы обратились к своей метрополии, Коринфу, который в 344 году отправил им посредника Тимолеонта. Тимолеонт, благосклонно принятый тираном Таормина, добился, чтобы Дионисий Младший отстранился от тирании. Поскольку его противники обратились к Карфагену, Тимолеонту пришлось сначала устранить эту угрозу. Одержав победу в битве на реке Кримис в 341 году, он заключил мир через два года, отвоевав греческие территории на Сицилии вплоть до границы, признанной еще Дионисием Старшим, — от побережья Гиммеры и до реки Галик. Затем он восстановил внутренний порядок, упразднив все тиранические режимы, кроме тирании Андромаха в Таормине, который оказал ему помощь в самом начале:

греческие города были объединены в союз во главе с Сиракузами. В самих Сиракузах он установил смешанный режим, где руководящую роль наряду с народным собранием играл совет из 600 членов. Добившись, таким образом, своей цели и вернув мир Сицилии, истощенной двадцатилетним периодом анархии, Тимолеонт в 337 году сложил с себя функции высшего магистрата и оставил звание полномочного стратега, и остаток жизни провел в Сиракузах как простой гражданин, демонстрируя редкий пример умеренности и сознания гражданского долга в столь беспокойную эпоху.

В материковой Греции происходит установление нового порядка, к которому греческие города были неспособны, и это стало поводом для иноземного вторжения со стороны Македонского царства. Вопрос об этнической принадлежности македонцев к грекам до сих пор обсуждается. Бесспорно лишь то, что этот народ грубых крестьян и горцев, обосновавшийся по берегам залива Термаикос и на соседних горах, между Пиндом и пониженной долиной Стримона, долгое время оставался на задворках греческого мира. Зато с начала V века наследные правители династии Аргеадов принимают активное участие в жизни греков. В конце V века царь Архелай, интересовавшийся литературой, принимал при своем дворе в Пеле поэтов Еврипида и Агафона, музыканта Тимофея из Милета, живописца Зевксиды. Македония играла свою роль в международных делах и неоднократно вступала в союзы с греческими государствами. Она обладала ценными ресурсами, в частности строительным лесом, необходимым для военно-морских нужд. Царя поддерживала знать, носившая гордое звание «друзинников» царя, или *гетайров*, которые в свою очередь могли рассчитывать на верную поддержку крестьянства, которое давало превосходных пехотинцев, *пезетайров*. Эта военная монархия, основанная на сильной личной преданности государю, могла стать замечательным инструментом в руках энергичного и властолюбивого царя. Что и случилось с Филиппом, сыном Аминты.

После смерти Аминты III в 370 году Македонское царство страдало от династических войн. Филипп, младший сын покойного царя, был слишком юн и несколько лет провел в Фивах в качестве заложника: там он познакомился с Эпаминондом и

Пелопидом, приучился к греческой политике. В 359 году ему исполнилось двадцать два, и он был выбран правителем царства после смерти своего брата Пердикки III, сын которого был слишком молод. За небольшой промежуток времени молодой правитель устранил опасную ситуацию: он избавился от других претендентов на царский престол, договорился с Афинами, пообещав им облегчить завоевание Амфиполя и отозвав оттуда македонский гарнизон, введенный еще Пердиккой; затем он одержал победу над иллирийцами на западе и покорил пеонийцев на севере Македонии. С фалангой пезетайров и тяжеловооруженной кавалерией во главе с гетайрами он организовал мощную армию, которая в благодарность за свои победы провозгласила его царем.

Его первой целью было обеспечить Македонии свободный выход к морю. Лучшие порты этих берегов — Пидна, Метония — были греческими колониями, союзниками Афин. Однако Афины уже долгие годы преодолевали дипломатические и финансовые трудности, чтобы сохранить контроль над Проливами и единство своего морского союза. Последний был серьезно ослаблен после того, как в 357 году Хиос, Родос и Византий при поддержке карийской династии Мавсола, правившей в Галикарнасе в интересах Великого Царя, создали отдельный союз, независимый от Афинского морского союза. За этим последовала война, в результате которой Афины потерпели поражение, пытаясь вернуть бунтовщиков в повиновение. Мир, заключенный в 355 году, закрепил ослабление Союза: в Афинах умеренное крыло под руководством Евбула, умелого политика и управляющего финансами, отстаивало свои взгляды, и народ не хотел больше ни платить, ни служить. Филипп воспользовался ситуацией: он успешно захватил Амфиполь, который Афины тщетно пытались отвоевать в течение нескольких лет, затем Пидну и, наконец, Метонию, в бою за которую он потерял глаз (354). Теперь Македония обеспечила себе выходы к морю. Тогда же Филипп захватил Потидею на Паллене, но был вынужден уступить ее Халкидскому союзу, ликвидировав там афинские клерухии. Продвигаясь на восток, за Стримон, он завоевал Крениды — колонию на Фасосе, на равнине у подножия Пангея. Он основал новый город, дав ему свое имя, — Филиппы: это было новшеством в греческом мире, но

в эпоху эллинизма такой обычаем получит широкое распространение. Золотые копи Пангея позволяли ему оплачивать услуги наемников и покупать их добросовестность. Монета Филиппа отныне на целый век заняла место персидского золота в греческом мире.

Однако в 356 году в Центральной Греции разразился острый международный кризис, что стало удобным предлогом для вмешательства Македонии. Дельфийский храм стал новой причиной священной войны, третьей по счету. Как и столетие назад, святотатство совершили фокейцы: среди всех членов Амфикионии Фивы повели себя наиболее жестоко по отношению к своим соседям, с которыми они давно враждовали. Однако фокейцы, поддержанные Афинами и Спартой, поручили руководство решительному Филомелу и захватили храм: священные сокровища позволили им набрать армию наемников, с которой Филомел, а после его смерти Ономарх, имели огромный успех. Ономарх вступает в Фессалию, где тираны Ферес и Краннон отнеслись к нему благосклонно. Другие фессалийские города обратились к Филиппу. После серьезного поражения в 353 году македонцы вернулись в Фессалию в следующем году и разбили войска Ономарха, погибшего в бою. Это не положило конец Священной войне, поскольку Филипп не смог переправиться через Фермопилы, находящиеся в руках союзников-фокейцев, и проникнуть в центральную Грецию. Но по крайней мере он стал союзником и покровителем Фессалии. Тогда он отправился во Фракию, где принудил местных царей вступить в свой союз, и довел свои войска до Пропонтиды. В Афинах, только укрепившихся в Сесте и Херсонесе, вновь зреет беспокойство. Еще больше поводов для опасений у Афин появилось после того, как Филипп решил покорить города Халкидики и захватил их один за другим. Наиболее важный, Олинф, пал в 348 году. Несмотря на пламенные речи оратора Демосфена, видевшего усиление опасности, Афины не смогли помочь Олинфу вовремя. Город был разрушен, и весь полуостров стал частью Македонского царства. В то же время путем интриг Филипп смог оторвать Эвбею от Афинского морского союза.

Тогда Афины решили пойти на соглашение: в Пеллу, столицу Македонского царства, было направлено посольство, и в 346 году был подготовлен так называемый Филократов мир, названный

по имени главного уполномоченного Афин, выступавшего вместе с Демосфеном и Эскином, которого Филипп сумел подкупить, чтоб тот стал убежденным сторонником его политики. Согласно положениям договора, каждая сторона сохраняла территории, которыми владела на тот момент. Однако Филипп отказался упомянуть фокейцев среди союзников Афин, получавших выгоду от соглашений: он быстро решил их судьбу в том же 346 году, оккупировав их территорию. Амфикиония обложила фокейцев тяжелым ежегодным штрафом за разграбление Дельфийского святилища. Филиппу были отданы два голоса, принадлежавшие им в Совете амфикионии, равно как и председательство на Пифийских играх в текущем году. Отныне царь Македонии официально входил в сообщество греческих государств.

Многие были этим довольны: главным образом те, кто, подобно старому оратору Исократу, видели в македонском правителе личность, необходимую Греции для разрешения ее междоусобиц и объединения против ахеменидской Персии. Однако были и другие — среди них в первую очередь Демосфен: они рассматривали Филократов мир как временную передышку, позволявшую подготовиться к решающей битве, которую они считали неизбежной. Это стало очевидно в 343 году, когда Демосфен обвинил Эскина в предательстве своей родины во время посольства 346 года: Эскин был оправдан, однако политика Филиппа и его сторонников оказалась задета в ходе этого процесса, и на этой почве страсти в народе снова накалились.

Филипп со своей стороны максимально использовал эту передышку. Новый поход против иллирийцев, затем вторжение в Эпир обеспечили ему тыл. В Фессалии он провел реорганизацию управления, разделив территорию на четыре провинции с преданными ему правителями — *тетрархами*. Затем он вернулся во Фракию, которую покорил от Неста до Черного моря и Пропонтиды: вся страна стала царской собственностью, руководство которой было поручено стратегу, выбираемому Филиппом. Прибрежные греческие города, такие как Византий или Перинф, и афинские территории в Херсонесе оказались под непосредственной угрозой. Афины, беспокоясь за необходимый для их жизнеобеспечения хлебный путь, снова готовились к войне, которую начал Демосфен. Когда в 340 году македонские войска осадили

Перинф, а затем Византий, афинский флот вступил в бой. После поражения у Перинфа Филипп был вынужден прекратить осаду Византия, которому на помощь пришел афинский стратег Фокион. Эта неудача убедила царя в том, что для борьбы с Афинами необходимо вторжение на материковую Грецию.

Дельфы вновь предоставили ему такую возможность. Чтобы отвлечь внимание Совета амфикионии от жалоб против Афин, их представитель Эскин обвинил локрийцев Амфиссы в ненадлежащем использовании земель Аполлона. Дабы искупить вину за это святотатство, было решено объявить священную войну против Локриды, руководство которой было поручено Филиппу (339). Действуя стремительно, он провел свои войска через Фокиду с согласия фокейцев, которым он пообещал прощение долга. Благодаря этой хитрости он смог обойти с запада Фермопилы, которые были заняты беотийцами, и выйти к Элатее в центральной Греции. Эта новость потрясла афинян: это стало «элатьским сюрпризом», и Демосфен постарался поднять боевой дух соотечественников. Оценив серьезность ситуации, Афины вступили в союз с Фивами, чтобы организовать совместную оборону. Армия двух государств собралась в Беотии, пока Филипп по поручению Амфикионии занимался наказанием Амфиссы. Летом 338 года Филипп во главе своих войска отправился из Западной Локриды к высокой равнине реки Кефис в Беотии, где неприятельская армия ждала его у Херонее. Левый фланг македонцев под руководством младшего сына Филиппа, Александра, сломил сопротивление беотийских гоплитов: «священные войска» фиванцев были истреблены до последнего человека. Афинский контингент понес серьезные потери и обратился в бегство (2 августа 338 года).

Победа при Херонее имела решающее значение. Всякое сопротивление воле Филиппа прекратилось. Фивы были жестоко наказаны: в Кадмее был размещен македонский гарнизон, а их преобладающие позиции в Беотии были потеряны. Афины понесли меньшие потери: они оставили лишь позиции в Херсонесе Фракийском и согласились распустить морской союз; они сохранили свои внешние владения — Лемнос, Имброс, Скирос и Самос и даже получили обратно Ороп на границе с Беотией, которого лишились раньше; в конце концов они присоединились к союзу Филиппа. Однако и в этом поражении афинский народ

сохранил чувство собственного достоинства, и доверил Демосфену произнести согласно обычаю надгробное слово воинам, погибшим при Херонее.

Победа Филиппа означала коренной переворот в истории греческого мира. Монархическое и централизованное государство отчетливо продемонстрировало свое превосходство над эфемерными коалициями автономных полисов. Будущее принадлежало крупным царствам, а не маленьким республикам, ограниченной территорией одного-единственного города. Классическая концепция *полиса* устарела. Это стало очевидно в 337 году, когда Филипп собрал в Коринфе панэллинский конгресс. Все города, кроме Спарты, делегировали своих представителей. Был создан Коринфский союз, который впервые дал федеральную форму панэллинскому государству. Между городами был установлен всеобщий мир, и его нарушителям грозили военные санкции. Было провозглашено уважение внутренних конституций и автономии каждого полиса. Пиратство и грабеж были запрещены. Федеральный совет (синедрион), куда каждый полис направлял делегатов пропорционально своему размеру, собирался ежегодно в крупных храмах. Его решения, принимаемые большинством голосов, были обязательными для всех членов союза.

Македония не входила в Коринфский союз, но между ними была договоренность о наступательных и оборонительных операциях, Филипп был назначен главнокомандующим федеральной армией. В 337 году он предложил союзу развязать войну против персидского царя. Монархия Ахеменидов переживала тогда острый кризис престолонаследия, тем самым предоставляя благоприятный момент для нападения. Однако самому Филиппу не удалось начать поход: летом 336 года во время праздников, приуроченных к свадьбе его дочери с царем Эпира, он был убит неким Павсанием, которого народ единодушно избрал царем Македонии.

С этого момента начинается новая эра, которую мы называем эллинизмом.

Глава пятая ПОЛЕМОС

«Полемос, — говорит Гераклит, — породил мир, Полемос правит миром». Философ из Эфеса, писавший в начале V века, понимал под этим, что *космос* — это театр бесконечной битвы между враждующими началами, которая влечет за собой постоянные изменения: Полемос, война (в греческом языке это слово мужского рода), представлялся ему как закон вселенной. Подобное восприятие вполне могло быть внушено Гераклиту современной ему реальностью, поскольку для греков архаического и классического периодов война являлась постоянной заботой. Не случайно в предыдущем повествовании мы видели столько военных операций: было подсчитано, что за полтора века, прошедших с греко-персидских войн до битвы при Херонее, Афины в среднем находились в состоянии войны более двух лет из каждых трех, не заключая мира по десять лет подряд. Другие полисы, меньшего значения и меньших притязаний, не имели такой богатой военной истории. Но ни один из них не мог оставаться в стороне от вооруженных конфликтов, если хотел выжить: война была «железным законом» греческого мира.

Для этого имелись причины экономического порядка. Поскольку плодородные земли были немногочисленны в Греции, на них постоянно претендовали алчные и перенаселенные города-соседи. Афины применили вооруженные силы, чтобы основать за пределами Аттики колонии военного характера, или клерухии. Внутренняя общественно-политическая система Спарты заставляла ее начать завоевание Мессении. Позже необходимость

* * *

поддерживать открытыми важнейшие торговые пути могла стать причиной развязывания войны: Афины в течение одного века увеличили количество военных операций, чтобы контролировать ситуацию в районе Проливов, где проходил хлебный путь из регионов Южной России. С другой стороны, мы видели, какую роль играл в развязывании Пелопоннесской войны «мегарский декрет», по которому Перикл установил экономическую блокаду Мегары. Наконец, притязания на рудники Фракии стали причиной многих конфликтов в районе Фасоса и пангейских рудников.

Однако главным было не экономическое соперничество. Если греки посвящали столько времени и усилий войне, это происходило прежде всего по причинам психологического характера, которые восходили к греческой концепции полиса, которая являлась верховной властью для членов этого полиса. Абсолютная независимость — это его закон: если он и вступает в союз, то этот союз основан на принципе равенства и не отменяет автономию, которая является его гордостью. Ошибка третейского судьи в разрешении споров, любое столкновение интересов легко переходят в вооруженный конфликт. Любовь к свободе, которая вдохновляла ораторов и поэтов на их горячие высказывания, предполагает, что войну принимают и в ней участвуют с воодушевлением: только город, умеющий бороться за свою свободу, достоин быть свободным. Таким образом, главной целью гражданской организации была подготовка граждан к неизбежности сражения. Это прекрасно понимал Платон, когда говорил критянину Клинию в своих «Законах» (625e), что «множество граждан проводят свою жизнь в поддержании непрерывной войны против всех остальных полисов». В греческом городе архаической и классической эпох граждан — это прежде всего воин; точно так же и государственному деятелю часто приходилось становиться полководцем. Все зависело от успеха военной службы: судьба отдельно взятого человека, государства и, наконец, всей греческой культуры. Упадок Афин стал неизбежным, когда среди ее вождей оказались одни лишь финансисты и адвокаты и когда афиняне, глухие к призывам Демосфена, отказались служить сами, доверив охранять свою родину наемникам.

Как мы уже знаем, основным элементом греческого войска была тяжеловооруженная пехота, или *гоплиты*. Гоплит обладал полным набором наступательного и оборонительного вооружения, детали которого можно рассмотреть в рисунках, скульптурах или в росписях на вазах. Среди изображений воинов следует различать те, которые воспроизводят современную реальность, и те — гораздо более многочисленные, — которые ее интерпретируют и переносят в мир вымысла: абсолютно голые войны могли бороться только с амазонками на фризах галикарнасского мавзолея. Зато знаменитая бронзовая скульптура из Додоны, хранящаяся в Берлине, стела Аристиона, выполненная Аристоклом, или ваза Ахилла в Ватикане, представляют собой вполне достоверные источники. Гоплит, изображенный на них, невысокого роста, одет в тунику, ноги его оставались совершенно неприкрытыми. Одевание могло быть дополнено плащом. Он мог быть бос, или обут в шнурованные сандалии. По некоторым свидетельствам, греческим воинам было удобнее ходить босиком по труднопроходимой местности.

Грудь была защищена панцирем из металла или кожи, или из льняной ткани, покрытой металлическими пластинами. В архаический период носили негнущиеся «колоколообразные» панцири, сделанные из двух бронзовых пластин: одна на груди и одна на спине, соединенных пряжками на плечах и под мышками. Недавно в Аргосе был найден великолепный образец такого панциря. Позднее популярностью пользовались более гибкие модели: в отличие от колоколообразного панциря, доходившего до талии, они были удлинены за счет пояса из кусков кожи, *ламбрекена*, который защищал нижнюю часть живота. На голове гоплит носил металлический шлем с подкладкой из кожи или войлока, нередко снабженный одним или несколькими гребнями из перьев. Плюмажи офицеров отличались объемом и пышностью. Существовали разные формы шлемов, которым традиция весьма произвольно присвоила названия. *Коринфский* шлем с наносником и неподвижными нащечниками вне сдвигался на затылок. *Аттический* шлем без наносника был снабжен нащечниками, закрепленными на петлях, так что при желании их можно было

убрать. *Беотийский* шлем, по форме напоминающий коническую шляпу, не имел нащечников и не защищал затылок. Были шлемы и других форм, но эти — самые распространенные, чьи изображения встречаются в памятниках. В ходе раскопок было обнаружено множество бронзовых шлемов, особенно в районе Олимпии, где совсем недавно были найдены очень красивые экземпляры. На некоторых из них имеются надписи, позволяющие их датировать.

То же самое можно сказать и о бронзовых щитах, которые часто преподносились в качестве даров в храмы. Их форма со временем изменялась, начиная со щита «восьмеркой», характерного для крито-микенской традиции, и до круглой формы, распространенной в классическую эпоху. Промежуточным вариантом были «геометрические» щиты с двумя большими боковыми выемками, беотийские щиты — модификация предыдущего типа, но с уменьшенными выемками. В V и IV веках круглый щит имел диаметр около двух локтей (0,9 м). Он был сильно выпуклым, его деревянный каркас с внешней стороны был покрыт кожей или шкурой либо полностью облицован бронзой. В центре часто имелся выпуклый орнамент на металле: зачастую это была голова Горгоны, которая если и не пугала противника, то по крайней мере оберегала от глаза. Различные символы, выгравированные или нарисованные, в зависимости от материала — металла или кожи, — украшали внешнюю сторону щита. Такую информацию предоставляют изображения на вазах и описания, в большинстве своем фантастические, взятые, например, из пьесы Эсхила «Семеро против Фив» или из «Финикийцев» Еврипида. В отношении знаменитого щита Ахилла, подробно описанного Гомером в XVIII песни «Илиады», можно сказать, что он полностью принадлежит к области мифа. Зато существовало парадное оружие — например, щиты, которые Фидий задумал для своих огромных статуй Афины в Афинском акрополе, на навершиях которых были высечены рельефы, изображающие борьбу греков с амазонками и кентавров с лапифами. Внутренняя, вогнутая часть тоже могла быть покрыта рисунком, вытканым или нарисованным на плотне поверх набивки из ткани или растительных материалов, которыми щит был обложен изнутри: на внутренней стороне щита Афины Парфенос Фидий изобразил борьбу богов и тита-

нов. У этого щита были два крепления, позволявшие его держать и манипулировать им: левая рука продевалась через первое, а за второе следовало держаться. Первое крепление, по форме похожее на наручи, часто покрывалось «отчеканенными» бронзовыми рельефами: при раскопках Олимпии были обнаружены многочисленные находки, относящиеся к архаическому периоду и выделяемые в отдельный разряд. К внутренней поверхности щита, к самому высокому краю, крепились ремни из веревок или кожи для его транспортировки вне боя, позволявшие вешать его на щитодержатель. Будучи очень тяжелым, щит во время переходов находился у раба, который обязательно сопровождал гоплита. Помимо щита, раб нес палатку, свернутую и упакованную в чехол, покрывало для ночных стоянок и подставку, на которую вешали щит в открытом поле перед началом сражения.

В архаическую эпоху оборонительное вооружение гоплита дополнялось также поножами, или *кнемидами*, защищавшими переднюю часть ноги, однако после V века они перестают использоваться. Наступательное оружие тяжеловооруженного воина — это, главным образом, копье и меч. Длинное и крепкое копье в классический период достигало в длину 5 локтей (2,25 м). Помимо наконечника, оно зачастую имело заостренный металлический шип, позволявший втыкать его в землю. Древко, сделанное из дерева, нередко было обтянуто кожей, что делало его более толстым в месте, где его держали рукой. Это обеспечивало более надежный захват. Копье обычно держали только правой рукой, в левой руке находился щит. Как и щит, копье в перерывах между боевыми действиями находилось в специальном чехле. «Дорийское» копье поэты считали преимущественно греческим оружием. Эсхил сделал его символом воинской доблести греков в противоположность персидским лукам. Афина, богиня войны, предпочитала копье мечу.

Меч, оружие для индивидуального боя, оставался последним средством для воинов, потерявших копье. В классическую эпоху клинок изготавливался из железа и в длину не превышал одного локтя (0,45 м). Эти мечи были обоюдоострыми. Рукоятка была оснащена узкой гардой и головкой эфеса. Ножны подвешивались к короткой портупее, которую носили на правом плече. Ножны фиксировались на такой высоте, чтобы головка эфеса находилась

почти на одном уровне с правой подмышкой: чтобы достать оружие, необходимо было вынести меч вперед, держа ножны левой рукой. Достать меч можно было также не выпуская щита, что невозможно было бы проделать с более длинной португеей. Меч был как колющим, так и рубящим оружием. В то время как обращение с копьем, луком и дротиками являлось предметом постоянных тренировок, фехтованию, по-видимому, греки не уделяли большого внимания. Разумеется, из-за тяжести щита и панциря гоплит не мог пользоваться изощренными приемами защиты и обманными движениями.

* * *

Помимо гоплитов, греческая армия располагала легковооруженными войсками и кавалерией. О легковооруженных войсках мы знаем намного меньше, чем о гоплитах, что объясняется в основном их социальным происхождением. Если тяжеловооруженные воины, которые должны были сами обеспечить себя дорогостоящим вооружением, были выходцами из зажиточных слоев населения, метатели копий набирались среди бедноты. Им не нужно было оборонительного оружия, поскольку их задачей было не прямое столкновение с врагом, а поражение его на расстоянии. Их метательное оружие было недорогим: точно такое же использовалось на охоте. Самым совершенным был лук с двойным изгибом: хотя поэты видели в нем преимущественно «персидское» оружие, его использование в греческом мире восходит к очень давней традиции, которую иллюстрирует легенда о луке Одиссея в изложении Гомера, не говоря уже о мифах о Геракле и Филоктете. Критяне слыли лучшими лучниками. Эффективность стрельбы намного возросла, когда подразделение стрелков стали выстраивать в сомкнутый строй. В морских сражениях стрелки были тоже очень опасны, в связи с чем военные корабли защищали щитом из плотного полотна, которое развешивали вдоль планшира перед каждым боем.

Дротики, обычно использовавшиеся во время охоты, также применялись в военных целях. Их использовала тяжелая пехота в гомеровский период: сражение в «Илиаде» начинается, как правило, с метания дротиков, которые редко не достигали цели. На

вазах Дипилона с изображениями вооруженных с головы до ног воинов, дротики встречаются чаще, чем копья. Эта героическая традиция объясняет, почему в классическую эпоху всех молодых людей продолжали обучать метанию дротиков, хотя это оружие исчезло из снаряжения гоплитов. Впрочем, кавалерия продолжала их использовать. Гораздо более короткие, чем копья, дротики имели в длину три-четыре локтя (1,35—1,8 м). Как и копья, они могли быть заострены с каждой оконечности. Дальнобойность дротика увеличивалась, когда к его середине привязывали ремень, который усиливал бросок.

Праща была самым простым метательным оружием: два ремня длиной приблизительно два фута (около 0,6 м) были соединены с чем-то вроде кожаного кармана. Другой конец держал в своей руке воин и, положив в кожаный карман метательный снаряд, начинал раскручивать пращу со снарядом. Когда он выпускал один ремень, снаряд за счет центробежной силы вылетал с огромной скоростью. Умелый пращник достигал цели очень точно и мог поразить ее, как сообщает античный автор, на расстоянии одного стадия (что равняется 600 фунтам, или примерно 180 м). С помощью пращи метали камни, а также специально сделанные для этого мячи из глины или металла, в частности из свинца. Эти мячи эллипсоидной формы увеличивали дальность и меткость метания. Таких мячей было найдено огромное количество, особенно в Олинфе, где они остались после осады Филиппа в 348 году. На многих из них имеются надписи — полные или сокращенные названия народов или имена людей. Среди них можно обнаружить имена жителей Олинфа и Халкиды, имя самого Филиппа и его главных военачальников.

Не стоит забывать также, что помимо этого легкого оружия греки на протяжении всей своей длительной истории использовали простейшее оружие природного происхождения, которое давала сама мать-природа, — камни и палки. В поэмах неоднократно упоминается, как герои бросали в противника куски камня. Напомним, что афиняне встретили персов, высадившихся на островке Пситталия, около Саламина, с горстью камней в руках и со стрелами, которыми забрасывали их до конца морского сражения. Та же тактика использовалась в 424 году, когда Демосфен захватил остров Сфактерию, который обороняли спартанцы. В конце века,

в 403 году, во время сражения в Мунихии, одном из кварталов Пирея, сторонников Тридцати с приверженцами демократии, Ксенофонт специально предупредил демократов об участии метателей камней. Во многих текстах дубины упоминаются как военное оружие: впрочем, 300 телохранителей, вооруженных дубинами, позволивших Писистрату, согласно свидетельству Геродота (I, 59), взять власть в Афинах, были такими же воинами, как копьеносцы, или *дорифоры*, которые обычно составляли индивидуальную охрану греческих тиранов. Если в крупных конфликтах архаического периода и в V веке легковооруженная пехота играла незначительную роль, то намного более значимой она становится в следующем столетии. Уже во время Пелопоннесской войны в ходе нескольких операций была показана блестящая подготовка. Афинский полководец Демосфен, прежде чем прославиться в бою при Сфактерии, потерпел поражение в 426 году в ущельях Этолии в борьбе с местными горцами, которые, не имея тяжеловооруженной пехоты, нанесли внезапный удар по афинскому корпусу в труднопроходимой местности стрелами и дротиками, и вынудили его поспешно отступить. Эти уроки не были забыты. В начале IV века афинский стратег Ификрат создал корпус легковооруженных наемников, *пелтастов*, названных так, поскольку они имели вместо тяжелого круглого щита легкий щит из прутьев в форме полумесяца, *пелту*, похожий на тот, что античная традиция приписывала амазонкам. У пелтаста не было металлического панциря. Из наступательного вооружения у него имелся лишь длинный дротик, который мог также служить копьем, а также короткий меч для индивидуального боя. В борьбе против гоплита он рассчитывал на свою подвижность, позволявшую ему уклоняться от ударов. Эти войска многократно доказывали свою эффективность, даже перед лакедемонскими гоплитами.

* * *

Конница, как мы уже видели, изначально была представлена в военном искусстве греков колесницами. Запряженная лошадь появилась раньше верховой. Уже в микенскую эпоху, как мы видим по киприотским вазам, колесница с двумя конями, или *бига*, была в ходу. Для гомеровских героев это была привычная боевая

машина: в этом отношении свидетельства геометрической керамики полностью совпадают с описаниями в поэмах. Воин знатного происхождения отправлялся на колеснице к месту сражения, и там сражался пешим, как гоплит. Для управления упряжкой у него был возничий, который охранял колесницу, пока его хозяин участвовал в бою. Во время перемещения воин со щитом сидел слева от возничего. Гомеровская колесница была двухколесной. Прямо на оси размещался легкий кузов. Лошади были соединены прямо с дышлом через ярмо, которое крепилось к их шее. Бывало, что упряжку сопровождала третья лошадь, служившая подкреплением. Несомненно, благодаря этому обычаю появилась упряжка из трех лошадей, или *трига*, которая фигурировала на нескольких памятниках геометрической эпохи и в некоторых этрусских источниках архаического периода. Но с VII века распространение получает колесница с четырьмя конями, или *квадрига*. В это же время колесницу как боевую машину начинает постепенно вытеснять тяжеловооруженная пехота. Однако квадрига сохраняется как парадное транспортное средство, о чем свидетельствует фриз Парфенона, а также как вид спортивных состязаний, которые выходят на первые роли в панэллинских играх. Отныне в греческих войсках мы не найдем боевых колесниц, за исключением отдаленных городов, таких как Саламин на Кипре, где сохранение этой традиции можно объяснить азиатским или киренским влиянием и где вплоть до эпохи эллинизма квадриги использовались для быстрого изгнания грабительских банд, нападавших на сельские поселения киренейского плато.

С исчезновением боевых колесниц конница заняла свое место. В гомеровских поэмах не описывается участие всадников в сражениях и есть лишь очень немногочисленные упоминания о верховой езде. Но с VII века изображения вооруженных всадников появляются на вазах, на барельефах, например, на знаменитом фризе Приния на острове Крит среди статуэток из бронзы и терракоты. Роль всадников в войне в архаическую и классическую эпоху, однако, редко была решающей. Во-первых, условия материковой Греции не очень благоприятствовали разведению лошадей из-за отсутствия необходимых пастбищ, за исключением некоторых регионов — Фессалии, а также, в меньшей степени, Беотии и Эвбеи. Вот почему фессалийская конница снискала

такую славу: это был единственный регион Греции, в военных силах которого соотношение конницы с пехотой было один к одному или один к двум. В беотийской армии, где увеличившееся войско использовало проверенную традицию, тактические инновации Эпаминонда оказали серьезное влияние на способ ведения боя. Зато в ряде колониальных полисов, территория которых была пригодна для животноводства, — в Кирене, Таренте, Сиракузах, — конница всегда имела большое значение и престиж.

Греческий всадник долгое время ездил без седла, затем просто на потнике или на шкуре животных. Он не пользовался также стременами. Он управлял своим животным с помощью металлических удиц, связанных с вожжами, но без уздечки. Так, чтобы сделать более ощутимым действие поводьев, удила были очень грубыми, с острыми ребрами или шипами. Рот животного от этого сильно страдал, отсюда кровавая пена, которая упоминается в текстах и которая изображается в конных статуях. Сбруя для головы лошади имела те же главные элементы, что и сейчас: намордник, ремень, наголовник и щечный ремень, которые с V века стали украшаться фалерами — небольшими металлическими дисками с рельефом или инкрустациями, которые крепились к ремням с помощью колец, присоединяемых с изнаночной стороны.

Становясь все более искусными в управлении лошастью, о чем свидетельствует книга Ксенофонта «О верховой езде», греческие всадники не могли достичь эффективности удара средневековых рыцарей, которые благодаря крепкой за счет седла и стремян посадке вкладывали в свой удар всю энергию коня, несущегося галопом. Греки же могли использовать в ударе лишь силу собственных рук из-за страха быть сброшенными с лошади. Длинному копытю они предпочитали два более коротких и легких дротика, которые могли к тому же служить метательным оружием подобно праще. Лук они использовали редко, оставляя это вооружение варварам, скифам и персам. Ну и, наконец, в числе их наступательного вооружения был меч. Зачастую их защитой была лишь скорость и умение уклоняться от ударов противника. Тем не менее иногда мы видим в их руках круглый щит, меньших размеров, чем у гоплитов. Одеты они были обычно в хламиду — короткий плащ, который пристегивался одной фибулой к правому плечу. Под него надевали тунику. На голове носили либо шляпу

с широкими полями, *петасу*, либо меховую шапку, либо шлем. На ногах были сандалии или мягкие внутри сапоги. Такими предстают молодые люди в великолепной кавалькаде на фризе Парфенона.

Экипированная таким образом греческая конница не была ударной. Она выполняла разведывательные функции, защищала армию на флангах во время сражения и преследовала обратившегося в бегство врага после победы. Лишь фессалийцы, похоже, использовали свои эскадроны с наездниками, защищенными панцирями, в качестве ударной силы на поле боя. Вспомним, что, только заручившись их поддержкой, Филипп создал тяжеловооруженную конницу, во главе которой стоял его сын Александр; своим мощным натиском она принесла ему победу при Херонее.

Как и гоплитов, полис не экипировал всадников — они должны были сами обеспечить себя лошастью. Отсюда — аристократический характер греческой конницы, который она имела и в эпоху колесниц. Разведение коней, или *гиппотрофия*, было привилегией знатных и богатых семейств: интерес к лошадям свидетельствовал об аристократизме, или, по крайней мере, был формой снобизма, как у юного Фидиппида, сына деревенского жителя Стрепсиада, из комедии Аристофана «Облака». В Афинах всадников набирали из двух цензовых разрядов, имевших самый высокий доход; второй разряд так и назывался — «всадники». Они стали героями одноименной пьесы Аристофана, поставленной в 424 году: здесь они показаны приверженцами древних традиций, озабоченными падением доверия к Клеону. Ксенофонт, будучи наездником, превосходно изображает заботы и интересы греческих «всадников» в первой трети IV века.

* * *

Организация этого рода войск зависела от государства и эпохи. Мы приблизительно знаем, какой она была в классическую эпоху в Спарте и Афинах. Однако названия различных подразделений не всегда сравнимы: например, *лох* в спартанской пехоте обозначал многочисленный корпус, соответствующий крупному батальону, а в Афинах это была гораздо меньшая единица, по размерам приближающаяся к роте. А значит, и функции офицеров,

возглавляющих *лох*, — *лохагов* — в этих двух армиях были различными. Тем не менее принципы организации были одинаковы везде: воин входил в состав укрупняющихся подразделений, аналогичных нашим взводу, роте и батальону, численность которых была кратна десяти. Названия офицеров, которые ими командовали, происходили от названия самой войсковой единицы: так, *эноматарх* в Спарте возглавлял взвод, или *эномотию*; *лохаг* стоял во главе *лоха*; *триакаттиарх* в Кирене возглавлял роту из 300 человек; *таксиарх* в Афинах был главой батальона, или *таксиса*.

Крупные подразделения, способные участвовать в походах и состоящие из контингентов различных армий, подчинялись полководцам, звания которых различались: в Афинах это были *стратеги*, которым помогали два *гиптарха*, командовавшие конницей; в Спарте один из двух царей брал на себя руководство военными действиями через начальников воинских частей, или *полемархов*. Термин «стратег» является самым распространенным для обозначения военачальников.

Комплектование войск было напрямую связано с общественно-политической организацией полиса. Общественные рамки продолжали свое существование в армии: в Афинах, о которых мы имеем наиболее полную информацию, это соответствие строго соблюдалось, поскольку каждая из десяти фил, составлявших гражданское общество, предоставляла войскам по одному таксису, или батальону, гоплитов, во главе которых стоял таксиарх, выбираемый из той же филы. Таксиарх назначал лохагов, руководивших ротами. Он же выбирал из своей филы воинов, обязанных участвовать в военных походах: серьезная ответственность, которая давала почву для споров и злоупотреблений. Такая же процедура существовала и для конницы: каждая фила предоставляла одну *филею*, или эскадрон, из 100 всадников под руководством выборного *филарха*, чьи права были аналогичны правам таксиарха. Набор всадников и гоплитов, как мы видим, был основан на цензовом принципе: граждане, не имевшие достаточных средств, служили в легковооруженных войсках или на флоте.

Гражданин получал специальное образование, которое готовило его к военной службе. Это образование особенно развито было в Спарте, где все было направлено на то, чтобы сделать из юного спартанца воина. Но даже афинская демократия, интере-

сы которой были ориентированы в другом направлении, нежели Лакедемон, придавала особую важность воспитанию будущих воинов. Для этой цели был создан особый институт — *эфебия*, имевший ярко выраженный военный аспект. Относительно периода, следовавшего за битвой при Херонее, мы знаем подробности функционирования этой системы благодаря «Конституции Афин» Аристотеля — труду, написанному при Александре Великом, когда эфебия была преобразована. Но скорее всего, в ее основе осталась прежняя структура. По описаниям Аристотеля, это была обязательная военная служба для всех молодых афинян от восемнадцати до двадцати лет или по крайней мере для тех, кто принадлежал цензовым разрядам, из которых набирали всадников и гоплитов. Эти молодые люди, сгруппированные по филам под руководством военачальников, избираемых народом, проходили военную и физическую подготовку под руководством специальных наставников. Они кормились все вместе за счет государства. На второй год своего обучения они отправлялись на гарнизонную службу за пределы Афин — в пограничные крепости, такие как Элевтеры, Филя, Рамнонт, — и проходили тактические учения в открытом поле. Через два года они вновь становились свободными и отныне считались полноправными гражданами. Теперь в возрасте с двадцати до шестидесяти лет они могли быть мобилизованы: каждая возрастная категория, обозначавшаяся именем архонта-эпонима того года, когда произошло занесение в реестр эфебии, могла быть призвана стратегом полностью или частично. Тем не менее десять последних категорий граждан — от пятидесяти до шестидесяти лет — призывались лишь для защиты своей области и не участвовали в экспедициях за пределами Аттики.

Таким образом, афинянин был военнообязанным в течение сорока двух лет: два года в эфебии, тридцать лет в резерве регулярной армии и десять лет в областном резерве. Человеческие ресурсы крупного города позволили Афинам собрать к началу Пелопоннесской войны 13 000 гоплитов первой линии и 1200 всадников, не считая легковооруженных войск, вспомогательного состава и ветеранов, державших оборону на местах, по свидетельству Фукидида. В 369 году, когда в Афинах прошла мобилизация в поддержку Спарты, которой угрожал Эпаминонд, Ификрату был

передан экспедиционный корпус из 12 000 гоплитов. В тот же период беотийская армия насчитывала около 13 000 гоплитов и 1500 всадников. Спарта не могла выставить значительные силы: при Платеях в 479 году ее тяжеловооруженная пехота насчитывала 10 000 человек, половина которых были собственно спартанцами; впоследствии они так и не увеличили личный состав и вынуждены были рассчитывать лишь на исключительное мужество своих воинов, чтобы компенсировать численную недостаточность, становившуюся все более ощутимой со временем. Эти цифры относятся к наиболее важным операциям; однако зачастую войска, участвовавшие в военных действиях, были далеко не столь многочисленны и ограничивались несколькими тысячами, а иногда и сотнями человек. Понятно, что греки со своим ограниченным личным составом приписывали армиям Дария и Ксеркса, состоящим из контингентов огромной империи, гораздо большие масштабы, чем это было на самом деле.

* * *

Тактика, применявшаяся греческими армиями, в основном была весьма простой. Она заключалась в том, чтобы организовать фронтальное столкновение противников в открытом поле. Вражеские армии во время битвы становились в традиционном, четко определенном порядке: ударный батальон — в центре, легковооруженные войска и конница, если она была, — по флангам. В ударном батальоне, игравшем решающую роль в бою, гоплиты были выстроены плотными линиями по восемь — двенадцать рядов. Обязательная традиция требовала размещать лучшие войска в правом крыле боевого порядка. Этот обычай объясняется, несомненно, тем, что щит держали в левой руке, а значит, правый фланг был более уязвим как с позиций отдельно взятого воина, так и в рамках подразделения: на самых незащищенных позициях располагались элитные войска. Офицеры находились в первом ряду, и зачастую сам полководец принимал участие в битве: невозможно сосчитать знаменитых военачальников, погибших на поле боя.

Прежде чем начать боевые действия, необходимо было совершить несколько религиозных обрядов. Эллины верили, что на

войне, как и в других сферах, исход определяют боги и судьба: об этом говорил еще Гомер, и в этом отношении, как и во многих других, архаическая и классическая Греция осталась верна урокам, почерпнутым из «Илиады». Каждый военачальник имел в своем сопровождении прорицателей и толкователей, которые вопрошали богов и интерпретировали полученные знаки. Говоря о знаменитом прорицателе, Теисамене родом из Элиды, который состоял на службе в Лакедемоне, Геродот приписывает ему заслугу пяти крупных побед, одержанных спартанцами — начиная от битвы при Платеях и заканчивая сражением при Танагре. Позднее, когда спартанец Лисандр, одержавший победу при Эгоспотамах, воздвиг в Дельфийском храме памятники себе и своим главным полководцам в честь своей победы, рядом со своей статуей он поместил статую прорицателя Агия, который сопровождал его в этом походе. Таким образом, чтобы действовать на основании истинной веры или чтобы угодить легковерности народа, был ли военачальник набожным, как афинянин Никий, или же скептическим, как Алкивиад, не следовало пренебрегать жертвоприношениями и предзнаменованиями. Если они были неблагоприятными, битву откладывали. Что касается битвы при Платеях, Геродот сообщает, что лакедемоняне, ослабленные стрелами персидских лучников, не двигались со своих позиций и не отвечали ответным ударом, поскольку их полководец Павсаний, несмотря на молитвы и многократные жертвоприношения, не получил от богов удовлетворительных знаков. Со своей стороны Мардоний, глава персидской армии, заплатил золотом греческому предсказателю, ненавидевшему спартанцев, чтобы тот принес жертву за счет захватчиков.

Как только появлялись благоприятные предзнаменования, начинались действия. После того как легковооруженные воины, лучники и пращники, обрушивались на вражеские ряды, обстреливая их метательными снарядами, гоплиты затаивали старую военную песню в честь Аполлона, *пеан*, и шли в решающую атаку. Удар завершался поединками с копьями и мечами, пока один из двух противников не сдавался и обращался в бегство. В рукопашной схватке умственные и тактические качества обеспечивали победу лучшим: чтобы поддерживать сцепление линии атаки и обороны, чтобы смыкать ряды и замещать павших воинов,

необходимы были отличная реакция, которая вырабатывалась у хорошо обученной войсковой единицы во время совместных действий, а также мужество, основанное на самоотверженности. Эти высшие воинские добродетели долгое время были известными качествами лакедемонян, о которых говорится в военных песнях поэта Тиртея во второй половине VII века:

Юноши, не отходя ни на шаг друг от друга, сражайтесь,
И да не ляжет на вас в бегстве позорном почин, —
Нет, себе в грудь вы вложите великое, мощное сердце,
В битву вступая с врагом, жизнь не щадите свою...

Пусть же, шагнув широко, обопрется о землю ногами
Каждый и крепко стоит, губы свои закусив!¹

Чтобы положить конец превосходству лакедемонских гоплитов, понадобилась тактическая революция, совершенная военным гением Эпаминондом. В 371 году в Левктрах, затем в 362 году в Мантинее он действует по-новому: вместо того чтобы, по традиции, разместить свою фалангу в правом крыле, он заменяет линейный строй так называемым косым строем, отведя правый фланг назад, а левый — выведя вперед. В передовое подразделение он ставит гоплитов колонной в пятьдесят рядов. Эта плотная масса, «похожая на носовую часть триеры», разбила противостоящую спартанскую фалангу, которая обычно выстраивалась в двенадцать рядов. Сокрушив основные силы врага (это фундаментальный принцип Клаузевица!) одним рассчитанным ударом в нужном направлении, она с легкостью преодолела сопротивление остальной части вражеской армии, несмотря на то что та имела численное превосходство. Изобретение «косой фаланги», которую Эпаминонд усилил в Мантинее, применив конницу как ударную силу, перевернуло обычаи, установленные еще в VII веке и показало возможности, открывавшиеся благодаря сообразительности военачальника по ходу боя. Афиняне давно увидели это в морском сражении, но спартанский консерватизм и почи-

тание воинской храбрости мешали совершенствованию военного искусства: Филипп из Македонии, усвоив урок Эпаминонда, в свою очередь продолжил это дело.

Когда один из противников обращался в бегство, конница победителя пускалась в погоню, но преследование редко продолжалось до конца. Армия-победительница, доказав врагу свое превосходство, делала *трофей* — чучело, увешанное оружием, которое являлось символом успеха, и пела победный пеан. Погибших хоронили, павших противников возвращали врагу, который, заключая ради этого перемирие, подтверждал свое поражение. Оставалось лишь извлечь выгоду из победы, предъявив побежденному условия мира и возблагодарить богов, посвятив им десятую часть добычи в форме приношений в местные или, при удобном случае, в панэллинские храмы.

Такая война может показаться своего рода кровавой игры по четко определенным правилам, позволявшей разрешить распри между враждующими городами. Однако это не значит, что все вооруженные конфликты носили такой характер. Решающие битвы были исключением в истории эллинов, и войны зачастую были затяжными, ежегодно возобновляемыми. Причиной тому, главным образом, было неумение греков брать города штурмом. В этом отношении со времен Троянской войны и до классической эпохи не произошло сколько-нибудь заметного прогресса: как войска Агамемнона стояли в течение десяти лет у Илиона и взяли его только хитростью, так и спартанские гоплиты, уверенные в своем превосходстве в открытом поле, не смогли преодолеть укрепления Афин и Пирея за всю Пелопоннесскую войну и сломили сопротивление Афин лишь благодаря блокаде и голоду. Защищенная городская стена была практически неприступна для живой силы при отсутствии соответствующих осадных машин.

В начале IV века Дионисий Старший из Сиракуз создал первые метательные орудия и разработал осадные машины, возможно по примеру карфагенян. О более раннем применении машин известно лишь, что их использовал при осаде Самоса в 440 году Перикл, что в ряде случаев во время Пелопоннесской войны применялись тараны и такая военная хитрость, как огненные копыя, с помощью которых беотийцы в 424 году подожгли деревянные

1 Перевод Г. Церетели.

укрепления Делиона. Благодаря военной революции IV века и Филиппу Македонскому, следовавшему примеру Дионисия Сицилийского, в материковой Греции стало развиваться искусство осады городов, или *полиоркетика*.

До того времени искусство обороны развивалось быстрее, нежели искусство нападения, свидетельством чему является написанный аркадийским военным Энеем Тактиком около 360 года «Трактат о перенесении осады». Правила, советы, военные уловки, являющиеся объектом этого сочинения, позволяют понять, почему греческие армии до середины IV века так часто терпели неудачи при осаде сильных городов, число которых возросло в материковой Греции с периода греко-персидских войн. Долгое время микенская традиция возводить мощные стены была забыта и архаические города довольствовались убежищем, которым служил акрополь — единственный защищенный крепостными стенами. Однако в VI веке города Ионии, обеспокоенные угрозой завоеваний Кира, нависшей над ними, возвели вокруг себя крепостные стены. Стена в Фокее, построенная на средства от торговли с Западом, была из тесного камня, что удивляло современников, привыкших к кирпичным стенам на востоке. Но армия Кира, имевшая опыт в осаждении, с помощью земляных насыпей смогла их штурмовать. В Афинах укрепленным оставался только акрополь вплоть до конца VI века, когда, согласно последним исследованиям, был построен первый пояс укреплений вокруг города. Эта ограда была разрушена персами в 480 году, а затем поспешно восстановлена Фемистоклом с помощью технологии, часто использовавшейся при строительстве городских стен в Греции: на крепкую нижнюю часть стены из камня укладывался необожженный кирпич. Поначалу из соображений скорости использовался уже бывший в употреблении камень, в том числе даже надгробные стелы, о чем свидетельствует Фукидид (I, 93). Затем за укрепление Пирея принялись с особой тщательностью, скрепляя блоки между собой металлическими скобами, что обычно делалось при возведении стен торжественных зданий и что не было характерно для построек утилитарного типа. В городских стенах этого типа кладка из сырого кирпича не сохранилась; остался лишь частично разрушенный каменный фундамент. Только в сицилийском городе Геле в ходе недавних

раскопок была обнаружена хорошо сохранившаяся и достаточно высокая толстая кирпичная стена. Греческие тактики считали, что такие кирпичные стены были хорошей защитой от таранов.

При наличии финансовых возможностей и близлежащих каменоломен крепостные стены полностью делались из тесаного камня. Например, крепостная стена Фасоса была построена в конце архаического периода из мрамора и грейса — материалов, имевшихся на острове в избытке. Затем она была восстановлена после греко-персидских войн и еще раз после 411 года. В материковой Греции лучше всего сохранилась крепостная стена Мессены, построенная после побед Эпаминонда, и стена в Эгосфене, в Мегариде, у подножия Киферона: это великолепные образцы классических укреплений с вертикальными куртинами, над которыми возвышались четырехугольные башни, в два раза более высокие, чем стены. Куртины были увенчаны зубьями или длинным парапетом с амбразурами. Башни зачастую были крытыми. Они стояли вдоль стены через каждые 20—30 м, позволяя стрелять дротиками и стрелами. Позднее, когда распространилось использование катапульты, изобретенной инженерами Дионисия Старшего, куртины начали делать более длинными, а башни заменять на выступы в стенах, но эти нововведения проявились после Филиппа Македонского.

Помимо городских укреплений, греки строили крепости для защиты мест переправы и границ. Так, Аттика была защищена от вторжения своих соседей многочисленными крепостями: Элевтеры, Филей, Рамнонт, развалины которых стоят до сих пор. В частности, в Элевтерах, охранявших проход через Киферон, ведущий к Платее и Фивам, в хорошем состоянии сохранились башни и стены IV века, выложенные красивой тесовой кладкой правильными рядами. Некоторые из этих укреплений, например Филея и Декелия, играли важную роль в военно-политической истории Афин. В V веке большинство укреплений этого типа были менее совершенны: укрепления, построенные афинянами в Делии в 424 году, были деревянными, что дало возможность беотийцам их поджечь. По всем регионам Греции были разбросаны изолированные оборонительные сооружения, главным образом простые четырехугольные башни, построенные из тесаного

камня посреди возделываемых площадей или пастбищ. Зачастую очень сложно определить дату создания этих сооружений, которые встречаются также в горах и на островах, однако некоторые из них, судя по технике их стен, восходят по крайней мере к IV веку. Вероятно, речь идет об убежищах или наблюдательных башнях, возводимых в пограничных или изолированных регионах, которые подвергались набегам грабителей, приходивших по суше и по воде: крестьяне и пастухи, находившиеся по соседству, могли оказать сопротивление внезапно появившемуся вражескому отряду.

Все эти оборонительные механизмы усложняли задачу захватчиков, поскольку искусство осады не пережило никакого обновления. Обыкновенный наземный военный поход в V и в первой половине IV века происходил следующим образом. После объявления войны глашатаем нападающая сторона собирала свои войска и контингенты союзников и вторгалась на территорию врага. Разумеется, прежде, чем вступить в войну, вопрошали богов, обращаясь к знаменитым оракулам или прибегая к местным прорицателям и к традиционным обрядам. Благоприятным сезоном считалась весна или лето. Избегали зимних походов, в которых армия страдала от погодных ненастий: в «Ахарниях» Аристофан показывает таксиарха Ламаха, вынужденного посреди зимы отражать налет беотийцев на границу, — он бранит снег и плохую погоду. Появившись на вражеской территории, армия неизбежно грабит и опустошает ее: сжигает деревни, захватывает скот, уничтожает урожай, вырубает фруктовые деревья и виноград, подбирая все — до последнего зубчика чеснока, чтобы удостовериться в полном разорении. Единственное спасение крестьян — успеть убежать до вторжения: укрепленные города были призваны их приютить, и ограда, зачастую охватывающая не только городские кварталы, но и огромные незастроенные территории, предназначалась именно для того, чтоб служить убежищем. Так, деревенские жители Аттики во время Пелопоннесской войны, укрывались в ужасной тесноте на пустырях и в святилищах Афин и Пирея, а также между Длинными Стенами. Этот наплыв населения, изгнанного из своих деревень и жившего в бедственных бытовых условиях, вызвал чудовищный мор в первые годы войны. Если армия захватчика не встречала вражеского войска для

столкновения в решающем бою, она доходила до стен города. Внезапность, предательство или страх зачастую помогали открыть двери, как это произошло в Платеях в марте 431 года, когда заговорщик впустил ночью в город 300 фиванских гоплитов, или в Амфиполе, который сдался в 424 году после первого же предупреждения Брасида. В противном случае единственной надеждой на спасение была длительная осада города, которую весьма сложно было держать в течение долгого времени: Афины держали ее в течение двух лет (431—429), чтобы подавить Потидею в Халкидике. Как правило, после демонстрации своей силы под стенами города нападающий, которого мало привлекали трудности осады в зимнее время в опустошенной местности без запасов, возвращался на родину и распускал войска до весны. Таким был порядок военных операций в течение многих лет Пелопоннесской войны, по крайней мере до тех пор, пока спартанцы не захватили вместе с Деклелеей опорный пункт, позволивший им укрепиться в Аттике даже в зимнее время.

В общих чертах подобной стратегии придерживались государства, которые не имели достаточных сил для сражения в шенге или не желали рисковать, совершая военные набеги, которые могли стать ловушкой. Ярким тому примером может служить засада, подготовленная этолийцами против афинянина Демосфена в 426 году, или ловкий ход Ификрата, который вместе с отрядом своих пелтастов разрушил целый корпус спартанской пехоты во время Коринфской войны. Более эффективным был морской ответный удар, поскольку преимущество на море позволяло нанести его неожиданно. Во время Пелопоннесской войны Афины постоянно беспокоили берега Пелопоннеса вплоть до Лаконского залива во время сезона; они в течение нескольких лет поддерживали в хорошем состоянии операционную базу в Пилосе, Мессении; они наносили всевозможный вред морской торговле Спарты и ее союзников. Этот крупный конфликт разворачивался в небывалом масштабе, и это отлично понимали современники: шла борьба наземной державы против державы морской. И Спарта не могла одержать окончательной победы, пока благодаря Лисандру и персидскому золоту не сумела разбить афинский флот. Главенствующая роль военного флота была одной из оригинальных черт греческой истории.

* * *

Начиная с микенской эпохи греки использовали свои корабли для войны и пиратства — двух неразрывно связанных между собой видов деятельности, которые сопутствовали друг другу вплоть до эпохи эллинизма. На одной из знаменитых табличек из Пилоса есть упоминание о морской экспедиции. Троянская война — это не что иное, как самая известная серия операций такого рода, в ходе которых морской флот и наземная армия вступают в бой сообща. Мы плохо осведомлены относительно микенских судов: несколько гравюр на камнях, несколько рисунков — источники, слишком скромные и краткие, чтобы дать нам достаточную информацию о греческом судоходстве во 2-м тысячелетии. Но несомненно то, что использование лодок в эту эпоху уже позволяло совершать серьезные переезды по морю: вторжение в Египет в конце XIII века народов моря, среди которых были ахейцы, великолепно иллюстрирует это.

О гомеровском времени мы осведомлены намного лучше благодаря его поэмам и изображениям на геометрических вазах. Последние, как мы уже видели, весьма часто представляют сцены морских сражений или битв вблизи кораблей, которые обнаруживают поразительное сходство с гомеровскими описаниями. Совмещая многочисленные сведения из этих двух источников, можно весьма точно описать эти большие беспалубные галеры, снабженные водорезами, с возвышающимися баком и ютом, оснащенными перилами. Гребцы располагались в один ряд, их весла опирались на уключины в форме крюков, вертикально закрепленных на планшире. Между двумя рядами гребцов возвышался переход, или *курсия*, позволявший переходить с носа на корму. Именно там находились солдаты, которые затем высаживались на сушу. Судном управляли, по крайней мере, два длинных весла, выполнявших функции руля и расположенных по обе стороны кормы. Лоцман переходил от одного к другому по специальному помосту во всю ширину судна (в этой части, близкой к корме, он занимал приблизительно два метра). Именно по этим помостам Аякс в XV песни «Илиады» шел с корабельным шестом, чтобы отогнать с высоты греческих кораблей, приставших к песчаному берегу, троянские войска.

Таким был длинный корабль — *остроносая галера*, говорит В. Берар, использовавшаяся в греческом судоходстве с эпохи ранней архаики. Галера шла и на парусах и на веслах одновременно. Единственная съемная мачта возвышалась в середине судна, воткнутая в отверстие в курсии; ее ножку поддерживал деревянный блок, или гнездо, крепившееся к килю. К горизонтальной рее, которую поднимали на кожаном тросе, крепился четырехугольный парус — единственный, который поддерживали и которым управляли с помощью тросов и ручек реи. Это оснащение, не представлявшее собой ничего нового по сравнению с египетскими кораблями, ограничивало возможности в управлении: он мог плыть только при попутном ветре или полном бакштаге¹. Если судно шло бейдевинд², необходимо было убирать паруса и грести веслами. Гребцов могло быть до пятидесяти человек, то есть по двадцать пять с каждого борта: а это уже *пентеконтора* — судно на пятьдесят весел, которое часто встречается в VII и VI веках.

Длинные корабли гомеровского периода были оснащены водорезами, с помощью которых можно было разбить вражеское судно при столкновении: несмотря на то, что у нас нет прямых ссылок на конкретное морское сражение, имевшее место в эту эпоху, очевидно, что военно-морская тактика уже родилась. Она была усовершенствована великими морскими державами, в основном Коринфом. Этот крупный полис, основанный на Истме и омываемый двумя морями, развивал военно-морской флот для безопасности своей торговли и взаимоотношений с колониями: для этих целей был создан флот из кораблей нового типа — беспалубных, не столь возвышающихся над уровнем воды, более быстрых и маневренных. Эти судна приводились в движение пятьюдесятью гребцами, весла которых не были прикреплены к уключинам, а вставлялись в отверстия планшира. Эти средиземноморские *пентеконторы*, длиной примерно в тридцать метров, вполне сравнимы с нормандскими *драккарами*, плававшими по Атлантике. Они были более маневренны, чем гомеровские

1 Бакштаг — курс парусного судна, при котором его продольная ось образует с линией направления ветра угол больше 90° и меньше 180°.

2 Бейдевинд — курс парусного судна при встречно-боковом ветре, когда угол между продольной осью судна и линией направления ветра меньше 90°.

корабли. Вместе с лодками на тридцать гребцов, или *триеконто-рами*, созданными по их образу и подобию, но в уменьшенном масштабе, пентеконторы составляли костяк греческих отрядов архаического периода и давали возможность осваивать дальние моря, попутно осуществляя колониальную экспансию. Например, Батт и его спутники на двух пентеконторах из Феры доплыли до Ливии, основав там Кирену.

Размеры пентеконторы (от 30 до 35 м в длину) были максимальными для обычного корабля из дерева: увеличение длины создавало риск повредить киль при плавании в открытом море. Чтобы увеличить скорость, необходимо было увеличить количество гребцов. Как добиться этого, не удлиняя судно? Решение было простым: добавить еще ряд гребцов — отсюда новые типы кораблей с двумя и тремя рядами весел, *диеры* и *триеры*, снискавшие исключительную славу (особенно последние) в классическую эпоху. Действительно, с появлением триер кораблестроение в Греции достигло своего апогея: это прекрасное маневренное судно стало основой афинского флота в период его наибольшего расцвета и могущества, в связи с чем заслуживает особого внимания.

Его корпус длиной от 35 до 38 м был узким — 4—5 м в мидель-шпангоуте¹ в высоту от ватерлинии. Осадка судна была не более метра, водоизмещение — порядка 80 тонн по международному измерению. Расположение гребцов, которое в течение долгого времени оспаривалось, можно восстановить весьма точно по изобразительным источникам. Тексты сообщают нам лишь то, что три ряда гребцов сверху вниз назывались *франитами*, *зигитами* и *фаламитами*. Традиционным гребцам на пентеконторе и архаических кораблях соответствовали гребцы среднего ряда, сидевшие, как и раньше, прямо на бимсах² — *zeugos* («перекладина», «балка»), откуда и название — *зигиты*. Их весла, как и в пентеконторе, проходили через отверстия в планшире. *Франиты* сидели на два фута (около 0,6 м) выше, и их скамья (*thranos*) крепились к верхней

1 Мидель-шпангоут — линия пересечения теоретической поверхности корпуса вертикальной поперечной плоскостью (плоскостью мидель-шпангоута), проходящей по середине длины судна, на базе которой построен теоретический чертеж судна.

2 Бимс — поперечная балка, связывающая бортовые ветви шпангоута.

части планшира, между сиденьями зигитов. Таким образом, расположение франитов было смещено по отношению к зигитам одновременно в высоту, в длину и в сторону, так как они находились дальше всех от оси лодки — практически по бортам. Чтобы компенсировать эту крайнюю внешнюю позицию, для триеры была изобретена галерея шириной около 2 футов (0,6 м), выступавшая наружу на высоту планшира и крепившаяся к опорам, соединявшимся с бархоутом¹. Борты этой галереи, возвышавшейся над решетчатыми перилами, также были оснащены уключинами, предназначенными для весел франитов. Для них, сидевших прямо напротив планшира корабля, предназначался рычаг, позволяющий управлять длинными веслами без чрезмерного напряжения. Что касается *фаламитов*, они располагались в трюме (*thalamos*) — на том же месте, что и *франиты*, но ближе к оси судна, чем зигиты, и ниже их примерно на 3 фута (0,9 м). Их весла проходили через отверстия, проделанные по бокам корабля, и располагались вертикально по отношению к соответствующим уключинам франитов. Этот весьма сложный механизм в действительности был очень простым: он был основан на более экономном использовании пространства — расположение трех рядов гребцов на разных уровнях и в разных местах в шахматном порядке по всей длине судна. Таким образом, каждый имел достаточное пространство, чтобы управлять своим веслом, не стесняя сидящего рядом соседа, что было особенно важно во время маневров, жизненно необходимых для защиты корабля. Маневры эти заключались в том, чтобы быстро убрать весла по команде, когда вражеский корабль приближался, чтобы сломать их, и снова их достать, когда опасность миновала. Отверстия для весел фаламитов находились на высоте всего 0,5 м от поверхности воды, зигитов — приблизительно 0,9 м: чтобы не допустить заливания через них воды при сильной волне, их необходимо было закупорить по крайней мере одинарным слоем кожи. С одной стороны она крепилась к корпусу, а с другой — прижимала весло, оставляя ему всю свободу движения. Франиты находились под открытым небом на высоте около 1,4—1,5 м от уровня воды. В V веке над ними, как правило, устанавливался мост, предназначенный для их защиты от вражеских стрел и для размещения

1 Бархоут — усиленный ряд досок наружной обшивки в районе ватерлинии.

на борту воинов. Помимо прочего, по обеим сторонам корабля перед каждым боем натягивались полотна из толстой кожи для отражения стрел.

Афинская триера вмещала в себя около 170 гребцов: 62 франита, 54 зигита и 54 фаламита. Поскольку франиты, находившиеся выше всех, имели самые длинные весла, они выполняли самую сложную задачу — отсюда выражение «народ франитов», которое Аристофан использовал для обозначения простонародья Афин, откуда выходили гребцы. Кроме них, на корабле также было несколько матросов — не более десяти, чтобы управляться с парусами, якорем и швартовыми. В этом отношении триера не далеко ушла от военных кораблей предыдущей эпохи: она имела одну-единственную мачту с одним четырехугольным парусом и иногда еще небольшой четырехугольный парус на фок-мачте. Командование состояло из капитана, или *триерарха*, лоцмана, второго начальника, дежурившего в передней части судна, начальника гребцов, управлявшего греблей с помощью флейтиста, который задавал ритм, и, вероятно, нескольких старших матросов. Гоплиты и лучники, перевозимые на корабле, или *эпібаты*, как правило, насчитывали около 200 человек.

С хорошо подготовленным экипажем триера могла развивать скорость в 5—6 узлов (9—11 км/час). Подготовка гребцов имела немалое значение: физическая нагрузка была очень большой и могла длиться часами без перерыва. Великолепная сплоченность гребцов во время сложных маневров достигалась за счет постоянных тренировок. Как сообщает Перикл в своей речи об афинском народе незадолго до Пелопоннесской войны, «если мастерство требует физической подготовки, то это морское дело. Недопустимо, чтобы его практиковали как дополнительное занятие: наоборот, никакое дополнительное занятие с ним не сравнится». Экипажи формировались повсеместно среди народа: среди *фетов*, граждан без имущества, набирали гребцов. Иногда брали метеков и даже рабов. Эти моряки получали ежедневное жалованье в размере, зависевшем от обстоятельств и ресурсов казны, — от двух оболлов до драхмы (6 оболлов). В конце Пелопоннесской войны спартанские морские военачальники, пользуясь персидской денежной помощью, делали надбавки к жалованью, что провоцировало дезертирство в рядах афинских гребцов.

В Афинах капитан триеры, или *триерарх*, не был моряком по профессии. Это был богатый гражданин, который избирался на эту почетную должность стратегами и который должен был нести серьезные финансовые расходы. *Триерархия* длилась один год: она заключалась в командовании судном, доведении его до состояния, пригодного к плаванию, и поддержании этого состояния. Корпус, мачта, парус и основные снасти предоставляло государство. От триерарха требовалось дополнить снаряжение, обеспечить ремонт, набрать экипаж, привлекая его дарами или наградами, к которым прибавлялось жалованье из государственной казны. Расходы были такими значительными, что после 441 года пришлось разрешить привлечение двух граждан в качестве помощников, чтобы нести эти издержки, а позже, в 357—356 годах создать более сложную систему *симморий*, которая распределяла расходы между достаточно большим количеством налогоплательщиков. Но в этом случае пришлось отказаться от фундаментального принципа физического и личного обязательства службы перед полисом: гражданин больше не платил за себя лично, он лишь выплачивал налоги, и его отношение к войне глубоко трансформировалось. Разумеется, в то время, когда триерархи сами плавали на своих кораблях, у них не было опыта морского командования — отсюда важность роли лоцмана, который был профессионалом и должен был консультировать триерарха по существенным вопросам. Однако триерархи прекрасно осознавали ответственность за свои собственные корабли. Это отлично видно в истории с Аргинузскими островами, когда триерархи в Народном собрании горячо сопротивлялись стратегам, чувствуя себя ответственными за исполнение полученных приказов.

В эпоху величия Афин их могущество держалось на их эскадрах. Во время второй греко-персидской войны они смогли построить почти 300 триер. В 431 году у них было не меньше, не считая кораблей союзников — Лесбоса, Хиоса, Керкиры, — которые содержали независимый флот. Афины неоднократно строили новые суда десятками и вооружали их. Аристофан в «Ахарнях» дал красочное описание морской мобилизации:

Вы бы спустили на воду
Судов три сотни. Город бы наполнился

Военным гулом, триерархов криками.
Раздача денег. Судно оснащается.
Заполнен портик. Рядом отмеряется
Паек. Меха и бочки закупаются,
Чеснок, маслины, луковки корзинами,
Венки, флейтистки, сельди, зуботычины.
А в гавани строгоют веслам лопасти,
Уключины скрипят, гребцы меняются.
Фанфары, флейты и свистки сигнальные¹.

Между военными операциями корпус триеры находился в специально приспособленных для этого доках: это были отсеки, покрытые навесом и выходявшие прямо во внутреннюю гавань порта. Триеру с помощью валиков затаскивали туда кормой вперед, предварительно сняв с нее весь такелаж. Она содержалась в сухости, что позволяло очистить корпус от водорослей и ракушек и заделать дыры. Во всех частях греческого мира сохранились следы этих доков. Их длина (приблизительно 40 м) подтверждает подсчеты относительно средней длины триеры — 35—38 м. Как правило, эти отсеки предназначались для одного корабля. Однако Дионисий Старший в Сиракузах построил отсек, способный вместить сразу два судна. Уже Гомер упоминает об этих доках, в которых феакийцы, опытные моряки, держали свои корабли. Гесиод, менее сведущий в морских делах, говорит лишь о размещении под открытым небом. В Коринфе, на Самосе, во времена Поликрата крытые отсеки существовали еще с архаической эпохи. Страбон сообщает, что в порту Кизика их было двести. Но разумеется, Афины с тремя портами Пирея: Канфаросом — торговым портом на западе и двумя стоянками Зейя и Мунихий, предназначенными для военного флота, — лучше других были оснащены в этом отношении: в середине IV века здесь насчитывалось порядка 300 отсеков для кораблей.

Мачта, весла и руль (представлявший собой два длинных весла в кормовой части) разоруженной триеры оставались под навесом вместе с корпусом. Для такелажа, весел и снастей, которые в официальных источниках обозначались как «съемные

¹ Перевод А. Пиотровского.

снасти», было специальное помещение, или *скевотека*. В 347—346 годах афиняне предприняли строительство новой скевотеки около порта Зейя, спроектированной архитектором Филоном Элевсинским: до нас дошли расчеты по строительству, сохранившиеся благодаря одной надписи, которые являются основным источником по греческой архитектуре. Это было тщательно выстроенное здание длиной 130 м и шириной 18 м. Внутри него было 134 большие ячейки, предназначенные для весел, которые находились по бокам средней галереи, ограниченной высокими колоннами. Снасти ярусами лежали на ячейках. Были предусмотрены меры предосторожности против пожара: окна закрывались металлическими, а не деревянными рамами.

Строительство триер было делом специалистов — морских инженеров, считавшихся морскими архитекторами. В официальных документах название судна повторяло имя его строителя, что еще больше повышало ответственность. Методы работы позволяли ускориться, если того требовали обстоятельства: известен случай, когда за несколько месяцев был построен целый флот. Серьезной проблемой была доставка необходимого леса для судостроения. Аттика была бедна лесом: приходилось доставлять его из Халкидики или Македонии. Македонские цари умели извлекать выгоду из этого важного ресурса своих владений и заставляли заинтересованные Афины платить высокую цену за дружбу с ними.

Как и современные суда, каждая триера имела свое собственное имя, как правило женское. Это могли быть имена богинь или героинь: Амфитрита, Фесис, Гебея, Галатея, Пандора; имена добродетелей или абстрактных понятий: Правосудие, Сила, Доблесть, Свобода, Мир; хвалебные эпитеты: Любимая, Скорая, Счастливая, Удачливая; географические прилагательные: Немейская, Делийская, Дельфийская, Саламинская. Последняя, наряду с другой триерой, имя которой было Паралийская, служила для доставки государственных депеш. Афиняне были сильно связаны с морской службой — их судьба зависела от нее. Аристофан иронически обыгрывает это, изображая совещание персонифицированных триер, собравшихся, чтобы отклонить проект экспедиции, который их больше не удовлетворял. Самая старшая взяла слово: «Барышни, разве вы не знаете, что происходит в городе?»

Говорят, что оратор, скверный гражданин, требует, чтобы сотни из нас атаковали Карфаген...» И триеры, протестуя против этой рискованной затеи, расходятся, ища убежища, словно беглецы, в каком-нибудь неприкосновенном святилище! Но какой гордостью наполнялось сердце афинян, когда они отправлялись к Пирею, чтобы помочь спустить на воду эскадру для длительного путешествия, или когда возвращался их победоносный флот! Фукидид описал отплытие экспедиции в Сицилию в середине 415 года: «Когда все зашли на борт и все необходимое для экспедиции оборудование было подготовлено и лежало на своих местах, звуки трубы заставили всех замолчать. Глашатай вслух произнес традиционные молитвы перед выходом в море — не над каждым отдельным судном, но для всех вместе. Для каждой эскадры в кратер налили подготовленное для этого вино, и пассажиры вместе с начальниками совершили возлияния из золотых и серебряных чаш. В этих молитвах участвовало множество граждан, собравшихся на берегу, а также других зрителей, желавших успеха экспедиции. После того как был спет пеан и возлияния совершены, корабли были спущены на воду, сначала выстроившись в кильватерную колонну, а затем соревнуясь между собой в скорости до острова Эгины».

Историки оставили нам великое множество рассказов о битвах, которые позволяют оценить развитие морской тактики. Походы осуществлялись только в теплое время года. Зимние штормы могли стать роковыми для длинных беспалубных кораблей. Флот зимовал на какой-нибудь морской базе и спускался на воду лишь весной. Корабли выходили в море только в случае крайней необходимости (например, для крупных перевозок в Африку или в южную Италию), поскольку жизнь на корабле была не очень удобной во время навигации. Избегали плавать ночью, даже для приема пищи, как правило, тоже приставали к берегу. Этим объясняется, почему в военной хронике греков отсутствуют столкновения в открытом море, а есть лишь прибрежные битвы, зачастую имевшие место в проливах, берега которых суда стремились захватить и куда обычно вторгались наземные силы. Во всяком случае, наблюдается эволюция в ведении боевых действий. В архаическую эпоху, несмотря на наличие волнорезов на носу каждого военного корабля, морское сражение сводилось к назем-

ному бою. Каждый корабль стремился подойти бортом к борту противника, после чего его атаковали гоплиты-десантники: то есть единственной тактикой был abordаж, и сражение превращалось в ряд отдельных стычек, судно против судна, без настоящих объединенных действий. Архаические вазописцы не один раз изображали эту манеру боя, как на знаменитом кратере Аристонофа, датированном VII веком.

Позднее, особенно в V веке, морская тактика трансформируется, в основном под влиянием греческих морских военачальников, которые великолепно умели руководить хорошо подготовленными экипажами. Уже при Саламине греческие суда широко использовали свою маневренность для тарана вражеских кораблей, которые сильно стесняли друг друга в крайне ограниченном пространстве. В дальнейшем на вооружение были взяты более сложные маневры, осуществимые в открытом море, позволявшие хорошо управляемым эскадрам одерживать верх над превосходящими силами противника. Маневр *diekplus* заключался в том, чтобы пройти бок о бок с вражеской колонной: таким образом пытались разбить весла противника. Если вражеская эскадра уворачивалась от захода с тыла, ее заставляли в суматохе менять направление, что позволяло нанести по ней таранный удар. Маневр под названием *periplus* был еще более сложным и заключался в том, чтобы на большой скорости, постоянно находясь в кильватерной колонне, обойти вражеский флот. При этом возникала реальная угроза удара в бок. Однако идущее следом судно страховало своего предшественника, нанося таранный удар по атакующему кораблю. Если колонна не нарушалась и поддерживалась постоянной скоростью, маневр завершался тем, что боевой строй противника рассыпался, корабли начинали мешать друг другу, тем самым предоставляя прекрасную возможность для нападения. Великолепный пример применения тактики *periplus* дал Формион во время морской битвы при Патрах в 429 году. Со своими двадцатью триерами он окружил сорок семь триер пелопоннесской эскадры, заставив их сбиться в кучу. Когда утренний прилив, как он и предвидел, поднял воды в бухте, усиливая тем самым хаотичность в рядах врага, Формион атаковал и поверг в беспорядочное бегство пелопоннессцев, захватив двенадцать триер противника и не потеряв ни одной своей.

Другие сражения носили характер комбинированной операции с участием пехоты, высадившейся на берег. Так было во время сражения при Эгоспотаме в 405 году, когда Лисандр разбил афинский флот. Спартанский адмирал, несколько дней подряд уклоняясь от боя, внушил противнику ощущение ложной безопасности. Узнав от своего корабля-разведчика, что афиняне, закончив свою ежедневную демонстрацию в проливе, вернулись к берегу Херсонеса для вечерней трапезы, Лисандр вышел в море, застал врасплох вражеские судна, стоящие на якоре, а их экипажи на суше и разбил их всех, обеспечив Спарте окончательную победу в длительной двадцатисемилетней войне.

* * *

Со своими наземными и морскими силами полисы зачастую вели бесконечную и безжалостную войну. Греки всегда признавали, по существу, полное и безраздельное право победителя над личностью и имуществом побежденного. По законам войны победитель мог истребить население или взять его в рабство, завладеть землей или уничтожить урожай, присвоить себе движимое имущество, поджечь деревни и города — единственным условием было не трогать священные территории, чтобы не беспокоить богов. Такая цель стояла уже перед ахейцами, напавшими на Трои. Послушаем, как Агамемнон в IV песни «Илиады» описывает своим воинам судьбу, ожидающую их противников:

Белое тело их, верно, растерзано вранами будет;
Мы же супруг их цветущих и всех их детей малолетних
В плен увлечем на судах, как возьмем крепкостенную Трои¹.

Позже Одиссей на обратной дороге не колеблясь опустошит страну киконнов на побережье Фракии: он пощадит лишь жреца Аполлона из уважения к этому богу, однако не упустит шанса получить от него в качестве откупа великолепные подарки. Поэма показывает, что каждый человек жил в страхе за себя и своих детей перед роковым днем — «беспощадным днем» поражения и

1 Перевод Н. Гнедича.

рабства. Разве один из семи аргосских героев, руководивших штурмом Фив, не написал на своем щите в качестве девиза: «Сожгу я город»?

Это неотъемлемое право, принадлежавшее сильнейшему, было неоспоримо в классическую эпоху, даже если на практике оно имело более мягкую форму. Сам Сократ в «Достопамятностях» (IV 2, 15) выводит на основе этой очевидной истины одно из своих умозаключений: «Если военачальник, взяв штурмом вражеский полис, виновный в каком-либо злом проступке, поверг все население в рабство, скажем ли мы, что он совершил ошибку? — Безусловно нет! — Будем ли мы утверждать, что он поступил по праву? — Конечно да!» Таким образом, победивший уполномочен распоряжаться судьбой побежденного по своему усмотрению, и всякое ограничение, которое он признает, является лишь проявлением милосердия. Афинский народ, несмотря на умеренность и «мягкость», которыми он так гордился, в ряде случаев показывал себя крайне суровым: в 446 году афиняне изгнали со своей родины некоторых жителей Эвбеи, в 430 году — эгинцев и жителей Потидеи, в 422 году — делосцев. В 427 году они объявили смертную казнь всем жителям восставшей Митилены, но на следующий день смягчили свое решение и выслали триеру, чтобы успеть отменить отданный стратегу приказ о наказании. Позднее, в 422 году, Клеон, предложивший избиение митиленцев, продал в рабство жителей Тороны в Халкидике. В следующем году другой город Халкидики, Скион, ждала еще более жестокая участь: афиняне убили всех работоспособных мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Наконец, в 416—415 годах они поступили сходным образом с островом Мелос в Кикладском архипелаге, который отказался покориться. Фракийские наемники, бывшие на службе у Афин, в 415 году полностью разрушили беотийский город Микалесс и уничтожили все его население, включая женщин и детей. Его территория оказалась абсолютно заброшенной, как отмечал еще во II веке н. э. Павсаний. Спартанцы, со своей стороны, были не менее жестоки: они казнили пленников, захваченных в Платее в 427 году, и то же самое они совершили в Аргониде в 417—416 годах. Понятно, почему Афины, сдаваясь Лисандру в 404 году, боялись испытать то же самое. Именно такой участи для своего старого врага, наконец-то побежденного, желали

некоторые союзники Спарты — например, Фивы и Коринф. Ксенофонт в «Греческой истории», сообщает нам, сколько его соотечественников, вспоминая нанесенные своим врагам суровые удары, боялись подвергнуться закону возмездия. Однако, добавляет он, лакедемоняне отказались от идеи обратить в рабство греческий полис, спасавший Грецию в самых опасных ситуациях.

Таким образом, как видим, моральные соображения могли время от времени обуздывать свирепый нрав, оправданный традицией. Заслуга греческой культуры состоит в том, что она посредством своих мыслителей, писателей и политических деятелей смогла выразить угрызения совести, которые постепенно привели к смягчению законов войны. Поначалу это было религиозное влияние, в частности дельфийское: текст одной из клятв Амфикинии, продиктованный оратором Эскином в его трактате «О посольстве», содержал призыв отказаться от военного истребления каких-либо полисов, состоявших в Дельфийской амфикинии. Действительно, эта клятва соблюдалась в VI веке, в период, когда Дельфийский оракул пользовался наибольшим моральным авторитетом. Текст «Платейской клятвы», в том виде, в котором он дошел до нас в записи IV века, безусловно, является апокрифом, однако он отражает беспокойство своих современников: на этот раз он возобновляет призыв, но вместо полисов Амфикинии упоминаются Афины, Спарта и Платеи, а также полисы — члены оборонительного союза против Ксеркса. На этот раз ограничения на право победителя обуславливались соображениями скорее морального, нежели религиозного порядка: они восходят к чувству греческой солидарности, языковой и кровной общности, которую охотно подчеркивали ораторы и писатели и которая хотя и не преодолевала скрытый партикуляризм полисов, но до определенной степени сдерживала его насильственные проявления. Отголоски этого прослеживаются у Платона в «Менексене» (242d), где он приписывает греческой солидарности решение, по которому афиняне пощадили спартанских гоплитов, плененных в Сфактерии, «полагая, что против соплеменников следует сражаться лишь до победы и что городу негоже, поддавшись гневу, губить общее дело всех эллинов»¹.

1 Перевод С. Шейман-Топшгейн.

Насилие как таковое закончилось осуждением и возмущением некоторых умов, не склонных придерживаться традиционных нравов. Еврипид в пьесе «Троянки», поставленной в 415 году, подверг осуждению принцип завоевательной войны, несущей с собой беды и несправедливые страдания. Это осуждение Еврипид вкладывает в уста бога Посейдона в самом начале пьесы, целиком посвященной описанию несчастной судьбы фригийских пленниц Гекубы, Андромахи, Кассандры сразу после взятия Трои:

Не слеп ли меж людей, кто рушил город,
И храмы и могилы, честь умерших?
Предавши их опустошенью, он,
Хоть позже, сам за это погибает¹.

Далее поэт говорит устами Кассандры:

Если ум
В тебе здоров, война тебе претит;
Но на войне венец непосрамленный
Его детей погибших — вот краса
Единая для города; бесславья
Нет горшшего, чем гибнуть ни за что.

Так постепенно складывается новая идея справедливой войны, где слава связана не только с демонстрацией военной силы, но и с законностью цели, которую она преследует. Если некто считает возможным принести высшей жертвы, необходимо, чтобы он совершал это во имя благой идеи. Отсюда та настойчивость, с которой в эпитафиях погибшим воинам и в надгробных речах внимание заостряется не только на повинении солдата законам родины (одним лишь спартамцам не нужна была никакая другая мотивация), но и на том, что он пал в бою за свободу. Он был готов умереть ради свободы своего полиса. Эта мысль появляется в нескольких эпитафиях, сочиненных по случаю греко-персидских войн, — например, в этой, приписываемой Симониду,

1 Перевод И. Анненского.

которая в очень общих чертах излагает широко распространенное чувство:

Высший подвиг — погибнуть отважно:
Судьба дала нам эту честь; нам посчастливилось больше,
чем другим.

Чтоб Греция обрела свою свободу,
Мы спим, покрытые бессмертной славой.

Эта идеалистическая концепция военного долга была очень широко распространена в классическую эпоху, по крайней мере теоретически, независимо от реальности. Во всяком случае, ее никто не оспаривает. «Пацифизм» Аристофана (если называть его позицию современным нам термином) ни в коей мере не отрицает обязанности отстаивать с оружием в руках интересы своей родины. То, что отстаивает автор «Ахарнян», «Мира» и «Лисистраты», — это лишь миролюбивая внешняя политика, в противовес взглядам Клеона, Гипербола, Клеофона, которые рассматривали войну как средство удовлетворения потребностей своих сторонников посредством жалований и военных пособий, как способ привлечения союзных фил и установления клерухий за пределами Аттики. Городское население получало от этого выгоду, однако земельные собственники в связи с военными действиями несли убытки: изгнанные из своих деревень, они наблюдали, как под стенами города расхищается их имущество, уничтожаются их оливковые рощи и виноградники, и страдали от бессилия противостоять этому. Именно поэтому они желали мира, полагая с определенной долей наивности, что противник согласится заключить его на разумных условиях. Сочувствующий им Аристофан выступает их защитником, испытывая при этом отвращение к демагогам и к тем бесстыдным приемам вербовки, к которым они прибегали. Однако если он изображает смелого крестьянина Дикеополиса, заключившего сепаратный мир со спартанцами, или начинает насмехаться над таксиархом Ламахом, над его бахвальством, высмеивая гигантский плюмаж его каски и ужасную Горгону на его щите, тем самым он совсем не собирается восхвалять политику отказа от защиты или посмеяться над истинной доблестью. Совсем наоборот — его патриотизм, воз-

можно не очень дальновидный, вдохновляет его на создание красноречивого гимна во славу земли Аттики, где он воспевает, по правде сказать идеализированные, деяния «марафономахов» — героев греко-персидских войн, представляя их идеалом гражданских и военных добродетелей. *Laudator temporis acti*¹, Аристофан вовсе не был новатором в сфере политических принципов, и его пропаганда мира приобретала свой смысл применительно к внутренней политике. Видел ли он, что война, в течение долгого времени разоряя сельских жителей, колебала сами устои гражданского общества и неизбежно вела к его глубокой трансформации? Но он смело это утверждал: даже если удастся избежать ослабления, его симптомы очевидны, и автор делает все, чтобы бороться с ними.

* * *

Однако именно этот социальный кризис, неизбежность которого предчувствовал Аристофан и непосредственной причиной которого была война, повлек за собой весьма важные для эллинских военных традиций последствия: повторное появление наемных армий, появившихся в конце Пелопоннесской войны и ошутимо изменивших методы и условия ведения войны в IV веке и полностью перевернувших их в эпоху эллинизма. Наемничество, как недавно было показано, рождает глубокий социальный дисбаланс: для того, чтобы большое число людей согласилось вести неудобный образ жизни, встречаться лицом к лицу со смертью не из гражданского чувства, а лишь по долгу службы хозяину, который им платил, но был им безразличен, — для этого нужно было, чтоб общество, к которому они принадлежали, не оставляло им иного выбора. Этот феномен примечателен также тем, что жалование наемников, далеко не высокое, а в IV веке даже весьма скудное, как правило, приравнивалось к жалованию квалифицированного рабочего. По крайней мере, количество наемников на службе в греческих армиях в эту эпоху очень значительно: по недавним подсчетам, в начале века они насчитывали по крайней мере 40 000 человек, приблизительно половина которых находилась

1 Восхвалитель былых времен (лат.).

на Сицилии, на службе у Дионисия Старшего. В 366 году, когда Фивы достигли пика своего могущества, когда Афины вместе с Тимофеем вернулись к захватнической политике и когда Дионисий Младший, сменивший своего отца, ввел свои войска в Грецию, поддерживая Спарту, в этот период насчитывалось около 20 000 наемников на разных театрах военных действий. В середине века их было примерно столько же, и великое их множество находилось на службе у фокидян, ввязавшихся в третью священную войну и использовавших дельфийскую сокровищницу для вербовки наемников, которые смогли оказывать сопротивление врагу в течение десяти лет. Это и есть новый феномен, зачастую имевший место в организации греческих армий в IV веке.

Конечно, наемничество появилось уже в архаическую эпоху. В своем глубоком исследовании А. Эмар показал взаимосвязь наемничества, колонизации и тирании — этих трех различных, но сопутствовавших друг другу симптомов социального кризиса, бушевавшего в греческом мире с VII по VI век. Уже в эту эпоху греческие наемники фигурируют в армиях саисских фараонов, начиная с Пасметиха I и до Амасиса и его сына, Псамметиха III. Преданность чужеземных воинов не спасла их от поражения, нанесенного Камбисом. Помимо упоминаний этих наемников Геродотом, об их присутствии говорят надписи, сделанные ими в 591 году на ногах скульптурных колоссов перед огромным храмом Абу-Симбела в Нубии. Среди иноземцев, или *аллоглоссов*, также оставивших после себя следы, были семиты, карийцы и коренные греки Ионии и Родоса. Азиатские монархи, Навуходносор, царь Вавилона, или династия Мермнадов в Лидии, при случае обращались к греческим воинам. Наконец, сами тираны охотно набирали себе сеидов среди наемников из других регионов греческого мира. Династия Баттиадов в Кирене, три последних царя которой были тиранами, предоставляет яркие примеры такого подхода: Аркесилай III, изгнанный из Кирены в 530 году в результате переворота, укрывается на Самосе при Поликрате и набирает войско наемников, с которым возвращает себе свое царство. Его внук Аркесилай IV в 462 году поручил своему свояку Карроту во время путешествия по Греции набрать наемников для участия на Пифийских играх в соревнованиях на колесницах в честь Аркесилая.

Тем не менее, даже если судить по имеющимся у нас документам, наемничество в архаическую эпоху не имело такого распространения, которое оно получило в IV веке. Несомненно, колонизация была спасением для бедняков и изгнанников. Если не считать упомянутого выше Аркесилая IV, можно сказать, что в V веке практика набора наемников исчезает. Вновь она появляется во время Пелопоннесской войны: Афины обратились к фракийским вспомогательным войскам для организации экспедиции на Сицилию, и это был как раз отряд наемников, прибывший слишком поздно, этот флот дошел почти до Сиракуз, но Диитреф отправил его обратно во Фракию, и тот по пути домой опустошил беотийский город Микале. Вооруженные действия не прекращались, в греческих государствах росло число профессиональных воинов: вот почему в конце войны огромное их количество оказалось без работы, вследствие чего они предложили свои услуги Киру Младшему, когда тот попытался свергнуть своего брата Артаксеркса. Поражение Десяти Тысяч в 401—399 годах после битвы при Кунаксе в одночасье продемонстрировало многочисленность и военное значение этих наемников.

Отныне, какими бы ни были причины, роль этих профессиональных воинов в греческих армиях возрастает в ущерб воинам-гражданам. Их мастерство растет благодаря упражнениям, к которым их обязывали знаменитые полководцы, например афинянин Конон, Ификрат и Тимофей, спартиат Агесилай или менее именитые воины, истинные главы отрядов, такие как Менелай из Пелагона, македонец, служивший Афинам с 363 года, за что был удостоен различных почестей, в том числе получил гражданство. Изменения в области военной тактики, о которых мы уже говорили, во многом произошли благодаря наемникам: это можно сказать о пелтастах Ификрата, и неудивительно, что македонец Менелай был гиппархом во главе своих эскадронов, демонстрируя таким образом возраставшую важность кавалерии в армиях IV века.

Оказывались ли эти профессиональные воины более безжалостными в отношении гражданского населения, чем традиционные войска? По правде сказать, как те, так и другие занимались грабежом, который считался правомерным для победителей. Но в действительности современники со страхом смотрели

на отряды наемников, состоящие из «апатридов, дезертиров и людей, виновных во всех преступлениях», их обвиняли в «бесчинствах, насилии, презрении к закону». Наконец, их считали «общим врагом всего человечества». По крайней мере, такие выражения в 356 году использует Исократ в своем трактате «О мире» (44—46). Хотя и риторически преувеличенный, этот тон отражал общераспространенное мнение. В том же трактате афинский оратор упрекает своих соотечественников в том, что на чужеземцев возложена ответственность за вооруженную защиту интересов полиса. Такое же обвинение неоднократно повторял Демосфен. Эти тексты отчетливо показывают, в каком направлении развивались военные обычаи греческого мира. До этого времени война была общим делом каждого полиса и в то же время, по крайней мере в принципе, каждого отдельного гражданина. Теперь же в этой области, как и в других, появляется специализация: военная служба, несмотря на усилия таких институтов, как эфебия, сделать ее более эффективной и лучше управляемой, не считается больше первым долгом гражданина, который исполняют если не с энтузиазмом, то по убеждению. Граждане охотно перекладывают этот долг на профессионалов, которых нанимают за деньги из чужих земель. Развитие индивидуализма, ослабление связей между гражданином и полисом, стремление избежать риска или обязанностей, навязываемых гражданской солидарностью, — все это идет параллельно формированию международного рынка наемных воинов, явившегося следствием экономического и социального кризиса. Спрос и предложение развиваются одновременно. Происходившее при всем при этом усложнение техники войны — в вооружении, тактике, использовании механизмов, — делало более очевидным превосходство профессиональных войск перед гражданской армией. Великий поход Александра с решающей ролью в нем национальной македонской армии на некоторое время скрывает эту эволюцию. Однако с уходом из мира сего этого гениального военачальника вскоре становится очевидно, насколько развитие корпуса наемников благоприятствовало намерениям властолюбивых полководцев: отныне война в эллинистическом мире перестает быть делом полисов и становится делом государей.

Глава шестая ОБРЯДЫ И БОГИ

Для большинства наших современников греческая религия — это главным образом легенды, к которым наши поэты и художники, начиная с эпохи Возрождения, часто обращались, подражая греческим и латинским предшественникам. Эта мифологическая память дополнялась образами величественных мест — Дельфы, афинский акрополь, мыс Суний, где посреди святилища до сих пор возвышаются красивые и трогательные развалины. Еще с Леконта де Лиля и поэтов группы Парнас подлинными именами греческих богов, более или менее корректно переведенные, были заменены на соответствующие им имена римских богов, с которыми их часто путали. Но даже говоря о Зевсе, а не о Юпитере, об Афродите, а не о Венере, о Гермесе вместо Меркурия, мы, как правило, смотрим на них с позиций читателя «Метаморфоз» Овидия, а не глазами афинянина V века. Эта концепция объясняется долгой книжной традицией, авторитет которой сложно пошатнуть. Но она не соответствует настоящим религиозным взглядам греков классической эпохи, которые мы так стремимся узнать. Возможно ли это, и каким способом?

Литературные тексты остаются самым богатым источником для нас, однако, используя их, мы рискуем прийти к ошибочным выводам. Действительно, в легендах, связанных с богами, греки давали волю своему воображению, не придерживаясь точной передачи традиции. У греков никогда не было незыблемых догматов в сфере мифологии: множество культовых мест, разбросанность населения и партикуляризм греческих городов благоприятствовали

распространению легенд в радикально разнообразных формах. Осознавая эти вариации, не задевавшие религиозных чувств, поэты не упускали возможности добавить что-нибудь свое. Именно глубоко религиозное чувство заставляет Пиндара изменить устоявшуюся традицию: в «Первой олимпийской оде» он живо критикует историю о Тантале, вынужденном убить своего сына Пелопа, чтобы плоть его стала мясом на столе у богов:

Человек о богах
Должен говорить только доброе...
<...>
Нет!
Я не смею назвать людоедами богов!¹

Поэтому он многократно изменяет легенду, чтобы привести ее в соответствие со своими моральными требованиями. Авторы трагедий поступают так же: они не стесняются исправлять предания по воле своей фантазии; таким образом содержание старых мифов становится необычайно пластичным. Позднее, в эпоху эллинизма, эрудиты, специалисты по мифам, схоласты и составители сборников, в свою очередь, занялись обработкой мифологии, изобиловавшей противоречиями. В этот период сокровищница греческих легенд изменялась и обогащалась под воздействием намерений иного рода: речь идет о необходимости объединить противоречивые традиции, дабы удовлетворить требованиям рационализма, которые выдвигали философы, или приправить живописными вымыслами долгое время передававшиеся рассказы, дабы сохранить их «остроту» для искушенной публики. Однако именно у поздних авторов, а не у Гомера и не у трагиков, римские писатели черпали информацию, прежде чем передать ее нам. Таким образом, мы видим, насколько сложно историкам религии интерпретировать информацию, предоставляемую этими источниками. Они передают нам, скорее всего, продукт умелой обработки, в котором весьма сложно, а зачастую невозможно различить достоверные свидетельства, почерпнутые из надежного источника, и чистой воды вымысел.

1 Перевод М. Л. Гаспарова.

Разумеется, богатство и пластичность мифологической традиции являются своеобразной чертой, свидетельствующей о глубокой природе греческой религии. Но с этим следует обращаться с большой осторожностью. Без серьезных замечаний рассматриваться могут лишь тексты, сообщающие о легендах, которые связаны с обрядами. Ибо культ гораздо лучше легенд знакомит нас с древними греками, непосредственно показывая их религиозное поведение. Конкретный обряд — вот единственно ценный ориентир в этой сфере, независимо от того, каким образом стал он нам известен: благодаря ли какому-нибудь автору, или надписи, или археологическому источнику. Здесь мы видим общественные реалии, верования, воплощенные в поведении, а не одни лишь умозрительные построения. Изучение греческой религии, таким образом, заключается в перечислении, описании и, по возможности, интерпретации культовых практик, которые всегда являются локальными, а вовсе не в зыбком обобщении мифологических свидетельств, зачастую недостоверных и редко связанных. Легенда становится важным источником лишь в том случае, если она каким-либо образом связана с культом, если она иллюстрирует или объясняет его. Без этих фактов она является не более чем литературным упражнением, дающее представление лишь о своем авторе.

Мы узнаем о культовых практиках из различных источников, толкование которых требует разнообразных методов. Во-первых, это свидетельства литературных текстов, где обряды иногда упоминаются вскользь, а иногда описываются в мельчайших деталях, бесценных для нас. Так, в гомеровских поэмах содержится множество сцен с молитвами или жертвоприношениями, античные трагедии описывают некоторые погребальные обряды, Аристофан изображает празднование сельских дионисий. Наконец, мы имеем свидетельства историков и полиграфов: Геродот в V веке до н. э., Плутарх в начале II века н. э. дали немало сведений, касающихся религиозной жизни греков, к которой оба автора проявляли живой интерес. Есть еще компиляторы более поздних периодов, чьи произведения дошли до нас частично благодаря византийским средневековым лексикографам, например анонимный автор (часто называемый из-за старой ошибки Свидам) сборника, известного как «Свида». Эти цитаты и краткие

заметки, зачастую искажавшиеся при переписывании текста, тем не менее значительно обогащают наши познания в древнегреческой религии. Но настоящим сокровищем для нас является Павсаний. Этот оратор II века н. э., составивший описание¹ материковой Греции (Аттика, Пелопоннес, Беотия и Фокида), уделил особое внимание религиозным обрядам и традициям. Поскольку его маршруты пролегли через самые маленькие поселения, он стремился добросовестно записать услышанные легенды и замеченные культовые практики. Без его разноплановых, достоверных и богатых данных наше представление о греческой религии было бы очень кратким и искаженным. Уважая запреты, относящиеся к некоторым аспектам культа, предназначенным исключительно для посвященных, он не описывает секретные практики, однако он сообщает нам об их существовании, о котором мы чаще всего не подозревали. Что же касается общественных обрядов, он охотно их излагает, иногда в мельчайших подробностях, особенно если это необычные или удивительные обряды: он дает нам объяснения, полученные на месте, или взятые из литературы. К тому же высокая топографическая точность его маршрутов позволила найти множество религиозных памятников, чьи руины сохранились до сих пор: без него мы бы затруднились идентифицировать большинство зданий или даров в крупных святилищах Дельф и Олимпии. Без этих описаний, иногда лишенных красочности и личного отношения, но в целом точных, а иногда и подробных, мы бы ничего не знали о внутреннем убранстве крупных святилищ. Можно представить, насколько историки религии обязаны Павсанию.

Помимо литературных текстов, богатыми и разнообразными источниками информации являются археологические и эпиграфические документы. Надписи, касающиеся религиозных организаций, крайне многочисленны: священные законы, посвящения на памятниках, списки приношений и священных сокровищ, описание чудесных излечений, оракулы, декреты, принятые по случаю религиозных праздников, священные календари, надгробные эпиграммы — все эти тексты, увековеченные на камне

¹ В оригинале — «Périégèse» (путевые заметки). Здесь и дальше переводится как «Описание Эллады».

или металле и обнаруженные в результате раскопок или случайно, раскрывают перед нами те стороны греческой религии, о которых авторы, не считая Павсания, зачастую умалчивают или дают недостаточно объяснений. Для нас эти источники еще более интересны тем, что не подвергались «обработке» и создавались в ответ на непосредственно возникавшие практические нужды и большей частью не подвергались пояснительной правке или изменениям, которые были неизбежными для рукописей. В этом очевидная ценность их показаний.

Что же касается собственно археологических источников, которые интересуют историю религии, их можно разделить на две категории: памятники архитектуры и изобразительные памятники. Разрушенные здания, более или менее репрезентативные, в зависимости от степени их разрушения, позволяют лучше познакомиться с планами святилищ и расположением священных сооружений: храмы, сокровищницы, алтари, специальные здания, предназначенные для мистерий, портики, чудодейственные источники. В исключительных случаях более или менее точно можно воссоздать их профиль. Частичные реконструкции, которые сегодня охотно называют неологизмом *анастилоз*, позволяют оценить масштабы площадок и мысленно воссоздать мероприятия, проводившиеся на них. Изобразительные памятники вносят уточнения в эту картину: найденные статуи, будь то дары или позднейшие копии знаменитых памятников, дают нам образ божества; надгробные или посвященные рельефы изображают верующих перед богом или живых вокруг покойного, которому смерть даровала вечный покой; скульптурные украшения в религиозных сооружениях, фронтоны, метопы, сплошные ионические фризы, карнизы и архитравы разворачивают перед нашим взором сюжеты, выбранные не случайно, а по крайней мере с целью послужить уроком посетителю; рисунки на вазах в их бесконечном разнообразии представляют весьма интересные ритуальные сцены и множество мифологических изображений, которые своеобразно обогащают свидетельства текстов. Число этих источников ставит перед специалистом неразрешимые задачи. Тем не менее постепенно их изучение продвигается, и изображения получают свои толкования, так же как и сведения, почерпнутые из текстов, оживают при сопоставлении с археологическими

источниками. Метод, заключающийся в сопоставлении источников для их взаимного прояснения и требующий от исследователя равнососторонней осведомленности и обширных познаний, безусловно, весьма плодотворен во всех сферах изучения Античности, но особенно необходим он в истории религии: замечательные работы шведского ученого М. П. Нильссона с блеском это продемонстрировали. Говоря о греческой религии, необходимо учитывать все эти разнородные элементы, чтобы сопоставлять данные.

* * *

По их свидетельствам, греческая религия представляется нам тесно связанной с социальными группами. Частично это отражается в источниках, к которым мы обращаемся, в текстах, регламентирующих коллективные церемонии, в общественных памятниках, построенных в честь богов-покровителей города, в произведениях искусства, иллюстрирующих общественные верования. Но это еще и основная черта человека эпохи классической Греции. Он не позиционирует себя как отдельного индивида, чье личное спасение может быть получено вне зависимости от социальных групп, к которым он принадлежит: это существо в высшей степени социальное, или, по словам Аристотеля, «политическое существо», которое зависит от отношений с другими и которое по-настоящему может выполнить свое предназначение лишь сквозь призму этих отношений. Мы говорили об этом, анализируя феномен войны. Но религия — основной психологический элемент, обеспечивающий сплоченность групп и долговременность их существования. Вот почему ее проявления, даже индивидуальные, как правило, имеют более или менее выраженный социальный характер: если они направлены к божеству, они подразумевают наличие зрителей, которые были свидетелями и ради которых старался автор священного действия.

Нельзя сказать, конечно, что грекам было чуждо простейшее религиозное чувство в его стихийной индивидуальной форме. Даже наоборот, существовало слово, возможно заимствованное из догреческого языка, выражавшее сочетание страха и почтения, которые испытывал человек перед всем, что казалось ему частью загадочной и сверхъестественной силы, которую он одушевлял. Это

чувство — *thambos*: по-видимому, греки испытывали его особенно сильно и часто, особенно перед природой и волнующими зрелищами, которые она приготовила для человека в этой исключительной стране. Речь идет о непосредственном ощущении божественного присутствия, которое внезапно пронизывает грандиозный ландшафт или какое-нибудь секретное место: свет или тень, тишина или шум, пролетевшая птица, промелькнувший зверь, величественная красота дерева, очертание скалы, свежесть источника, сильное течение реки, шелест тростника, дуновение ветра, раскаты грома, полуденная жара, несмолкаемый рокот волн. Обладавшие чуткой и восприимчивой душой греки с жадностью ловили эти проявления. Они испытывали перед ними чудесное волнение, которое казалось им очевидным творением бога. Эта вездесущность божества, ощущаемая с особой силой, стала первым и прочным элементом греческой религии. Вот почему боги присутствуют повсюду и их так много: политеизм в основе своей имеет сильное ощущение того, что вся природа пронизана божественным. Этот глубоко религиозный народ в то же время — одно другому не мешает — был безумно влюблен в логические рассуждения: этому способствовали его общественная жизнь и любовь к красноречию. Он также был склонен разделять божественное присутствие, такое изобильное и полиморфное, на многочисленные индивидуальности, задуманные по его образу и подобию. Отсюда огромное количество культовых мест, ритуальных алтарей, каменных груд, священных деревьев, пещер Пана, даров нимфам, безымянных героев, а также распространение храмов, где главные божества почитались в местной форме с особым эпитетом.

Таким образом, испытывая *thambos*, грек считал, что он вступает в контакт с какой-то божественной личностью. Он непременно разделял это чувство с сообществом, членом которого являлся, а чаще всего отождествлял это божество, силу которого испытал на себе, с одним из тех богов, которых почитало сообщество. Таким образом традиционные культы сохраняли свою силу и авторитет; иногда к ним добавлялись новые культы. Вмешательство социальной группы, выражавшееся в форме трансформации индивидуальной реакции в обряд, придавало изначально быстротечному ощущению реальное и конкретное значение. И наоборот, участие в одном и том же веровании, убеждение

в покровительстве одного и того же бога наделяли группу постоянством и гомогенностью. Греческая религия, как и большинство других религий, имеет субъективный и социальный аспекты. Один не может существовать без другого. Если сильнее оказывается социальный аспект, то это происходит из-за инстинктивного стремления греков жить в рамках полиса. Однако персональная ценность его веры не страдает — скорее, наоборот.

Этот несколько абстрактный анализ необходим, чтобы понять, что греческая религия, даже если она проявляется главным образом через религиозные обряды, чаще всего коллективные, не сводится к этим церемониям, она выходит за красочные рамки мифов и легенд. Она не могла бы в течение столетий владеть умами отдельных людей и групп, если бы не говорила о душе. Помимо подношений полиса своим божествам, помимо простого обмена услугами между верующими и божеством, где приношения предназначались для снискания благосклонности богов, существовало ежедневное общение эллинов со святым. Насколько нам известно из источников, это общение не носило характера мистического излияния: скорее, это было убеждение в существовании богов, в их близости человеку по чувствам и по облику и в распространении их могущества на судьбы простых смертных. Отношения между греками и божеством принимают, таким образом, персональный характер. Бог, как и верующий, является индивидом, его просят о помощи с доверием и расположением, а не только с уважением и страхом. Иногда связи, установившиеся между ними, напоминают нечто вроде соучастия. Таково, например, отношение Афины к Диомеду в «Илиаде» или к Одиссею в «Одиссее». Помощь, которую она им оказывает, выражается в привязанности, ее советы смягчаются улыбкой. Что бы ни говорили, авторитет божества несколько не страдает при таком непосредственном общении с людьми: человек, чувствуя себя объектом подобного расположения, знал, что он рискует подвергнуться самым страшным карам. Он знал, что боги принадлежат другой расе и что они более могущественны, чем смертные. Но он не удивлялся, встречая их рядом с собой.

С этой точки зрения можно рассматривать легенды, рассказывающие о любви между богами и смертными, которые шокировали отцов Церкви. В классическую эпоху благоговейно испол-

нялись ритуалы *иерогамии*, или священного брака, и народная вера придавала им реальное значение: знаменитый атлет Теоген из Фасоса в начале V века прославился в одной из таких церемоний, в которой его отец, жрец Геракла Фасийского, исполнял роль бога вместе со своей супругой, и даже имя персонажа (*Теоген*, что значит «рожденный от бога») напоминало о его божественном происхождении. В Афинах каждый год проводился ритуал подобного типа, где «царица», супруга архонта-царя, верховного правителя, окруженного всеобщим почтением, сочеталась с Дионисом, которого представлял ее супруг. Точно так же легенды о людях, допущенных к столу богов, находят свое отражение в божественных пиршествах, или *теоксениях*, известных, в частности, по культу Диоскуров. Искренне религиозный Вергилий, таким образом, ничуть не искажает греческую традицию, когда пишет в конце IV эклоги своих «Буколик»: *Qui non risere parenti, nec dues hunc mensa, dea nec dingnata cubili est.* «Мальчик, того, кто не знал родительской нежной улыбки, трапезой бог не почитит, не допустит на ложе богиня»¹.

Так сложился антропоморфизм — фундаментальная черта религии греков. Он родился из совокупности трех внутренне присущих этому народу свойств: ощущения божественного, практического рационализма и творческого воображения. Постигая божество, существование которого они ощущали, греки уподобляли его человеку, познавали его через отношения, свойственные обществу, в котором они жили, отдавая ему высшую ступень в общественной иерархии. Их способность превращать идеи в материальные или вербальные образы, их природная одаренность в искусстве и поэзии обеспечили долговечность этой концепции. Сами они осознавали плодотворность этих усилий. Геродот подчеркивал важность Гомера и Гесиода в религиозной сфере: «Они-то впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы»². Сегодня, главным образом благодаря микенским источникам, мы знаем, что греческий политеизм существовал за несколько веков до Гомера. Но действительно,

1 Перевод С. Шервинского.

2 Перевод Г. А. Стратановского.

поэмы Гомера и Гесиода стали своего рода катехизисом для всего народа, который с детства черпал из них религиозные основы. В них есть не только яркие упоминания о бессмертных, но и моральные принципы, гарантированные властью Зевса, верховного бога, и ритуальные предписания, которые подробно описаны в «Трудах и днях».

Творчество художников и, в особенности, скульпторов, оказало влияние на греческую религию не меньше, чем труды этих двух поэтов. Оно «очеловечило» ее еще больше, чем это было сделано в литературных произведениях. Поэтическое творение оставляет относительный простор для воображения. Пластические же шедевры, незыблемые и весомые, являют их конкретный образ в трех измерениях. Очень рано идея божественности была связана с культовой статуей. В ней она находила необходимое обоснование. Никакая другая религия не зависела так сильно от образа, который греки называли словом *агальма*. Под этим словом они понимали божественный образ в противоположность образу человеческому, *эйкону*. Позднее, вследствие изменения смысла *икона* в византийском греческом языке стала обозначать священный образ в противоположность значению, заложенному в это слово в классическом греческом языке. *Агальма* — это одновременно изображение бога и знак его присутствия: статуя — это и *есть* бог, хотя, при этом они и не идентичны. Несомненно, божественная природа выходит за пределы образа: верующий просто принимает многочисленность изображений одного бога. Но он считает, что все они являют сущность божества, которое, таким образом, целиком обнаруживается в каждой из них.

Необходимо также, чтобы эти образы были легко узнаваемы. На примере киприотской бронзовой статуи Аполлона Аласийского (если предложенное определение верно) микенские скульпторы смогли наглядно передать идею антропоморфного бога. Их последователи раннего архаического периода поначалу были менее искусными: резковатые священные изображения из Дрероса на Крите, сделанные из дерева, отделанные отчеканенными и приколоченными бронзовыми пластинами, или литая фигура худосочного Аполлона, принесенная в дар беотийцем Мантиклосом, являются замечательными примерами их умений. Начавшееся с тех пор развитие в направлении натурализма,

усиливает антропоморфные тенденции в религии вплоть до периода расцвета классической культуры. Оно способствует освобождению как от пережитков примитивного *аниконизма*, видевшего бога в объектах с нечеловеческими формами, например в нетесаных камнях, в участке леса, даже в деревьях, так и от последствий *териоморфизма* — поклонения богам-животным и монстрам. Часть этих древних традиций, характерных не только для греков, но и для других народов, оставили свои следы: почитание по природе своей консервативно, и Павсаний еще во II веке до н.э. упоминает о культах священных камней и о Деметре с лошадиной головой в Аркадии. Помимо статуй богов, созданных крупными мастерами классического периода, в святилищах хранятся каменные или деревянные изображения, наследие архаизма, которые называли *ксоанами* и которые стали объектами особого почитания: так, в афинском акрополе самой высокочтимой статуей Афины был не колосс из золота и слоновой кости, созданный Фидием в Парфеноне, а старый *ксоан* из оливкового дерева, сохранившийся в Эрехтейоне, который, как считалось, упал с неба и которому полис в течение четырех лет торжественно преподносил *непелос* по случаю великих Панафинейских игр. Таким образом, не стоит забывать о пережитках, но согласимся, что они были ничтожны по сравнению с пантеоном антропоморфных богов, которых пылкий ум греков при помощи мастерства ремесленников смог организовать в иерархичное, активное, досягаемое, радушное общество, заботившееся о морали и гражданстве и в определенном смысле духовное.

* * *

Перед этими богами, которые с микенской эпохи в большинстве своем имели свои определенные имена, греки преклонялись в соответствии с обычаями, уже представленными в гомеровских поэмах. В подробностях ритуальные правила были очень сложны: они различались в зависимости от местности и божества. Основными религиозными обрядами, которые, несмотря на условности, имели определенные общие черты, были молитва, дар, жертвоприношение, общественные праздники, игры. Рассмотрим же их один за другим.

Прежде всего необходимо определить понятие ритуальной чистоты, которое является первым и необходимым условием во всех действиях. Это понятие связано с определением священного и мирского. Если некоторое место или действие считается священным, то для доступа к нему следовало соблюсти несколько требований, чтобы выразить уважение: чистота, благопристойное одеяние и поведение. Тот, кто игнорирует эти требования, нечист, а следовательно, не может быть допущен к богам. Речь идет, главным образом, о телесной грязи: идея моральной нечистоты могла появиться лишь впоследствии. Таким образом, перед каждым ритуальным действием необходимо было позаботиться о чистоте. Когда Ахилл в XVI песни «Илиады» молится Зевсу, он выбирает дорогую чашу, чистит ее серой, моет, не жалея воды, затем моет в ней руки сам, прежде чем совершить возлияние и произнести молитву. То же мы видим и в песни II «Одиссеи», когда Телемах обращается с молитвой к Афине: находясь на берегу, он моет руки в морских волнах, прежде чем помолиться. Когда ахейские полководцы в III песни «Илиады» собираются произнести клятву вместе с молитвой и жертвоприношением, вестники, помогающие им, сначала льют им воду на руки. То, что Гомер показывает нам на практике, Гесиод в «Трудах и днях» воспроизводит в виде наставлений:

Также, не вымывши рук, не твори на заре возлияний
Черным вином ни Крониду, ни прочим блаженным бессмертным;
Так они слушать не станут тебя и молитвы отвергнут¹.

Практика этих ритуальных омовений сохранялась в течение всей классической эпохи: поэтому для посетителей перед входом в святилища стоял таз с водой для очищения. Павсаний пишет о бронзовой статуе у входа в афинский акрополь, которая приписывалась Ликию, сыну Мирона, и изображала юношу, держащего «кропильницу» для этого обычая (*периррантерион*): она датируется второй половиной V века.

Самой сильной грязью считалась пролитая кровь: Гекубе, своей матери, которая пригласила его совершить возлияние Зевсу,

¹ Перевод В. В. Вересаева.

Гектор ответил, что он только что пришел с поля боя и не может ни молиться, ни совершать возлияния, поскольку он залит кровью («Илиада» VI, 264—268). Так же и Одиссей, убив женихов, спешит очистить свой дворец, для чего возжигает в нем серу («Одиссея» XXII, 493—494). С этим древним предубеждением связаны предписания по очищению убийцы, которые известны нам по многочисленным текстам. Речь идет не об отмывании греха, поскольку невольный убийца подчинялся тем же ритуальным требованиям, что и убийца предумышленный: это лишь факт пролития крови, которая становится причиной нечистоты, даже если это действие имело законные мотивы или оправдания. Эта грязь должна быть смыта, дабы избежать ее распространения через общение с нечистым человеком. Поэтому убийца изгонялся из города до своего очищения. Изображения на вазах представляют очищение Ореста, убившего свою мать, через окропление кровью поросенка. Этот весьма распространенный обряд шокировал философа Гераклита, который писал: «Бесполезно очищать кровью людей, запятнавших себя убийством: разве кто-то, наступивший в грязь, отмывается грязью?» Священные законы Кирены, текст которых сохранился в надписи IV века, подробно регламентирует поведение просителя, обвиненного в убийстве, который просит допустить его в город: отмечается крайняя осторожность, направленная на то, чтобы избежать любых контактов между гражданами и еще не прошедшим очищение чужаком.

Смерть, как и кровь, тоже являлась причиной нечистоты. Павсаний сообщает нам, что в Мессене, в Пелопоннесе, существовало правило, согласно которому жрец или жрица, чей ребенок умер, должны были отказаться от жреческой должности: семейный траур влек за собой скверну, что было несовместимо с богослужением. Вообще, было запрещено хоронить умерших на священных землях (исключением, бесспорно, были герои). В 426—425 годах афиняне, содержавшие святилище Аполлона в Делосе, получили совет оракула очистить остров: веком ранее Писистрат уже очищал всю охватываемую взглядом местность вокруг святилища. Исполняя божественное поручение, он нарушил все могилы, находившиеся на Делосе, и перенес их на соседний остров Ренею, где в ходе современных раскопок в братской могиле был

найден погребальный инвентарь (главным образом, глиняные сосуды), собранный из этих могил. Отныне на священном острове нельзя было умирать: умирающих перевозили на Ренею, где они и выпускали свой последний вздох.

То же правило распространялось и на рожениц: для родов их увозили на Ренею, поскольку роды, несомненно из-за сопровождающей их крови, влекли за собой скверну. По законам Кирены присутствие роженицы в доме делало его нечистым, как и людей, находившихся под этой крышей. Другой пункт касался выкидышей: если плод обладал человеческими формами, скверна приравнивалась к той, что идет от смерти; в другом случае преждевременные роды рассматривались как обычные. Сексуальные отношения в некоторых случаях тоже были нечистыми: это необходимо отметить, поскольку греческая мораль, в отличие от более поздней христианской, никогда не считала физическую любовь грехом. Но она могла быть причиной материальной нечистоты, как это видно у Гесиода в «Трудах и днях» (стихи 733—734). Было запрещено заниматься любовью в храмах. Геродот, приписывающий изобретение этого правила египтянам, отмечает, что лишь они и греки соблюдали его, умываясь после совокупления и перед вступлением на священную землю. Эта заметка историка подтверждается законами Кирены, согласно которым ночные половые акты не несут с собой никакой скверны; если же акт произошел днем, после него необходимо умыться. Легенда об Атланте и ее супруге Гиппомене иллюстрирует этот священный запрет в отношении храмов: в наказание за то, что они предалися страсти в стенах священного помещения, боги превратили их во львов. Овидий поместил этот рассказ в книгу X своих «Метаморфоз».

Так, для доступа к религиозным церемониям человек должен был соответствовать определенным условиям: он должен был быть абсолютно непричастен к каким бы то ни было таинствам, связанным с рождением или смертью. Еврипид очень четко выразил это устами Ифигении, жрицы Артемиды в Тавриде: «Человека, причастного к убийству, прикоснувшегося к роженице или к трупам, богиня прогоняет от своих жертвенников, ибо для нее этот человек нечист». Очистительные обряды, насколько регламентированные, настолько же и разнообразные в зависимости от полиса, позволяли избежать этих временных изгнаний, восста-

навливая надлежащую чистоту. В то же время это неизбежно приводило просвещенные умы, озабоченные проблемой добра и зла, к вопросу о ценности этой ритуальной чистоты, который они переносили в область морали. Отсюда до сих пор сохраняющаяся амбивалентность между этическим и священным, свойственная греческой религии. Вот почему Аполлон и Зевс, великие боги-очистители, в то же время были богами, которым приписывалась роль — слишком скромно сказано! — покровителей справедливости и морали. Воззвание Гесиода к справедливости Зевса, роль Аполлона в «Эвменидах» Эсхила дают почувствовать это совмещение функций, отвечавшее глубоким потребностям. Однако греческий политеизм еще не мог полностью удовлетворить.

Молитва — это простейшее религиозное действие, с помощью которого верующий вступает в контакт с божеством либо чувствуя внутреннюю необходимость этого, либо спонтанно начиная диалог. В обоих случаях это больше чем диалог, как мы его понимаем. Бог по своему усмотрению отвечает либо нет, но в любом случае он выслушивает то, что открывает ему человек. Поэтому молитва является вербальной и произносится вслух. Греческая античность не знала немой или тихой молитвы: явный признак социального характера ее религиозного поведения. Несомненно, здесь просматривается пережиток самых примитивных верований, которые приписывали слову магическую силу: однако магия, присутствуя в греческом мышлении, играет в нем низшую и ограниченную роль. В классическом греческом сознании целью молитвы было не сдержать божественную волю загадочной силой слова, — она произносилась, чтобы быть услышанной богом так, как если бы ее должен был услышать человек. Итак, она должна была иметь смысл: бессмысленные возгласы, *онома-топея*, — из *пеан* в культе Аполлона, *эвоэ* в дионисиях, военные *алала*, причитание или плач женщин — не были молитвами. Зато простое обращение, называющее божество по имени, само по себе уже являлось молитвой, поскольку приравнивалось к приветствию и было проявлением глубокого почтения к божеству: в этом смысле одно лишь слово *бог* или *боги* в именительном падеже (употреблявшемся для восклицаний и обращений), которое часто прописывалось на стелах перед текстом декрета, становилось молитвой.

Помимо обращения, молитва зачастую содержала в себе адресованную к богу просьбу о защите; чтобы заручиться его расположением, перечисляли благодеяния, которые он уже совершил или начал оказывать, либо молящийся напоминал о своих благих поступках по отношению к божеству; наконец, сюда можно было добавить обещание последующей щедрости. Вот, например, молитва Пенелопы к Афине в IV песни «Одиссеи»:

Неодолимая дочь Эгиоха Зевеса, внемли мне!
Если когда-либо в доме своем Одиссей многоумный
Тучные бедра коров или овец сожигал пред тобою,
Вспомни об этом теперь, и милого сына спаси мне,
И отклони от него женихов злоумышленных козни!¹

Молитва произносилась стоя перед статуей или святилищем, с поднятой правой рукой или с обеими руками, обращенными ладонями к богу. На колени падали лишь во время некоторых погребальных богослужений или поклоняясь богам земли: в этом случае во время молитвы по земле били руками. Коленопреклонение имеет место лишь в магических обрядах: Теофраст в своих «Характерах» называет это одной из отличительных черт суеверного человека.

Зачастую молитву сопровождает жертвоприношение. Разве это не естественно — заручиться благосклонностью могущественного существа, преподнеся ему дар? Не следует всегда интерпретировать этот поступок как акт обмена, в соответствии с чисто юридической концепцией, выраженной латинской поговоркой *do ut des*, «даю, чтобы и ты мне дал». Во многих обрядах жертвоприношения этого вообще нет, о чем свидетельствует надпись на статуе, сделанная афинянином в VI веке, который просто сказал богине: «Позволишь ли ты посвятить тебе другую?». Но, как правило, речь идет о простом материальном выражении своего почтения или благодарности по отношению к божеству. Дар может быть случайным, как, например, скромные приношения верующих в сельских святилищах: фрукты, пучки колосьев, несколько цветков, лепешки, шкура животного. Эти знаки народ-

ного почтения впоследствии вдохновили эллинистических поэтов, наперегонки сочинявших эпиграммы в форме литературных упражнений: «Прими в знак благодарности, Лафира [имя Артемиды], от нищего бродяги Леонида, голодающего бедняка, кусок масляной лепешки, эту оливку (сокровище!), зеленый свежий фиговый листок; возьми еще пять ягод винограда, взятые с прекрасной грозди, госпожа, и возлияние со дна моего кувшина! Ты излечила меня от болезни, избавь же меня от нищеты, которая меня так мучит, и принесу тебе я в дар ягненка!» То, что для Леонида из Тарента в III веке было не более чем забавой образованного александрийца, на протяжении веков являлось символом простого и искреннего почтения для греческого крестьянина.

Помимо случайных жертвоприношений были жертвы, предписанные обрядами: например, возлияния, которые необходимо было совершать, согласно светам Гесиода, каждое утро и каждый вечер, проливая на землю несколько капель вина. Подобным образом поступали во время принятия пищи: так бог получал свою особую часть напитка, веселившего человеческое сердце. Другие жертвоприношения отражали локальные традиции, которым народ долгое время оставался верен: Павсаний отмечает, что еще с его времен «народ Лилеи (город в Фокиде) в течение нескольких определенных дней бросал в истоки Кефиса (река в Фокиде и Беотии) лепешки и другие традиционные дары». По народным представлениям, как сообщается в «Описании Эллады», эти лепешки после загадочного маршрута оказывались в Кастальском источнике в Дельфах.

В других случаях божествам предлагались драгоценные предметы, а не пища. Часто преподносили дары в виде одежды: разве не нужно статуям одеваться? Вот почему Гекуба из Трои возлагает самое красивое свое покрывало на колени Афины, которой она молилась. Самым торжественным среди афинских праздников были Великие Панафинеи, когда каждые четыре года богиня получала *непнос*, который для нее вручную ткали эргастини, юные девы из самых знатных семейств Аттики, по рисункам лучших мастеров, изображавшим богов с титанами. На ионическом фризе Парфенона мы видим, что весь полис участвует в приношении. Так образуются священные сокровищницы, состоящие из общественных и частных даров: одежда, оружие, посуда из

1 Перевод В. В. Вересаева.

драгоценных металлов, украшения, слитки и монеты из золота и серебра, разнообразные предметы, которые верующие посвящали божествам. Они помещались в храмах или специальных строениях, называвшихся сокровищницами: они, как правило, были небольших размеров и напоминали часовни, но без культовой статуи внутри. Жрецы и магистраты хранили эти сокровища и были ответственны за них не только перед богом, но и в глазах сограждан, перед которыми они отчитывались после сложения с себя полномочий. Так появлялись интереснейшие эпиграфические документы — священные описи, в которых перечислялись дары с указанием их основных признаков и веса: в особых случаях, например в Делосе, таких текстов сохранилось большое количество, что позволяет изучить жизнь храма сквозь призму хранения и пополнения его коллекций.

Множество этих даров были сделаны *ex-voto*¹: они должны были выражать благодарность верующих богам за оказанную помощь. Здесь руководствовались не принципом *do ut des*, а желанием выразить признательность, причина которой зачастую указывалась в надписи, сопровождавшей этот дар. Богатые граждане посвящали статуи, люди попроще — скромные статуэтки из терракоты. Нередко на простых сосудах из глины неумелой рукой поверх лака выводилось имя божества. В святилище бога-врачевателя Асклепия оставляли скульптурное изображение части тела или органа, которые исцелил бог. В других случаях на дощечке или на камне изображалось само спасительное вмешательство Асклепия: с IV века число этих даров увеличилось с развитием культа в Эпидавре. Другие приношения *ex-voto* напоминали об атлетических или военных подвигах. Крупные святилища Олимпии или Дельфы изобиловали статуэтками атлетов-победителей, которых Павсаний с готовностью перечисляет: надписи, которые он переписал с их подставок, иногда обнаруживались в ходе раскопок, подтверждая добросовестность и правдивость «Описания Эллады».

Согласно обычаю, божеству отдавалась десятая часть прибавочного продукта от охоты или рыбалки, торговли или военных трофеев. Геродот сообщает о множестве таких посвящений,

1 *Ex-voto* — по обету. (лат.).

например о даре, сделанном самосцем Колайосом, торговцем VII века, который разбогател в Испании, стране олова, и по возвращении посвятил в храм Геры своего родного города огромный бронзовый кратер, украшенный головами грифонов, — этот тип сосудов стал известен в настоящее время благодаря археологическим раскопкам. Позднее, в конце VI века, изобретатель Мандрокл, также родом с острова Самоса, получил от Дария великолепные подарки за умело возведенный понтонный мост через Босфор для прохода по нему персидской армии, направлявшейся в Скифию: после этого Мандрокл написал картину, которая изображала Дария, наблюдавшего, как его армия переходит по мосту, и посвятил ее в самосский храм Геры с надписью, текст которой сохранил для нас Геродот. Таким образом, эти дары были лишь символом почтительного отношения к божеству и при этом льстили дарителю, который напоминал о своих героических поступках потомкам.

В коллективе эти чувства были не менее сильны, чем у отдельных людей. Павсаний пишет о приношении жителей Керкиры в Дельфах, которое датируется первой половиной V века и которое было очень характерным для религиозного поведения греческого полиса той эпохи: «У входа в святилище стоял бронзовый бык, произведение Феопропа из Эгины, преподнесенное жителями Керкиры. О нем рассказывали, что в Керкире бык, оторвавшийся от стада, спускался с пастбища к морю и мычал у взморья. Поскольку это повторялось ежедневно, погонщик пришел к морю и заметил там неисчислимое множество тунцов. Он сообщил об этом жителям города, которые тщетно пытались поймать этих тунцов. Тогда они обратились за советом к Дельфийскому оракулу, принесли в жертву Посейдону быка, и, как только жертвоприношение было завершено, они поймали рыбу. Вместе с десятой частью улова они посвятили дары в Олимпии и Дельфах».

При той важности, которую имела война в греческом мире, не удивительно, что среди votивных приношений от полисов самыми многочисленными были те, что относились к военным подвигам. Греческие государства не просто праздновали свои победы, преподнося дары в национальные святилища, — они стремились увековечить их своими приношениями в панэллинские храмы, где вся Греция могла их лицезреть. Здесь в акте благодарности по

отношению к божеству огромную роль играло человеческое тщеславие. Невозможно сосчитать посвящений по поводу греко-персидских войн. Афиняне принесли Аполлону в Дельфы трофеи, доставшиеся от побежденных при Марафоне персов, — они были собраны на платформе, примыкавшей к южной стене сокровищницы. В Дельфах также были установлены еще одно приношение *ex voto* от афинян в честь Марафона и в память о персидских поражениях (у входа в то же святилище), посвятельные дары от Кариста, эвбейского города, и от Платей, столб, украшенный золотыми звездами от жителей Эгины, и два общих дара от полисов, объединенных в союз, — Аполлон, держащий нос корабля в память о победе при Саламине, и треножник на бронзовой колонне в честь победы при Платеях. Эта бронзовая колонна из трех сплетенных змей, частично сохранилась в Константинополе, куда она была перевезена Константином. На ней написаны названия тридцати одного города, участвовавших в посвящении.

Понять чувства, побуждавшие греков выражать благодарность богам за спасение Греции, нам достаточно легко, — но как быть с такими нередкими дарами, которые увековечивали память о победах греков над другими греками? Однако греческие полисы, без конца встречавшиеся на поле боя, с гордостью отмечали свои братоубийственные победы, совершая приношения в крупные храмы. Перед фасадом храма Зевса в Олимпии мессенцы из Навпакта установили треугольный столб высотой 9 м, на котором возвышалась статуя Nike, Победы, с развернутыми в полете крыльями, в одеянии, раздуваемом ветром и облегающем ее юное, прекрасное тело. Мраморная статуя с посвятельной надписью была найдена там, где указал Павсаний: мессенцам необходимо было отблагодарить Зевса за победы над их соседями в Акарнании. Это произведение, подписанное ионийским скульптором Пеонием из Мендеи, который, вероятно, являлся автором скульптур храма, датируется 455—450 годами. В Дельфах, в храме Аполлона, первая половина священного пути представляла собой арену, где состязались соперничавшие друг с другом полисы: рядом с афинским *ex voto* в честь Марафона спартаец Лисандр воздвиг композицию в память о поражении афинян при Эгоспотамах. Через тридцать пять лет, в 369 году, аркадийцы из Тегей, с помощью Эпаминонда опустошившие Лаконию, поместили перед

приношением Лисандра постамент со статуями Аполлона, Nike и многочисленных аркадийских героев — в напоминание о невзгодах, причиненных ими Спарте. Совсем рядом многочисленные аргосские приношения свидетельствовали о победах Аргоса над Лакедемоном. Чуть поодаль обнаруживаем сокровищницу, построенную Фивами после битвы при Левктрах (371), и еще одну, которую сиракузцы установили после поражения афинян в экспедиции на Сицилию: они не случайно выбрали для этого место рядом с сокровищницей Афин, построенной веком раньше! Все эти проявления почтения Аполлону были поводом возвеличить славу полисов-победителей и принизить побежденных.

* * *

В диалоге «Евтифрон» Платон рассказывает о прорицателе, прославившемся своей ученостью в религиозной сфере в Афинах в конце V века. Выражая всеобщее мнение, Евтифрон дает следующее определение благочестия: «...Если кто умеет говорить или делать что-либо приятное богам, вознося молитвы и совершая жертвоприношения, то это — благочестиво, и подобные действия оберегают и собственные дома, и государственное достоинство...»¹. Молитва и жертва — вот два основных акта религиозной жизни, с точки зрения греков. Жертва, по правде сказать, может считаться особой формой приношения: не об этом ли говорит Сократ, отвечая Евтифрону: «Но ведь приносить жертвы — это значит одарять богов»? Жертвы, а особенно публичные, действительно занимают очень важное место в религиозной жизни греков, а потому заслуживают особого рассмотрения, и на этом мы сейчас остановимся.

Именно важность ритуальных предписаний отличает жертвоприношение от обычного дара. Любое жертвоприношение, будь то публичное или частное, — это сложная процедура, проводимая по определенным правилам, установленным традицией. Оно заключается в торжественном подношении божеству в соответствии с ритуалами съестных припасов, зерна, растений, напитков или животных. В этом смысле возлияния молоком и

1 Здесь и ниже перевод С. Я. Шейнман-Топштейн.

вином и приношение лепешек тоже были жертвоприношениями при условии, что они совершались в соответствии с ритуалом, который определялся природой, временем и процессом этих приношений. Но если жертвы без пролития крови существовали во множестве культов, то кровавые жертвы с заклинанием (а иногда и четвертованием) животного были гораздо более многочисленными и важными: собственно, лишь последние считаются жертвоприношениями — с жертвой как таковой. Античные эрудиты ранней эпохи считали возможным установить хронологическую преемственность между первоначальными бескровными формами жертвоприношений и кровавыми, якобы введенными позже: такова, например, теория, обстоятельно изложенная Овидием в книге I его «Фастов» (стихи 335—456). Но это лишь рационалистические домыслы, которым пифагорейская традиция, отвергавшая кровавые жертвы, придала видимость правдоподобия. Действительно, наши самые ранние источники, гомеровские поэмы, уже дают описания кровавых жертвоприношений: так, например, в первой песни «Илиады», где Одиссей возвращает Хрисеиду ее отцу, он привозит с собой животных и тут же совершает жертвоприношение, которое успокаивает гнев Аполлона.

Уже это первое упоминание четко выделяет основные моменты церемонии. Вокруг алтаря в определенном порядке располагались животные для жертвоприношения: они формировали *гекатомбу*, которая первоначально, как следует из этимологии самого слова, состояла из ста быков; однако очень рано, уже у Гомера, гекатомбой стали называть просто многочисленную жертву, если речь шла о быках или мелком скоте. Помощники мыли руки, чтобы очиститься, и брали пригоршни ячменных зерен. Жрец Аполлона произносил молитву, после чего зерна разбрасывались, что являлось первым приношением; после этого жертвенным животным перерезали горло, запрокидывая им головы так, чтобы кровь хлынула в направлении алтаря. Затем умерщвленных животных разделявали. Задние части ног откладывали в сторону, покрывали их жиром и сжигали на алтаре, пока жрец совершал возлияния вином. Когда эти куски сгорали, оставшееся мясо нарезалось, нанизывалось на вертел и жарилось на огне: после этого все участники действия собирались на пир и вместе ели это мясо. Большинство кровавых жертвоприношений имеют

характерные черты: торжественный порядок, акт очищения, молитва, заклинание жертвенных животных перед алтарем, кремация части животного, возлияния и, наконец, поедание остатков мяса участниками.

Поскольку речь идет об очень распространенной процедуре, то, естественно, такой порядок соблюдался не всегда: разнообразие обрядов было колоссальным. В некоторых культах, например, поедание жертвенных животных было запрещено и животное сжигалось полностью (это так называемая полная кремация, или *холокост*): это, как правило, происходило, когда жертвоприношение сопровождалось клятвенным обещанием в некоторых испуительных обрядах, в культах божеств земли и преисподней и в большинстве героических и погребальных культах. Мы уже видели подобное расхождение, когда говорили о молитвах. Некоторые современные исследователи интерпретируют эти различия как свидетельство того, что все божества греческого пантеона восходят к двум основным категориям — к божествам небесным, или ураническим, и нижним, или хтоническим. Первые — благожелательные, вторые — опасные. Таким образом, для одних ритуал выражался в искреннем почитании и участии: он был описан выше. Хтонический ритуал, напротив, был проявлением антипатии, направленным на нейтрализацию злой и враждебной силы. Понятно, почему в первом случае устраивалось жертвенное пиршество, на котором верующие разделяли с богом плоть жертвы, а во втором случае вся жертва целиком отдавалась боже-
ству.

Такая двойственность, несомненно, существовала. Однако она не всегда имела такие строгие очертания. Некоторые божества, в зависимости от местности, проявляют то уранические, то хтонические признаки. Зевс, будучи преимущественно небесным богом, предстает перед нами богом земли, когда к нему зывают как к Зевсу *Мейлихию*, имевшему обличье змеи: от Ксенофонта, упомянувшего об этом в «Анабасисе» (VII 8, I), мы узнаём, что ему приносили холокосты. Геракл в Фасосе почитался в двух культах: одному соответствовал божественный ритуал (то есть уранический), а второму — героический и хтонический. Павсаний, всегда внимательный к деталям культа, сообщает, что в городке Тронис, в Фокиде, местным героям приносили жертву, сцезивая

кровь убитого животного в их гробницы, что было свойственно для погребальной и хтонической обрядности, но само мясо съедалось во время пира, что являлось чертой уранического ритуала. Таким образом, было бы ошибкой основывать интерпретацию греческой религии на разделении, которое не всегда просматривается на практике. Даже если изначально, что весьма вероятно, эти две большие категории божеств были четко разведены, то причины, объясняющие это разделение, нам неизвестны, и мы лишь вынуждены констатировать пережитки в элементах ритуала, не понимая их по-настоящему.

Здесь необходимо подчеркнуть местный характер культов. В общей схеме кровавых жертвоприношений, показанной выше, конкретные предписания существенно различались в зависимости от святилища и от обличия, под которым почитался один и тот же бог. Природа жертвы также могла уточняться. На Фасосе некоторые культовые предписания V века запрещали приносить в жертву некоторым богам свиней или коз. Подобный запрет существовал и в Делосе. Зато в Кирене рекомендовалось жертвовать Аполлону Апотропею рыжую козу. В Лампсаке, на Геллеспонте, местному божеству Приапу приносили в жертву ослов, а в Спарте Эниалию, богу войны, жертвовали собак. Свиней, как правило, выбирали для проведения очистительных и искупительных церемоний. Последним наставлением, которое Сократ сделал перед смертью и которое Платон процитировал в «Федоне», было принести в жертву петуха Асклепию. Эти примеры демонстрируют огромное разнообразие обрядов: нарушить их, предложив жертвенное животное вопреки обычаю, считалось святотатством, которое каралось денежными и религиозными санкциями. То же разнообразие мы видим среди возлияний: вино, часто использовавшееся для этих целей, было запрещено в некоторых культах. На Фасосе правила запрещали петь пеан, которым сопровождалась эта церемония в других местностях. Описывая ежегодный праздник, который жители Сикиона отмечали в сельском святилище Эвменид, Павсаний указывает, что они приносили в жертву беременных овец, совершали возлияния медом, но вместо того чтобы украшать себя венками (по весьма распространенному обычаю), они просто несли цветы: все эти ритуальные особенности содержатся в «Описании Эллады» Павсания (II ii, 4).

Сложность этих практик придает процедуре жертвоприношения ярко выраженный специальный характер. Понятно, что с целью избежать ошибок, которые могли быть сочтены святотатством, люди прибегали к помощи специалистов. Не случайно в греческом языке глагол *hiereuein*, «приносить в жертву», того же корня, что и слово «жрец», *hiereus*. Жрец или жрица при святилище следили за исполнением ритуала. Избираемые или определяемые по жребию из лучших семей полиса, они исполняли функции сродни обязанностям чиновника. Они пользовались большим авторитетом, поскольку занимали почетные места на публичных церемониях и имели определенные материальные преимущества, например обладали правом на присвоение части мяса жертвенных животных, взимали денежный налог за жертвоприношение или освобождались от податей. Впрочем, жрецы были такими же гражданами, как и все остальные, и не составляли священнической касты. Жреческая должность давалась на определенный срок, и редко на всю жизнь. Она налагала особые правила благопристойности и облачала достоинством, которые зачастую влекли за собой обязанность носить белые одежды и требование соблюдать целомудрие (достаточно распространенное для жриц). Но в целом жреческая должность имела преимущественно техническими компетенции. Греческое общество никогда не знало жесткого разделения между гражданским и священным.

Этих сведений уже достаточно, чтобы говорить о глубоком социальном характере греческой религии: чрезвычайная важность, придаваемая обряду, наследование традиций, выработанных предками, и роль жреца в сохранении этих традиций — все это свидетельствует о том, что религия греков сквозь призму культовой практики, известной нам лучше всего, являлась в высшей степени групповым занятием. Семья имела свои собственные культы: культ очага, перед которым Алкеста Еврипида обращается перед смертью со своей последней молитвой к Гестии; культы Аполлона Патрооса и Зевса Геркея, причастность к которым, согласно Аристотелю, должны были доказать семьи будущих афинских архонтов; культ *Agathos Daimon*, «добраго домашнего духа» в виде змеи, которому совершали возлияния чистым вином после ежедневного принятия пищи; культ Гермеса или Гекаты Профитрей, оберегающей двери дома. Более крупная социальная группа,

фратрия, объединялась вокруг совместных культов с особыми праздниками — такими, например, как апатурии в ионийских городах: принадлежность к этой группе полиса, а значит, и участие в его религиозной жизни во многих греческих государствах (по крайней мере, в Афинах) являлось формальным условием для гражданства. Фила — основная общественная ячейка в Афинах — берет свое название от имени местного героя-эпонима, которому воздаются религиозные почести как покровителю. Точно так же аттические демы, бывшие всего лишь административными единицами, организованными по территориальному принципу, имели собственные святилища и культы. То же относится и к поселениям других греческих государств, верных своим древним традициям.

Что касается самого полиса, то он в первую очередь задавал рамки религиозной жизни. Его храмы и культы вызывали интерес гражданина, который ощущал себя членом общества, поскольку принимал участие в общественных верованиях. Родина для него — это прежде всего религия, доставшаяся от предков. Это прекрасно видно из клятвы афинских эфэбов, сохранившейся в надписи IV века: «Я буду сражаться, дабы защитить храмы и полис... Я буду почитать культы предков». На женщин также с самого детства были возложены религиозные обязательства. Хор афинянок в «Лисистрате» Аристофана перечисляет этапы идеального *curriculum vitae* молодой девушки из Аттики:

Я семи годов ходила арефорою уже,
В десять лет муку молола я богине-госпоже,
И медведицей в Бравроне одевалась в пурпур я,
Стала девушкой красивой и в корзине понесла
Много смокв¹.

Конечно, не все молодые афинянки выполняли эти функции, предназначенные для немногих избранных девушек. Однако их перечень, сделанный поэтом, не становится от этого менее

¹ Перевод Д. Шестакова. *Арефора* — девочка, помогавшая ткать пеплос для Афины. *Браврон* — город в Аттике, где на празднованиях в честь Артемиды девочки изображали медведиц. *Корзина* с дарами для жертвоприношений — атрибут некоторых праздников, эти корзины во время процессии несли на голове девушки — канефоры.

символичным: все и вся ощущали себя членами общественного организма, сплоченность которого поддерживалась с помощью религии.

Именно поэтому греки придавали особое значение крупным священным церемониям, в которых публичное жертвоприношение было основным элементом. Лишь тогда они ощущали свое активное и полное участие в жизни полиса, в сфере, которая имела особую важность и значение. Безусловно, это участие сопровождалось определенными, весьма существенными преимуществами: из-за нехватки крупного скота в Греции для многих публичные жертвоприношения были единственной возможностью поесть мяса, а пышное священное пиршество могло быть бесплатным. Торжественность и блеск праздников объединяли жителей, чьи развлечения были редки, а повседневная жизнь сурова: народ восхищался достоинством чиновников, величественной осанкой всадников, красотой «носительниц корзин», или *канефор*, и статью жертвенных животных.

Каждый праздник начинался с процессии, которая, возможно, имела искупительную силу и предлагала очевидцам великолепное и четко выстроенное зрелище. Будучи не просто пассивными зрителями шествия, ротозеи с истинно средиземноморским пылом, не стесняясь, комментировали подробности, обмениваясь шутками с членами кортежа. В некоторых случаях шутки были обязательным элементом, как, например, в элевсинской процессии, когда зрители, собравшись вокруг моста, осыпали паломников традиционными ругательствами, так называемыми *гефиризмами*, то есть «насмешками на мосту». «Шутки с телегами», которые отпускались с повозок по случаю анфестерий или лений, праздников Диониса, сыграли важную роль в рождении комедии. Под руководством распорядителей — официальных лиц, запечатленных на фризе Парфенона, — эти процессии двигались от рынка по улицам и площадям и завершались в храме, на площадке вокруг алтаря. Благодаря таланту Фидия, вдохновившего целую группу скульпторов, была передана оживленность этого шествия, организованного по случаю аттического праздника Великих Панафиней. Люди и животные, всадники и колесницы, юные девы и носители даров — ничего не было упущено на этом длинном фризе с 360 персонажами, мелькающими вдоль стен и портиков

Парфенона: несомненно, религиозное чувство, которое афиняне горячо питали в жизни и которым пронизано это произведение, было настолько живым и искренним, что совсем не удивительно видеть над входом в храм богов, собравшихся в ожидании процессии людей.

После процессии наступал черед жертвоприношения, которое происходило у алтаря. Алтарь был предназначен для разжигания огня, который поглощал жертву или ее часть. Это могло быть просто свободное пространство, оставленное для этой цели, или яма, вырытая в земле, или насыпанная в виде кургана земля. Как правило, его называли тем же словом, что и очаг, — *эшара*: это традиционная форма алтаря для хтонических божеств, героев и умерших. Однако и в других культах можно обнаружить подобные примитивные формы алтарей: так, в Олимпии, большой алтарь Зевса, не оставивший никаких следов на земле, представлял собой холмик, собранный исключительно из пепла жертвенных животных. Павсаний подробно описал его как усеченный конус с окружностью 37 м в основании и 9,5 м на вершине. Его высота составляла 6,5 м. Наверх можно было подняться по сооруженной рядом лестнице, позволявшей доставлять туда горячее и тела жертвенных животных, которые там и сжигались. В этом панэлинском святилище, бывшем в то же время национальным святилищем элейцев, происходили ежедневные жертвоприношения, за исключением периода панегириев. Прорицатели (при алтаре находился оракул) один раз в году, в определенный день, добавляли к алтарю пепел, собранный в течение года, предварительно смешав его с водой из Алфея — реки в Олимпии. Таким образом, холм постепенно вырос благодаря набожности верующих. У Аполлона в святилище в Дидимах, близ Милета, также был алтарь из праха, создание которого приписывается Гераклу. Алтарь Аполлона в Делосе был еще более странным: его называли алтарем из рогов, *Кератоном*, поскольку он был полностью сложен из козьих рогов. Легенда, которую Каллимах излагает в своем «Гимне Аполлону», утверждает, что бог соорудил его сам из рогов диких коз, которых его сестра Артемида сразила своими стрелами, охотясь на острове.

Однако большинство алтарей были каменными — монолитными или кирпичными. По форме они напоминали стол,

цилиндрический или прямоугольный, на верхней поверхности которого разжигался священный огонь. Кроме скромных алтарей, представлявших собой простой каменный куб, на боковой грани которого иногда высекалось имя божества, в крупных святилищах имелись монументальные алтари. Это были очень высокие конструкции, состоявшие из продолговатого прямоугольного массива, служившего столом, зачастую возвышавшимся на постаменте, куда вели многочисленные ступени. Боковые края стола могли быть снабжены высокими сплошными ограждениями для защиты от ветра и от падения жертвенных животных с алтаря. Иногда это сооружение украшала мраморная, лепная или барельефная облицовка. Знаменитый трон Людовизи, гордость Музея Терм в Риме, несомненно, являлся украшением боковой стороны алтаря, сделанным ионийским мастером во второй четверти V века до н. э. Размеры этих монументальных алтарей могли быть значительными. Начиная с архаической эпохи их поверхность увеличивается с 20 до 30 м в длину и с 6 до 13 м в ширину: это касается «базилики» (храм Геры) в Посейдонии/Пестуме, алтарей храма D в Селинунте, храма Аполлона в Кирене, храма Афайи в Эгине. В классический период подобные размеры встречаются в храме Геры в Агригенте, в храме Афины Аллеи в Тегее. В Олимпийоне Агригента колоссальный, как и сам храм, алтарь имел размеры 56 × 12 м. В эпоху эллинизма размеры увеличиваются еще больше — так, царь Сиракуз Гиерон II в середине III века воздвиг в своей столице алтарь длиной в олимпийский стадион, то есть 192 м! Но даже не рассматривать такие гигантские сооружения, то алтарь, возведенный городом Хиосом перед храмом Аполлона в Дельфах в первой четверти V века (8,5 × 2,2 м), уже представляется значительным памятником. Он был частично реконструирован со своей основной частью из темного известняка, основанием и столом из белого мрамора. Возвышаясь над последним поворотом Священного Пути, он помогает современным посетителям представить себе древние церемонии.

Как уже было отмечено, алтарь обычно находился под открытым небом. Для этого были две причины: во-первых, дым в закрытом помещении очень скоро оставил бы людей без воздуха, во-вторых, вокруг алтаря должно было быть место для массы

участников церемонии. Внутренние алтари (за исключением маленьких домашних жертвенников) были редки и соответствовали особым формам культа. Зато между алтарем и храмом не существовало никакой строгой связи: вопреки распространенному мнению, этот последний не имел преимущественного значения. Храм был немислим без алтаря. Однако греки знали святилища без храмов, где просто совершались жертвоприношения на алтаре под открытым небом. Именно таким образом на протяжении всей архаической эпохи почитался Зевс в Олимпии, пока элейский архитектор Либон во второй четверти V века не соорудил храм. В Додоне была похожая ситуация. Как правило, алтарь располагался перед храмом, если таковой существовал. Но это диктовалось не строгим правилом, а лишь удобством с архитектурной точки зрения: в Афинском акрополе алтарь Афины располагался не перед Парфеноном, не перед восточной *целлой* Эрехтейона, а на месте архаического храма Афины. И до конца греко-римской эпохи здесь совершались жертвоприношения.

Вокруг алтаря оставляли свободной площадку, на которой могли уместиться участники и зрители, наблюдавшие за жертвоприношением. Перед столом алтаря к земле или к самой плите (называемую *профисис*), где стоял жрец, приносящий жертву, прикреплялось железное кольцо, к которому привязывали жертвенных животных, чтобы удержать их во время смертельного удара. Иногда археологи обнаруживают такие кольца — скромные детали, которые с особой силой возбуждают воображение. Они позволяют представить стоящих вокруг алтаря, на котором пылал священный огонь, жертвенных животных, группу жрецов, магистратов и слуг, а чуть поодаль — толпу горожан, стоящих кругом. Живописное зрелище — одновременно торжественное и оживленное: пламя и дым вздымаются к ясному небу, и аромат фимиама смешивается с запахом сжигаемой плоти; церемонию сопровождают звуки флейты и гимны хора. Иногда толпа замолкает, и воцарившуюся тишину нарушает лишь мычание жертвы. Иногда все участники действия в один голос повторяют ритуальные возгласы. Фасад храма с разноцветными фронтонами, колоннады портика, приношения и бронзовые статуи, сверкающие в лучах солнца; листва священного дерева, склоны ближайшей горы или широкий морской горизонт были декорациями этих

праздников под открытым небом, в которых вера народа в своих богов и предвкушение последующего пира создавали атмосферу радости.

Соблюдение традиционных предписаний зачастую придавало некоторым эпизодам церемонии характер священной игры, участники которой повторяли сценарий, восходящий к древним, забытым поверьям. Такими были, например, афинские *диполи* — праздник в честь Зевса Полиея, «покровителя полиса», культ которого отправлялся в акрополе на огражденном участке под открытым небом, где не было никаких храмов. Аристофан в «Облаках» в 423 году называет этот праздник типично архаическим (стихи 984—985). Он проводился в середине месяца *скирофориона* (соответствующего маю-июню) и требовал жертвоприношения, называемого *буфониями*, или «убиением быков». Вот как Павсаний его описывает: «Что касается Зевса Полиея, я расскажу, по какому обычаю совершается ему жертвоприношение, не объясняя его смысла. На алтарь возлагаются зерна ячменя, смешанные с зернами пшеницы, и оставляются без охраны. Бык, подготовленный для жертвоприношения, подходит к алтарю и добирается до зерна. Тогда один из жрецов, называемый *убийцей быков*, поражает его ударом топора, и тут же, бросив топор на месте (согласно ритуальному предписанию), убегает. Другие же, словно не зная того, кто убил быка, предают топор суду перед трибуналом». Очень жаль, что и на этот раз добросовестный Павсаний сохранил завесу тайны над секретным толкованием этого особого обряда: современные ученые долгое время размышляли над смыслом этого священного действия. Как правило, они усматривали здесь пережиток старинного крестьянского поверья, согласно которому убиение рабочего быка, помощника в сельском хозяйстве, даже в религиозных целях было возмутительным поступком, настоящим преступлением, которое влекло за собой возмездие посредством правосудия. Каким бы ни было истинное значение, на этом примере мы видим, что культовые церемонии легко принимали простейшие театрализованные формы. В более развитой форме это представлено в церемонии в Дельфах, где каждые восемь лет на середине Священного пути под открытым небом разворачивалась настоящая мистерия, называемая *стенте-риями*, которая воскрешала в памяти древнюю дельфийскую

легенду о том, как Аполлон убил змея Пифона. Действо, заключавшееся в сожжении специально построенного «жилища Пифона», сопровождалось звуками флейты, которая, по словам Плутарха, подражала шипению змеи. В Спарте во время празднования *карней*, разыгрывалось нечто вроде драмы на военную тематику, что было вполне в духе этого полиса воинов: строились девять барачков, подобных постройкам в лагере, в каждом из которых оставалось девять человек под руководством командира, в подробностях объяснявшего им их роли. Атеней, компилятор III века н. э. считал этот эпизод празднования карней «изображением военного похода». В других случаях жертвоприношение сопровождали танцы, имевшие более или менее символическое значение.

Но ни один культ не придавал такого огромного значения ритуальным представлениям, как культ Дионисия. Этот бог растительности, а особенно винограда и вина, долгое время считался чужеземным богом, пришедшим в Грецию через Фракию или с востока. Огромное изумление вызвало его имя, обнаруженное в микенских источниках. С тех пор его признали одним из древних богов греческого пантеона. В любом случае, настоящие драматические представления в его культе появились лишь в самом конце архаической эпохи. Дионисийский культ, как и прочие, включал в себя поющие и танцующие хоры, а также процессии. Хоры исполняли в честь бога гимн в особой форме, называемой *дифирамбом*. Веселые и шумные процессии несли образ мужского начала — *фаллос*, символ плодородия и всеобщего возрождения. Дионис гораздо сильнее других богов побуждал верующих к мистическому экстазу с неистовыми кривляньями и безудержной экспрессией: этому способствовало вино, а также сельская традиция, уместная в аграрном культе, — традиция веселых празднеств после тяжелых летних и осенних работ. Члены дионисийской процессии, *фиаса*, охотно уподоблялись спутникам бога, козлоногим *сатирам*, надевая соответствующие костюмы, бородатые и курносые маски, козлиную шкуру, а также хвост и искусственный *фаллос*. Согласно Аристотелю («Поэтика» IV, 1449a), именно из дифирамба появилась трагедия, в названии которой (дословно «песня козлов») упоминается козел, *трагос*, — животное, посвященное Дионису. Считается, что аттический поэт Феспий родом из городка на острове Икария первым у подножия горы

Пентелика организовал диалог между актером, хором и его руководителем, введя, таким образом, в лирический дифирамб драматический элемент, который быстро получил развитие. «Паросский мрамор», представленный в 534 году, стал первым драматическим зрелищем в Афинах: и не последняя заслуга в этом принадлежит правительству Писистрата. Театр, каким мы его знаем в качестве литературного жанра, родился именно в этот момент.

Отныне основные дионисийские праздники в Афинах — Великие, или городские, дионисии в конце марта и *ленеи* в конце декабря, как и *сельские дионисии* в конце ноября в деревнях Аттики, — включали в себя театральные представления, организованные магистратами, ответственными за празднества, во время которых проходили состязания. Религиозная природа этих церемоний четко прослеживается вплоть до конца эллинистической эпохи: сооружения, предназначенные для представления, сначала деревянные, позже более прочные, всегда устанавливаемые в святилище Диониса, кольцевая площадка, предназначенная для движения хора вокруг алтаря, расположение жреца Диониса на специально отведенном, привилегированном месте. Представления проводились лишь по случаю религиозных праздников и предшествовали ритуалам, процессиям, жертвоприношениям, очищениям. Когда Демосфен в своей речи против своего врага Мидия, берет на себя функции *хорега*, мы видим, что в середине IV века драматические состязания оставались в глазах народа священными.

Что же касается аттической комедии, появившейся чуть позже, чем трагедия или античный дифирамб, она берет свое начало, по словам Аристотеля, в фаллических процессиях и в песнях и шутках, которые ее сопровождали. Хоры сатиров, которые с начала VI века изображаются на аттических вазах как часть дионисийской процессии, не меньше способствовали рождению комедии, которая соответствовала их наглому и похотливому характеру. Если верить свидетельствам «Свиды», первое комическое состязание на Великих дионисиях произошло между двумя греко-персидскими войнами, вероятно в 486 году, примерно через полвека после первого состязания трагических поэтов. Как и трагедия, комедия становится важной частью дионисийских праздников в Аттике. С легкостью пользуясь разрешением, данным

традицией, рассмешить любыми способами, даже самыми дерзкими, поэты не отказывались от язвительных шуток в адрес божества, которое было их покровителем. Аристофан в своем произведении «Лягушки» (405) сделал из Диониса комического персонажа: переодетый в Геракла, бог собрался спуститься в преисподнюю, но, в отличие от героя, у которого он позаимствовал свой смешной наряд, он ведет себя как трус, попадая из-за этого в комичные злоключения и даже получая удары палкой! Сам Геракл, считавшийся сыном Зевса, зачастую изображался пьяницей и обжорой: именно в таком свете он предстал в «Алкестиде» Еврипида — произведении, которое нельзя назвать собственно трагедией, а скорее, сатирической драмой или пьесой с сатирическими элементами.

Нам трудно представить, как такая манера изображения богов могла сочетаться с набожностью и благочестием, но, тем не менее, это так. В этом заключалось своеобразное народное общение с антропоморфным божеством, которое вовсе не удивляло античных авторов, за исключением особенно щекотливых или деликатных случаев. Для народного сознания было естественно, что божественная природа, оказавшись в человеческом обличье, заимствовала некоторые человеческие слабости. И благоговение перед грозной божественной мощью Бессмертных от этого ничуть не уменьшалось: поэтому над ними охотно и уверенно шутили на праздниках, им же и посвященных, если традиция это позволяла. Зато, если представлялся случай, комический поэт с особым пафосом обращался к богам полиса: «Хозяйка нашего города, о Паллада, о защитница этой святой страны, одержавшей верх над остальными своими войсками, своими поэтами и своей мощью, приди к нам и возьми с собой ту, что сопутствовала нам в военных походах и сражениях, — Победу!» Это цитата из «Всадников» Аристофана (стихи 581—589). В другом произведении того же поэта изображается честный крестьянин Дикеополис, празднующий сельские дионисии («Ахарняне» стихи 241—279): эта сцена представляет огромный интерес, поскольку позволяет увидеть, как выражалось народное почтение в этих деревенских ритуалах, из которых родилась аттическая комедия. Глава семьи, Дикеополис руководит церемонией, в которой участвуют все домочадцы: он возглавляет малую процессию, следуя за своей дочерью, несущей

корзину с приношениями и исполняющей роль *канефоры*, и за двумя своими рабами, несущими над головой огромный *фаллос*, дионисийский символ. Он предлагает богу скромное некровавое жертвоприношение — лепешку с овощами. Затем он произносит молитву: «Повелитель Дионис, прими эту процессию, ведомую мной и эту жертву, которую я приношу тебе вместе со своей семьей! Позволь мне счастливо отпраздновать сельские дионисии!» И процессия отправляется в путь, между тем как Дикеополис поет фаллический гимн, а его жена наблюдает за ним с террасы их дома.

* * *

Драматические состязания, имевшие огромное значение для развития европейской литературы, являлись лишь особым видом соревнований, которые были распространенным явлением на религиозных греческих праздниках и играли существенную роль в общественной и моральной жизни эллинов. Эти состязания поначалу носили атлетический характер: музыкальные испытания, например, появляются позже. Первыми известными нам играми были те, что организовал Ахиллес в XXIII песни «Илиады» по случаю похорон Патрокла. В эпических легендах встречаются и другие похоронные игры: например, состязания в честь Пелия, царя Иолка, которые проводились в Фессалии и в которых участвовали многие известные герои, были изображены на знаменитой шкатулке Кипсела, которую тиран Коринфа посвятил Олимпии во второй половине VII века. Поэтому многие современные специалисты считают, что атлетические соревнования в Греции изначально были похоронным обычаем. Однако следует отметить, что в VII песни «Одиссеи» царь феаков Алкиной, пытаясь развлечь своего гостя Одиссея, предлагает ему спортивные состязания: в данном случае они не являются по своему характеру ни погребальными, ни даже религиозными. Однако бесспорно, что, как правило, греческие состязания организовывались в рамках священных церемоний. Игры были приурочены к самым разнообразным культам в греческом мире. Так, Пиндар, расхваливая достижения бегуна из Кирены в девятой «Пифийской оде», упоминает в числе знаменитых киренских игр состязания

в честь Афины, в честь Зевса Олимпийского, в честь «глубокогрудой Земли», и это еще неполный список. Эти локальные игры позволяли молодым людям сойтись в разнообразных испытаниях, индивидуальных или командных. Иногда испытание имело характер чисто религиозного обряда: например, бег с факелом (или *лампадедромии*), известные в Афинах эстафеты с гроздьем винограда (или *стафилодромии*), которые были частью карней в Спарте — праздника в честь Аполлона Карнея, бога земледелия. Но чаще всего речь идет о простых атлетических соревнованиях, во время которых молодежь оказывала почтение божеству своей силой и ловкостью. Уже у Гомера видно, что для греков победа в играх, как и на войне, зависела исключительно от божественного расположения. Человек мог делать все, от него зависящее, но решение было за судьбой и волей богов. В Олимпии, сообщает нам Павсаний, вблизи линии старта колесничных гонок устанавливались многочисленные алтари разным богам, в особенности *мойрам*, богиням судьбы, и *мойрагету*. «Совершенно очевидно, что это один из эпитетов Зевса, который ведал судьбами людей и знал, что им уготовано мойрами, а в чем им отказано» («Описание Эллады» V, 15, 5). Этот факт — свидетельство общей для греческого менталитета черты: человек осознавал свои собственные достоинства, но он знал, что в любом предприятии есть доля случайности, которая может стать решающей. Этот элемент умирал его гордыню и обнаруживал вмешательство сверхъестественной силы в людские дела. В атлетическом соревновании, по крайней мере в раннюю эпоху, до того как в нем стали участвовать профессиональные атлеты, просматривалось божественное вмешательство, придававшее ему благородство и величие: именно отсюда поэзия Пиндара черпает вдохновение.

Таким образом, победитель в играх предстает не только любимцем божества, но и человеком, наделенным исключительными физическими качествами: отсюда обычай после победы посвящать жертву в святилище божества — покровителя соревнований. Однако среди игр, привлекавших к себе атлетов, были такие, чья слава преодолевала границы отдельного государства и распространялась на греческий мир в целом. Четыре из них были особенно популярны: Олимпийские, Дельфийские, Истмийские и Немейские. Блеском своих праздников, достоинствами соперников,

встречавшихся там, количеством и разнообразием зрителей они по праву снискали себе славу *панэллинских*. В честь победителей этих знаменитых соревнований Пиндар составлял торжественные оды, или *эпипикии*, в которых во всей полноте раскрылся его поэтический гений и которые уже в античности разделяли в зависимости от состязаний на Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские. Оставив технический и спортивный аспекты этих игр, мы здесь обратимся лишь к их религиозному значению.

Олимпийские игры в честь Зевса Олимпийского были самыми известными. С 776 года согласно традиционной хронологии, принятой историком Тимеем из Таормины, который расширил использование религиозного календаря, добавив в него олимпиады, эти игры проводились каждые четыре года летом (июль-август). В классический период праздники длились семь дней. С 572 года шефство над играми взяли элейцы, которые доминировали в регионе и которые выбирали среди своих граждан коллегию *эланодиков*, или «судей греков», занимавшихся организацией игр. Таким образом, панэллинская, то есть открытая для всех греков, церемония находилась под ответственностью одного народа, согласно политико-религиозной концепции, ставившей все в зависимость от полиса. За определенное время до начала игр выбранные представители, *спондофоры*, отправлялись во все греческие полисы, чтобы объявить о событии. В честь Зевса сохранялось священное перемирие, которое приостанавливало внутренние войны на время олимпийских праздников. Атлеты и все заинтересованные направлялись в Элиду, где их принимали в специальных сооружениях: вокруг святилища на несколько недель строился палаточный город и бараки.

Первый день игр был посвящен жертвоприношениям и олимпийской клятве. Участники соревнований должны были быть свободнорожденными греками, к которым не предъявлялось никаких обвинений. Помимо моральных и политических требований здесь следует усматривать требования религиозные: игры были частью культа, следовательно участвовать в них мог только тот, кто принадлежал гражданскому сообществу и был чист от всякой скверны. Поэтому варвары, рабы и осужденные исключались. Религиозные предписания запрещали также женщинам входить в святилище и участвовать в соревнованиях:

единственное исключение было сделано для жрицы Деметры Хамины, — характерный пример священного характера запретов. Принесение клятвы было особенно торжественным. Оно происходило перед алтарем Зевса Горкия, «хранителя клятв», статуя которого возвышалась в булевтерии (резиденции местного сената): в каждой руке он держал молнию, чтобы поразить клятвopреступников. Над плотью принесенного в жертву кабана атлеты, их отцы и их братья, связанные древней солидарностью семейного клана, клялись соблюдать правила состязаний. Павсаний, предоставивший нам эти сведения, добавляет симптоматическую ремарку: «Я даже не стал спрашивать, что делают с кабаном после принесения клятвы: это правило, установленное с давних времен, что жертва, над которой произносилась клятва, не может быть пищей для человека» (V, 24, 10). У подножия статуи Зевса Горкия на бронзовой плите можно было прочесть поэму из элегических двустихий, описывающую кару, уготованную клятвopреступникам. В случае мошенничества элладодики налагали на виновного огромные штрафы и навсегда запрещали ему участвовать в играх. На средства, полученные от этих штрафов, возводили бронзовую статую Зевса, эти статуи, на местном дорийском диалекте именуемые *занами*, устанавливались в святилище, неподалеку от входа на стадион, у подножья террасы сокровищницы. Сегодня можно увидеть несколько пьедесталов, на которых они стояли.

Последний день соревнований, которые длились пять дней, был посвящен награждениям. В присутствии огромной толпы, победители, которых называли *олимпиониками*, выступали вперед, услышав свое имя, чтобы получить награду: простой венок из дикой оливы, перелетенной с листьями священного дерева, которое Геракл, по словам Пиндара, принес из страны гипербореяцев, чтобы вырастить в Олимпии. Эти венки были сложены на роскошном столе для даров, инкрустированном золотом и слоновой костью, сделанном Колотом, учеником и сотрудником Фидия. Этот стол изображен на оборотной стороне памятных монет, отчеканенных элейцами в 133 году до н. э. при императоре Адриане. Для греков не было большей чести, чем олимпийский венок, полученный на глазах у всей Греции в святилище царя богов. Именно об этом говорит знаменитая история, рас-

сказанная Цицероном в «Тускуланских беседах» (I, 46, III) о Диагоре и лаконийце. Диагор с Родоса, знаменитый кулачный боец, победил в Олимпии, его успех был отмечен Пиндаром в седьмой «Олимпийской оде». Постарев, он имел счастье увидеть победу двух своих сыновей. «Один лакониец подошел к старику и поздравил его: “Умирай сейчас, Диагор, сказал ему он, поскольку большей радости тебе не видать!”... Автор этих строк подразумевал, что произвести на свет троих олимпиоников было исключительной честью для семьи и что Диагор искушает судьбу, оставаясь в живых».

Так, желание славы, восхвалений, чувство национальной гордости и искреннее почтение по отношению к божеству — все в совокупности разжигало пыл соперников. Зрителей же одолевало любопытство увидеть вблизи известных людей, поскольку среди атлетов были писатели, философы, риторы и художники, которые, используя стечение народа, представляли свои произведения на публичных чтениях или пытались получить заказы. Оживленность, суматоха, торговые сделки непременно сопровождали спортивные состязания и священные церемонии. На священной территории Алтиса, посвященного Зевсу, говорили на всех греческих диалектах. Зеваки высматривали какого-нибудь известного гостя — Фемистокла, Алкивиада, Платона, о приезде которых в Олимпию знали точно, или других, о чьем прибытии не сообщалось. Геродот читал там свою «Историю» под аплодисменты собравшихся, которые, по свидетельству Лукиана, назвали девять книг произведения именами девяти муз. Софист Горгий из Леонтины вызвал восторг своим красноречием, и в память об этом его внучатый племянник воздвиг статую, которую позже мог узреть Павсаний. Совместно проживая в течение нескольких дней, участвуя в одних и тех же жертвоприношениях, в равной степени волнуясь за участников, люди со всех концов греческого мира лучше узнавали друг друга. Несмотря на различие интересов и на столкновение амбиций, свойственных разным городам, они осознавали свою глубокую солидарность. Это было конкретное выражение самого понятия об эллинизме. Это чувство значительно усиливалось во время таких крупных регулярных религиозных сборищ, которые греки называли *панегириями*. Именно об этом великолепно сказал Исократ, великий афинский

ритор IV века, в своей речи, которую он произнес в 380 году по случаю сотой Олимпиады и которую поэтому называют *панегриком*: «Заслуженно хвалят тех, кто учредил общеэллинские празднества за установленный ими обычай заключать всеобщее перемирие и собираться вместе, чтобы, свершив обеты и жертвоприношения, мы могли вспомнить о связывающем нас кровном родстве, проникнуться друг к другу дружелюбными чувствами, возобновить старые и завязать новые договоры гостеприимства. Собравшись вместе, эллины получают возможность приятно и с пользой провести время, одни — показывая свои дарования, другие — глядя на их соперничество, причем все остаются довольны: зрители могут гордиться тем, что атлеты ради них не жалеют сил, а участники состязаний рады, что столько людей пришло на них посмотреть»¹.

Другие крупные панэллинские игры были поводом для подобных панегириков. Пифийские игры в Дельфах были основаны в честь Аполлона после первой священной войны в 582 году. Постепенно они дополнялись теми же атлетическими состязаниями, что и в Олимпии. Но их своеобразие заключалось в том, что существенное место отводилось музыкальным соревнованиям, традиция которых в Дельфах была очень древней: известно, что Гомер и Гесиод хотели принять участие в этих соревнованиях, но были исключены: один — поскольку был слепым и не умел играть на кифаре, другой — поскольку, будучи отличным поэтом, не достаточно хорошо аккомпанировал себе на кифаре. История рассказанная Павсанием, скорее всего недостоверна, однако она отлично показывает, что Аполлон, бог искусства, проявлял одинаковый интерес и к музыкальными композициями, и к атлетическими соревнованиями.

Празднества происходили каждые четыре года, на третий год после олимпиады, то есть через два года после Олимпийских игр, ближе к концу лета (август-сентябрь). За некоторое время до игр дельфийцы отправляли делегации, *теоры* (или *теары*, как говорили в Дельфах), в разные концы греческого мира для официального оповещения об открытии *пифий*. Во время этого религиозного посольства теоров принимали и размещали в каждом

¹ Перевод М. Л. Гаспарова.

независимом полисе официальные лица, в обязанности которых входило облегчить их миссию и которые назывались *теородоками*. Список этих теородоков высекался в святилище, и до нас дошел один фрагмент, относящийся к концу V века, большой кусок конца III века и несколько фрагментов середины II века. Это очень ценные источники для исторической географии и ономастики. Как и в Олимпии, наградой в этих играх был простой венок из листьев лавра — любимого дерева Аполлона, ветки которого срезались в особых условиях, согласно религиозным требованиям: ребенок, чьи отец и мать были живы, должен был отправиться за этими ветвями в долину Темпей, в Фессалии. Авторитет Аполлона, известность его оракула повышали привлекательность игр и приводили в Дельфы толпы, сравнимые с теми, что собирались в Олимпии.

Истмийские и Немейские игры проходили каждые два года, в отличие от Олимпийских и Дельфийских, то есть на второй и четвертый годы после каждой олимпиады. Первые праздновались в честь Посейдона в его святилище на Истме, остатки которого частично исследуются. Эти игры организовывали коринфяне, но привилегированное место среди всех гостей занимали афиняне. Проводились игры весной (апрель-май). О них объявлялось официально, и по этому случаю объявлялось священное перемирие, которое сохранялось даже в самый разгар Пелопоннесской войны: Фукидид упоминает об этом, говоря об играх 413 года. Победителям поначалу присуждался сосновый венок, замененный вскоре, с началом эпохи Пиндара, на венок из сельдерея. Из сельдерея делались венки и для Немейских игр, проходивших в святилище Зевса в Немее, в Арголиде. Их организация лежала на плечах жителей небольшого соседнего полиса Клеоны, вплоть до эпохи Пиндара, однако аргосцы, чье влияние распространилось на весь Пелопоннесский регион, вскоре их вытеснили. Хотя воспоминание о знаменитом льве, убитом Гераклом, останется привязанным к небольшой Немейской долине, но именно Зевса почитали здесь на участке, усаженном кипарисами. Соревнования напоминали Олимпийские, и, как и в Олимпии, судьи состязаний назывались *эланодиками*. Признанный панегирией всех греков, праздник также инициировал священное перемирие.

Особо сильное восхищение вызывали победы на великих играх, когда один и тот же атлет получал венок в цикле из четырех праздников: он назывался в таком случае *периодоником*, или «победителем цикла». Слава об этих чемпионах переходила из века в век и в некоторых случаях причисляла их к рангу богов. Пример Теогена из Фасоса это прекрасно иллюстрирует. Сын жреца Геракла, он считался сыном самого бога — легенда, объяснявшая обряд *иерогамии*, как мы уже видели. Непобедимый на протяжении двадцати двух лет борец, он коллекционировал победы: девять раз он побеждал в Немеях, столько же — в Истме (и еще один раз в панкратии на том же празднике), трижды победитель Пифийских игр (в один год на которых ни один из соперников не рискнул с ним сразиться), апогеем его карьеры стали победы в Олимпии в 480 году в кулачном бою и в 476 году в панкратии. Ему воздвигли статуи в Олимпии, в Дельфах и на острове Фасос, его родине. Основания этих статуй были найдены в более или менее целостном виде: на постаменте в Дельфах можно прочесть полный список побед Теогена, а также эпиграмму из двенадцати строк, восхваляющую исключительные заслуги чемпиона, который мог гордиться победами в 1300 соревнованиях! Память об этом жила долго: в III веке до н. э. эпиграммист Посидипп из Пеллы сообщал, что удивительный аппетит этого кулачного бойца позволял ему съесть целого быка в одиночку... Во II веке н. э. ритор Дион Хризостом, философ Плутарх, а позже путешественник Павсаний много говорили о Теогене, его вспыльчивом характере и подвигах.

Но любопытнее всего не экстраординарная серия его спортивных побед, а то, что после смерти он был возведен в божественный сан при весьма интересных обстоятельствах, подробно описанных Павсанием: «Когда Теогена не стало, один из его врагов повадился каждую ночь избивать хлыстом его бронзовую статую, представляя, что он истязает самого Теогена. Статуя положила конец этим мучениям, раздавив человека, за что дети погибшего потребовали приговорить ее к смерти. Жители Фасоса выбросили статую в море, ссылаясь на законы Дракона, составленные для афинян, которые предусматривали изгнание, в том числе и неодушевленного предмета, если тот случайно убьет человека. Вслед за этим на землю Фасоса обрушилась нищета.

Фасосцы обратились к Дельфам, и оракул приказал им вернуть того, кого они изгнали. Однако возвращение изгнанных, следовавшее этому предписанию, не положило конец бесплодию почв. Тогда фасосцы обратились к Пифии, жалуясь на то, что божественный гнев продолжает их преследовать, хотя они выполнили наказ оракула. Тогда Пифия ответила им: «О великом Теогене вы утратили память». Жители Фасоса пришли в замешательство, не зная, каким образом вернуть статую Теогена. Но моряки, рыбацкие в море, зацепили ее своими сетями и вытащили на берег. Фасосцы поместили ее на прежнее место и сохраняли обычай приносить ей жертвы, словно богу». Различные эпиграфические документы, интерпретированные в свете литературных текстов, подтверждают это свидетельство. В конце V или в начале IV века на Фасосе установился культ Теогена — именно тогда была восстановлена статуя. Позднее, как явствует из надписи I века до н. э., дальнейшего повествования Павсания и отрывка из произведения Лукиана, Теоген считался героем-целителем, прежде всего спасающим от малярии, и его культ распространился за пределы Фасоса.

Теперь мы знаем на жизненном примере знаменитого атлета, как слава, приобретенная на играх и бывшая доказательством божественной благодати, могла в особых случаях возвысить человека до ранга богов: таким образом, гипербола, которой пользовались поэты в победных одах, восхваляя своих заказчиков, становилась фактом. Тем не менее это возведение в ранг богов было возможно лишь после смерти: греки с особым почтением относились к умершим. Помимо культа олимпийских богов, большое значение имел для них культ умерших, который нам необходимо рассмотреть.

* * *

Знания о культе мертвых в микенском обществе, обществе аристократическом, мы черпаем лишь на основе анализа гробниц. Монументальная архитектура гробниц со сводами, богатство содержимого могил и некоторые признаки существования культа мертвых показывают, с какой заботой микенцы почитали покойных. Однако мы не знаем, как они представляли себе их

дальнейшую участь. Гомер очень многословно повествует о похоронах Патрокла: сожжение трупа на костре, жертвоприношение троянских пленников и любимых животных, лошадей и собак; приношение меда и масла, жертвование своих волос в знак траура, похоронное пиршество, атлетические игры в память о покойном, сооружение гробницы — все это подробно описано в XXIII песни «Илиады». Эти погребальные почести говорят лишь о существовании веры в загробную жизнь. Действительно, Гомер верит в загробную жизнь: он первым в европейской цивилизации четко выражает понятие души (*psyche*). Будучи отличной от тела, в последний момент она отделяется, чтобы присоединиться к обиталищу мертвых, к Аиду. Она является образом (*eidolon*) того, что представлял собой живой, но это образ, не имеющий тела или веса, однако способный страдать и скорбеть о жизни. Поэт часто являл ее во снах героям, как, например, душу Патрокла — Ахиллесе, однако она ускользает от тщетных попыток друга обнять ее. Лишь магическая процедура, которую осуществляет Одиссей в XI песни «Одиссеи», позволяет вызвать души умерших, — это *некийя*, которую великий Полигнот позднее повторит в павильоне (*лесхе*) кнудян в Дельфах: выпивая кровь жертв, собранных в одной могиле, души на момент обретали вид человеческого существа. Но это лишь обманчивая видимость: даже если Одиссей смог обменяться несколькими словами с душой своей матери, он напрасно протягивал к ней руки:

Трижды бросался я к ней, обнять порываясь руками.
Трижды она от меня ускользала, подобная тени
Иль сновиденью¹.

Эти тени блуждали по Асфоделевому луку, под землей, по ту сторону ворот в пристанище мертвых, царство Аида. Похоронные почести и, особенно, кремация, являлись необходимым условием для того, чтобы душа достигла этого пристанища и наслаждалась мрачным покоем. Такое восприятие загробной жизни было неутешительным для смертных. Герои Гомера любили жизнь и скорбели при мысли потерять ее: однако ощущение неизбеж-

1 Перевод В. В. Вересаева.

ности порождало пессимистическое смирение. Тень Ахиллеса, который был красивейшим и храбрейшим из людей, произносит горькие слова:

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, проотившихся с жизнью¹.

Делалось ли это лишь для того, чтоб утешить эти скорбные души, или же, скорее всего, это было смутное осознание того, что умершие в своей загробной жизни обладают сверхъестественной силой, способной причинить вред живым, — какой бы ни была причина, налицо факт существования погребального культа, следы которого обнаруживают некрополи геометрической и ранней архаической эпохи: в аттических кладбищах находят пепел от жертвоприношений, сделанных рядом с могилой, — большая ваза, возвышающаяся над ними, служила для возлияний. Кроме того, большой камень, поставленный на могилу или рядом с ней, был своего рода опознавательным знаком, *семой*. Этот камень в процессе своего развития в греческом мире превратится в погребальную стелу. Первоначально на слегка обтесанном блоке высекали имя умершего, мы видим это в некрополях острова Фера (Санторин). Позже, к концу VII века, в Аттике этот процесс усложняется: тщательно обработанная стела, узкая и высокая, слегка напоминающая пирамиду, устанавливается на более широкое основание. Уже до этого, в середине века, на Крите появилась идея украшать погребальные стелы, как в микенскую эпоху, изображениями, поначалу высекавшимся на поверхности: женщина с веретеном, вооруженный воин. Бог или смертный? Скорее всего, речь идет о смертных, изображенных в идеализированной форме, которым живые отдавали дань почтения. Впоследствии подобные изображения становятся распространенными и получают вполне определенный смысл. В Аттике в VI веке самые роскошные погребения украшались барельефами, на которых изображался умерший: например, на стеле гоплита Аристиона, относящейся к концу века, или на статуях с круглой скульптурой,

1 Перевод В. В. Вересаева.

образующих прекрасную серию погребальных *куров* (юношей). Идеализация здесь очевидна, поскольку надписи четко указывают, что речь идет об образе. Поэтому этот образ ничуть не претендует на физическое сходство, к чему греки и не стремились в эту эпоху: он идеально представляет умершего в расцвете сил и красоты, как будто смерть подарила ему вечную молодость. По стелам Лаконии, как, например, по рельефу Крисафа, датируемому серединой VI века, можно лучше понять смысл погребальных изображений. Здесь чета умерших восседает на пышном троне, перед которым расположена змея, ассоциирующаяся с божествами земли. Мужчина держит канфар, а женщина — гранат. Две небольшие фигуры приносят дары этой священной чете: петуха, цветок, гранат, яйцо. Перед нами сцена погребального культа, когда живые оказывают почести своим умершим родителям, которые отныне считаются богами. Покойный трансформируется в *героя*, в религиозном смысле этого слова, то есть человека, занявшего свое место после смерти среди Бессмертных.

Этот феномен *героизации* является основным в греческом мышлении. Основанный на почтении и страхе, вызываемыми смертью, он развивался с времен ранней архаики до эпохи эллинизма. Конечно, мысль о том, что каждый умерший становится героем, распространилась достаточно поздно, но она соответствовала глубокой тенденции и объясняет многие аспекты погребального декора архаической и классической эпох. На большом погребальном сосуде из мрамора было высечено изображение покойной вместе с ее именем — Миррина, введомой в преисподнюю Гермесом, богом *психопомп*, или «проводником душ», в присутствии трех людей — ее родственников. При этом афинский мастер, выполнивший этот барельеф в 430—420 годы, изобразил Миррину и Гермеса выше, чем трех живых людей, давая понять таким образом, что их рост является отличительным признаком Бессмертных. На аттических погребальных расписных вазах из глины V века, называемых *лекифами* (сосуды для масел), изображены многочисленные сцены приношений к погребению: живые, девушки или эфебы, отправляются к надгробному памятнику, украшают его лентами или просто стоят задумавшись, вспоминая умершего. Серия аттических скульптурных стел прерывается на период между концом VI века и приблизительно 440 годом:

несомненно, это связано с законом против роскоши и излишних расходов, согласно которому такие статуи были запрещены после падения Писистратидов. Но с 440 года до конца IV века (когда философ Деметрий Фалерский вновь запретил их) они исчисляются сотнями: покойные изображались сидя или стоя, часто в окружении близких, которых они иногда держат за руку. С трогательной сдержанностью они передают сложные чувства, которые афинянин классической эпохи испытывал перед смертью: сожаление и разлука, смирение перед неизбежным, желание утвердить непрерывность кровных и дружеских уз (этот смысл имеет сжатая рука), а также мысль о том, что покойный в новом мире приобретет новое достоинство. Аристотель в «Евдеме», сохранившемся благодаря Плутарху, весьма определенно сформулировал это убеждение: «Мы не только верим, что покойные наслаждаются блаженством, но считаем святотатством вести о них лживые и клеветнические речи, поскольку мы считаем это оскорблением существ, ставших лучшими и более могущественными».

Всех ли называли этим термином — «блаженные» (*makarios*)? Очень соблазнительно было верить в это, однако не меньшим соблазном было заручиться гарантией о вечном блаженстве еще во время жизни на земле. Эта естественная предосторожность объясняет популярность орфического учения и мистерий. Орфическое учение — это философско-эсхатологическая доктрина, которую античные авторы приписывали мифическому поэту Орфею. Несмотря на то что Геродот, Еврипид, Аристофан и Платон особо останавливались на ней, эта доктрина остается для нас весьма неясной: она была изложена в поэмах, авторство которых приписывается фракийскому певцу, которого наделяли музыкальным и поэтическим талантом и о котором рассказывали трогательную историю с участием в походе аргонавтов за золотым руном, неутешным трауром после смерти Евридики и трагической смертью от менад на горе Пангей. Считалось, что он преподавал людям идеал аскетической жизни, основанной на воздержании от мясной пищи, отказе от кровавых жертвоприношений, запрете хоронить мертвых в шерстяной одежде. С другой стороны, орфическое учение порождало эсхатологию, описывавшую, какая судьба ждет умерших в мире ином, где виновных ждет суровое наказание, а праведные будут жить на Островах Блаженных.

Вторая «Олимпийская ода» и отрывок из «Плачей» Пиндара пронизаны этой концепцией потустороннего мира, которую поэт передает великолепными стихами. Возможно, орфическое учение объясняло также переселение душ, или *метемпсихоз*. Философ Пифагор Самосский, живший в VI веке в Кротоне, в Великой Греции, испытал влияние орфического учения и способствовал его распространению сквозь призму своей собственной доктрины.

Тот факт, что эти размышления о загробном мире играли серьезную роль в классическую эпоху, подтверждается интересным открытием: в Фарсале, в Фессалии, в одной могиле была найдена бронзовая урна, датируемая серединой IV века. Помимо праха в ней сохранились фрагменты костей и золотая пластинка размером 5 × 1,5 см с текстом, написанным беглым почерком. Это была небольшая поэма, уже известная в нескольких вариантах по эллинистическим источникам. Вот этот текст: «Направо от дворца Аида ты найдешь источник. Рядом с ним возвышается белый кипарис. Не приближайся к этому источнику! Дальше ты увидишь другой источник, текущий из озера Памяти: над водой стоят стражи. Они спросят тебя, зачем ты пришел. Расскажи им всю правду. Скажи: «Я сын Земли и звездного Неба. Имя мое — Стеллаир. От жажды в моем горле сухо: позвольте мне испить воды из источника!»» На этом текст из Фарсала прерывается, однако похожая табличка, найденная в Петелии, в южной Италии, содержит продолжение: «Они позволяют тебе напиток из божественного источника, и тогда ты сможешь царствовать вместе с другими героями!» Существовали сомнения по поводу орфического характера этой поэмы, однако сходство с вышеописанной эсхатологией очевидно. Табличка из Фарсала была призвана помочь покойному в его путешествии в загробный мир: следуя этим предписаниям, душа должна была наверняка получить вечное блаженство.

Ту же цель преследовали и Элевсинские мистерии, чья связь с орфическим учением была четко обозначена античными писателями, такими как Плутарх и Павсаний. У последнего мы читаем такие строки, относящиеся к ритуальному запрету на бобы: «Те, кто уже участвовал в церемониях инициации в Элевсине или кто читал поэмы, называемые орфическими, они знают, что я собираюсь сказать». Мистерии культа Деметры считались установленными самой богиней. «Когда Деметра, странствуя в поисках

Коры, пришла в Аттику, — пишет Исократ в «Панегирике» (IV, 28), — то, желая отблагодарить наших предков за услуги, о которых слышать можно только посвященным, она оставила им два величайших дара: хлебные злаки, благодаря которым мы перестали быть дикарями, и таинства, приобщение к которым дает надежду на вечную жизнь после смерти». Между двумя этими благодеяниями существует прямая связь, ибо, сколь бы мало нам ни было известно о мистериальных обрядах инициации, совершенно бесспорно, что главную роль в них играли аграрные ритуалы, и в особенности ритуалы плодородия. Посвященный, которого называли *мистом*, должен был совершать определенные действия с предметами и произносить формулы, имевшие сексуальную символику, затем разыгрывался символический спектакль, нечто вроде священной драмы, воскрешавшей в памяти мучительные поиски Деметры, скитающейся в надежде найти свою пропавшую дочь, а также другие сцены, среди которых, возможно, имел место обряд *иерогамии*, хорошо известный обряд плодородия. Публичное вынесение колоса пшеницы завершало церемонию. Возмущенные упоминания отцов Церкви, часть которых, например Климент Александрийский, возможно, сами участвовали в элевсинской инициации до того, как обратились в христианство, являются нашими основными источниками о мистериях, тайна о которых хранилась в течение многих веков, вплоть до конца античной эпохи. Полемический характер этих сведений делает их несколько подозрительными. Действительно, совсем непонятно, каким образом эти обряды могли ободрить мысли участников об их судьбе в мире ином. Возможно, тот факт, что Кора-Персефона, дочь Деметры и жена Аида, царствовала в преисподней, давал участникам уверенность в благосклонном приеме в страшном мире? Во всяком случае, эта уверенность — достоверный факт. В частности, она проявляется в пьесе Аристофана «Лягушки», поставленной в 405 году, в разгар Пелопоннесской войны. Поэт изображает в преисподней, куда рискнул наведаться Дионис, хор посвященных, весело танцующих с заупокойными молитвами: «здесь для их душ солнце будет разливать свой свет, поскольку они посвящены и благочестивы, как по сравнению с чужеземцами, так и со своими согражданами» (стихи 454—459).

Зато мы лучше осведомлены о социальных, нетайных церемониях, которые в классическую эпоху являлись частью больших праздников в Афинах. Ими руководили жрецы, которые, как правило, принадлежали двум крупным элевсинским семьям: *церофанты* из семьи Евмолидов, *дадуки* и священный глашатай из семьи Кериков. Они были очень сложными и разделялись на Малые мистерии, проводившиеся в Агре, в предместье Афин, на берегу Иллисса в феврале, и Великие мистерии, проводившиеся в Элевсине в конце сентября. Последние длились несколько дней, состояли из шествий с официальным участием эфебов, купаний *мистов* в море в Пирее, очищений, общественных молитв, процессий из Афин в Элевсин по Священной дороге (тогда же имели место *гефиризмы*, или шутки на мосту), ночного бдения в Элевсине вокруг святилища Двух Богинь, торжественного жертвоприношения и, наконец, собственно инициации. Последняя происходила в специально выстроенном зале — Телестерионе. На месте первоначального здания Писистрат возвел другое, которое было разрушено персами в 480 году. Перикл поручил постройку нового сооружения, лучше отвечающего своим целям, архитектору Парфенона Иктину. С помощью других архитекторов Иктин разработал проект Телестериона, останки которого сохранились по сей день: огромный квадратный зал со стороной 50 м, с высеченными внутри в скале по всему периметру ступенями, с крышей, опирающейся на шесть рядов из семи колонн. Центральный фонарь купола обеспечивал освещение и вентиляцию. В центре зала в небольшом сооружении, называемом *анактороном*, помещались священные предметы — своего рода «святая святых».

Чужестранцы (но не варвары) могли участвовать в мистериях наравне с афинянами. Во всяком случае, национальный характер культа не терялся: наипервейшей обязанностью верховного правителя, архонта-эпонима, была организация праздника Элевсинских мистерий, как говорит Аристотель в «Конституции Афин» (57). Афинский полис также заботился о предоставлении средств, необходимых для службы Двум Богиням: одна из надписей сохранила текст декрета, изданного приблизительно во время принятия Никиева мира (421). Этим декретом народ решал посвятить Деметре и Коре первый урожай зерна в соотношении 1:600 для ячменя, 1:1200 для пшеницы. Союзные полисы должны были помочь Афи-

нам, и другие греческие государства были приглашены присоединиться к этому благому делу. Доход от этого первого урожая покрывал расходы святилища на религиозные нужды. Нельзя сказать, что инициатива привлечения ряда греческих полисов к специфическому аттическому культу имела серьезный успех. Однако индивидуальное участие иноземцев практиковалось веками, и, судя по соблюдению тайны, оно было глубоким и искренним.

* * *

За исключением Великих Игр, о которых мы уже говорили, единственными культами, собиравшими широкую аудиторию в греческом мире, были культы божеств, обладавших даром предвидения, а к концу классической эпохи еще и способностью исцелять. Желание знать будущее и восстановить здоровье было настолько естественным для человека, что заставляло греков в некоторых исключительных случаях преодолевать традиционный партикуляризм, свойственный полисам. Огромное количество оракулов и доверие к их предсказаниям с точки зрения нашего рационалистического мира (или пытающегося таким казаться!) выглядит удивительным. Тем не менее бесспорно, что греки, так легко впадавшие в скепсис и углублявшиеся в размышления, зачастую прибегали к консультациям оракула как в общественных делах, так и в личных интересах. Историки, даже стремившиеся выстроить логику событий, как Фукидид, обязательно отмечали предсказания и то влияние, которое они оказывали на поступки людей. Что же касается Геродота, более внимательного к традиционным верованиям, нежели Фукидид, он упоминает восемнадцать святилищ с оракулами и девяносто шесть обращений, из которых пятьдесят три были совершены в Дельфах. Его произведение бесценно для тех, кто изучает этот аспект греческой религиозной мысли. Более молодые историки — Ксенофонт, Диодор Сицилийский, Плутарх и, конечно же, наш замечательный Павсаний — также дают нам много информации. Наконец, с конца V века ответы оракулов сохраняются в надписях. Вот, например, одна из наиболее ранних, найденная в Трезене и относящаяся к культу Асклепия: «Евфимид посвятил (это приношение), желая узнать, на каких условиях должно обращаться к богу после

ритуальных омовений. (*Ответ:*) После того, как принесешь жертву Гераклу и Гелиосу и увидишь благоприятную птицу».

В этом обращении упоминается гадание по птицам. Предсказание и гадание действительно были тесно связаны друг с другом, и греки практиковали и то и другое. К гаданию, или науке о приметах, прибегали постоянно. Священный закон Эфеса, датируемый второй половиной VI века, дает указания, к несчастью, фрагментарные, на правила, позволяющие толковать полет птиц: не только направление, но и характер полета (прямой или зигзагообразный, со взмахами крыльев или без) мог изменить смысл предсказания. Уже в гомеровских произведениях прорицатели Калхас у греков и Гелен у троянцев считались весьма искусными в этом мастерстве. Этот вид гадания был настолько популярным, что слово птица, *ornis*, стало обозначать *предзнаменование*: Аристофан обыгрывает эту двусмысленность в одном из пассажей своей комедии «Птицы» (стихи 719—721).

Существовали и другие формы гадания: по небесным знакам, по ударам молнии, движениям земли или даже просто по капле дождя — такое гадание стало для Дикеополиса из «Ахарнян» предлогом, чтобы добиться прекращения заседания Народного собрания и воспрепятствовать принятию решения, которое ему не нравилось (стихи 170—171). Сны еще с гомеровской эпохи считались состоянием божественного откровения и являлись обычным средством для получения совета от бога во многих святилищах, в частности в святилищах Асклепия. Были гадания по внутренностям жертвенных животных, особенно по печени, в которой видели благоприятные или неблагоприятные знаки: в «Электре» (стих 825 и далее) Еврипида Эгисф узнал о своей скорой смерти, рассматривая печень быка, принесенного им в жертву, и, действительно, Орест, находившийся рядом с ним инкогнито, воспользовался замешательством Эгисфа и убил его. Огонь над алтарем также давал предзнаменования: прорицатели Олимпии вопрошали пламя большого алтаря Зевса. Жертвенное гадание, как мы уже видели, играло важную роль для ведения войны. Божественная воля, по мнению греков, проявлялась также и другими способами, наивность и простота которых удивляет: случайно услышанное слово или даже чихание трактовалось в зависимости от ситуации. В XVII песни «Одиссеи» именно чихание

Телемаха побудило Пенелопу начать поиски нищего в лохмотьях, под видом которого скрывался Одиссей. Когда в «Анабасисе» (III, 2, 9) греческие наемники, оставшись без своего командира, предательски убитого персом Тиссаферном, практически теряют боевой дух, Ксенофонт, которого они избрали стратегом, стремится ободрить их словами. «В то время как он говорил, кто-то чихнул. Услышав это, все солдаты в одном порыве прославили бога, и Ксенофонт сказал: «Воины, в то время как мы говорили о спасении, появилось знамение Зевса Спасителя, и потому я предлагаю дать обет в принесении благодарственной жертвы этому богу, когда мы впервые вступим на дружественную землю; в то же время мы обещаем принести жертвы и другим богам по мере наших возможностей»»¹.

Помимо этих материальных и случайных предзнаменований, существовали предсказания в вербальной форме: они исходили от людей, получивших от бога дар пророчества, «тех людей, — говорит Платон, — которые в результате вдохновенного гадания своими предсказаниями направляют нас по дорогам будущего» («Федр» 244 b). Таких женщин называли сивиллами: Павсаний посвящает им целую главу (X, 12), которой руководствовался Микеланджело, когда изображал на потолке Сикстинской капеллы Дельфийскую, Эритрейскую и Кумскую сивилл. Прорицателей мужского пола называли *бакисами*. Их предсказания распространялись в стихотворной форме, а комментаторы, или *экзегеты*, притягивали их к конкретной ситуации, как это делали потом с предсказаниями Нострадамуса. Среди этих сборников есть знаменитые Сивиллины книги, которые Тарквиний Гордый купил у сивиллы из Кум и которые сгорели во время пожара на Капитолии в 83 году до н. э. Разумеется, среди них были и подделки: при Писистратидах некто Ономакрит был изгнан из Афин за то, что включил собственные предсказания в те, что издавались под именем афинянина Мусея. Профессиональные предсказатели не всегда пользовались хорошим приемом у населения: Аристофан неоднократно высмеивал прорицателей, или *хресмологов*. Однако многие из них играли важную роль в политической жизни Афин: Лампон, коллега и друг Перикла, выступивший

1 Перевод М. Максимовой.

в качестве автора поправки к декрету о первом урожае Элевсина; Диопейт, обвинивший философа Анаксагора в святотатстве; Эвтифрон, беседовавший с Сократом над определением богобоязненности в диалоге Платона, носящем его имя.

Предзнаменования и сборники предсказаний не могли удовлетворить всех потребностей. В затруднительном положении отдельный человек или даже целый полис обращались в святилище, где действовал оракул, и задавали ему вопрос, который их беспокоил. Таких оракулов, пророчествующих «по заказу», было много в греческом мире, и вплоть до римской эпохи появлялись все новые. Но далеко не все имели одинаковую репутацию. Большинство из них ограничивались рамками местного значения, как, например, оракул в святилище Деметры в Патрах, в Ахайе: «Здесь имеется, — говорит Павсаний, — очень правдивый оракул. К нему обращаются не по всем вопросам, а только по вопросам здоровья. На кончик веревки вешают зеркало и опускают в источник, стараясь не погружать его глубоко, а так, чтобы вода лишь касалась его ободка. Затем, помолившись богине и совершив воскурение фимиамом, смотрят в зеркало, которое показывает большого живым или мертвым». Другие оракулы пользовались большей славой: оракул Амфиарая на границе Аттики и Беотии, Трофония в Лебадее, в Беотии, или Аполлона в святилище Бранхидов, или *Дидимейоне*, около Милета, в Ионии. По словам Геродота, именно к этим трем оракулам, помимо Дельфийского и Додонского, обращался Крез — знаменитый лидийский царь, который хотел испытать их правдивость: и лишь Амфиарайский и Дельфийский оракулы дали ему приемлемый ответ.

В Додоне, расположенной в долине в глубине эпирских гор, в двадцати километрах к юго-западу от озера Янина, Зевс являл свои предсказания у подножия горы Томара через шелест дубов и шум ветра. От сооружений классической эпохи не осталось никаких следов. Высокий священный дуб, о котором Одиссей вспоминает в поэме Гомера (XIV, 327—328) также исчез: над грекоримскими развалинами возвышается лишь большое ореховое дерево. Однако тексты говорят нам о жрецах, обслуживавших святилище: о селлах, которые спали на голой земле и никогда не мыли ноги, о трех пророчицах, рассказавших Геродоту легенду о египетском происхождении оракула, в которую историк не по-

верил. Зевс Найос говорил посредством листвы дубов, шелест которой толковали жрецы. Был и другой способ узнать божественную волю: его описал Страбон. Жители Керкиры принесли в дар святилищу медный сосуд, водружаемый на колонну. Рядом, на другой колонне, стояла статуя ребенка, державшего кнут с тремя медными цепочками: эти цепи под действием ветра бились о сосуд, и прорицатели читали в этих звуках предсказание. Поэтому Каллимах в гимне «К Делосу» (стих 286) говорит о селах как о «служителях сосуда, который никогда не умолкает». Надо полагать, что ответы Зевса удовлетворяли паломников, поскольку с гомеровской эпохи до римского периода Додона оставалась знаменитым и авторитетным оракулом. Конечно, отдаленное и труднодоступное положение посреди нелюдимых гор Эпира не манило к нему делегации греческих полисов с их вопросами. Однако к этому древнему оракулу сохранялось глубокое почтение, и население региона регулярно обращалось к нему с простейшими вопросами о своей скромной судьбе. Во время раскопок, помимо прекрасных медных статуэток, было обнаружено множество свинцовых пластинок, на которых были высечены формулировки вопросов и которые датируются периодом от IV века до римской эпохи. На них можно прочесть, например, следующее: «Гераклеид вопрошает бога, будет ли у него потомство от его нынешней жены Эглеи». Ответ вписан не был.

Но ни один оракул не мог соперничать с Дельфийским. Святилище Аполлона, расположенное на южном подножии горы Парнас, под крутыми скалами Федриад, являл путешественникам величественный вид «скалистой местности, напоминающей театр» — по описанию Страбона (X, 417): «Перед городом, на южном берегу, возвышается гора Кирфис с обрывистыми склонами. Между двумя из них течет река Плейст, углубляясь в расщелину». Повсюду крутые склоны или отвесные скалы: «скалистый Пифон» — так они названы в «Гомеровском гимне к Аполлону». Немного растительности есть на склонах и ниже уровня святилища, там, где многовековым трудом выращивались оливы и распахивались поля. Пейзаж с его сильными перепадами высот представлял великолепную панораму: Дельфы на высоте около 600 м, вершина Федриада свыше 1200 м и Кирфис, достигающий 900 м. Однако впечатление отнюдь не угнетающее: широкое небо

простирается над гребнем Кирфиса, на который зигзагообразно ведет дорога из Антикиры к Коринфскому заливу; долина реки Плейст на востоке выходит к современному городку Арахова в направлении Ливадии (Лебадеи), Фив и Афин; и, наконец, если смотреть на запад от святилища, взгляд падает на горный выступ, который является продолжением огромной скалы, на которой располагалась Криса (ныне Хриссо), а немного поднявшись и пройдя на запад несколько сотен метров, можно добраться до террасы, возвышающейся над горами Локриды, оливковой равниной Амфисы и бухтой Галаксиди, где неподалеку от Итеи находился в древности и существует по сей день морской порт, обслуживавший святилище и окружающую местность. Вот здесь-то и процветал самый знаменитый в древнем мире оракул.

Гомер лишь однажды упомянул его в «Одиссее» (VIII, 79—81). Однако с VII века роль Дельф становится значительной. Это был период колонизации, и по соображениям религиозного характера будущие колонны не решались начать путешествие, не посоветовавшись с богом. «Есть ли хоть одна греческая колония, основанная без участия оракулов Дельф, Додоны или Аммона?» — скажет позднее Цицерон в своем сочинении «О дивинации» (I, 3). Дельфы были наиболее привлекательными, как видно из истории Батта в Кирене или Фаланфа в Таренте. Во время раскопок слоев микенского и геометрического периодов были найдены лишь скромные сооружения, грубые статуэтки из терракоты, изображающие божество женского пола с распростертыми руками, несколько маленьких медных фигурок мужчин и изделия из керамики бытового назначения. Однако в слое VII века обнаруживаются более значительные находки: медные щиты с рельефами и насеченным орнаментом, шлемы, домашняя утварь из меди, в частности *треножники* — медные котлы на подставке из трех ножек, которые вскоре станут традиционным приношением Аполлону Дельфийскому. Первая священная война (600—590), освободив Дельфы от влияния фокейцев и обеспечив святилищу покровительство Амфиктионии, еще больше подняла престиж оракула. Вторая часть «Гомеровского гимна к Аполлону» под названием «К Аполлону Пифийскому» была, скорее всего, написана после этих событий. Каменный храм был построен в VII веке. Он сгорел в 548 году. К тому времени его окружал с десяток зда-

ний; в большинстве своем это были сокровищницы, построенные греческими полисами. Для восстановления храма воззвали к щедрости народа, и он проявил ее превосходным образом. Пожертвования приходили отовсюду — и от куртизанки Родопис, брат которой Сафо погиб в Навкратисе, и от фараона-филлеллина Амасиса: известность оракула, которому Крез к тому времени уже преподнес роскошные дары, распространилась далеко за пределы греческого мира. Могущественный афинский род Алкмеонидов, находясь в изгнании, взял под свое руководство восстановление здания, и реконструкция завершилась в 510 году: результат превзошел все ожидания.

Во время греко-персидских войн оракул чудом избежал разграбления и обогатился за счет жертвований *ex-voto* победивших греков. Также известно, как во время последующих братоубийственных войн амбиции полисов столкнулись в своеобразном соперничестве за самый великолепный дар Дельфам. В IV веке случилось другое бедствие — оползень, разрушивший храм Алкмеонидов в 373 году: на этот раз единодушие греков проявилось в добровольных взносах от полисов и частных лиц. Прерывавшаяся на время третьей и четвертой священных войн реконструкция продолжалась вплоть до эпохи Александра: новый храм, немного отличавшийся от предыдущего, простоял до конца античной эпохи. Именно его видел Павсаний, и несколько колонн этого храма были обнаружены французскими археологами. Еще в IV веке, несмотря на разграбление сокровищницы бога фокейцами, дары продолжали поступать, украшая святилище: Фивы и Кирена, в частности, возвели сокровищницы в изящном архитектурном стиле, которые дополнили те, что были построены другими городами ранее.

Этот краткий очерк об истории, которую источники, памятники и надписи позволяют изучить в деталях, дает представление о том, каков был авторитет Дельф в архаическую и классическую эпоху. Бог вмешивался не только в колонизационные дела, но также и в религиозную сферу, которая зачастую была тесно связана с политикой. Когда реформатор Клисфен давал названия десяти филам, заменившим в Афинах четыре родовые филы, он обратился именно к Дельфийскому оракулу, чтобы выбрать десять имен среди ста героев, предложенных в качестве покровителей

(эпонимов) этих новых фил. В отношениях между полисами оракул также имел веское слово: поэтому те, кто оказывался в невыгодном положении по предсказаниям оракула, иногда обвиняли его в пристрастности — то по отношению к персам во время греко-персидских войн, то к Спарте во второй половине V века, то к Филиппу Македонскому. Тем не менее, правдивы или безосновательны были эти обвинения, они не повлияли на авторитет Аполлона Дельфийского. Его роль в собственно политических делах сводилась к ручательству за начинания, а не к прямому участию. Его непосредственное вмешательство спровоцировала Амфикиония во время священных войн. Помимо этих частных случаев Дельфы были лишь свидетелем, а не участником.

Аполлон, покровитель всяческих наук, оставался самым авторитетным божеством в вопросах религии и морали, которые предлагали эффективные средства для преодоления национальных бедствий, уничтожая скверну, которая их порождала: как, например, это было в истории об острове Фасос и Теогене, о которой мы уже говорили. Высочайший блюститель религиозных традиций, сведущий в обрядах очищения, оракул при этом использует форму некоей мудрости. Два правила были начертаны у входа в храм: «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры». Советы практической морали? Напоминание о человеческой слабости, мешающей удовлетворению его амбиций и желаний? Предупреждение против заносчивости, *hybris*, от которой часто страдали тираны? Или более глубокая мысль, рекомендующая самоуглубление и аскезу? Ни духовенство Дельф, ни ответы оракула не дают разъяснений о подлинном смысле этих предписаний. Аполлон Дельфийский славен уже одним тем, что Сократ и Платон, а позже Эсхил и Пиндар размышляли над этими изречениями: бог явлен в них, как было написано в «Республике» (IV, 427, с), «управляющим традиционным сознанием всех людей».

Каким образом вопрошали оракул? Мы знаем об этом лишь отчасти. Спрашивать можно было только в определенные благоприятные дни, которых было не так много, поэтому образовывалась очередь. В обмен на оказанные богу или полису услуги дельфийцы могли дать право *промантии*, то есть допущения вне очереди: о подобной благосклонности охотно упоминали в надписях: например, хиосцы высекли такую надпись на алтаре большого

храма, расходы на создание которого они покрыли. Вопрошавшие вносили определенный налог, *pelanos*, называвшийся так, потому что он заменял ритуальный пирог (собственно значение слова *pelanos*), который изначально служил предварительным приношением. Эта плата могла варьироваться в зависимости от полисов и их соглашений с дельфийцами. Она была особенно высокой, если вопрос задавался от государства, а не от частного лица. Затем совершалось жертвоприношение — согласно Плутарху, жертвовали козу. Прежде чем принести ее в жертву, ее обливали холодной водой: если коза не дрожала, считалось, что бог отказывается отвечать, и консультация отменялась. В противном случае обращавшийся за советом, написав текст вопроса, который он желал задать богу, приглашался в храм, где и получал ответ.

Руины храма не позволяют определить точное расположение помещений. Известно лишь, что в нем, как и в большинстве крупных греческих храмов, имелись коридор и большой зал, в глубине которого находилось помещение оракула, однако никаких следов его не осталось. Оно было расположено ниже других, так как источники говорят нам, что туда спускались. Идет ли речь о настоящем подземелье или спуститься нужно было лишь на несколько ступеней? Нет никаких указаний, позволяющих дать точный ответ. Возможно, вопрошавшие не имели доступа к самой отдаленной, запретной части, собственно *адитону*, где находилась пифия. Роль этой прорицательницы, которая была инструментом божества, до сих пор полностью не ясна. Выбираемая из числа дельфийских девиц, она жила в целомудрии и уединении после назначения на эту должность. Во время консультации она сидела в *адитоне* на треножнике перед священным камнем в форме свода, который называли *омфал* («пуп») и который считался центром земли. В *адитоне* в скале находилась трещина, из которой, по свидетельствам некоторых авторов, выходили испарения, приводившие пифию в состояние пророческого бреда. По правде сказать, даже эти испарения весьма сомнительны: возможно, они существовали лишь в воображении помощников, которые присутствовали при божественном явлении. Сидящая на треножнике пифия жевала лавровый лист и пила воду из священного источника Кассотиды, который бил чуть выше храма и который, по словам Павсания, по подземному течению выносило в *адитон*. После этого пророчица

входила в транс и бормотала бессвязные слова. Поскольку большинство дельфийских пророчеств, дошедших до нас, сложены в стихах, следует понимать, что предсказания пифии подвергались последующей обработке, прежде чем передавались вопрошавшему. Считается, что ответственными за эту обработку были священнослужители, которых называли *пророками*. Копия каждого предсказания хранилась в архивах святилища.

Многие из этих пророчеств формулировались туманно и двусмысленно: не случайно дельфийцы дали Аполлону имя Локсий, или «вещающий иносказательно». Эта неясность вкупе со стихотворной формой подчеркивают оригинальность оракула, а именно его вербальный характер. Даже если многие из наших источников — выдумка *post eventum* (правда, не всегда просто это доказать), эти подделки не получили бы такого доверия, если бы не соответствовали типичным предсказаниям, получаемым в Дельфах. Таким образом, мы должны признать, что процедура, описанная выше, была стандартной для предсказаний пифий. Помимо нее существовали и другие, о чем говорят недавние свидетельства эпиграфического источника, раскрывающего процесс консультации по жребию. В этом случае бог выбирал между двумя решениями (иногда между несколькими), предварительно сформулированными вопрошавшим. Вмешивалась ли пифия в этот процесс? Нельзя сказать с уверенностью.

Хотя секрет пифии остается для нас загадкой, нам хорошо известна топография святилища. В ходе французских раскопок, проводившихся с 1892 года, были обнаружены руины, скрытые до этого под деревней Кастри, а также множество скульптур, надписей и мелких предметов. Они относятся к окрестностям святилища и к святилищу Афины, расположенному чуть восточнее Аполлоновского. Благодаря информации, почерпнутой в ходе этих исследований и сопоставленной с картиной, которую дает Павсаний в X книге своего «Описания Эллады», несмотря на неточности в деталях, можно распознать основные памятники, окружавшие храм Аполлона. Это позволят получить конкретное представление о греческом святилище.

Собственно святилище представляет собой участок земли (*теменос*), посвященный богу и ограниченный либо простыми столбами, либо оградой. В Дельфах в распоряжении Аполлона

находится четырехугольник 130 × 190 м, огражденный крепкой и тщательно сложенной стеной (*перибол*) с многочисленными входами. Терраса, растянувшаяся вплоть до самых скал Федриад, находится на крутом склоне. Многочисленные подпорные стенки позволяли обустроить площадки, соединенные между собой и образующие так называемую Священную дорогу. Она проходит, петляя, через все святилище, начинаясь от главного входа внизу на востоке и заканчиваясь площадкой, на которой находится храм. По обеим сторонам этой дороги выстраиваются сокровищницы, построенные греческими городами Сикионом, Сифносом, Фивами, Афинами, Сиракузами, Книдом, Коринфом, Киреной и другими, к которым присоединились два этрусских города Каер и Спина. Огромное количество даров привлекало своими скульптурами и надписями странников. Мы уже говорили о тех, что были высечены у входа в святилище.

Храм возвышался над склоном на высоте своей двухэтажной террасы, оба яруса которой поддерживались стенами. Нижняя стена, которую называли *полигональной* из-за способа кладки ее внешней поверхности, датируется второй половиной VI века. Она испещрена надписями, в основном постановлениями об освобождении рабов, высеченными в позднюю эпоху. Напротив ее южной стороны располагался портик афинян, в котором находились военные и морские трофеи V века. Перед этим портиком Священная дорога расширяется, образуя небольшую площадку, по форме напоминающую круг: именно здесь каждые восемь лет разыгрывалась священная драма стептерий. Последняя часть Священной дороги, проходившая рядом с треножником, напоминавшим о битве при Платеях, вела к площадке храма, окруженной *вотивными приношениями*: четыре золотых треножника, посвященных в 480—470 годах Гелоном и Гиероном, тиранами Сиракуз, и их братьями (они были переплавлены в золотые монеты фокейцами во время третьей священной войны), бронзовая пальма, посвященная афинянами после победы при Евримедоне, огромная бронзовая статуя Аполлона Ситалка, высотой более 15 м, и десятки других приношений, в том числе позолоченная статуя куртизанки Фрины, выполненная ее возлюбленным Праксителем. Перед входом в храм, к которому необходимо было пройти по наклонной дороге, стоял алтарь,

преподнесенный городом Хиос. Храм, планировка которого была типичной для Греции, был окружен дорической колоннадой с шестью колоннами впереди и пятнадцатью по длинным сторонам, которая образовала четырехугольник со сторонами 24 и 60 м. Каждая колонна в высоту достигала примерно 11 м. Кроме мало понятных конструкций в глубине *целлы*, предусмотренных для вопрошания оракула, внутренняя планировка была вполне характерной: преддверие, или *пронаос*, отделенный двумя колоннами между двумя боковыми стенами, далее — большой зал, или *целла*, где находилась культовая статуя. Эта часть является основным элементом здания, поскольку роль храма — укрывать статую бога. И наконец, в задней части располагался *опистодом*, симметричный *пронаосу*, но не имевший сообщения с *целлой*. В храме повсюду находились приношения, многие из которых имели свою историю, как, например, железное кресло, на котором восседал Пиндар, или бронзовая статуя Гомера, на основании которой было высечено таинственное предсказание, данное поэту, желавшему узнать, где была его родина. Кроме того, в виде исключения, в *целле* находилось два алтаря: один — Посейдона (греки называли его «потрясателем земли», и он был почитаем в Дельфах, где нередко случались землетрясения), а другой — самого Аполлона.

Над храмом простиралась местность, сильно пострадавшая во время бедствия 373 года: оползни и обвалы, разрушившие храм Алкмеонидов, уничтожили всю северную часть святилища. Там, позади подпорной стенки, возведенной после катастрофы для защиты нового храма, были найдены фрагменты комплекса, являвшегося частью знаменитого Возничего, который чудом остался практически нетронутым. Находящаяся еще выше северо-западная часть святилища в начале эллинистической эпохи была занята театром, который в настоящее время сохранился в реконструированном виде с римской эпохи. Рядом, чуть восточнее, — небольшой *теменос* с часовней, посвященный Посейдону, посреди глыб, которые он своим гневом обрушил с Федриад; а еще дальше — другой *теменос*, также размещенный на площадке Аполлона, где поклонялись могиле Неоптолема, сына Ахилла, погибшего в Дельфах, как поведал нам Еврипид в «Андромахе» (стих 1085 и далее). И наконец, на самой вершине святилища, напро-

тив северной стены, в павильоне, или *лесхе*, книдьян находились знаменитые картины Полигнота, которые были детально описаны Павсанием.

Такой вид имело классическое греческое святилище, где, вокруг главного божества отправлялись многие другие культы. Многочисленные постройки возвышались вокруг храма (или храмов): алтари, сокровищницы, прибежища для паломников, которые беспорядочно возводились веками, обнаруживая отсутствие планировки комплекса. Каждый памятник задумывался сам по себе, а не как часть целого. Значение здесь придавалось исключительно религиозным обычаям и практической необходимости. Забота о красоте сначала отвечала желанию прославить бога, а затем — поразить зрителей и затмить соседние памятники, но не гармонировать с ними. Лишь в эпоху эллинизма — первоначально под влиянием архитекторов Пергама — появляются принципы монументального градостроительства: в Афинском акрополе при входе в святилище из Пропилей был виден лишь задний фасад Парфенона, заслоненного второстепенными зданиями, ныне исчезнувшими. Точно так же и знаменитый фриз, которым мы восхищаемся по сей день в музеях, был едва виден и плохо освещен на высоте внешней стены *целлы*, в тени колоннады перистиля: о нем судили по западному фризу, находящемуся над входом в *опистодом*. Тем не менее он была создан с особой кропотливостью: речь шла о том, чтобы угодить богине! То же можно сказать и о дарах, которые повсеместно теснили друг друга без какой-либо заботы о композиции. Мы с трудом можем представить количество этих *вотивных приношений*, в большинстве своем бронзовых, которые исчислялись сотнями: все они были разрушены варварами или разрушены христианами, и единственно сохранный статуя Возничего является исключением (хотя лошади и колесница ее ансамбля почти полностью утрачены). Однако весьма подробное перечисление Павсания, упоминавшего лишь те памятники, которые он видел лично, в определенной степени позволяет нам представить чрезвычайный хаос, царивший в святилище, загромажденном дарами, где посетителя со всех сторон то слепил золотистый блеск бронзы, сохранявшийся благодаря систематической чистке, известной по надписям, то привлекали ярко раскрашенные мраморные скульптуры, оживлявшие

фронтоны, метопы или фризы на главных постройках. Добавим сюда толпу чужестранцев, лотки мелких торговцев, ослов и мулов, жертвенных животных, птиц, вьющих гнезда на крышах храмов, которых юный Ион в начале пьесы Еврипида преследовал своими стрелами. Не забудем также про гирлянды цветов, аромат фимиама, запах жареного мяса, обращения и возгласы, — и мы сможем восстановить атмосферу этих священных территорий, служивших местом встречи для греков, прибывавших сюда, чтобы спросить у богов совета в отношении какого-либо мероприятия или найти утешение в своих несчастьях.

Надежда на исцеление всегда была одним из сильнейших мотивов религиозных верований. В случае болезни греки обращались к своим богам. Местное божество, каким бы оно ни было, являлось первой надеждой. Однако в первую очередь таким целителем являлся Аполлон, и многие его эпитеты — Пеан, Эпикурий, Алексикакос, Акесий — отсылали к этому его качеству. В этой роли выступали также некоторые герои: в Аттике в IV веке был Герой-Врачеватель, известный лишь под этим именем. С конца V века славу этих знахарей затмило божество, специально предназначенное для этой сферы, — Асклепий. Успех нового бога обнаруживает пример Софокла: он был жрецом одного из героев-знахарей, мало нам известного, которого звали Алкон или, возможно, Аминос, впоследствии он стал последователем культа Асклепия, сочинил пеан в честь этого бога и разместил у себя его статую, которую в 421 году афиняне доставили из Эпидавра и поместили в святилище близ театра Диониса, на южной стороне акрополя. Таким образом, уже в это время Асклепий был возвышен до ранга богов, хотя Пиндар в 474 году, сочиняя третью «Пифийскую оду», говорит о нем лишь как о герое, сыне Аполлона, который выучился искусству врачевания у кентавра Хирона и был поражен молнией Зевса за то, что он нарушил законы природы, вернув к жизни умершего. На эту тему фиванский поэт изрек замечательные слова: «Не стремись, о душа моя, к жизни бессмертной, но извлекай пользу из возможного!»

Высоко почитавшийся в святилище Аполлона в Эпидавре, в Арголиде, Асклепий вскоре занял там первое место. Его слава возросла благодаря его сенсационным исцелениям. Тогда, в последнюю треть V века, благодаря Гиппократу с острова Кос заро-

дилась клиническая медицина. Из Эпидавра новый культ распространился по всему греческому миру с удивительной скоростью: в Афины и порт Пирей (куда Аристофан в своей комедии «Плутос», поставленной в 388 году, поселил слепого знахаря Плутоса), в Дельфы, Пергам, Кирену (где в Балаграх начиная с IV века находился Асклепейон), на Кос, родину Гиппократа, где развивалась крупная школа медицины. Эпидавр, самое первое святилище Асклепия, останется самым известным и посещаемым: красивый храм, ротонда, построенная архитектором Поликлетом Младшим, театр, созданный тем же архитектором, и многочисленные сооружения культового характера свидетельствуют о его процветании в IV веке. Веру чужестранцев и их надежды укрепляло чтение о чудодейственных исцелениях, совершенных божеством и упомянутых в надписях IV века, которые видел Павсаний и часть которых была найдена: 66 чудес Асклепия, дошедших до нас в деталях, повествуют об излечении немой девушки, о принятии родов у женщины, носившей плод пять лет, о выведении из организма камня или ленточного червя. Бог демонстрировал свое мастерство даже на примере разбитой вазы, которую он чудесным образом восстановил. Мало какие тексты столь ярко демонстрируют почтение греков к богам, как эти небольшие поучительные рассказы, составленные неизвестным служителем, который черпал сведения из архивов святилища или из приношений, смысл которых он не всегда понимал.

* * *

Этот краткий обзор основных культовых действий показал нам, насколько близко к богам чувствовал себя греческий народ в архаическую и классическую эпоху. Божества в их почти бесконечном множестве проявлялись повсюду как в силах природы, так и в общественной жизни. Каждое божество местности или группы с поразительной пластичностью отвечало основным потребностям человека и благосклонно принимало его разнообразные просьбы. Эти разносторонние способности бога являются характерной чертой греческого политеизма, которую рационалистическая мифология, устроившая иерархию на Олимпе и систематизировавшая божественные функции, еще больше запутала

в наших глазах. Во всяком случае, это очевидно в случае с крупными гражданскими божествами, или, как их называли, *полиадами*, которые имели первостепенное значение в государствах. В Афинах это Паллада, в Аргосе и на острове Самос — Гера, в Спарте, Милеете, Кирене — Аполлон, в Эфесе — Артемида, на Фасосе — Геракл, в Лампсаке — Приап, и так далее. Это локальное превосходство сложилось вследствие исторических обстоятельств, однако можно констатировать, что за всем этим разнообразием легенд и культовых традиций главное божество, каким бы оно ни было, практически везде берет на себя основные функции по защите социальной группы. В эпоху эллинизма это выразится в личном участии бога в управлении городом, когда в отсутствие гражданина, способного взять на себя расходы по отправлению высшей государственной должности, само божество (со своей священной сокровищницей) принимало эту магистратуру эпонима и в этой должности, в течение года, фигурировало в заголовках официальных документов.

Но такое превосходство существовало не всегда, и даже там, где оно проявлялось, оно не мешало распространению культов. Даже календарь, который регулировал жизнь государства и не был единым для всех, по сути своей, являлся календарем религиозных праздников, упорядоченное проведение которых означало смену времен года. Как город или деревня отмечены святилищами, так смена месяцев отмечалась священными церемониями, которые являлись своего рода ориентирами для определения хода времени. Когда случайно из-за неправильных астрономических вычислений возникало весьма осязаемое несоответствие между официальным календарем и ходом солнца, складывалось очень затруднительное положение — так произошло в Афинах около 430 года, когда астроном и математик Метон реформировал календарь. Аристофан в «Облаках» упрекает афинян:

Вы ж

Надлежащих дней не чтите, повернули все вверх дном¹.

Стихи 615—616

¹ Перевод А. Пиотровского.

Так что Фукидид, так любивший точность, излагая факты, отказывался пользоваться неопределенным календарем и просто делал ссылку на начало времени года.

Таким образом, для грека материальная вселенная, как и ментальная, была проникнута священным. Многообразие божественных проявлений позволяло каждому придерживаться именно того, которое соответствовало его темпераменту, традициям и обстоятельствам. Наряду с крупными панэллинскими богами, чьи имена были известны всем и чьи эпитеты позволяли им исполнять особые функции, существовало множество второстепенных богов, прикрепленных к определенному участку земли, слава которых не выходила за пределы межевых столбов данной местности. Среди них многочисленную и особую категорию образуют герои. Долгое время велись споры, имеем ли мы здесь дело с древними богами, лишенными своего божественного статуса, или со смертными, перешедшими в ранг Бессмертных. В разных случаях и то и другое объяснение справедливо; однако в историческую эпоху феномен героизации умершего удостоверяется многочисленными примерами. Основатели колониальных городов зачастую заслуживали достойные героев почести, которые воздавались им у их могил, зачастую расположенных в центре города, на агоре. Характерен пример Амфиполя: когда войскам Брасида пришлось отвоевывать город у афинян и Брасид пал, защищая его от отрядов Клеона, жители Амфиполя похоронили его на большой площади, «установили границы святилища вокруг его могилы и воздавали ему почести как герою вместе с ежегодными играми и жертвоприношениями», считая его отныне подлинным основателем их полиса (Фукидид, V, II). Со временем подобные почести начали воздавать живым. Именно это хотели сделать для Агесилая жители Фасоса, но получили ироничный ответ царя, сохраненный для нас Плутархом: «Фасосцы, которым Агесилай оказал огромную услугу, построили для него храм и возвели в ранг богов, после чего отправили к нему посольство, чтобы сообщить об этом. Агесилай прочитал подробный список почестей, который доставили ему послы, и спросил их, может ли их родина делать из людей богов. Когда они ответили ему, что может, он сказал им: «Так вот, сделайте богами себя самих! И если у вас это получится, тогда я действительно поверю, что и из меня вы можете сделать

бога!» (Moralia, Лакедемонские афоризмы 210d). Реакция Агесилая, спартанца, приверженного традициям, свидетельствует о том, что обожествление живых противоречило религиозному сознанию греков классической эпохи. Однако позднее, в эпоху эллинизма, этот обычай распространяется, выражая эволюцию общественного сознания.

Еще одним способом расширить и без того огромный пантеон было обожествление аллегорий. Грек, придававший большое значение языку и способный к отвлеченному мышлению, мог персонифицировать абстрактное понятие, делая его именем собственным. Уже у Гомера появляются божественные образы этого типа, например *мойры*, «участь», или *Эрида*, «раздор». Гесиод с особым вниманием относится к этой категории богов: известно, какое место занимают в его произведении *Дике*, «справедливость» или *Мнемосина*, «память». Тенденция к обожествлению абстракций развивается лишь в классический период, когда возводят храмы *Фемиде*, «правосудию», *Немесиде*, «возмездие», посвящают алтари *Эйрене*, «миру», и ее сыну *Плутосу*, «богатству». Примечательно, что Аристофан, так привязанный к традиционным верованиям, создал значительную часть обожествленных аллегорий: в этом отношении он ничем не уступает Платону. Самым удачным творением в этой сфере, несомненно, стал *Эрос*, олицетворение любви, сначала задуманный как крылатый юноша, а затем омоложенный и представленный ребенком: Эрос и его спутники *Гимер* и *Потос*, олицетворения любовного желания в двух несколько различающихся ипостасях, а также *Пейто*, «убеждение» составляли свиту Афродиты и давали поэтам и художникам богатые темы для вдохновения. Религиозная вера, весьма благосклонная к новым формам божественного, охотно принимала чужеземных богов, если только их вмешательство не ставило под угрозу принципы самого государства. Действительно, греческий пантеон за всю свою долгую историю, с самых истоков и вплоть до установления христианства, постоянно пополнялся новыми богами. Но в архаическую и классическую эпоху это происходило за счет уподобления традиционным формам греческого религиозного мышления. Весьма примечательной чертой этого мышления является ее сверхъестественная способность находить известное в неизвестном,

распознавать в диковинном знакомое. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется у Геродота, когда он с участливым любопытством интересуется религиозными традициями варваров. Он не представляет, что эти люди могут поклоняться кому-то другому, кроме богов греческого пантеона: ему достаточно увидеть глубинное соответствие, которое невозможно скрыть, несмотря на различия в именах и своеобразии обрядов. Именно поэтому, к примеру, он признал культ Афины у народов Ливии (IV, 180 и 189). Поэтому, в частности, он дает нам такое любопытное описание египетской религии, где каждое божество без тени сомнения приравнено к своему греческому аналогу: для Геродота Нейт — это Афина, Бастет — Артемида, Исида — Деметра, Ра — Гелиос, Уто — Латона, Сет — Арес, Осирис — Дионис, Хонсу — Геракл, Хатор — Афродита, Амон — Зевс. Именно поэтому греки без труда приняли в конце V века культ Зевса-Амона, объединивший верховного бога египтян, почитавшегося в святилище-оракуле в оазисе Сива, и верховного бога греков, которого колонисты из Кирены привезли с собой в Ливию. То же самое произошло с фракийской богиней Бендидой, которую Геродот приравнял к Артемиде (IV, 33) и которая momentarily, с 429—428 годов, стала объектом официального культа, посвященного удаче.

Когда невозможно было установить соответствие с уже существовавшим греческим богом, иноземное божество могло войти в греческий пантеон, если его облик не противоречил привычному для греческого менталитета образу. Так произошло с богиней карийского происхождения Гекатой, которая была принята греками в архаическую эпоху как хранительница дверей и которая почиталась за свою магическую силу и воспевалась поэтами от Гесиода до Еврипида: великие художники, например Алкамен, изображали ее трехликой. Культ Великой Матери, привезенный из Фригии и включающий в себя мистерии, проник в Афины, не без некоторого сопротивления, благодаря определенной аналогии с культами Элевсина: однако его успех закрепился в V веке, поскольку здание, посвященное этому культу, находилось прямо на агоре и служило официальным хранилищем государственных архивов. Фидию, или, возможно, его ученику Агоракриту было поручено высечь из мрамора статую, которая

* * *

бы явила афинянам образ Матери богов: женщина в драпированной одежде, восседающая на троне, на голове — высокий, цилиндрической формы колпак, в правой руке — сосуд для возлияний, в левой — цимбалы, по бокам — два лежащих льва. Однажды появившееся изображение определит тип сотен миниатюрных *вотивных приношений*, делавшихся до конца античной эпохи. Зато к другому фригийскому культу — Сабазия, который также включал в себя мистерии и сравнивался с культом Диониса, всегда относились с недоверием, по крайней мере в классическую эпоху: Аристофан неоднократно высмеивал его, а Демосфен в своей речи «О венце» (259 и дальше), резко упрекает своего противника Эсхина в поклонении этому культу в молодости.

Наконец, последний аспект политеизма, множественные элементы которого не поддаются строгой логике: помимо традиционных богов, героев, аллегорий и чужестранных божеств, греки в своих верованиях оставляли место для того, кого они называли *демонами*. Нет более расплывчатого религиозного термина, чем этот. Слово «демон» могло применяться по отношению к богу и иногда использовалось ранними авторами, например Гомером, как простой эквивалент слова *теос*, «бог», особенно когда речь шла об общем понятии или о божествах в целом. Оно служило также, в частности, названием сверхъестественных существ низшего по отношению к верховным традиционным богам ранга, мало различных между собой: у Гесиода это люди, жившие в золотом веке, у других авторов — мертвые, которые были обожествлены, встречался также *Agathos Daimon*, добрый демон семейного очага, которого часто изображали в виде змеи. Таким образом, в сфере религиозной веры открывалось широкое поле для творческого воображения. Наряду с традиционными культурами, имевшими прочную ритуальную базу, божественный мир принимал всевозможные индивидуальные верования, если они не расшатывали основ общества. Это разнообразие, эта расплывчатость, конечно, в немалой степени содействовала жизнеспособности греческой религии, которая легко могла обновляться или дополнять свое духовное содержание, придерживаясь постоянства обрядов: она покоилась на традициях, но не знала догм.

Понятно, что в этих условиях свобода религиозного мышления с самых ранних времен не вызывала большого возмущения, если не выходила за рамки умозрительной сферы. Религия, функционировавшая без догм, без сословия священнослужителей, без священных книг, предоставляла огромную свободу индивидуальному восприятию. Греки не упускали случая ею воспользоваться. Мы уже отмечали, как вольно обращались поэты с традиционными мифами, изменяя их в угоду собственной фантазии или моральным предпочтениям. Также мы видели, как фамильярно относились греки к своим богам, подшучивая над их божественным величием: карикатуры и комедии красноречиво об этом свидетельствуют. Однако умозрительные размышления обнаруживали не меньшую смелость, и они не вызывали осуждения, пока не становились опасными для общественного порядка. Оставаясь в области идей, они шокировали лишь мыслителей, но не политиков. Платон в своих «Законах» обрушивается на атеизм, который, как он считает, является интеллектуальной ошибкой, ставящей под угрозу сами принципы идеального государства. Но в исторической реальности атеисты не подвергались репрессиям, кроме тех случаев, когда они пытались уклониться от обязанностей, возлагаемых на гражданина. Неверие не являлось преступлением, пока оно не оборачивалось святотатством.

Таким образом объясняется необычайная свобода критики, шедшая со стороны некоторых мыслителей с начала классической эпохи. В IV веке Ксенофан из Колофона, современник Пифагора, тоже обосновавшийся в Великой Греции (там он организовал в Элее, в Лукании, так называемую *элейскую школу*, которую прославляли Парменид и Зенон), высказал смелое предположение о том, что антропоморфизм является лишь естественным отражением человеческой ограниченности: «Если бы у быков, лошадей или львов были руки и они умели бы этими руками рисовать и создавать вещи, как это делают люди, лошади бы изображали богов похожими на лошадей, а быки — похожими на быков, каждый придавал бы божеству форму своего собственного тела». Или в другом месте: «Эфиопы утверждают, что у богов курносый нос и темная кожа; фракийцы же говорят, что у них

голубые глаза и рыжие волосы». Отвергая антропоморфизм, если не сам политеизм, Ксенофан, считает, что все многообразие богов, если таковое существует, подчиняется одному божественному принципу, одновременно постоянному и неопределенному.

Позднее, в V веке, в Афинах Анаксагор из Клазомен, друг Перикла, был осужден за то, что усомнился в божественности небесных светил, публично заявив, что солнце — это пылающий шар, свет которого отражает луна: это открытие могло смутить легковерность населения в отношении гаданий по атмосферным знакам. Вот почему профессиональные гадалки, и в частности Диопейт, с пристрастием критиковали его, после того как народ принял декрет о том, чтобы предавать суду тех, кто не верил в богов или пытался разъяснить природу небесных явлений. Противники Перикла воспользовались этим, попытавшись задеть его через близкого человека: встревоженный Анаксагор покинул город. И все же афиняне в этот период, начиная с Алкивиада, не скрывали религиозного скептицизма, привитого примерами Анаксагора и Протагора, и их за это не преследовали. Чтобы вызвать возмущение государства в религиозной сфере, необходимы были либо политические причины, предлогом для которых служило неверие, либо реальное святотатство, например осмеяние Элевсинских мистерий, к которому был причастен Алкивиад, или избиение герм, вызвавшее гнев афинян накануне отъезда экспедиции в Сицилию. В этих случаях афинское правосудие выносило суровое наказание: оно преследовало Диагора Мелосского в 415 году за святотатство в отношении мистерий и назначило вознаграждение за его голову, после чего он покинул Афины. Из знаменитой речи Лисия известно, что суровое наказание ожидало каждого, кто ломал, даже случайно, одно из оливковых деревьев, посвященных богине Афине: Аристотель сообщает нам, что изначально закон предусматривал даже смертельную казнь. По народным представлениям, если виновный в осквернении не получал должного наказания, это вызывало божественный гнев, от которого могло пострадать все государство. Но намного серьезнее, чем инакомыслие, каралось преступление против гражданской солидарности.

Так было в случае с процессом по делу Сократа в 399 году. Если вспомнить, философ был обвинен в развращении молоде-

жи, в неверии в богов полиса и во введении новых божеств. Обвинение было поддержано ничем не выдающимся молодым человеком Милетом, помощником политического деятеля Анита, который в течение нескольких лет до этого играл важную роль в демократической партии. Сократ был осужден 280 голосами против 220, трибунал состоял из 500 судей: для его оправдания не хватало 30 голосов. Для чего понадобилось осуждать мудреца, которого пифия назвала мудрейшим среди людей? Как объяснить решение правосудия, которое, после памфлетов Платона и Ксенофонта в пользу Сократа, легло несмываемым пятном позора на афинскую демократию? Рассмотрение обстоятельств процесса позволяет легко ответить на эти вопросы.

Порядочные граждане, составлявшие трибунал гелиэи, пародию на который вывел Аристофан в лице Филоклеона в своем произведении «Осы», включили, не без колебаний, в обвинение против Сократа жалобу о том, что его беседы и его дружба воспитали хладнокровных честолюбцев, из-за которых Афины страдали в течение пятнадцати лет: Алкивиад, инициатора губительной экспедиции на Сицилию, а затем искусного советника против собственной родины в Лакедемон; Крития, циничного и алчного главы Тридцати, убитого афинянами после того, как он разрушил демократию. Отношения, объединявшие и того и другого с Сократом, были известны всем, и судьям было простительно перенести частично на учителя ответственность за ошибки, допущенные его учениками. Тем более что в годы своей молодости друзья Сократа не скрывали своих предпочтений, которые население Афин не склонно было разделять: предпочтение Спарты как полиса с лучшим управлением, нежели в Афинах; интерес к философии и диалектическое мастерство, которые они развивали по примеру своего учителя и которые давали им неоспоримое превосходство в диалогах, позволяя затмевать собеседника; свобода в суждениях, которая вкупе с их юношеским пылом позволяла пересматривать самые обоснованные истины; и наконец, что не менее важно, склонность к гомосексуальным отношениям — «дорийской» любви, распространенной в Лакедемон, которую они охотно разделяли в своей небольшой группе, как это явствует из «Пира» Платона, и практиковали безо всякого стеснения. Типичный афинянин, как свидетельствует Аристофан,

испытывал по отношению к этому пороку столько же страха, сколько и ненависти: помимо разнуданности духа и чувств, он видел в нем, не без причины, знак объединения в аристократическое «братство» с политическими намерениями, от которого демократия имела полное право защищаться. Все эти слишком самодовольные молодые люди, выходцы из самых богатых афинских семей, не вызывали никаких симпатий у тех, кто не принадлежал к их кругу. Враждебность, которую они вызывали, была перенесена на Сократа. Таким образом, обвинение в развращении молодежи имело серьезные основания: благодаря Ксенофону и Платону, мы сегодня слышим другую сторону судебного процесса.

Помимо этих обстоятельств, которые были не столько оправданиями, сколько извинениями, имел место религиозный процесс, бывший в то же время гражданским процессом. И здесь необходимо объективно рассмотреть реальность, не торопясь присоединяться к негодованию учеников, безраздельно преданных своему учителю. Представлял ли Сократ угрозу моральному и политическому равновесию афинской демократии? Без колебаний можно ответить, что да. По свидетельству первых диалогов Платона, а также скромной агиографии «Memorables», Сократ предстает очень искусным софистом, способным запутать самых изворотливых — таких, как Протагор или Горгий, — с помощью высшей диалектики, которая сама не лишена сомнительных приемов, например двусмысленности в различных значениях одного термина. С помощью этого приема, которым Сократ владел виртуозно, он приводил своего собеседника в противоречие с самим собой и доказывал ему, что тот ни в чем не уверен, ставя его в не очень удобное положение. Хотя, возможно, это необходимая точка отсчета всякой настоящей философии. Однако если в подобное положение поставить недостаточно крепкий дух, это может подтолкнуть его к скептицизму, привести в уныние или даже к отказу от совести. После разрушения необходимо созидание: но Сократ никогда не делал выводов. Он продолжал сомневаться, не предлагая никакой уверенности. Конечно, благородная жизнь мыслителя и гражданина, беспрекословное исполнение им военной службы и гражданских обязанностей (как в случае с Аргинузскими островами), его бескорыстие, его бедность, его религиозное почитание закона, его приверженность к здравым мыслям

и к истине — все это стоило ему головы и все это дает удивительные примеры, над которыми не перестают задумываться поколения. Но кто из современников видел его таким, за исключением его близких? Общественность запомнила лишь его внешний облик, живописный силуэт, напоминающий Силена, умение ставить затруднительные вопросы, неизменный дух сомнения, постоянное отсутствие всякого позитивного заключения. Народ зачастую путал его с натурфилософами, например с Анаксагором, некогда осужденным за святотатство, или с софистами, например с Протагором, также изгнанным за свой разрушительный скептицизм. Правда, Сократ часто намекал на внутренний голос, на демона, который давал ему советы в сложных обстоятельствах и вмешательство которого он считал божественным проявлением. Но даже идея этого близкого и тайного общения с божеством вне всякого конкретного обряда приводила толпу в замешательство: она подозревала здесь некую угрозу традиционной религии, как будто древние защитники полиса могли быть потеснены этим неизвестным богом. Разве могут основы государства, покоящиеся на скрупулезном и добровольном участии в культах, продолжить свое существование, если завтрашние граждане, чьи убеждения расшатаны наставлениями Сократа и кто все подвергает сомнению, будут пользоваться лишь этим странным тайным голосом, который слышал в своем сердце только один старик?

Не знаю, эти ли аргументы были выдвинуты Мелетом, Анином и Ликоном перед судьями гелиэи. Но возможно, что многие среди этих судей приняли их во внимание во время судебных прений, перед тем как опустить свой камушек в бронзовую урну: цельный — за оправдание, просверленный — за обвинение. То, что 220 из 500 членов трибунала опустили целый камешек, предпочитая освободить невиновного, отказавшись от показательного примера, полезного государству, делает честь афинской демократии. Что же до остальных, они слепо служили полису, и наверняка было уже слишком поздно: поскольку дух свободного критического мышления, для которого Сократ так много сделал, уже захватил слишком много мыслящих людей, чтобы старая религия смогла выжить вместе с общественным порядком, гарантией и отражением которого она являлась.

Глава седьмая

ГРАЖДАНИН В ГОСУДАРСТВЕ

Если грек времен архаической и классической эпохи становился воином, то по призыву государства. Если он принимал религию своих отцов, это, было, главным образом, в рамках государства. Эта форма социальной организации представлялась классическим греческим мыслителям (за исключением нескольких софистов) отличительной чертой цивилизованного человека. Эта концепция наилучшим образом выражена во введении к «Политике» Аристотеля, где философ на закате жизни, большая часть которой была посвящена изучению политических систем греческого мира, определяет человека как «существо, живущее в государстве» и показывает, что «если государство было создано, чтобы позволить ему жить, то, созданное, оно позволит ему жить хорошо», предоставляя ему возможность быть свободным. Несомненно, это теоретическое видение, но оно имеет целью представить реальность, которую Аристотель лучше, чем его учитель Платон, знал во всей ее действительной сложности. Понятие государства, оригинальное и жизнестойкое изобретение греческого народа, определило его историю и всю его мысль. Перенесенное в Рим, где оно корректировалось и обогащалось по мере использования, это понятие было передано целиком Европе, которая оттуда заимствовала в значительной степени современную концепцию государства. Этого достаточно чтобы ответить на вопрос о том, каким было его значение в истории нашей цивилизации.

Слово «полис» уже у Гомера употреблялось в трех разных значениях. Оно обозначало либо городскую агломерацию, либо

политическую единицу, представлявшую собой государство, либо сообщество граждан в целом; три смысла, которые по-латински передавались, соответственно, словами *urbs*, *civitas* и *cives*. В классическом языке эта амбивалентность сохраняется, вплоть до того что словом «полис» Геродот и Ксенофонт обозначали варварские города. Тем не менее, если греческий автор имеет в виду политические термины, значение понятия «полис» становится вполне определенным: это политическая и социальная единица, служившая основой греческого мира и, наряду с языковым своеобразием, отличавшая его от мира варварского. Попробуем проанализировать значение этого понятия.

По Аристотелю, полис — это результат политического объединения между несколькими поселениями. Известные примеры из истории отлично иллюстрируют это положение, например знаменитый *синойкизм*, или объединение городов Аттики в Афинский полис, — операция, приписываемая греческой историографией Тесею. Вследствие этого было создание более важного городского центра, центра нового государства. Вот почему, как правило, государство в политическом смысле слова отождествляют с городом, имя которого оно носит. Иногда городская агломерация не сопровождалась сплочением между поселениями: в этом случае, тем не менее, греки все равно признавали это объединение полисом. Это следует из отрывка у Павсания (X, 4), где он упоминает ничтожный полис в Фокиде: «В двадцати стадах (приблизительно 4 км) от Херонеи находится полис панопейцев, если ему действительно можно дать название полиса, поскольку население его не имеет ни административных помещений, ни гимназия, ни театра, ни публичной площади, ни водопровода; они живут там, на краю оврага, в хижинах, наполовину вкопанных в землю, словно лачуги горцев. Тем не менее их территория отграничена от территории их соседей, и они отправляют делегатов на федеральные собрания Фокиды. Наконец, они говорят, что название их полиса восходит к отцу Эпея». Этот Эпей, отца которого звали Панопей, был строителем Троянского коня. Из этого текста видно, что входило в понятие полиса: четко ограниченная общественная территория, минимальная политическая организация, признанная соседними государствами и, наконец, то, что в глазах греков было крайне важно, — зачатки истории: в данном случае это,

по крайней мере, легенда об основании и связанный с нею культ. Однако удивление, которое вызвал у Павсания вид бедного селения, свидетельствует о том, что обычно понятие полиса предполагало наличие городской агломерации, оснащенной удобствами и основными органами греческого города.

Небольшие размеры греческих полисов уже были отмечены: помимо наиболее значимых, Спарты и Афин в материковой Греции, Родоса на островах, Сиракуз и Кирены за морем, речь идет лишь о небольшом участке земли, поддающейся обработке, вокруг основной агломерации с несколькими горными пастбищами или прибрежными островками. Зачастую всю или почти всю территорию можно было охватить взглядом. Границы были нечеткими, за исключением возделываемых участков. В горах они оставались необозначенными и являлись причинами частых конфликтов между пастухами. Поля возделывались либо свободными крестьянами, объединенными в деревни и обрабатывавшими свои собственные земли, либо подневольной рабочей силой сельского поместья, вроде того, владельцем которого являлся Исхомах в «Экономике» Ксенофонта. Земельный режим сильно различался в зависимости от регионов и эпох. Мы видели, как в Аттике Солон, а затем Писистрат принимали меры для сохранения мелкой собственности, не искореняя, тем не менее, крупных доменов. Кимон, Перикл обладали обширными землями, которые приносили им значительные доходы. Эти богатые собственники проживали, как правило, в городе, хотя имели на своих землях дома, как у Исомаха, похожие на усадьбы гомеровских помещиков. Построенные, вероятно, из необожженного кирпича, они не оставили заметных следов на земле, и мы можем представить их по не совсем точным текстам. Обращенный на юг, дом состоял из множества жилых комнат и спальни для хозяев, служебных помещений для кухни и ванной; складов для хранения собранных фруктов, злаков, сухих овощей и зернового хлеба; отдельных помещений для рабов мужского и женского пола; и наконец, навеса для скота и инвентаря. Хозяйства свободных крестьян были, очевидно, намного скромнее. Но по упоминаниям Аристофана мы узнаём, что их тяжелая жизнь не была лишена своей прелести.

В некоторых небезопасных регионах поселения и усадьбы должны были укрепляться: такая ситуация, например, была

в Киренаике, где опасались набегов ливийских разбойников из внутренних степей. Простая каменная башня, образующая долговременное оборонительное сооружение, была в состоянии остановить агрессора: мы видели, что такие башни встречались достаточно часто в Греции на пограничных территориях. Свободный крестьянин, будучи военнообязанным, хранил оружие у себя дома и мог немедленно откликнуться на приказ о мобилизации.

Повсюду выращивали злаковые культуры, главным образом ячмень и, если позволяли условия, пшеницу. Греческая земля мало годилась для этого, но идеалом полиса была экономическая автаркия, греки хотели сначала взять от земли лепешки, кашу и хлеб, составлявшие основу питания. Бобы, чечевица, нут, некоторые виды овощей, чеснок и лук — такими были огородные продукты. Фруктовый сад был засажен смоковницей, которая пользовалась особой популярностью в Аттике, айвой, яблоней. Оливковое дерево, священное дерево Афины, в изобилии давало оливы и масло, как и сегодня во всей Греции. Ароматические растения — чабрец, тмин, базилик, душица — были очень ценны на кухне. Виноград выращивался либо как шпалерная культура, либо в рядах, свободно или с подпорками в два локтя высотой, которые Тригей предлагал делать из древков копий, которые в мирное время становились бесполезны. Бараны и козы паслись в горах. Несколько коров и быков, которые были немногочисленны и которых поэтому ревностно берегли для крупных жертвоприношений, помогали земледельцам в их работе. Пчелы давали мед, который заменял сахар.

Другие сельские работы имели своей целью добычу природных ресурсов в ремесленных, если не сказать промышленных, целях. Речь идет о дровосеках, которые поставляли строевой лес об угольщиках, которые получали древесный уголь из каменного дуба. Аристофан с воодушевлением и симпатией изобразил их в своих «Ахарнянах». Смолу и канифоль получали из хвойных лесов, так же как и лес для кораблей: однако продукт материковой Греции не удовлетворял потребностям кораблестроения, поэтому необходимо было обращаться к импорту. Лен выращивали в Элиде, единственном регионе, достаточно орошаемом для этой культуры: другие были вынуждены импортировать его из Малой Азии и Египта. Основную массу шерсти давали греческие стада:

в каждом доме пряли и ткали повседневную одежду, это было основным занятием женщин. Только предметы роскоши приходили из-за границы и являлись объектом торговли. То же самое касается и кожи: сандалии и плащи из козьей кожи, шапки от дождя, бурдюки и сумки делались в семье, за исключением города, где обращались к специализированным ремесленникам.

За городом наиболее важными разработками были каменоломни и рудники. Месторождения глины в Аттике и Коринфе предоставляли сырье для многочисленных гончарных мастерских. Мраморные каменоломни на горе Пентеликона недалеко от Афин, а также на мысе Алики, что на острове Фасос, разрабатывались под открытым небом. Каменоломни Пароса, на Кикладских островах, были подземными и уходили глубоко в гору: мрамор оттуда, обладавший исключительной белизной и прозрачностью, был очень востребован скульптурами и был объектом активной торговли. Его называли *лихнитом*, от слова *lychnos*, «факел», не столько за то, что он светился, сколько потому, что его добыча происходила при искусственном освещении. Разнообразные строительные камни добывались аналогичным образом: известны знаменитые сиракузские каменоломни, или *латомии*, которые одновременно служили тюрьмой, где мучались афинские пленники после разгрома экспедиции на Сицилию. Недалеко от Кирены, в Ливии, во многих местах до сих пор находят залежи ракушечного известняка, из которого изготавливали блоки, предназначенные для величественных сооружений великого африканского города.

Медные и железные рудники известны плохо. Зато о рудниках драгоценных металлов сведений достаточно, благодаря вниманию древних авторов, которое они привлекали, будучи вождельной целью, и благодаря той роли, которую они играли в международной политике. Они обеспечили процветание Фасоса и обеспечили небольшому островку Сифносу в Кикладском архипелаге известность, которой он пользовался не долго, но которая позволила ему около 530 года построить в Дельфах роскошную сокровищницу. На горе Пангее во Фракии золотые рудники *Scapte-Hyle*, или «размытый лес», разрабатывались коренными жителями, но за счет греков: Фукидид, владевший несколькими из них, жил там во время ссылки и получал от них основную часть

доходов, пока писал свою «Историю». Но наибольшее значение имели Лаврийские рудники в юго-восточной части Аттики. До сих пор там есть подземные ходы, низкие и прямые, в которых рабы-горнорабочие, согнувшись пополам, продвигались вдоль рудной жилы сереброносного свинца. Несколько тысяч подневольных рабочих были заняты на добыче и переработке руды, из которой они на месте получали бруски свинца и серебро, достаточно чистое, чтобы использовать его для чеканки знаменитых афинских монет, «лаврионских сов», названных так из-за типичного резного изображения для оттиска, украшавшего их оборотные стороны. Один из монетных цехов был расположен прямо там.

Существование полиса обеспечивал тяжелый труд жителей деревни, но именно в городе обсуждались наиважнейшие дела, как частные, так и государственные. Вот почему с архаической эпохи, несмотря на особое ощущение природы, которое всегда было очень живым у эллинов, греческая цивилизация была прежде всего городской: она зародилась среди людей, живших тесными группами, и выводящими на первый план социальные отношения. Каким был греческий город в архаическую и классическую эпоху? Какими бы скромными ни были его размеры, он предстает как столица государства: здесь размещаются основные органы и соответствующие учреждения. Здесь находились святилища для публичных культов, укрепления, обеспечивавшие безопасность граждан во время нападений извне (речь идет об акрополе, использовавшемся в качестве оборонного убежища, или об укрепленной стене, ограждавшей весь город, или о том и другом вместе), главная площадь, или *агора*, служившая рынком для торговых операций и местом политических собраний, здесь располагались жизненно необходимые фонтаны для водоснабжения и, наконец, здания, специально предназначенные для различных административных и судебных органов. Вокруг этих общественных построек, большая часть которых концентрировалась на акрополе или вокруг агоры, беспорядочно разворачивалась сеть улиц, вплоть до V века обнаруживая полное отсутствие какого бы то ни было общего плана города. Только после греко-персидских войн благодаря реконструкции Милета (разрушенного персами в 494 году) появилось первое беспокойство о градостроительстве с применением с прямоугольной или шахматной

планировки. Определяющую роль в этом переходе приписывают архитектору Гипподаму из Милета, который спроектировал план Пирея по заказу Фемистокла и участвовал в основании Фурий в 444—443 годах. Аристотель в своей «Политике» (1267 b) изображает его поглощенным не только архитектурой, но и политической философией; он убежден, что это стремление к рационализации пространства в городах имеет связь с математической мыслью, родоначальником которой считается Фалес Милетский, а продолжателями Анаксимандр и Анаксимен, за что она по праву получила название *милетской школы*. Во всяком случае, эти нововведения касались лишь новых городов и не изменяли облик древних полисов.

Что до остальных, крайнее разнообразие городских площадок изначально не благоприятствовало принятию единого логического плана. Равнинные города, как правило, разворачивались вокруг или у подножия возвышенности, служившей акрополем: это создавало топографические сложности для установления связи между верхним и нижним городом. В горных городах, например в Дельфах, наблюдалась большая разница высот. Не многие полисы в материковой Греции были расположены на морском побережье: ни Афины, ни Спарта, ни Аргос, ни Фивы, ни даже Коринф не были портовыми городами. Даже если берег был близок, как в Коринфе или Афинах, порт был отделен от города, как будто бы греки архаической эпохи с недоверием относились к морю: память о пиратстве, процветавшем в геометрический период, в «Законах» Платона (IV, 704 b и далее) приведет к теоретическому осуждению приморских местностей. Зато большинство колониальных полисов, основанных иммигрантами, прибывшими морским путем, были расположены на берегу. Исключение Килены и Барки, двух крупных ливийских городов, созданных во внутренней части страны, лишь подчеркивает оригинальный характер греческого проникновения в эту часть Африки.

Частные дома контрастировали с обычной пышностью общественных сооружений своими скромными размерами и крайней простотой. Они редко были построены из камня: их стены из необожженного кирпича или самана на каменном фундаменте были легкой добычей для грабителей. Относительно самой ранней эпохе мы почти не имеем информации, но что касается

классического периода, сведения, почерпнутые из источников и результаты раскопок в Олинфе позволяют нам представить греческий дом с определенной точностью. Разрушенный в 348 году войсками Филиппа, город так не был больше заселен: американские археологи постепенно расчистили его руины, так что подробный план нескольких кварталов теперь известен. Речь идет о новых кварталах, проект которых был разработан к концу V века. Поэтому соседствующие дома объединены не в бесформенные группы, как в более древних городах, а в прямоугольные комплексы, разграниченные сетью улиц наподобие шахматной доски: эта квартальная система распространится в эллинистический период, и римляне назовут ее *insulae*. В то время как в Афинах стены домов редко образовывали прямой угол, дома Олинфа, как правило, создавали более или менее правильный квадрат (со стороной в среднем 17 м). На этом участке земли перед южным фасадом простирается двор и служит проходом в комнаты первого этажа, которые окружают его с трех сторон. В северной части двора находится портик (*пастада*), за которым располагаются жилые комнаты частного жилья. Комплекс кладовая — кухня — ванная (*ойкос*), а также приемная (*андрон*) со своей прихожей занимали остальную часть первого этажа. Второй этаж, на который вела деревянная лестница, зачастую находился в северном крыле дома и выходил на галерею над *пастадой*. Кровля была не плоской, как в городах материковой Греции, а представляла собой покрытую желобчатой черепицей двухскатную крышу, объясняющуюся дождливым климатом Халкидики. По источникам создается впечатление, что комнаты второго этажа были женскими апартаментами.

Частный дом в классической Греции являлся основной формой жилья. Конечно, в источниках упоминаются несколько коллективных домов в Афинах в IV веке, которые назывались *синойкией*, в противоположность типичному дому, *ойкии*. Но это было исключением, и высокие дома в несколько этажей получили свое развитие лишь в Риме. Некоторые богатые люди жили в больших многокомнатных виллах с большими дворами с портиками и садами, например, Калий, у которого Сократ встретился с Протагором в диалоге Платона. Но роскошь тут была еще умеренной: напольные мозаики, самые древние из известных нам,

обнаруженные в Олинфе в самых богатых домах, были выложены из черной и белой гальки безо всяких изысков. Стены белились известью либо покрывались цветной штукатуркой с незамысловатым узором. Лишь Алкивиад, фигура настолько же богатая, насколько и эксцентричная, мог позволить себе украсить стены своего дома фресками. Из мебели были сундуки, кровати, столы, стулья и табуретки, а также ковры и занавеси, зачастую привозимые с Востока. Помимо обычной глиняной посуды местного производства в богатых домах имелась расписная керамика высокого качества и металлические вазы, главным образом из бронзы и серебра, которые были большой роскошью для стола. Во всяком случае, опись имущества Алкивиада, проданного после его обвинения в процессе по делу о мистериях, сохраненная в современной записи, не создает впечатления о необыкновенной роскоши. Мы понимаем, что имел в виду Сократ в платоновском «Алкивиаде» (123 в и далее), когда подчеркивал огромную разницу, разделявшую греческих богачей и восточных монархов. Вплоть до классической эпохи истинная роскошь была достоинством богов.

* * *

В городе, как и в деревне, основную массу ручной работы выполняли рабы. В первую очередь они занимались хозяйством в каждом доме, где минимальный штат рабов казался просто необходимым: одни лишь нищие (или, начиная с IV века, философы-кинники) не имели рабов вообще. Помимо домашних дел, рабы также обеспечивали рынок ремесленных предприятий, поскольку о промышленности можно говорить лишь в нескольких очень редких случаях. В качестве исключительного примера можно назвать оружейную мастерскую, которую содержали оратор Лисий и его брат Полемарх в Афинах в конце V века. К тому времени, как при Тридцати тиранах имущество братьев было конфисковано, в их мастерской работало 120 рабов и их запас составлял 700 щитов, по словам самого Лисия («Против Эратосфена» 19). Уже их отец, сиракузянин Кефал, слыл в Афинах одним из самых богатых людей, по сведениям Платона, который говорит о нем в самом начале «Республики». Зато у огромного числа ремесленников и торговцев трудилось несколько рабов. Человек, который,

как инвалид Лисия, занимался мелким ремеслом безо всякой рабочей силой, был действительно близок к нищете.

Впрочем, к ручной работе относились в определенной степени презрительно: сам термин, обозначающий рабочего, *банаос*, имеет негативный оттенок, как и слово *kapelos*, обозначающее мелкого торговца. Тот, кто занимался подобной деятельностью, даже если это настоящее искусство, не пользовался уважением в греческом обществе, даже самом демократичном, например в Афинах. Настоящее занятие, достойное свободного человека, как это хорошо видно у Платона, — это участие в общественных делах: молодежь из знатных семей, окружавшая Сократа, не имела другого устремления, а «либеральное» образование, которое они получали, специально готовило их к этому или, по крайней мере, претендовало на такую подготовку, что Сократ поставил под сомнение. Несколькими годами позже Геродот отметит, что эллины в подражание, как он предполагал, египтянам, считали ручной труд менее почетным (II, 167): в Лакедемонне, уточняет он, это предубеждение было особенно сильным, а в Коринфе — самым слабым. Известно, что в Афинах один из законов Солона предусматривал наказание любого праздного гражданина: но мы не знаем точно, как определяли праздность, и складывается ощущение, что этот закон не изменил общественного отношения к ручному труду. Эти идеи развивались с гомеровских времен: действительно, в «Одиссее» неоднократно подчеркивается мастерство главного героя, чья изобретательность позволяет ему не только командовать войском, но и соорудить кровать, и ни в глазах поэта, ни в глазах слушателей царь Итаки несколько себя этим не унижает — совсем наоборот! Несомненно, тут речь идет не о работе за деньги, которая в глазах классических греков являлась мало достойной уважения, а о независимой деятельности. Тем не менее, если сравнить восхищение Гомера перед плотом или кроватью Одиссея, с презрением, с которым Калликл в «Горгии» Платона (512 с) высказывается в адрес мастерства инженера, мы увидим, насколько со временем изменилось это отношение.

Таким образом, вопреки тому, что можно было бы предположить, на практике такой «демократический» полис, как Афины, испытывал к труду ремесленников не больше уважения, чем аристократические полисы. Несомненно, Перикл, в знаменитой

речи, которую ему приписывает Фукидид (II, 40), настаивает на том, что его родина позволяет ремесленникам и рабочим, если они являются гражданами, участвовать в управлении делами государства: но тот же Перикл, учреждая обычай платить ежедневное вознаграждение (*misthos*) каждому гражданину, занимающему общественную должность, будь то магистраты, члены Совета, судьи или солдаты в военном походе, значительно содействовал тому, чтобы отстранить соотечественников от производительного труда и заставить их искать занятия оплачиваемые скромно, но достаточно для того, чтобы обеспечивать их существование со дня на день. Вот почему в Афинах ручные ремесла все больше и больше перекладывались на плечи рабов и осевших здесь чужестранцев, то есть *метеков*, число которых было велико. Изучение расчетов, связанных с возведением храма Эрехтейон на акрополе и известных нам по надписям, позволяет установить, что среди 107 человек рабочих, число которых смогли установить, только 14 граждан, а остальные — метеки и рабы.

Тем самым раскрывается преимущественно аристократический характер греческого полиса, даже когда он провозглашается народным государством. Понятия «демократия» и «аристократия» осознавались элинами исключительно в приложении к корпусу граждан, более или менее широко участвовавших в делах государства. Но этот гражданский корпус отнюдь не объединял большинство жителей, а лишь привилегированное меньшинство. Исключениями могут быть несколько горных полисов, где жители были слишком бедны, чтобы покупать и содержать много рабов. Но все большие греческие полисы являли подобную картину. Граждане были единственными обладателями не только политических, но и основных гражданских прав, таких как право владения недвижимым имуществом — землями и домами. В отличие от них, поселившиеся здесь иностранцы, «сосуществовавшие» (это непосредственное значение слова «метек»), имели особый статус, дававший им некоторые гарантии: они участвовали в несении финансовых и военных повинностей, которые налагало государство, но не имели никаких политических прав. Спарта не позволяла чужестранцам проживать на ее территории; зато их охотно принимали Афины, где они играли важную роль в производстве, торговле и интеллектуальной жизни. Наконец, под-

невольное население часто было столь же многочисленным, как и гражданское, а иногда и превосходило его.

В Фессалии, на Крите и в Лакедемонии наряду с собственно рабами находится класс крепостных, прикрепленных к земле. В Спарте это были *илоты*, восходящие, вероятно, к народам, покоренным дорийцами во время их прихода в Лаконию или в период отвоевания Мессении: обращенные в полное рабство, они обрабатывали земельные наделы, которые государство выделило их хозяевам-спартиатам. Каждый год объявляли войну с илотами, чтобы держать эксплуатируемых в необходимом страхе: юные спартиаты, проходившие обучение в *криптии*, имели право убить любого илота, повстречавшегося ночью на улице. Эта неограниченная власть, поддерживаемая с абсолютной жестокостью, позволяла гражданам освободиться от любых иных занятий и посвятить себя исключительно военной подготовке. Тем не менее вокруг плодородных земель Лаконии и Мессении, предназначенных только для спартиатов и возделываемых илотами, в приграничных областях Лакедемона проживало население, называемое *перизками* («те, кто живет кругом»). Они не были гражданами, но могли свободно заниматься сельскохозяйственными работами, ремеслом и торговлей, в отличие от спартиатов, с единственной обязанностью служить наряду со спартиатами в лакедемонской армии. Подробности их правового положения плохо известны, но они, вероятно, имели гражданские права (в отличие от метеков в других греческих полисах) и обычно оказывались верными подданными Спарты. Подтверждено существование *перизков* и в других греческих государствах: в Элиде, Арголиде, на Крите, в Кирене, но мы слишком мало знаем о настоящей природе этого населения.

Положение рабов было в принципе везде одинаковым, хотя обычаи на практике могли определять некоторые отличия. Согласно выражению Аристотеля («Политика» I, 3, 1253 b), которое формулирует общераспространенное мнение, раб был лишь «живым орудием» в распоряжении своего хозяина. Теряя свободу, он утрачивал свойство быть личностью, независимо от того, кем он был по происхождению — варваром или греком. Поэтому суд принимал его свидетельские показания, только если он подвергался пытке: принуждение страданием считалось необходимым,

чтобы заставить его говорить правду. Начиная с гомеровских поэм умножаются свидетельства того, что зависимое положение, приобретаемое по рождению или случаю, принижало человека и лишало его всякого достоинства. Раб не имел ни личной жизни, ни семьи. Рабыни безоговорочно служили для удовольствия своему хозяину: пленные троянки, Брисеида, Андромаха и Кассандра подверглись этому унижению, и Аристофан игривым тоном рассказывает о миловидной фракийской служанке, которую запросто насилуют в лесу. Конечно, афинские обычаи, обусловленные в большей степени экономикой, чем заботой о гуманности, вводили в закон некоторые меры, защищающие рабов от чрезмерной жестокости. С другой стороны, некоторые формы религии были к ним благосклонны: они могли приобщиться к ним на Элевсинских мистериях. Здесь элевсинская набожность, хотя и очень сдержанно, открывала дорогу в будущее. Но в целом различие между свободным человеком и рабом в греческом обществе оставалось фундаментальным. Поскольку из-за войн угроза рабства нависала над каждым свободным человеком (сам Платон в 388 году испытал это несчастье, от которого он был избавлен великодушным вмешательством Анникерида из Кирены), человеческая судьба, и без того подверженная стольким страшным опасностям со стороны природных стихий, казалась грекам тем более жалкой: и поэты использовали этот источник трагичности.

Рабы или илоты, метеки или периеки, граждане с их семьями — мы не в состоянии подсчитать соотношение различных элементов в народонаселении полисов. Как обычно это бывает в древней истории, статистические данные почти целиком ошибочны. Но все-таки, чтобы дать хотя бы приблизительное представление, мы приведем примерный расчет относительно Афин и Спарты в эпоху их наибольшего процветания. Расчеты сделаны в соответствии с вычислениями, очень тщательно составленными В. Эренбергом, который сам четко указал предел погрешности, содержащейся в них. В Афинах около 432 года, то есть к началу Пелопоннесской войны, должно было насчитываться примерно 40 000 граждан (вместе с семьями — около 150 000 человек), 10 000 или 15 000 метеков (вместе с семьями — 40 000 человек) и приблизительно 110 000 рабов на все население в целом в 300 000 душ. Лакедемонское государство сразу после греко-пер-

сидских войн, около 480—470 годов, насчитывало абсолютно точно 5 000 спартиатов (15 000 человек вместе с семьями), 50 000 периеков и 150 000 или 20 000 илотов, то есть около 250 000 душ. Многочисленные полисы средних размеров должны были иметь количество граждан близкое к 10 000 человек, которое Аристотель, основываясь на данных опыта, считал идеальным. Учитывая тот факт, что среди привилегированных жителей были такие, кого отстраняли от дел из-за небрежности, неспособности или болезни, можно видеть, как ограничены были рамки греческого полиса: среди населения, состоящего главным образом из лиц, граждански и политически неправомочных, те, кто играл пусть даже незначительную роль, знали друг друга по крайней мере в лицо.

* * *

Рассмотрим теперь граждан, имеющих права, которые, с точки зрения греков, позволяли человеку быть действительно человеком. Они имели гражданство от рождения: по меньшей мере их отец, а иногда также и мать, как того требовал для Афин закон Перикла, относились к привилегированному сословию. Стало быть, именно кровь даровала право гражданства, согласно основным требованиям; здесь в рамках полиса прочно сохранялась древняя традиция рода, к которому определяло человека его рождение. Пожалование подобных прав чужестранцам оставалось привилегией, в предоставлении которой греческие государства не проявляли особой расточительности: эти права были вознаграждением за выдающиеся заслуги или объяснялись исключительными обстоятельствами. Так, народ Афин принял в свои ряды в 409 году человека, который убил Фриниха, главу олигархической партии, возбуждавшего всеобщую ненависть: об этом факте напоминает Лисий в своей судебной речи «Против Агората» (70—72) и подтверждает новая найденная надпись. Чуть позже, в 406 году, чтобы вознаградить метеков, которые служили гребцами в сражении при Аргинусах, им всем сразу было пожаловано гражданство. Наконец, в 405 году в смутной обстановке, которая последовала за разгромом при Эгоспотамах, афиняне даровали право гражданства самосцам, которые оставались преданными им

в это трудное время. Но это были лишь частные случаи или вынужденные ситуации. Обычно в Афинах, как и в других местах, народ ревностно относился к гражданским правам и не стремился распространять их действие среди новых классов населения, но, напротив, старался предупредить это распространение: этим объясняется упомянутый ранее закон Перикла, который ограничивал гражданство в Афинах лицами, у которых и отец и мать были афинянами. На этом основании Фемистокл, например, рожденный от фракийской служанки, не был бы гражданином! Перикл, впрочем, сам был вынужден позднее добиваться специальной уступки в пользу сына, рожденного им от милетянки Аспасии: народ предпочел предоставить ему такую уступку. Что касается Спарты, она оказалась еще более суровой. Геродот сообщает, что прорицатель из Элиды Тисамен и его брат единственные во всем мире получали в Спарте гражданство (IX, 35), и для этого потребовалось исключительное доверие, которое лакедемоняне питали к Дельфийскому оракулу, который предсказал Тисамону пять крупных побед: только поэтому лакедемоняне удовлетворяли просьбам предсказателя, даровав ему и его брату выдающуюся привилегию.

Но одного рождения не достаточно: еще необходимо, чтобы ребенок был признан отцом официально и принят в социальной среде полиса. Пока эта формальность не была соблюдена, в этом праве всегда могли отказать. Существовал обычай оставлять с брошенным младенцем какие-нибудь предметы — браслет или ожерелье, которые, если он выживал, рано или поздно побуждали его узнать о себе правду. Поэты новой комедии, творившие после Еврипида, и романисты более позднего времени часто использовали этот мотив узнавания, который наши литераторы, подражая античным авторам, называли «крест моей матери». В Спарте решение лишить жизни новорожденного возлагалось даже не на отца, а на совет старейшин племени, который после осмотра ребенка либо позволял его воспитывать, если он казался крепким и хорошо сложенным, либо решал бросить его в пропасть Тайгет. В Афинах церемония *амфидромий*, имевшая место на пятый (по «Свиде») или на седьмой (согласно Гесихию) день после рождения ребенка, отмечала официальное вступление новорожденного в семью: женщины дома, которые помогали рож-

дению, брали ребенка на руки и носили вокруг домашнего очага. Это было одновременно ритуалом очищения от грязи, бывшей следствием родов, и принятия младенца в семейный культ. На десятый день ребенок получал имя, по случаю пира, на который приглашали его семью и их друзей. К домашним обрядам относилось и представление ребенка группе, которая являлась наполовину религиозной, наполовину политической, промежуточной между семьей и племенем и называлась *фратрией*. Отныне ребенок имел законное существование.

Воспитание, которое ему предстояло получить, в Спарте и Афинах полностью различалось (сведений о других полисах у нас недостаточно). Юный спартиат, достигнув семилетнего возраста, сразу же включался в комплексную систему коллективного образования, организованную государством. Он переходил из одной возрастной группы в другую под руководством учителей и тренеров, выполняя регулярные упражнения, проходя зачастую трудные испытания и подчиняясь суровой дисциплине, направленной на развитие физической выносливости и духовной силы для воспитания из юноши солдата. Это обучение продолжалось до тридцати лет: даже женитьба не освобождала юного спартиата от совместной жизни с его товарищами. Интеллектуальное образование занимало в этой системе явно небольшое место: оно ограничивалось хоровым пением, изучением национальных поэтов — Алкмана, Терпандра, Тиртея — и обучением требовательной и ограниченной гражданской морали. Отсюда недоверие к риторике, которое поражало остальных греков, склонных к занятиям искусством слова, и заменялось преклонением перед короткими и сжатými сентенциями, которые назывались лакедемонскими афоризмами.

Юный афинянин в возрасте шести-семи лет покидал исключительно женское общество в гинекее и отправлялся в школу в сопровождении раба, называемого *педагогом*. Законы Солона обязывали отца семьи следить за воспитанием своих сыновей: в диалоге Платона «Критон» (49 d) олицетворенные законы вменяют себе в заслугу то, что предписали отцу Сократа обучать его музыке и гимнастике. Учителя в школе жили за их счет и получали от родителей ребенка плату за свои услуги. Грамматист сначала учил читать, писать и считать, потом заставлял учить наизусть

поэмы Гомера, Гесиода, Солона или Симонида: диалоги Платона демонстрируют, какое значение придавалось знанию поэтов для интеллектуального и духовного образования. Учитель музыки обучал игре на лире и даже на кифаре — инструменте более сложном, который требовал соответствующих технических способностей, мало совместимых с традициями либерального воспитания. О двухствольной флейте (*авлосе*), когда-то входившей в систему школьного образования и очень любимой афинской публикой, но изгнанной впоследствии, поскольку она пробуждала очень сильные эмоции, волновавшие душу, вместо того чтобы ее дисциплинировать, рассказывает Аристотель («Политика» VIII, 6, 1341 a—b). Во всяком случае, музыка играла основную роль в воспитании юного грека. Наконец, учитель гимнастики, или *педотриб*, обучал ребенка главным атлетическим упражнениям в специально оборудованных для этого зданиях, которые назывались *палестрами*. С пятнадцати лет юноша часто посещал общественные *гимнасии* в Академии, Ликее или Киносарге, где находились сооружения, похожие на те, что были в частных палестрах, а также беговые дорожки, сады и залы для собраний, где философы и софисты располагались для встречи со своими учениками после физических упражнений. После двух лет эфебии юноши продолжали приходить в гимнасии, любимое место тренировок, отдыха и встреч. Весьма древние законодательные постановления предписывали правила управления атлетическими организациями, назначая часы открытия и закрытия, подавляя с образцовой строгостью попытки краж и сохраняя свободным людям право посещения этих мест.

Здесь нельзя избежать упоминания о нравах, которые обаяны своей сомнительной славой определенной части греческой литературы: речь о любовных отношениях между мужчинами и юношами, которые обозначают словом «педерастия». Эти отношения пользовались в эллинистическом мире некоторым престижем из-за социального положения его сторонников и дарования Платона. Иногда серьезно ошибаются, думая, что они были широко распространены в греческом обществе и не вызывали осуждения. Конечно, сексуальная мораль эллинов никогда не была суровой, за исключением того, что касалось измены супруги и ее соучастника. Но если нравы безоговорочно допускали содержание сожительницы или частое посещение куртизанок, то они не

езде были столь снисходительны, когда речь шла о противоестественной любви. Здесь нужно признать различие между государствами. В некоторых дорийских полисах, в Спарте, на Крите, а также в Фивах, где юноши доверялись заботе взрослых, обремененных обязанностью воспитать из них воинов, такое «военное товарищество» с древнейших времен благоприятствовало рождению «личной» привязанности, которая сопровождалась физической близостью. Эти личные связи иногда поощрялись ради укрепления духовной сплоченности элитных боевых отрядов, например в «священном отряде» фиванцев в эпоху Эпаминонда. Философы искали впоследствии объяснение этого странного обычая: Аристотель в своей «Политике» (II, 10, 1272 a) полагал, что законодательство на Крите оправдывало гомосексуализм как способ избежать перенаселенности. Но в Афинах и остальной части греческого мира этот порок был привилегией незначительного меньшинства, которое очень энергично осуждалось общественным мнением. Аристофан при каждом удобном случае критиковал соотечественников, чья извращенность была известна: он не поступал бы так, не будучи уверен, что встретит благосклонный отклик публики. Педерастия развивалась в среде аристократии, но не в народе. Именно в угоду этой богатой клиентуре аттические гончары в конце архаического периода надписывали на своих вазах возгласы одобрения в честь красивых мальчиков. Известно, что Гармодий и Аристокритон были связаны влечением друг к другу, и главной причиной убийства тирана Гиппарха была любовная обида, а не любовь к свободе: но это не помешало демократии прославить *тираноубийц*. В эпоху Пелопоннесской войны гомосексуализм распространился в тайных аристократических обществах, или *гетериях*. Судебный процесс над Сократом, как мы видели, отражает неприязнь и презрение, которые народ Афин испытывал к этим юным распутникам. Вся сила искусства Платона и его старание обнаружить некую пользу в этих перверсиях не могли скрыть естественного отвращения, которое они вызывали у большей части общества. Законы Афин были суровы в наказании за соращение подростков: изнасилование раба каралось так же, как изнасилование свободного ребенка, — столь сильно общественная мораль осуждала само это действие. Когда в 345 году оратор Эсхил вознамерился опорочить Тимарха, друга

Демосфена, который помогал ему в возбуждении политического процесса, он обвинил его в безнравственности и добился его полного унижения перед законом и перед общественным мнением: достаточно прочитать «Против Тимарха» и пьесы Аристофана, чтобы понять, какие на самом деле чувства испытывал афинский народ по отношению к педерастии. К тому же на старости лет божественный Платон, волк, превратившийся в пастуха, пытался исключить из «Законов» (VIII, 836 b и след.) противоестественную любовь, осознав, что она была не совсем совместима с достижением добродетели!

* * *

Греческий полис имел двойственную суть — географическую и человеческую: оно одновременно соответствовало определенной территории, как правило единственно занимаемой, и группе людей, сословию граждан. Из этих двух аспектов единого политического образования второй был самым важным: здесь заключается существенное отличие от современного понятия родины, которое в наших глазах тесно связывается с землей. Греческий же полис — это прежде всего единство людей, которые его составляют. Поэтому официальное название, которое он носил в текстах, было не названием страны или города, а именем народа: говорили не «Афины», но — «афиняне», не «Спарта», но — «лакедемоняне», не «Коринф», но — «коринфяне», и так далее. Это не значит, что греки не чувствовали эту простейшую форму патриотизма, которая выражается в привязанности к земле и родному городу: их ораторы и поэты придавали этому чувству трогательную и чудесную выразительность, которая до сих пор является для нас образцом. Но в исключительных обстоятельствах они думали, что главное — это не земля, а люди, и старались спасти полис, даже после утраты территории, если гражданский коллектив был сохранен и мог возродить в другом месте свои традиции и культуры. Когда полководец Гарпаг по поручению Кира отправился покорять Ионию, он осадил Фокею; тогда фокейцы, по рассказу Геродота (I, 164 и далее), видя, что сопротивление бесполезно, «спустили на воду свои пентеконторы, посадили туда детей и женщин со всеми вещами, а также погрузили статуи богов, взятые из

святилищ, и все приношения, за исключением бронзовых и каменных скульптур и картин. Завершив погрузку, они сами сели на борт и отправились на Хиос». Оттуда они двинулись на запад, чтобы основать полис Алалию на восточном берегу Корсики. Народ города Теос поступил так же и обосновался во Фракии, на месте Абдер, древней колонии Клазомены, которую первые колонисты вынуждены были покинуть. В 480 году, в тот момент, когда персы заняли Афины, Фемистокл, от имени афинян, укрывшихся на Саламине, пригрозил спартанскому адмиралу Эврибиаду, который командовал греческим флотом, что покинет союз, если тот откажется дать сражение: «Если ты не сделаешь то, что я предлагаю, мы безотлагательно отправимся вместе с нашими семьями в Сирус, что в Италии, в город, который уже давно наш и где, согласно оракулам, нам нужно основать колонию». Шантаж имел успех и привел к победе при Саламине. Но если бы афиняне действовали в соответствии с его планом, они бы не чувствовали, что их гражданский коллектив разрушен: афинский полис поменял бы лишь территорию и, следовательно, название, но люди, которые его составляли, сохранили бы на новой земле достоинство граждан греческого полиса.

В принципе каждый гражданин принимал участие в управлении государством и чувствовал себя непосредственно связанным с ним настоятельной необходимостью. Тем не менее это не значит, что полис и индивид поддерживали в любых ситуациях прямые отношения без посредников. Действительно, в каждом полисе гражданин имел отношение к весьма ограниченным группам, роль которых была одновременно религиозной и политической и которые служили средством связи между государством и частными лицами. Вне семьи, в узком смысле слова, существовали традиционные кланы дворянского характера, которые были связаны с более или менее мифическим предком и обнаруживали свою сплоченность в общих культах. Разумеется, по крайней мере в Афинах, эволюция, которая завершается возникновением классического полиса, главным образом была направлена против авторитета бывших всемогущих когда-то предводителей кланов: именно так, как мы видели, нужно понимать законодательство Дракона об убийстве. Различные законы против роскоши и чрезмерных расходов, которые подвергли проскрипции всю

непомерную пышность в погребениях, в равной мере имели целью помешать знатым семьям соперничать, выставляя напоказ свои богатства по случаю каждой траурной процессии. И все же принадлежность к знаменитому *роду* оставалась в Афинах классического периода предметом славы и гордости. Перикл по отцу Ксантиппу был членом *рода* Бузигов, а по матери был связан с кланом Алкмеонидов, который боролся против Писистрата в предыдущем веке и член которого, Клисфен, преобразовывал афинскую демократию. В IV веке оратор Ликург, игравший ведущую роль в Афинах в течение двенадцати лет после битвы при Херонее, происходил из *рода* Этеобутадов, еще одного древнейшего семейного клана, который имел по известной традиции жречество Посейдона Эрехтея (которое лично отправлял Ликург) и жречество Афины Полиэи, то есть служил двум славным богам в Эрехтейоне, самом почитаемом святилище Афин. Из этих примеров видно, какой престиж имели еще в ту эпоху семьи, обозначаемые родовым именем «эвпатриды» — «знать».

Все граждане отнюдь не принадлежали единственно к *роду*. Но все были объединены в группы религиозного и гражданского характера, которые нам очень плохо известны: «товарищества», или *гетерии*, которые обнаруживаются на Крите, на острове Фера, в Кирене и которые нельзя смешивать с политическими объединениями с тем же названием, сыгравшими свою роль в Афинах во время Пелопоннесской войны; «братства», или *фратрии*, которые были гораздо более широко распространены и которые, как мы это видели, заботились о соблюдении прав гражданства: отец записывал законных или приемных сыновей в книгу записей фратрии, а молодожен представлял свою жену членам группировки.

Тем не менее афинская конституция Клисфена, не отнимая у фратрий их привилегий, создала наряду с ними подразделения полиса на территориальной основе — *демы*, городские кварталы или сельские округа, которые стали основными элементами гражданского устройства. С этого времени принадлежность к полису официально определялась записью в книгах дема, которые играли роль актов гражданского состояния. Эта формальная процедура происходила по достижении юношей восемнадцатилетнего возраста и одобрялась голосованием граждан, которые составляли дем, *демотов*: после записи юный афинянин становился эфебом. Его

официальное имя отныне состояло из собственного имени и следующих за ним именем его отца в родительном падеже и прилагательного, которое обозначало его дем, свидетельствуя, таким образом, о его достоинстве гражданина: Перикл, сын Ксантиппа, из дема Холарга (в восточном пригороде Афин); Демосфен, сын Демосфена, из дема Пэания (современный Лиопеси в Месогее).

Помимо распределения на фратрии и демы большинство греческих полисов сохранила старое деление гражданского общества на племена. Как указывает сам термин, племя (*фила*) имеет этническую или генетическую основу. Оно зачастую отражает древнее деление греческого народа до его прихода в бассейн Эгейского моря: так, в дорийских полисах зачастую обнаруживаются три традиционных дорийских племени — гиллеев, диманов и памфилов. Иногда к ним добавлялись другие племена, составлявшие первоначально недорийское население: например, в Сикионе было четвертое племя эгиалейцев. Геродот нам рассказывает (V, 68), что в начале VI века тиран Клисфен, принадлежавший к этому последнему племени, переименовал его в «племя вождей» (*архелаи*) и приписал трем дорийским племенам оскорбительные наименования, образованные от двух греческих слов, обозначающих свинью (*Hyatai* и *Choiratai*), и от слова осел (*Oneatai*): эти новые названия были в употреблении более шестьдесят лет после смерти тирана, прежде чем уступили место прежним наименованиям. В ионийских полисах чаще всего присутствовали четыре ионийских племени (*гелеонты*, *аргады*, *эгикорейцы* и *гонлеты*), иногда дополнявшиеся, как в Милете, другими племенами. Афины до конца VI века знали лишь четыре ионийских племени. Но после падения Писистратидов Клисфен Алкмеонид, родственник тирана Сикиона, заменил их десятью племенами, созданными по территориальному принципу и представлявшими собой лишь группировки демов. Дельфийский оракул, называя героев-эпонимов этих новых племен, поручился за реформу, политическое значение которой было велико, поскольку она ломала старые границы и традиционную солидарность, чтобы объединить весь народ Аттики целиком в новую организацию. Этот способ уже принес плоды другим реформаторам: когда в середине VI века Демонакс из Мантиней был привлечен для создания законов в Кирене, он заменил дорийские племена, образованные до основания

колонии, тремя новыми племенами, между которыми распределил группы людей разного происхождения, составлявшее тогда население великого африканского города.

Роль племени в архаическом и классическом полисе всюду, где это деление существовало, была необычайно важной. Не только члены племени были объединены отправлением общих культов, таких как культ героев-эпонимов, но главное распределение общественных, политических, судебных, военных и налоговых повинностей происходило в рамках племени. Именно в Афинах мы лучше всего видим эту внутреннюю организацию государства. Великое множество магистратур здесь были коллегиальными, и в каждой коллегии число магистратов равнялось числу племен (десять при Клизфене) или было кратно ему. То же правило существовало для структуры судебных заседаний. Комплектование войска с незапамятных времен основывалось также на этом разделении гражданского коллектива, которое старательно поддерживалось в войсковых частях пехоты или кавалерии: так, эскадрон, предоставленный каждым племенем, сам назывался «племенем», *филой*, и командовал им *филарх*. Уже у Гомера Нестор советовал Агамемнону:

Воев, Атрид, раздели ты на их племена и колена;
Пусть помогает колено колену и племени племя¹.

Илиада, II, 362—363

Сила греческого войска в действии (здесь мы не говорим об использовании наемников) связывалась с поддержанием гражданских основ военных формирований. В налоговой сфере именно по племенам было организовано распределение большей части прямых повинностей, лежавших на частных лицах и называвшихся *литургиями*: эти общественные затраты, расходы на которые богатые граждане несли поочередно, обеспечивали племенам престиж, когда речь заходила о состязании, в котором участвовали соревнующиеся лично, но от имени племен гимнасиархи или хорегии. Таким образом, в повседневной жизни гражданин постоянно находился призванным к солидарности с членами его

¹ Перевод Н. Гнедича.

группы. В этом смысле, огороженное место героев-эпонимов на агоре, где покровители десяти племен были изображены все рядом, являлось своеобразным символом афинского государства: именно здесь выставлялись официальные объявления, относящиеся как к военным, так и к гражданским делам. Наконец, когда полис торжественно хоронил погибших в боях, каждое племя объединяло останки близких в один деревянный гроб из кипариса, и имена погибших за родину гравировались на мраморе в порядке очередности племен.

Собрание (*эκκλeсия*) объединяла в принципе всех граждан, обладавших политическими правами. Поскольку она не могла собираться часто, за делами следил совет в сокращенном составе: обычно он носил название *буле*. В случае, когда он состоял из старейшин полиса (*геронтов*), он назывался *герусией*. Случалось, что *буле* и *герусия* сосуществовали. Что касается магистратов, они следили за управлением различных общественных служб и исполняли решения собрания и совета. Нам известно, что они часто образовывали коллегию на основе представительства племен. Теоретически эта система сочетала форму прямого правления (решения, принятые собранием) с зачатками полупредставительного правления (деятельность совета), а магистраты были постоянно под контролем совета и — периодически — собрания. Классический греческий мир, как это доказано, почти не знал системы собственно представительства, при которой представители, назначенные народом, обладают полнотой власти и могут действовать от своего имени без обязанности отчитываться: только такие редкие федеральные государства, как Беотийский союз, могли реализовать такую систему. Но в большинстве полисов подлинная власть принадлежала либо одному или нескольким сокращенным советам (тогда режим приобретал аристократический или олигархический характер), либо собранию, более или менее действенно руководимому *буле* (это случай демократических режимов, подобных афинскому).

Хотя теоретики вслед за Аристотелем старались классифицировать, насколько это было в их силах, различные типы устройства греческих полисов, никто из них не мог представить хотя бы один их режимов в чистом виде. Это скорее вопрос политической философии, который позволяет определить их через бесконечное

многообразии. Известно, что ученики перипатетической школы и ее глава посвятили монографии ста пятидесяти восьми типам организации греческих и варварских государств. Согласно «Конституции Афин», которая сохранилась до наших дней благодаря папирусу, каждое из этих сочинений включало в себя историю предшествовавших институтов и описание их современного состояния. Можно предположить, насколько сложным должно было быть взаимное влияние институтов на протяжении веков в предельно разделенном на участки эллинистическом мире. Если и кажется, что мы достаточно хорошо знаем функционирование устройства Афин и несколько хуже Спарты, мы не должны упускать из виду, что устройство всех остальных полисов, которое большей частью ускользает от нас, имело свое своеобразие и каждый раз следовало собственной эволюции.

Без сомнения, было бы ошибкой пытаться определить основную тенденцию, которую прогресс наших знаний может оспорить. Скажем только, что аристократические режимы сохраняли право доступа представителям знатных семей в различные советы и давали преимущество пожизненного назначения: таким был совет Ареопаг в Афинах до реформы Солона. Роль народного собрания тогда сводилась к более или менее стихийному одобрению решений, принятых членами совета. Впрочем, были предусмотрены меры ограничения числа полноценных граждан: например, в Фивах, возможности быть избранным лишался любой гражданин, торговавший на агоре менее десяти лет, то есть практически все мелкие сельские собственники. Олигархические режимы отличались лишь методом, применявшимся для избрания меньшинства, которое внутри гражданского коллектива брало в свои руки бразды правления: здесь учитывалось не столько социальное происхождение, сколько богатство, которое признавало законным некое обновление элит. Для доступа в совет и в магистратуры и даже для того, чтобы разрешить участие в собрании устанавливался ценз. В зависимости от остроты социальной проблемы олигархия принимала свирепый либо умеренный характер и меры, ограничивающие число привилегированных граждан, были более или менее суровы. Аристотель перечисляет хитрости, предназначенные для того, чтобы отвлечь интерес народа от общественных дел: надо отдать должное находчивости поли-

тических мыслителей, которые придумали эту форму псевдодемократии, фактически являющейся олигархией.

Истинная демократия могла иметь и в самом деле обычно имела органы, достаточно похожие на институты аристократических или олигархических режимов, но эти институты здесь функционировали в совершенно ином духе. *Экклесия* регулярно собиралась, и все граждане имели возможность там присутствовать и располагали полной свободой в произнесении речей; она строго контролировала деятельность магистратов и совета; она решала все важные дела постановлениями, голосуя поднятыми руками после публичного обсуждения; следовательно, она осуществляла прямое правление, руководимая мнениями ораторов, которые направляли ее политику. Именно на эту единую систему распространяется замечание Фенелона: «У греков все зависело от народа, а народ зависел от слова». В афинском государстве, как мы хорошо знаем, в классический период собрания *экклесии* проходили четыре раза в *пританию*. *Пританией* называли промежуток времени в 35 или 36 дней, в течение которого пятьдесят *булевтов* (или членов совета) от каждого племени составляли постоянную комиссию (на дежурстве) при *буле* и носили звание *пританов*: если племен было десять, установленный законом год делился на десять *пританий*. Таким образом, *экклесию* созывали регулярно все 9 или 10 дней, не исключая праздников или тяжелых дней, которые могли нарушать этот ритм. Такое частое повторение объясняет и решающее участие собрания в управлении делами, и незначительное соотношение граждан, которые могли освободиться, чтобы присутствовать на столь многочисленных заседаниях. Не существовало необходимого кворума, кроме исключительных случаев, как для процедуры *остракизма*: в этом случае нужно было 6 000 поданных голосов (от примерно 40 000 граждан). Но присутствующих обычно было не так много. Таким образом, мы еще раз видим, насколько обманчивой была древняя «демократия»: несмотря на уловки, такие как *misthos ecclesiasticos*, жетон для получения вознаграждения за присутствие на заседании, который учредили в IV веке, чтобы привлечь граждан к участию в собрании, возмещая расходы за потраченное не на работу время, несмотря на вмешательство полицейской стражи (скифских стрелков), которая подгоняла прохожих в направлении Пникса,

и несмотря на то, что теоретически гражданин мог прекрасно заниматься управлением государства, оно, тем не менее, было отдано на усмотрение меньшинства праздных горожан, которых привлекали заботы об общественной пользе, авторитет оратора или соблазн денежного вознаграждения.

Каким бы мало представительным оно ни было в действительности, это меньшинство, тем не менее, ревностно относилось к преимуществам, которые демократическое устройство представляло народу; именно в народе была заключена верховная власть и правосудие. Вот почему его воля должна была осуществить одно и распределить другое.

Чтобы создать благоприятные условия для исполнения народной воли, Клисфен или один из его наследников придумали институт, который был применен в первый раз в 487 году, — *остракизм*: каждый год в шестую пританию *экллесия* решала, требуется или нет приводить в действие эту меру. В случае утвердительного ответа, приступали к голосованию, для которого использовали в качестве бюллетеня керамические черепки (*острака*) — отсюда сам термин *остракизм*. Каждый голосующий писал на своем черепке имя политика, которого желал изгнать. Тот, кого выбирало большинство, ссылался из Афин на десять лет, оставляя, таким образом, свободное место соперникам. В течение V века *остракизм* был применен к множеству влиятельных политических лиц, представлявших меньшинство в обществе, среди которых были Аристид, Фемистокл, Кимон и Фукидид, сын Мелесия, изгнание которого в 443 году предоставило Периклу право управлять Афинами по-своему. Ныне найдены, в основном при раскопках на агоре, более 6000 исписанных черепков, содержащих шестьдесят разных имен, среди которых фигурируют известные люди, подвергавшиеся *остракизму*. Эти незначительные документы свидетельствуют о силе политической борьбы в Афинах V века и степени просвещенности, достигнутой в среде граждан, где почти все умели писать кистью или граверным резцом. *Остракизм* вышел из употребления после 417 года, когда стало ясно, что интриги партий подгасовывали законную борьбу.

Роль демократических судов, однако, была значима, как и роль собрания: хозяин своего голоса в суде, человек тем самым становился хозяином всей политической жизни в полисе, как это

справедливо замечает Аристотель в своей «Конституции Афин» (IX, 1). Общее понимание демократов выражается лучше всего в возгласах толпы во время печального процесса об осуждении стратегов, победивших при Аргинуссах: «Это возмутительно, если хотят препятствовать народу делать то, что ему угодно». Почтенный Ксенофонт повторил здесь демагогов своего времени («Греческая история» I, 7, 12). Один Сократ, являвшийся тогда пританом, имел твердость до конца отстаивать авторитет закона перед народным неистовством. Но это было напрасно, и афиняне впоследствии вынуждены были жестоко поплатиться за это проявление бесконтрольной ярости, в которой они почти сразу и раскаялись, но было слишком поздно.

Угроза со стороны системы была, очевидно, в непостоянстве и легковёрности толпы, которой искусные ораторы могли управлять по-своему, посредством грубых аргументов или поспешных эмоций. Последовательная и постоянная политика почти не могла получить одобрения собрания, если только ее не представлял человек, способный добиться благосклонности толпы и сохранить ее: исключительная заслуга Перикла была именно в способности удерживать это на протяжении почти тридцати лет, в течение которых он довел силу и процветание Афин до апогея. Но это чудо не повторилось, и впоследствии самое богатое из греческих государств пережило упадок и порабощение из-за того, что не сумело принять и поддержать решительную политическую линию. История его столкновения с Филиппом без снисхождения показывает неспособность афинской демократии, в той форме, которую она приняла в IV веке, противостоять серьезной внешней опасности. Тогда как государь Македонии в течение двадцати лет упорно осуществлял свой замысел, используя в зависимости от обстоятельств то хитрость, то силу, умея при случае либо уступить, либо завязать переговоры, чтобы затем немедленно возобновить свое движение к цели, которую он себе наметил, — народ Афин, увлекаемый противоречивыми советами, переходил от равнодушия к тревоге и от тревоги к упадку духом; он хвалился, что полумерами предотвратит опасность, которую соглашался признать лишь наполовину; долгое время он не мог выбрать между опасной дружбой с государем и открытым соперничеством; и когда после стольких лет игнорирования угрозы,

которая возростала против его интересов и независимости, он решился, наконец, дать сражение, это смелое решение пришло слишком поздно и могло привести лишь к катастрофе. Однако, если судить по превосходству средств, которыми они располагали в борьбе против Филиппа, как и в Пелопоннесской войне, Афины с точки зрения логики могли бы восторжествовать, если бы устройство их институтов не приговорило их к бессилию.

Сознавая нежелательные последствия демократии, многие ораторы и философы в самих Афинах стремились противопоставить бессилию и легкомыслию собственного народа серьезность и гражданскую доблесть спартиатов, давших пример незыблемых институтов с тех пор, как в очень далекое время, вероятно в конце IX века, легендарный Ликург составил для своих сограждан *рентру*, или основной закон, описывающий главные черты системы. Даже если в действительности эти вещи происходили не так быстро и не так просто, как сообщают предания, постоянство лакедемонских институтов в классическую эпоху — установленный факт. Это устройство имело целью предупредить любое изменение, и оно действительно его преупреждало.

Политическая организация Спарты была основана на решающем и исключительном влиянии военного сословия, спартиатов, на периеков и илотов. Эти привилегированные люди сами себя называли *равными*: единственные имеющие гражданские права, они существовали благодаря лучшим землям Лаконии и Мессении, которые для них обрабатывали илоты. Каждый спартиат собирал доходы с земельного участка, или *клера*, который был к нему приписан. Воспитывавшийся с детства в строгой коллективной дисциплине, гражданин после своего совершеннолетия продолжал послушно исполнять обязанности: он жил совместно со сверстниками до своего тридцатилетия, имея право только на супружескую жизнь. После тридцати лет он получал большую свободу и имел собственный дом: но он по-прежнему ежедневно принимал пищу с членами своей воинской группы и до достижения полных шестидесяти лет усиленно тренировался. Понятно, что социальное превосходство, постоянно сдерживаемое таким образом, придавало лакедемонским батальонам тактическую и духовную сплоченность, которая вызывала всеобщее восхищение и так часто приносила им победу.

Устройство Спарты соединяло элементы, заимствованные из различных общественных режимов греков: монархии, аристократии, демократии. Два наследственных царя, принадлежавшие к двум семьям, Агиадам и Еврипонтидам, обладали в принципе исполнительной властью. Но их авторитет проявлялся свободно только в военной сфере, и армия в военных операциях обычно шла в бой под командованием одного из царей. Для важных политических решений был создан совет из 28 старейшин, *герусия*, который разделял ответственность власти и служил Верховным судом справедливости. *Геронты*, которые в него входили, были старше шестидесяти лет и назначались пожизненно собранием граждан: то, насколько громкими были приветственные возгласы, которыми приветствовали каждого кандидата, позволяло жюри решить, кого из них избрать. Собрание спартиатов, *апелла*, которое выбирало магистратов с помощью такой же примитивной процедуры, регулярно собиралось, чтобы выслушать отчеты, которые ему должны были делать органы власти государства, и чтобы одобрить решения, которые они предложили: *апелла* их не обсуждала, а демонстрировала свое согласие с их начальниками, которые могли, таким образом, в трудных обстоятельствах пользоваться моральной поддержкой, оказываемой собранием граждан.

Осторожности, предпринятые в отношении права преемственности двойственной наследственной царской власти, мы обнаруживаем в элементах спартанской системы: совете и собрании, заимствованных у других греческих полисов. Именно в их применении проявляется оригинальность Лакедемона. *Апелла* на самом деле не могла препятствовать воле магистратов. Все предусмотрено для того, чтобы обеспечить исполнение сильной власти, которая первоначально была в руках двух царей и которую начиная со времени Ликурга герусия делила с ними. Но, кроме того, коллегиальная и ежегодная магистратура, *эфоры*, играла решающую роль в государстве. Пять эфоров, или «надзирателей», были созданы после Ликурга. Избранные *апеллой* из своей среды, они надзирали от имени всего народа одновременно за деятельностью царей, которые клялись перед ними управлять по законам, и за соблюдением гражданами традиций в частной и общественной жизни. Ответственные за благосостояние граждан, они

обладали всей властью для того, чтобы ее обеспечить собственными решениями без посторонней помощи: наставления магистратам, порицания, различные поощрения. Все трепетало и склонялось перед ними, кто не отчитывался никому, кроме своих премников в этой высшей магистратуре: впрочем, долгое время они действовали в соответствии с глубинными чаяниями сограждан.

Это замкнутое общество, гордое, сплоченное, решительно консервативное, желало любой ценой оградить себя от напастей извне. Начиная с середины VI века оно отвергало всякую красоту искусства и архитектуры. Стремясь сохранить себя изнутри, оно объявило вне закона торговлю и даже хождение серебряной монеты. Его амбиции ограничивались стремлением удержать под своей властью Мессению — хлебный амбар, который кормил его военное сословие, поддерживать господство на Пелопоннесе ценой непрерывных операций против Аргоса и полисов Аркадии и, наконец, не допустить любой попытки гегемонии в материковой Греции — независимо от того, шла ли речь о персидском вторжении, афинских претензиях на доминирование или политике Эпаминонда, в противостоянии с которой оно себя истощило. Эти последовательные, твердые, но в высшей степени ограниченные замыслы долгое время увенчивались успехом: но они не обеспечили ни экономического расцвета, ни культурного авторитета. Кроме того, медленно и постепенно разрушалась сама основа спартанского государства: принцип равенства граждан, основанный на владении одинаковыми участками земли, постоянно страдал. Сами победы Спарты повлекли за собой приток необыкновенных богатств. Об этом говорит Сократ юному Алкивиаду в одноименном диалоге Платона (123 а): «о деньгах, которые приходят в Лакедемон, можно сказать то же, что говорит лиса льву в басне Эзопа: следы, идущие в город, очевидны, но тщетно было бы искать обратных». Вопреки строгим наставлениям традиции, желание собственности, скрытое под мнимой суровостью, соблазняло спартанцев. На заре V века милетиец Аристагор, желавший добиться военной поддержки Спарты в мятежах в Ионии, пытался подкупить царя Клеомена богатыми подарками и перспективой добычи: и только знак богов в виде слова ребенка — собственной дочери Клеомена — заставил царя прогнать просителя. Растущее желание накапливать частные богатства привело

к сосредоточению земельной собственности в руках меньшинства, что противоречило предписанному законом равенству. Большое число спартанцев, неспособных делать взносы на совместные трапезы, было исключено из сословия Равных и перешло в сословие Низших. Количество полноправных граждан постоянно уменьшалось в течение V и IV веков: от приблизительно 5000 человек после греко-персидских войн до менее 3000 ко времени битвы при Левктрах в 371 году, по оценкам В. Эренберга. Эта медленная, но неуклонная убыль гражданского коллектива уже самими древними расценивалась как смертельная болезнь, которой была поражена Спарта и которую называли *олигантропия*, то есть нехватка людей. В Спарте эта нехватка препятствовала проведению какой-либо крупной политики, даже если бы традиционная ограниченность взглядов лакедемонского правительства ее допускала.

* * *

Олигархические или демократические, политические режимы греческих полисов были придуманы для узких обществ и, как показывает история, практически не предполагали ни стремления к грандиозным замыслам, ни образования больших государств. Зато эти режимы благодаря исключительному разнообразию впервые четко определили отношения между государством и гражданином, заложив таким образом сами основы всех современных политических систем. Эти отношения были основаны на законе, который мог быть письменным или устным, мог приписываться традицией божественному вмешательству или зависеть от человеческой инициативы. Только тираны, в том смысле, который это слово приобрело в классический период, правили вне законов: именно такое отсутствие опоры на традиционные законы гораздо больше, чем суровость и жестокость власти, характеризует тиранию. Зато каждый полис, приобщенный к культуре, каким бы ни был его режим, имел целью осуществить идеал совместной жизни, регулируемой хорошими законами: этот идеал назывался *евномия* — гармония в законе, хороший порядок, вдохновленный мудростью. То, что реальность редко приближалась к этому идеальному совершенству, не мешало

грекам искренне стремиться к нему самыми разными способами, в основе которых всегда лежал один основной элемент — искреннее согласие каждого гражданина с главными правилами полиса. Эти правила выражались в гражданских культах и в законах, или *номах*, которые имели отношение к религиозному почитанию. Конечно, юридические понятия, первоначально чтимые как священные, имели тенденцию постепенно превращаться в мирские. Но в классический период всегда существовало тесное родство между представлением о беззаконии и святотатстве. Благодаря знаменитому олицетворению законов в «Критоне» Платона видно, насколько самые великие умы афинян на заре IV века почитали законы как божественную сущность.

Законы имели целью спасти человеческие отношения от насилия и произвола. Они должны были привести к воцарению в государстве Согласия и Справедливости, *Дике*, гарантией которых была бы покорность их власти каждого гражданина. Конечно, были софисты, которые выступали против самих понятий Справедливости и Закона, противопоставляли их Природе и Обычаю, считали, что законность, как плод договора, — это нарушение взаимодействия природных сил, и переосмысливали формулу Пиндара: «Закон царствует над всеми существами, смертными и бессмертными». Но эти тонкости, предоставлявшие философам богатый материал, не оказывали существенного воздействия на большую публику, и ораторы IV века в своих политических речах и судебных спорах не переставали декларировать уважение к законам, как к хранителям добрых нравов и защите граждан.

Разнообразие этих законов было исключительным: разделения на общественное и частное право почти не существовало в архаической и классической Греции. Любое действие гражданина могло интересовать полис, который в лице законодателей вмешивался в самые различные сферы. Он заботился, впрочем, не столько о том, чтобы обнародовать правила, сколько о том, чтобы предусмотреть действительные меры для решения конкретных проблем. Вот почему связь этих мер не всегда была безукоризненна. Не то чтобы греки не умели составлять кодексы: мы имеем один из них в его оригинальном тексте, почти полном благодаря монументальной надписи первой половины V века в Гор-

тине, на Крите, высеченной большими буквами на огромном блоке каменной кладки. О других сборниках есть упоминания в текстах: известно, например, что афинские кодексы, свод законов Салона или так называемый свод Никомаха (который был высечен в конце V века), можно было увидеть в надписях, а не только в архивах. Согласно требованиям основного правила, любой новый закон переписывался на стелу. Таким образом, законодательство было легко доступно публике. И все же греки в классический период не были столь хорошими юристами, какими впоследствии предстанут римляне, и не стремились систематически упорядочить собрания этих разрозненных текстов. Логографы, которые составляли судебные речи для сторон, синегоры, которые оказывали бесплатную помощь своим друзьям собственным красноречием, и ораторы, которые защищали предложения перед собранием граждан, очень искусно обращались с текстами законов, чтобы укрепить ими свои доказательства. Но они оставляли философам заботу о создании систем, которые, впрочем, подсказывала сама современная реальность, как в случае с «Законами» Платона. Здесь решающую роль сыграло также разделение эллинистического мира на великое множество независимых политических единиц: местные юридические особенности полисов не создавали большой необходимости в упорядочении права, которую могло породить основание большого государства.

Среди этих юридических мер, большая часть касалась статуса личности и имущества, закрепляя, таким образом, привилегированное положение полноправных граждан относительно женщин, которые всегда имели второстепенное значение, граждан или жителей низшего статуса (если таковые имелись, как в Спарте), иностранцев и рабов. Они четко определяли права и обязанности индивидов по отношению к гражданскому коллективу. Они фиксировали уголовные санкции и процедуру урегулирования споров между частными лицами или наказания преступлений против государства. Но помимо этих предписаний гражданского, политического и судебного порядка, полис принимал законы также и в экономической сфере. Одной из своих главных привилегий он считал чеканку монеты: выпуск полисом собственных денег свидетельствовал о его независимости, и оригинальные символы, которые он использовал, служили его эмблемой — здесь можно

говорить о настоящих «гербах» городов. Отсюда исключительное разнообразие греческой нумизматики.

Именно поэтому полис приводил в порядок метрологию со всех ее сторон. Он установил календарь, который изменялся от города к городу и основными ориентирами которого являлись религиозные праздники, отмечаемые коллективом. Названия месяцев обычно производились от имени богов или названий главных празднеств. Несмотря на исключительное внимание к астрономическим явлениям, грекам не удавалось решить проблему, которую вызывало расхождение между солнечным и лунным календарем: хитрости, применяемые для того, чтобы восстановить между ними согласие, все время ставились под сомнение, принося незначительные успехи, и Аристофан насмехался над *метеорологами*, которые, не умея придать порядок нормальному ходу дней, все перевернули вверх дном («Облака» 615). Еще большие сложности возникли, когда административный календарь, как календарь *пританов* в Афинах, дополнился астрономическим и религиозным календарями.

Большие проблемы существовали также в весах и мерах, которые гражданские власти силились уточнить для удобства обменов и верности торговых сделок. Благодаря археологическим раскопкам были обнаружены образцовые весы и стандартные единицы измерения объема, толкование которых часто затруднительно. Греки придумали различные метрические системы, сочетавшие обычно десятичные и шестидесятеричные системы счисления, а эти последние были заимствованы из восточной метрологии: так, *стадий*, обычная мера больших расстояний, равнялся 600 футам. Но значение фута колебалось между 0,27 и 0,35 м, и, стало быть, значение стадия расходилось от 162 до 210 м. Другая единица, *локоть*, часто применялась как мера длины: она равнялась 1,5 фута. Что касается самого фута, он делился на 16 пядей. Очевидна трудность вычислений при такой системе, к которой нужно было еще прибавить чужеземные меры, например персидский *парсанг*, который равнялся 30 стадиям (немногим более 6 км) и которым охотно пользовались Геродот и Ксенофонт. Меры веса и объема изменялись также от города к городу. Однако потребности торговли придавали некоторым системам (эгинской, например, а позже аттической) фактическое преимущество, которое

главным образом играло роль в финансовой сфере: когда речь шла о простых единицах счета (как *талант* или *мина*) или о чеканившихся монетах (как *драхма* или *обол*), названия денежных единиц были названиями соответствующих весовых единиц.

Чтобы контролировать все эти меры, полис привлекал специальных чиновников — вроде *метрономов*, проверявших весы и меры в Афинах. Это, впрочем, лишь один пример вмешательства государства в экономическую жизнь: из ряда текстов, которые упоминают *агораномов*, или надзирателей рынков, *ситофилаков*, или надзирателей за торговлей хлебом и зерном, *эпимелетов*, или надзирателей в торговой гавани, становится понятной важность этого вмешательства в рамках Афинского государства. В другом месте отдельные или фрагментарные документы позволяют отметить целую систему твердых цен или протекционистских мер, как в случае торговли вином на острове Фасос.

Следует ли из этого, что эллинистический мир знал настоящую экономику обмена? У нас нет оснований так думать. Здесь нужно отметить раз и навсегда нашу недостаточную осведомленность об экономической реальности греческой древности. Даже в исключительных случаях, например относительно зерновых запасов Афин с пригородами, документы редки, повреждены и трудны для толкования. Историк, который связывает себя с этими исследованиями, постоянно пытается обобщать. Следовательно, о торговых отношениях в архаической и классической Греции необходимо говорить с крайней осторожностью. В любом случае, один момент следует выделить: это торговля главным образом морская. Маленькие грузовые суда, бывшие в распоряжении греческих моряков, являлись, учитывая отсутствие проезжих дорог, единственным транспортным средством, пригодным для торговли любого значения. Их грузоподъемность была очень ограниченной: обычно от 80 до 250 метрических тонн. Кроме того, благоприятный сезон для навигации открывался только в апреле и заканчивался в октябре. Эпиграммы на надгробиях о кораблекрушениях позволяют судить о большой опасности бурь в период зимнего солнцестояния или весеннего равноденствия. Гесиод в VII веке ограничивал безопасный период навигации всего пятьюдесятью днями в разгар лета. Квадратный парус грузовых кораблей, которые, в отличие от триер, не использовали весел,

практически не давал возможности ими управлять. До начала эллинистической эпохи не было маяков, и морские карты, крайне приблизительные, были менее эффективны, чем карты побережий, или *периплы*, которыми могли пользоваться лоцманы.

Все это объясняет, почему тоннаж перевозимых товаров никогда не был очень значительным. Зерно, предназначавшееся для крупных полисов, везли с богатых пахотных территорий Египта, Киренаики или регионов южной России: ежегодный импорт Афин в IV веке оценивается в 500 000 гектолитров. Другими тяжеловесными товарами были дерево, мрамор, слитки меди или свинца.

Кроме того, перевозились товары высокой продажной стоимости, продукты греческого сельского хозяйства или ремесла: высококачественные вина с полуострова Халкидика, с островов Фасос и Хиос, масло из Аттики, духи, ткани из Милета, с Самоса или Востока, расписные глиняные вазы коринфских или афинских гончаров, чаще всего перевозимые прямо с их содержимым, бронзовые изделия Коринфа, сильфион из Киренаики, серебро в монетах или слитках, слоновая кость, золотые и серебряные изделия. При малой вместимости эти грузы имели высокую цену. Они позволяли обогатиться судовладельцам и купцам и далеко разносили славу греческих мастеров. Большой бронзовый кратер, найденный в Виксе (Кот-д'Ор), в гальштатском погребении, происходит из греческой мастерской южной Италии или Пелопоннеса и относится к самому концу VI века. В Куль-Оба, под Керчью, в Крыму, обнаружены золотые медальоны, воспроизводящие изображение Афины Парфенос, шедевра Фидия: это вещи афинского производства конца V или начала IV века. В погребальной пирамиде из Мероз, у верхнего течения Нила, аттическое изделие из терракоты V века, изображающее амазонку на коне, свидетельствует о древнем сообщении через Египет между Грецией и Нубией.

Эти документы, столь любопытные и яркие, тем не менее, не должны вводить в заблуждение. Такие обмены были достаточны для поддержания процветания определенного числа купцов и моряков; они превращали отдельные привилегированные полисы, Афины, Коринф, Тарент, Сиракузы, Кирену или Навкратис, в центры совершения торговых сделок на определенный период.

Но большинство греческих полисов в этом почти не участвовали и ограничивались местной торговлей, основанной на прибыли от продуктов, выращенных на земле, в соответствии с идеалом автаркии, который внушали законодатели: известно, как строго осуждал Платон прибрежные города, где «близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки»¹ («Законы» 705 а). Действительно, крестьянская традиция была у греков сильнее морского соблазна: если они и любовались морем, то в основном с берега, и отважные моряки им всегда внушали меньшее восхищение, чем гопплиты. Покидая сушу в процессе колонизации, они действовали под давлением необходимости, а не из склонности к приключению: они шли искать по ту сторону моря скорее новые земли, чем рынки.

* * *

Эти узкие рамки полиса, в которых грек живет, работает, осуществляет гражданские права и поклоняется своим богам, эта плотная политическая реальность, ради которой он призывает бороться и умирать, великолепно соответствует его потребностям и вкусам. До того, как гений Филиппа и Александра навязал эллинистическому миру иное понимание государства, не уничтожив, однако, старого представления о полисе, греки не стремились расширить свои цели или собрать несколько полисов в организованную и прочную систему. Редкие попытки, которые они предпринимали в этом направлении, были мимолетны или безрезультатны.

Конечно, религия демонстрировала принцип единства: она позволила создать несколько местных групп, объединив их вокруг общего святилища. Так, например, сложился Ионийский союз городов чуть позже колонизации Малой Азии: он объединял множество полисов (вначале двенадцать, потом только девять) вокруг почитания святилища Посейдона Геликонского на мысе Микале близ Милета, которое называлось *Панионий*. Этот союз

1 Перевод А. Егунова.

в определенной степени успешно согласовал усилия своих участников во время мятежа Ионии против Дария, между 499 и 494 годом. Но органические связи, которые их объединяли, не были достаточно сильными для того, чтобы этот союз мог стать действительно эффективным, и мятеж провалился, ведя за собой распад союза. Такая же ассоциация, *Гексаполь*, собрала дорийские полисы Карию вокруг святилища Аполлона Триопийского на полуострове Книд. На Кикладских островах религиозная конфедерация, носившая название *амфикитоники*, объединила ионийцев вокруг святилища Аполлона на острове Делос. После греко-персидских войн Афины, как нам известно, обратили ее в свою пользу.

Самая знаменитая из религиозных группировок, историю которой мы знаем лучше всего, — это Дельфийский союз, по сути своей *Амфикитония*. Эта организация имела на самом деле два культовых центра не одинакового значения: святилище в Дельфах и святилище в Фермопилах, которые все называли просто Пилеями, или «воротами». Там собрались представители двенадцати народов, большая часть которых населяла центральную Грецию: фессалийцы, фокейцы, беотийцы, локрийцы и другие, к которым присоединились дорийцы и ионийцы, единственные представители остального греческого мира. Каждый народ отправлял двух делегатов, или *иеромнемонов*, в амфикитонийский Совет, что позволяло Афинам постоянно иметь один из двух ионийских голосов, тогда как Спарта только время от времени была представлена одним из двух дорийских голосов. Тем самым обнаруживается местный и архаический характер Амфикитоники, которая не могла претендовать на представление всей эллинистической культуры! Ее задачей было управлять посредством иеромнемонов финансовыми делами святилища Аполлона в Дельфах, организовывать традиционные игры и празднества святилища, наконец, охранять интересы божества от любого посягательства. Должно быть, именно этой последней обязанностью руководствовалась Амфикитония при объявлении различных священных войн. Кроме как в этих исключительных случаях, амфикитонийские полисы были связаны только достаточно слабой духовной солидарностью, обязательства по которой содержались в даваемой ими клятве: они обещали не разрушать друг друга до основания в случае войны и покарать тех, кто тяжело оскорбит божество Дельф.

Никакой прочной политической связи между ними не существовало, и Амфикитония в области международной политики была скорее инструментом личного честолюбия, чем принципом единства между греческими государствами.

И все же у некоторых регионов имелось стремление организовать местные федерации с постоянными политическими институтами, устанавливающими полновесную солидарность между чувствующими близость своих интересов полисами: в Фессалии и Аркадии, например, в IV веке сформировался союз (*koinon*) фессалийцев и аркадцев, с собранием федерации и федеральными магистратами. В Беотии Фивы, которые обладали необходимым превосходством над остальными полисами региона, образовали под своей властью в два этапа (в 447 году и после 379 года) хорошо организованную федерацию. На полуострове Халкидика Олинф в 432 году создал лигу халкидских полисов. Подобные попытки, продолжительность и успех которых были везде разными, демонстрируют существование некоей необходимости единства, но никто из них не сумел довести до конца построение настоящего государства: привязанность эллинов к их малой родине всегда поддерживала центробежные силы в полисах, которые принимали участие в этих союзах и федерациях.

Эти силы обострялись, когда то или другое главное государство желало собрать под своим главенством, или, как говорили, при своей гегемонии, централизованный союз. Так было в случае с Пелопоннесским союзом, который официально именовался «лакедемоняне и их союзники» и закреплял военное преобладание Спарты на Пелопоннесе: речь шла только о наступательном и оборонительном союзе, оставлявшем полисам-участникам, каждый из которых был связан со Спартой особым договором и клятвой, их внутреннюю автономию. Еще более смелой кажется Делосская симмахия, созданная афинянами после греко-персидских войн. Установление подати, перенесение федеральной казны в сами Афины, основание клерухий на земле союзников, контроль, осуществляемый в них афинскими чиновниками (*épiscope*), экономические меры, направленные на поддержку аттической торговли, — все это в скором времени сделало из союза империю и переложило тяжелое бремя Афин на подвластные полисы. Предательства и мятежи союзников во многом содействовали

провалу, к которому в конце концов привело задуманное Периклом стремление господствовать. Второй афинский морской союз, учрежденный в 377 году, стремился избежать этих неприятностей, но совершенно безуспешно, поскольку он не воспрепятствовал войне Афин и их союзников в 357—355 годах. Таким образом, все старания придать определенную цельность союзу полисов, объединенных органичными связями, последовательно провалились: чтобы Коринфский союз принял подлинно федеральный характер, потребовалась властность Филиппа Македонского.

В связи с этим упорным нежеланием объединяться за пределами узких рамок полиса закономерно поинтересоваться, что же, в глазах самих греков, позволяло им, тем не менее, считать себя принадлежащими к одному народу. Именно эта солидарность, вопреки всем междоусобным конфликтам, заставляла их признавать себя таковыми во время великих панэллинских религиозных праздников или в моменты, когда внешняя опасность угрожала самому существованию греческого мира: яркими проявлениями этого была борьба против персов, этрусков и карфагенян. Это чувство единства было основано на общности языка и религии, на мифологической традиции и на произведениях писателей и художников, которые обеспечивали передачу этой связи.

Греки сильнее других народов имели потребность в литературе и собственном искусстве, чтобы осознать самих себя.

Необычайное богатство того и другого, воплощенное с исключительной талантливостью, свидетельствует о том страстном внимании, которое греки, движимые жизненной необходимостью, проявляли к творениям мысли и рук.

Глава восьмая МЫСЛИТЕЛИ И ПОЭТЫ

На сегодняшний день нам известно около двух тысяч имен древнегреческих писателей. Даже если учесть значительный временной промежуток, отделяющий эпоху Гомера от триумфа христианской веры, это число, тем не менее, значительно и отлично иллюстрирует необычайную плодovitость древнегреческой литературы. Эта литература в большинстве своем исчезла под натиском трех тяжелых ударов, которым подверглось античное наследие: пожар в Александрийской библиотеке, замена *кодексов*, написанных на пергаменте на *свитки* папируса и, наконец, кризис Византийской империи в период иконоборчества, то есть в VII и VIII веках н. э. То, что уцелело волею случая или благодаря осознанному выбору ученых и учителей, представляет собой массу самых разнообразных произведений, пострадавших от небрежного хранения и дошедших до нас зачастую лишь в виде фрагментов, в которых западная литература по сей день находит источник для вдохновения. Величайшие из писателей и мыслителей жили в архаическую и классическую эпохи, несравнимые в своем богатстве. В этой главе мы, разумеется, не претендуем на описание истории этой литературы, пусть даже сокращенной и сведенной к нескольким произведениям, не говоря уже о том, что для искусства это совершенно неприемлемо. Мы лишь хотим кратко рассказать о великом подвиге цивилизации: о рождении основных литературных жанров, созданию которых мы обязаны грекам.

Эта литература, начиная с ее самых первых дошедших до нас памятников, является письменной. Мы убедились в этом,

когда изучали творчество Гомера: сегодня можно предположить, что «Илиада» и «Одиссея» никогда бы не появились на свет, даже в том приблизительном, дошедшем до нас виде, если бы не алфавитная письменность, которая единственная была способна сохранить сложную и стройную композицию. Стоит согласиться, что поэт записывал свое произведение на пергаменте из кожи быка или козы, которую греки называли *diphtheres*, и впоследствии, как повествует Геродот (V, 58), это название закрепилось за свитком папируса. По-видимому, только к середине VII века, то есть спустя почти столетие после создания «Илиады», когда первый саисский фараон Псамметик открыл путь через Дельту для развития эллинской торговли, в греческом мире повсеместно стали использовать папирус. Отныне греки были вынуждены читать сочинения своих писателей на «свитках» папируса. Длинная лента папируса, сделанная из соединенных между собой двух слоев волокон этого растения: в первом слое волокна шли горизонтально (это была лицевая сторона), во втором — вертикально (оборотная сторона), — эта лента наворачивалась на два деревянных стержня, закрепленных по обе ее стороны. Текст писался главными буквами, без пробелов и знаков препинания между словами и располагался параллельными колонками поперек всего свитка. Каждый свиток (или *tomos* по-гречески) мог содержать около шестидесяти колонок текста, примерно по тридцать строк в каждой. Чтобы его прочитать, ленту сначала разворачивали на одну колонку, затем, чтобы перейти к следующей, текст с первой наворачивали на рукоятку, которую держали в левой руке, и разворачивали вторую колонку из намотанного на правую рукоятку свитка. Этот способ чтения свитков папируса (латинское слово, которое обычно используют для их обозначения, — *volumen*) был заменен в римскую эпоху новой системой кодекса с расположением текста на обеих сторонах страниц и объединением их в тетради, которые потом образовывали книги.

Письмо на папирусе, заимствованное из Египта, было, без сомнения, великим прогрессом по сравнению с использованием *diphtheres* в раннюю эпоху архаики. Но чтение со свитков имело, тем не менее, несколько недостатков: каждый такой свиток был довольно громоздким, что препятствовало созданию больших библиотек. С другой стороны, любые манипуляции со свитками

были крайне сложны, особенно если требовалось найти какую-либо цитату: прежде чем ее найти, необходимо было развернуть всю часть свитка, которая ей предшествовала. Делать пометки тоже было неудобно, поскольку при чтении *volumen* держали обеими руками. Эти практические наблюдения и объясняют частично причину того, почему в Древней Греции так много внимания уделяли развитию памяти и почему писатели так охотно читали свои произведения по памяти, не глядя в текст. В то время не было стремления к точному воспроизведению написанного, так важному в наши дни, поэтому различные вариации, не искажающие общего смысла текста, легко допускались.

С другой стороны, нужно учитывать, что под чтением у греков обычно подразумевалась декламация. Это объясняет тот факт, что большинство литературных произведений были созданы, чтобы быть услышанными: они предназначались скорее для псалмического пения, для хорового исполнения, для чтения во время драматического представления или публичного выступления перед группой людей, а не для получения удовольствия от уединенного вдумчивого чтения. Большинство характерных признаков греческой литературы именно этим и объясняются: огромное значение, придаваемое поэзии, а позже красноречию; преимущественно дидактическая форма прозаических сочинений, делавшая их похожими на доклады или лекции; стремление обозначить смысловые переходы вербально — для чего в современных языках используются знаки препинания; и наконец, оригинальное изобретение греческого гения — жанр диалога, имевший огромный успех у публики. Обладая необычайно богатым языком как в плане словарного запаса, так и в плане синтаксиса, имея в своем распоряжении ресурсы многочисленных диалектов, позволявшие играть литературными приемами и стилями, опираясь на традицию, которая поддерживала их, но не сковывала, — писатели и мыслители того времени создали и разработали основные литературные жанры, в то же время достаточно вольно используя любые литературные направления, куда только могла устремиться логическая мысль. И этой же самой мысли они дали впервые четко сформулированные принципы и форму. Будучи убежденными, что мысль может быть сформулирована и постигнута только вербально, они принимают за совершенство свое

великолепное владение словом, пока оно не становится в высшей степени изысканным и тонким выразительным средством. Эпическая поэзия, лирическая поэзия, драматическое, историческое, географическое, философское, ораторское искусства — таковы в почти хронологическом порядке созданные греками литературные области, где они совершенствовали свое мастерство. В следующих главах мы проведем обзорное рассмотрение каждой из перечисленных областей.

* * *

Мы уже говорили о том, что гомеровский эпос появился в истории неожиданно — в уже сложившейся форме, и оба шедевра Гомера предстали в качестве моделей для подражания, приблизиться к которым соперникам по перу так и не удалось. Настолько совершенная форма предполагает, что создание «Илиады» и «Одиссеи» было подготовлено многочисленными ранними поэтическими трудами, которые были полностью утеряны. Гнев Ахиллеса был всего лишь одним из эпизодов Троянской войны, а возвращение Одиссея рассказывало о приключениях только одного героя после взятия Трои. Благодаря певцам, или *аэдам*, вроде Демодока при дворе Алкиноя, короля феаков из «Одиссеи», постепенно складывалась многовековая эпическая традиция, главным образом устная. Был ли Гомер первым, кто сумел переработать этот богатый материал, заключив его в эпическое произведение с четкой композицией благодаря алфавитному письму? Мы не имеем достаточных доказательств в поддержку этого утверждения, но полное отсутствие каких-либо указаний на существование более древнего эпоса, тем не менее, делает эту гипотезу достаточно правдоподобной. Зато подражателей была масса. Если их произведения, считавшиеся, несомненно справедливо, слабее поэм Гомера, и не дошли до нас, то мы, по крайней мере, знаем названия многих из них, а также нескольких авторов и краткое содержание изложенных сюжетов.

Вокруг «Илиады» формировались поэмы троянского цикла: они повествовали об эпизодах, предшествовавших гневу Ахиллеса. В частично дошедшей до нас «Хрестоматии», или «кратком изложении», составленном неким Проклом во II или V веке н. э.

(точная дата до сих пор не определена), мы находим достаточно точные указания на этот счет: «Кипрские сказы» повествуют о событиях, предшествовавших «Илиаде», — от свадьбы Пелея и Фетиды и суда Париса до похищения Елены и первых эпизодов осады Трои. «Этиопида», написанная приблизительно в конце VII века Арктином из Милета, развивала действие с того места, на котором заканчивалась «Илиада»: в ней мы встречаем короля эфиопов Мемнона, сына Авроры и Тифона, брата Приама, который спешит спасти своего дядю; он погибает от руки Ахиллеса, который убивает также королеву амазонок Пентесилею, еще одну союзницу троянцев. Сам Ахиллес погибает от стрелы лучника Париса, которому помогает Апполон. Еще одна поэма Арктина, «Разрушение Илиона», рассказывает о захвате города. Поэт Лесхий, в свою очередь, написал «Малую Илиаду», которая должна была дополнить гомеровское произведение. В ней поэт по-своему трактовал те же темы, которые мы находим в эпосах Арктина. Одновременно с созданием «Одиссеи» Хагий из Трезены сочиняет эпопею «Возвращение» (*Nostoi*), в которой описывается история возвращения из Трои, но не Одиссея, а других ахейских мужей. Что же касается Одиссея, его трагическая судьба стала сюжетом «Телегонии», которая приписывается Евгамону, жившему около 570—560 годов при дворе кипрских царей Батта II и Аркесилая II: после своего возвращения из Итаки Одиссей сразу же отправляется в поход в горы Эпира, а затем, вернувшись на свой остров, получает смертельную рану от руки Телегона, своего сына от волшебницы Кирки, который искал отца, но, не зная, что это он, убил его копьем.

Помимо троянского цикла существует также фиванский цикл, посвященный легенде об Эдипе и его потомках. Авторство «Предания об Эдипе» приписывается Кинефону из Лакедемона. Затем следует «Фиваида», автором которой иногда считают самого Гомера. В ней рассказывается о неудачном походе семи вождей против Фив и братоубийственной борьбе Этиокла и Полиника. Третья поэма, «Эпигоны», была посвящена победному походу сыновей семи вождей против Фив десять лет спустя. Писандр из Камира воспевал «Подвиги Геракла». Креофил с Самоса написал «Взятие Ойхалии», повествующее еще об одном приключении Геракла: как мы узнаем из остроумной эпиграммы Каллимаха, авторство этой поэмы иногда приписывалось Гомеру, другом и

современником которого был Каллимах. Предания Коринфа были воспеты в «Коринфских повестях» Евмела, а Навпакта — в «Навпактских повестях» Каркина. Еще в начале V века Паниасид из Галикарнаса, дядя Геродота, написал поэму «Подвиги Геракла», состоявшую из четырнадцати песен, которая, по имеющимся сведениям, пользовалась популярностью.

У Гесиода, как и Гомера, также были подражатели. «Теогония» заканчивается обещанием воспеть смертных, которые, сочетавшись любовными узами с богами, дали жизнь прославленным родам. Ряд поэм, авторство которых в античную эпоху приписывалось Гесиоду — что вызывает большие сомнения у современных исследователей, — воспевают эти великие любовные союзы: поэмы были собраны в «Каталоге женщин» (*Ehées* — название, составленное из двух греческих слов, которыми всегда начиналась каждая из поэм). Многие из последователей, начиная с Пиндара, черпали свое вдохновение из этого богатейшего источника легенд.

Гомер, Гесиод и их соперники по перу своим творчеством установили правила эпического жанра и создали язык, использование которого отныне стало нормой для произведений данного стиля. Разумеется, эпопея, в первоначальном понимании этого термина, после творений вышеназванных авторов не могла уже дать греческой литературе великих шедевров: ни «Древние персы» конца V века Хорилия с Самоса, ни «Фиваида» Антимаха из Колофона первой половины IV века не смогли стяжать себе славы. Однако «Гимны», названные гомерическими, особенно те, которые воспевают Аполлона, Гермеса или Деметру, представляют собой великолепные образцы религиозной эпической поэзии, которые вдохновили александрийских поэтов. А Вергилий передал западной литературе гомеровскую концепцию эпопеи.

* * *

Литература архаического периода известна не столько подражаниями гомеровским поэмам, сколько расцветом лирической, или мелической, поэзии, в двух формах, которые античные авторы признавали за этим литературным жанром: хоровой и *монодической* (или *сольной*). Эти поэтические сочинения, которые, к несчастью, дошли до нас только небольшими фрагментами, пользо-

вались в те времена большой популярностью. Они отвечали той страстной любви к музыке, которой всегда отличались греки. Музыка для них была обязательной частью фундаментального образования. Песнопения обычно сопровождалась игрой на лире — семиструнном музыкальном инструменте, имевшем резонансный корпус, который первоначально делался из черепашьего панциря: ее изобретение приписывали Гермесу, как о том следует из «Гомеровского гимна» в честь этого бога. Различные модификации и усовершенствования этого инструмента позволили достичь более объемного звука: так, кифара — это лира в деревянном корпусе большего размера, чем панцирь черепахи. Использовали также флейту (*авлос*), но не современную поперечную флейту, а на продольной, типа флажолета, обычно двустольной, стволы которой соединялись в мундштуке. Пение и музыка оставались неразрывным единством: поэтические размеры, которые мы до сих пор изучаем благодаря данным древних специалистов в области метрики, например Гефестиону (конец I — начало II века н. э.), приобрели свое истинное значение только в приложении к сопровождавшей их музыке, на сегодняшний день, увы, утраченной.

Лирическая поэзия была очень разнообразна. Вместо того чтобы пользоваться своим особым языком, как это делала эпопея, она допускала употребление любых диалектов — в зависимости от происхождения поэта и специфики публики, к которой он обращался. Ее темы отвечали самым разным интересам: литургические гимны *номы*, священные песни *пеаны* или *дифирамбы*, марши для религиозных процессий, хоровые песни для танцев, военные элегии, победные песни (или *эпинисии*) в честь победителей на Олимпийских играх, песни о любви, погребальные песнопения, застольные песни, гражданские призывы — любые человеческие чувства находили свое выражение в греческом лирическом жанре. Конечно, как и следовало ожидать, большинство этих чувств имело отношение к самому городу и его богам. Но человеческие страсти, будь то ненависть или любовь, наиболее близкие человеку, также вдохновляли поэтов на творчество: в какой-то мере греки наделили лирический жанр свойствами интимной поэзии, что в настоящее время считается его неотъемлемой частью.

Творчество большинства авторов этого жанра дошло до нас в виде ничтожных фрагментов. В VII веке Терпандр, уроженец

Лесбоса, более известный как музыкант, нежели как поэт, прославился своей виртуозной игрой на семиструнной лире и сочинением *номов*. Лидиец Алкман из Сард создавал величественные и изящные гимны для исполнения на праздниках в Спарте, где очень ценилось хоровое пение, а Тиртей ободрял спартанских воинов своими военными элегиями. Иониец Мимнерм из Колофона, искусный флейтист, уже воспевал любовь и радости жизни с эпикурейским акцентом. Архилох с Пароса, прославившийся своими сочинениями, участвовал в сражениях греческих поселенцев Фасоса с их противниками — греками и варварами: в своих элегиях и других лирических стихах с поразительно утонченной метрикой он предавался свободному выражению своих жестоких страстей. По словам Платона, Сократ ставил этого поэта наравне с Гесиодом, если не с самим Гомером. Несмотря на то, что до нас дошли только жалкие фрагменты, живой стиль его стихов до сих пор поражает.

Чуть позже, на стыке VII и VI веков, лесбиец Арион из Метимны неоднократно посещал двор коринфского тирана Перикла. Арион больше известен по легенде о том, как он был спасен дельфином после кораблекрушения, но именно он изменил и обогатил жанр дифирамба, связанный с культом бога Диониса. Еще во времена правления Солона, афинского законодателя, создавались элегии, воспитывавшие глубокое гражданское сознание соотечественников. Его соотечественник Стесихор из Химеры (Сицилия) развивал в гимнах сюжеты мифов, прокладывая, таким образом, путь лирике Пиндара. Отозвавшись плохо о Елене в одном из своих стихотворений, он внезапно ослеп, и зрение вернулось к нему, только когда он признал свою ошибку и написал новое стихотворение, или *палинодию*: в нем он опровергал все свои предыдущие нелестные высказывания в адрес прославленной героини. Наконец, к этому же поколению принадлежат и два лирика с острова Лесбос — Алкей и Сапфо, произведения которых дошли до нас в гораздо большем объеме. В то время как первый добавлял в свои любовные и застольные песни политические ноты, ругая, например, в одной из песен тирана Питтака из Митилены, Сапфо в своих пылких стихах говорит лишь о страсти, которую возбуждают в ней ее юные подруги, и эти описания до сих пор сохраняют живость ее чувств.

Позднее, в VI веке, популярность завоевывают иониец Гипонакс из Эфеса, мастер язвительных ямбов, и уроженец запада Ивик из Регия (Великая Греция), ученик Стесихора, обогативший хоровую лирику своего учителя личными переживаниями. Ивик сотрудничал с Поликратом, самосским тираном, который также привлек к своему двору ионийца Анакреона из Теоса, позднее благосклонно принятого Писистратидами. Эротические стихотворения Анакреона остаются образцом изящной лирики. В дорической стране Мегара поэт Феогнид, под именем которого появилось около 1400 элегических стихотворений, авторство которых зачастую сомнительно, в едких стихах выразил жалобы аристократа, озлобленного политической борьбой. Напротив, Симонид Кеосский, снискавший расположение Писистратидов, царских дворов Фессалии и тиранов Сицилии и Великой Греции, еще до Пиндара придал триумфальной оде завершенную форму и в то же время прославился как мастер эпиграмм — небольших стихотворений для погребальных и мемориальных памятников. Он считается автором многочисленных эпиграмм на сюжеты греко-персидских войн.

Из всех перечисленных нами поэтов, единственный, о ком мы можем судить, основываясь на фактах, — Пиндар, поэт первой половины V века. Несмотря на то, что большая часть его произведений была утрачена, дошедшие до нас четыре книги *эпипикиев* свидетельствуют о его исключительном таланте. Великий лирик пишет о победах атлетов на Олимпийских играх, слава которых, как мы знаем, была для греков очень значимой, и приводит подходы к случаю мифы, которым придает большую религиозную и моральную ценность. Никогда еще поэтическая речь не была столь содержательной и меткой, как в творчестве Пиндара. Несмотря на некоторую затемненность, идущую скорее от стуженности мысли, чем от выбора слов и синтаксиса, Пиндар остался в веках со своими блестящими и простыми изречениями, такими, как, например: «Человек — это сон тени» или патетическое заклинание, обращенное к самому себе: «Не стремись, душа моя, к жизни бесмертной, но извлекай всю пользу из возможного!»

После таких вершин лирическому жанру сложно было достичь большего. Вакхилид из Кеоса, которого мы знаем по нескольким одам, без сомнения, во много уступал своему современнику

Пиндару. В конце V века Тимофей из Милета, автор дошедшей до нас поэмы «Персы», записанной на папирусе, по-новому представил жанр нома, когда-то прославленный Терпандром, в то время как Филоксен из Киферы творил в жанре дифирамба. В творчестве обоих поэтов прослеживается сильное влияние античного театра, бывшего в то время единственной формой действительно живой поэзии. Знаменитых авторов IV века вспоминается еще меньше: Антимах из Колофона, автор эпопеи «Фиваида», использовал элегический метр, чтобы воспеть в своем длинном стихотворении «Лида» истории о несчастной любви. Он считается первым из числа поэтов-эрудитов, проложившим путь к эллинистической литературе, которая питала к нему противоречивые чувства: Каллимах резко критиковал его творчество, тогда как другие его ценили. К сожалению, все произведения Антимаха утеряны. Эринна, родосская поэтесса, умершая в юном возрасте, заставила звучать по-новому лирику Сапфо в своей поэме «Прялка», написанной гекзаметром, которая сохранилась в виде фрагментов на папирусе и которую если не по форме, то по стилю можно отнести к лирической поэзии.

Нам потребовалось это долгое и сухое перечисление, чтобы передать ощущение невероятного богатства греческой лирики в архаическую и классическую эпохи. Как и в эпосе, древнегреческий гений выработал законы этого жанра в самых различных его формах. Без сомнения, последующая литература александрийской эпохи, как и поэзия Рима, внесут свой вклад в развитие жанра интимной лирики. Но обогащая и расширяя границы своего вдохновения, она останется верной самому главному — поэтическим формам, которые дали ей первые греческие поэты.

* * *

Хронологически трагедия и комедия появились значительно позже других поэтических жанров. Мы знаем, что родились они в Афинах при Писистрате: трагедия — из жанра дифирамба, комедия — из фаллических песен в честь бога Диониса, с которым впоследствии были связаны все драматические представления. Теперь мы понимаем, почему самые выдающиеся трагические поэты были жителями Афин.

Самый первый великий автор жанра трагедии — Фриних, произведения которого высоко ценились в конце V века, но до настоящего времени, к сожалению, не дошли. В своем творчестве он использовал лишь диалог актера с хором: его пьесы были похожи скорее на ораторию, чем на настоящую драму. Его заслуга была в том, что он впервые обратился за творческим вдохновением к современной ему истории: «Взятие Милета» повествует о поражении восстания в Ионии в 494 году, а его «Финикиянки», написанные в 476—475 годах, рассказывают о последствиях саламинской битвы. Четыре года спустя о ней вспоминал Эсхил в своей трагедии «Персы». Фриних, однако, большинство своих сюжетов заимствовал из эпических легенд: его преемники хотя и последовали этому примеру, никогда не чувствовали себя связанными мифологической традицией, которая уже не выступала в качестве догмы.

Для нас всю греческую трагедию представляют три великих аттических поэта V века: Эсхил, самый старший из них, писавший в первой половине века, Еврипид, самый юный, творивший во второй половине века, и Софокл, проживший девяносто лет, то есть почти век после начала греко-персидских войн. В его произведениях, дошедших до нас в небольшом количестве, благодаря выбору древнегреческих грамматиков, мы наблюдаем постепенное развитие концепции трагедийного жанра. Роль хора, прежде очень значимая, постепенно снижается; то же происходит с лирическими элементами, занимавшими изначально существенное место. Диалог развивается и становится более характерным. Эсхил вводит в драму второго актера, а затем по примеру Софокла, своего младшего коллеги, и третьего. Поскольку каждый из этих актеров благодаря костюмам и маскам мог играть разных персонажей, ресурсы сцены расширялись, а действие, первоначально довольно скудное, становилось существеннее. У Еврипида хору отводится роль тихого свидетеля, который вступает в трагедийное действие только в важные моменты, занимая территорию *оркестры* и внимание зрителей во время антрактов — если говорить современным языком. Зато драматическое действие, неожиданная развязка, развитие чувств героев, ораторские дуэли между протагонистами — вот что поглощает поэта и публику. Автор рассказывает нам историю, вызывает к нашему сопереживанию, заставляет испытать чувство страха или жалости, —

отныне он ведет себя как настоящий трагический поэт: греческие писатели и здесь определили законы жанра, которые затем унаследовала европейская литература.

Однако современная трагедия восприняла от греческой гораздо больше, чем литературную технику, — она унаследовала то, что всегда сосавляло ее достоинство и величие: тему мучительной проблемы Судьбы. У Эсхила, как и у Софокла и Еврипида, на театральной сцене разыгрывается судьба человека, подвластная лишь взреземным силам. Эсхил, вдохновленный религиозной верой, поддерживаемой традиционными источниками, показывает смертных, которые испытывают на себе негодование и месть ревнивых богов, карающих любое излишество, любое нарушение ритуального закона: однако развитое чувство справедливости, которым в Афинах обладает Ареопаг, позволяет в эпилоге «Орестей» смягчить жестокость этих приговоров. Софокл предлагает нам повествование о жертвах жестокой судьбы, непредвиденные повороты которой нарушают человеческие намерения и планы: это полнейшее бессилие и рождает мучительный пафос «Царя Эдипа». Но высокое понимание морального долга в «Антигоне» возвышает в наших глазах этих отмеченных печатью неотвратимой судьбы героев, когда они жертвуют своей жизнью ради идеала. Еврипид, самый сложный среди всех троих, охотно пускается в разглагольствования и совершенно спокойно позволяет богам иногда вмешиваться в действие: количество драматических перипетий и неожиданных поворотов от этого не уменьшается, что вызывает наше сострадание к несчастьям персонажей, подвергающихся всевозможным ударам Судьбы. Многие из этих трагедий заканчиваются одним и тем же знаменательным куплетом:

На Олимпе готовит нам многое Зевс;
Против чаянья, многое боги дают:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами¹.

Находясь во власти превосходящих их сил судьбы, бедные человеческие существа страдают от бесконечных несчастий,

¹ Еврипид. Медея. Перевод И. Анненского.

ответственность за которые порой несут они сами, но величие их души помогает им иногда преодолеть эти беды. Эта тема не перестает вызывать наше восхищение и симпатию.

Более далека от современной концепции классическая греческая комедия. В конце VI века сицилиец Эпихарм писал комедии на дорийском диалекте, которые нам практически неизвестны, но которые античные авторы, в первую очередь Платон, высоко ценили за точность описанных в них наблюдений и значимость переполнявших их изречений. Именно на дорийской земле, в расположенном недалеко от Афин городе Мегаре, существовала устоявшаяся традиция представлять комические сцены, очевидно довольно непристойные. Фривольные аттические песни и шутки, обязательно сопровождавшие дионисийские процессии, способствовали рождению так называемой древнегреческой комедии, которая вскоре заняла свое место рядом с трагедией в официальных состязаниях, проходивших во время дионисий. Мы можем насчитать около сорока авторов «древней» аттической комедии, что прекрасным образом демонстрирует популярность этого типично афинского литературного жанра в течение всего V века. Кратин, начавший писать с 455 года, Евполид и Аристофан, творившие в течение последней четверти века, являются самыми выдающимися представителями этого жанра. Пьесы Аристофана дошли до нас целиком, позволяя нам довольно отчетливо представить, что ценила афинская публика.

«Древняя» аттическая комедия — это всегда некая игра обстоятельств и борьба с ними, ее мало заботит правдоподобие, единственная цель, которую она преследует, — рассмешить своими шутковскими репризами и бесконечными аллюзиями на реальность. Сюжет обычно представляет собой фантастическую или смешную затею, которую предпринимает главный герой в присутствии хора красочно наряженных персонажей — людей, животных или персонифицированных абстракций. Несколько эпизодов демонстрируют, как главный герой добивается своего, несмотря на мешающие ему препятствия. После интермедии, в которой хор обращается к публике с речью, не имеющей никакого отношения к интриге и необходимой лишь для сообщения зрителям о чувствах автора относительно того или иного вопроса современности, новая серия скетчей раскрывает обстоятельства

сложившейся ситуации вплоть до финальной процессии, когда хор покидает сцену, восхваляя Диониса. Следуя этой схеме, поэтам предоставлялась абсолютная свобода развлекать публику какими угодно средствами: от каламбура до изысканной литературной пародии, от непристойных шуток до самой утонченной поэзии, от грубого личного оскорбления до комедии положений и характеров — все допускалось, все ценилось. Невероятное разнообразие тональностей юмора у Аристофана, легкость, с которой он переходит от грубого к деликатному, поражают современного читателя. Но если слишком вольные шутки нас шокируют, а политические намеки, смысл которых нам не понятен, озадачивают, мы все так же очаровываемся вдохновением, которое по прошествии столетий веков не потеряло своей свежести, поэтической силой и великолепным чувством сельской природы. Ни одно из произведений не дает нам ощущения настолько реального общения с афинским народом эпохи Сократа, Алкивида и Фукидида, ощущения одновременного повествования о жизни автора и о его времени.

Последние пьесы Аристофана, написанные в начале IV века, значительно отличаются от его первых произведений: в пьесах «Женщины в народном собрании» и «Плутос» поэт обращается уже к новой форме комедийного жанра — к так называемой «средней» аттической комедии. Роль хора в ней ограничена, фантазия автора более умеренна. Сатира над персонажами уступает место социальной сатире, личные выпады — описанию человеческих типажей, шутовские приемы — пародированию мифов. Последователи Аристофана, такие как Антифан или Алексис из Фурий, были не менее плодотворны и написали около сотни пьес, но до нас практически ничего не дошло, и греческая комедия, как и трагедия, не произведет шедевров в IV веке — вплоть до появления Менандра, который принадлежит уже эллинистической эпохе.

* * *

Не стоит удивляться тому, что первые прозаики появились в греческой литературе значительно позже первых поэтов. Это довольно распространенный феномен, и сами античные авторы понимали всю ситуацию: Плутарх удачно демонстрирует это

в знаменитом фрагменте своего диалога «О том, что пифия более не прорицает стихами». Использование обычной прозы, лишенной украшений поэтического стиля и той опоры, которую стихотворная форма предоставляет нашей памяти, знаменует собой значительный прогресс в практике рационалистической мысли и отражает исконную потребность в изыскании и воспроизведении реальных событий. По-гречески это изыскание называлось «*historia*»: оно повествовало в первую очередь о событиях человеческой жизни и об обстановке, в которой они разворачивались. Отсюда и произошло слово «история», которая первоначально была неразрывно связана с географией.

Греки считали Гомера первым историком и фактически не проводили различий между историей и эпосом. Первыми работами, в которых проявляется интерес исторического характера, были эпические поэмы, такие как «Основание Колофона», сочиненная в VI века философом Ксенофаном. Традиция была продолжена в следующем веке поэтом Паниасидом, дядей Геродота, о котором мы уже рассказывали. Свои «Ионики» он посвятил давней истории создания первых городов Ионии, основателями которых были Кодр и Нелей. Живая любознательность ионийцев увлекалась также фантастическими историями о путешествиях в неизведанные края на северное побережье Черного моря, о чем повествует поэма «Аримаспия», авторство которой приписывается полубогатырю персонажу Аристию из Проконесса, жившему якобы в середине VII века.

Гекатей Милетский, игравший важную политическую роль в конце VI века и во время мятежа в Ионии, порвал с этой традицией, создав на ионийском диалекте прозаические «Генеалогии», или сборник легенд, которые он интерпретировал в свете наивного рационализма, а главное — описание всей обитаемой земли, названное «*Periegesis*» и оказавшее большое влияние на Геродота. Изучая дошедшие до нас фрагменты, мы видим, что он проявлял большой интерес к этнографии и уже имел критический взгляд: «Я повествую здесь о том, — писал он, — что считаю правдой: поскольку считаю, что рассказы греков слишком разноречивы и, по моему мнению, довольно смешны». Он усовершенствовал использование географических карт, ранее изобретенных Анаксимандром. В V веке у него был ряд подражателей, таких как

Акусилаи из Аргоса, Харон из Лампсака, Гелланик из Митилены и афинянин Ферекид, но никто из них не добился славы Геродота Галикарнасского, первого прозаика, труды которого сохранились полностью и которого Цицерон по праву называл «отцом истории».

С Геродотом этот литературный жанр действительно сформировался как таковой. Речь идет об описании изысканий историка, стремящегося сбегать от забвения великие деяния человечества. Такой труд призван и развлекать читателя, и поучать его, но это лишь подразумеваемые цели, главный закон — объективность повествования. В случае разногласий между источником и очевидной неправдоподобностью традиции автор использует критический подход и делает свой выбор самостоятельно, в зависимости от критериев, которые кажутся ему подходящими. Разумеется, выбираемые им критерии мы не всегда воспримем сегодня как удачные, но самое главное то, что они построены на принципах рационального подхода. Сознательно выбирать правду, отделять причину от следствия, описывать нравы разных наций, отмечать черты выдающихся личностей, воссоздавать живописные и характерные сцены, записывать важные факты, достойные того, чтобы их запомнили, подводить к нужным рассуждениям, при случае возбуждать интерес читателя, упоминанием о необычном или удивительном факте, — вот чем руководствовался Геродот и в чем он блестящим образом преуспел благодаря огромному количеству накопленной им информации в результате разнообразного чтения и собственных кропотливых исследований, благодаря искренней симпатии, которую он испытывал к многочисленным народам и людям, не отдавая предпочтений каким-то особым расам и цивилизациям, благодаря его живому уму, не доверявшему небылицам, но почитавшему законы морали и богов. Греческий и варварские миры оживают в его «Историях», обучая и развлекая нас силой неподражаемого искусства, то пространныго, то немногословного, где рассказчик, увлеченный собственным интересом и фантазией, пускается порой в очень долгие отступления, описывая понравившиеся ему детали, затем непринужденно возвращается к главной теме, взывая к читательскому пониманию. Кроме того, этот первый образец греческой прозы необычайно ярок, как если бы действительно «галикарнас-

ский соловей», выражаясь языком одного византийского ученого, сумел «украсить свой стиль всеми цветами ионийского наречия».

Геродот был современником Перикла, с которым он познакомился в Афинах. Афинянин Фукидид принадлежит следующему поколению — поколению, пережившему Пелопонесскую войну. Он участвовал в ней, был стратегом в Фасосе и под стенами Амфиополя, который захватил Брасид, — после этого поражения Фукидид отстранили от дел, и он должен был смириться с положением простого зрителя. Он пристально следил за всеми перипетиями конфликта и стал его добросовестным повествователем. Его труд во многом отличается от произведений Геродота, но это касается скорее не авторского замысла и выбранной для этого формы, а темперамента самого автора и направления его мысли. Повествуя, как и «отец истории», о главном военном столкновении двух народов, Фукидид не позволяет себе никаких вольностей. В его рассказах почти нет ни отступлений, ни анекдотов. Он следует строго хронологическому повествованию, привязывая его ко времени года за неимением официального гражданского календаря. Мы видим постоянную напряженность мысли, желание понять события, осветить их логические и причинные связи, соотнести их с личностями, обществами, природой и экономикой. Он не допускает небрежности и неточности в изложении фактов, на которые он смотрит холодным взглядом тактика и стратега, не стремясь их приукрасить или сдобрить шуткой. Иногда его довольно сухое повествование приобретает патетический тон, что, впрочем, случается редко, например, когда он пишет о чуме в Афинах или о пленении афинян после разгрома на Сицилии. В помощь этому светлому уму приходит проработанный и тонкий стиль, ускользающий от симметрии, не чуждый анаколупа, способный выразить многое малым количеством слов: этот первый памятник аттической прозы, особенно в части рассуждений, показывает, каким прекрасным интеллектуальным инструментом отныне становится афинский диалект.

Продолжая рассказ о событиях с 411 года, то есть с последнего описанного Фукидидом момента, и доводя повествование до 362 года и до битвы при Мантинее, афинянин Ксенофонт,

один из учеников Сократа, в сочинении «Греческая история» выступает продолжателем дела Фукидида. Однако ни в этой, весьма, впрочем, ценной, работе, ни в «Анабасисе», где рассказывается об экспедиции десяти тысяч греков, в которой он лично принял участие, ни в историческом романе о воспитании персидского царя Кира, известном как «Киропедия», этот блестящий и разносторонний автор не выдерживает сравнения со своими предшественниками. Без сомнения, он изыскан, точен, интересен в своем изложении и хорошо осведомлен. Но ему не хватает интеллектуальной проработанности: он не ищет подлинных причин того или иного события, его психологические описания носят общий характер, он склонен идеализировать персонажей, которые ему нравятся, — в общем, истории, которую он нам предлагает, недостает плотности и глубины повествования: но это еще больше подчеркивает, насколько ценились заложённые Геродотом и Фукидидом принципы, поскольку даже при своем посредственном таланте Ксенофонт, честно старавшийся им следовать, бесспорно, заслуживает называться историком.

Помимо этих трех великих имен в греческой историографии V и IV веков, из кратких упоминаний и ряда более или менее длинных цитат мы знаем о существовании достаточно большого числа авторов и произведений. Ктесий из Книды в начале IV века работал над «Историей персов», написание которой завершил Динон из Колофона. Феопомп из Хиоса, родившийся около 377 года, был автором сочинения о Геродоте и истории Филиппа II Македонского. До нас также дошел папирус с фрагментами сочинения неизвестного автора — так называемая «Греческая история» из Оксириха, написанная в первой половине IV века: в ней повествуется о событиях 396—395 годов. Эфор из Кимы, написавший большинство своих произведений после 350 года, первым пришел к мысли о всемирной истории, которая объединила бы в себе результаты разных исследований: три века спустя Диодор Сицилийский осуществил эту идею в своей «Исторической библиотеке». И наконец, ряд других, менее известных историков, трудившихся под общим названием *аттидографов*, посвятили свои сочинения истории Аттики по раннему примеру Гелланика.

* * *

Появление и развитие истории представляет собой лишь один, но действительно важный аспект, свидетельствующий о зарождении рационалистической мысли и научной рефлексии, чему мы в первую очередь обязаны грекам архаической и классической эпох. Одновременно с трудами, изучающими человеческие общества и их эволюцию, в Ионии начиная с VI века появляются научные исследования и философия. Именами Фалеса Милетского и Пифагора Самосского (сосланного позднее в греческую колонию Кротон) в начале и во второй половине VI века отмечены первые математические и астрономические расчеты, связанные у Пифагора с его мистицизмом, влияние которого было долгим и глубоким. Другие милетские ученые, такие как современник Фалеса Анаксимандр и его ученик Анаксимен, также размышляли о природе и об истинной ее сути. В конце века Ксенофан из Колофона разработал в стихотворной форме теологию о едином безличном боге, пересматривающую антропоморфический политеизм. Парменид из Элеи, обучавший в родном городе своего ученика Зенона, и Эмпедокл из Агригента тоже использовали — и гораздо удачней, чем Ксенофан, — поэтическую форму для изложения своих онтологических концепций. Их современник Гераклит Эфесский, писавший прозой, заявлял, что все есть вечный конфликт, движение и становление. Нас не перестают удивлять сила мысли и оригинальность этих первых мыслителей, которых мы знаем только по сохранившимся фрагментам.

В V веке Анаксагор из Клазомен, друг жившего в Афинах Перикла, предположил, что главный принцип мира — космический ум, управляющий примитивным хаосом. Кроме того, с позиции критического рационализма он развенчал многие распространенные предрассудки, такие как божественная природа небесных тел, и даже несколько так называемых «пророчеств»: его свободолобивый анализ стоил ему обвинения в кощунстве и изгнания из Афин. Демокрит из Абдеры, младший современник Анаксагора, ввел понятие атома, с помощью которого он находил объяснение всему, в том числе и существованию богов. Гиппократ с острова Кос из семьи врачей, практиковавших культ Асклепия, применял в своем искусстве принципы рационального наблюдения: своими трудами он положил начало клинической медицине

и сформулировал профессиональный врачебный кодекс в знаменитой клятве, которая и по сей день остается золотым правилом. В то же время Афины, рискуя быть обвиненными в святотатстве, с энтузиазмом встречали учение софистов, прибывших в город давать бесплатные уроки красноречия и диалектики. В диалогах Платона мы восхищаемся виртуозностью Горгия из Леонтины и Протагора из Абдеры, умело манипулировавших противоречивыми идеями.

От космогонических умозрительных построений до рационального скептицизма — таков вкратце путь, который проделала греческая философская мысль с момента возникновения до 430 года, когда учение Сократа начинает приносить свои плоды. Влияние, которое этот моралист оказывал словом и собственным примером, было настолько определяющим, что сегодня всех предшествовавших ему философов называют досократиками. «Человек, — говорил Протагор, — есть мера всех вещей». В соответствии со своей интерпретацией знаменитого дельфийского изречения Сократ ставил в центр своих интересов изучение человеческой души и предлагал каждому изучить сначала самого себя. Психологическое наблюдение и нравственный анализ — вот неизменные темы его дискуссий. Основываясь на простых примерах, взятых из повседневной жизни, его ум, искушенный в искусстве софистики, постепенно сумел обратить эти знания в науку о правде и добродетели. «Сократ первым, — как пишет Цицерон в «Тускуланских беседах» (V, 10), — спустил философию с небес, привел ее в наши города, и даже в наши дома, и обязал ее заниматься практической моралью, проблемами добра и зла». Впрочем, мы знаем, почему эти выдающиеся заслуги гражданина и мыслителя не уберегли его от смертного приговора. Тем не менее это он пробудил и дал направление развитию философского гения Платона.

Если Сократ ничего не написал, то его ученик Платон был исключительно плодовит. Знаменателен тот факт, что все его труды пережили гибель памятников античной письменности. И эта не просто счастливая случайность, а исключительная благосклонность судьбы объясняется широко распространенным мнением, что труды Платона, наравне с поэмами Гомера, представляют собой вершину древнегреческой культуры. Современные ученые классифицируют его многочисленные диалоги, не считая апокрифов, в хронологическом порядке в соответствии со стилисти-

ческими критериями, иногда довольно спорными. Но в целом эта классификация соответствует реальности и позволяет проследить от «Лахета» до «Законов», как на протяжении долгой жизни Платона, полной неожиданных поворотов, происходило духовное становление философа. Первые его диалоги целиком принадлежат сократовскому методу и, вероятно, дают верное представление об этом учении. Позже раскрывается личность самого Платона, и он вкладывает свои собственные рассуждения в уста учителя, который остается главным собеседником в его диалогах.

Он обращается не только к нравственным, по преимуществу, проблемам — что есть мужество, благочестие, добродетель и справедливость, рассматривая их через язык и поведение простого человека, но и к более обширным и амбициозным изысканиям: он стремится понять систему вселенной (здесь Платон прибегает к онтологическим умозаключениям философов-досократиков) через теорию идей, постичь природу бессмертия души и ее взаимоотношений с телом и, наконец, сформулировать законы построения идеального государства, поскольку метафизика и психология у Платона неизменно сводятся к политике, которая должна на практике подтвердить истинность мысли.

Эти постоянные рассуждения представляют неисчерпаемое богатство. Опыт, который автор извлекал из чтения, путешествий, встреч с общественными деятелями, учеными, писателями и другими философами, объясняет разнообразие трактуемых им проблем и описанных им персонажей, которых он выводит на сцену, чтобы они сильно и убедительно изложили друг другу различные взгляды. Форма диалога благоприятствовала плюрализму мнений, но не мешала Платону делать собственные заключения. А его необыкновенно гибкий стиль, которому были свойственны как ирония, так и абстракция, как поэтизация природы или мифов, так и имитирование софистских или ораторских речей, позволял наполнить жизнью все, что создавал его гений. Язык Платона остается непревзойденным примером аттической прозы: без сомнения, он был первым, кто столько утонченным словом служил человеческой мысли.

Влияние Платона распространялось как благодаря его трудам, так и через лекции, которые он начал читать в 387 году в гимнасии, посвященном герою Академу, чуть северо-западнее ворот

Дипилона, возле Афин: отсюда и название «Академия», которое получила эта школа. Следует помнить, что другие ученики Сократа выбрали для себя иные направления: так, афинянин Антисфен, автор многочисленных несохранившихся диалогов и трактатов, основал школу киников, название которой произошло от Киносарга — гимназия в афинском квартале, где он преподавал, тогда как Аристипп из Кирены, теоретик удовольствия, стоял у истоков эпикурейства. Что касается учеников самого Платона, их всех затмила колоссальная фигура Аристотеля, законодателя западной философии. Но хотя этот философ и был современником Демосфена, его нельзя отделить от команды, которая работала под его началом и коллективное произведение которой, выполненное под руководством учителя, принадлежит эллинистическому миру.

* * *

Если платоновские идеи заканчивались политикой, как, впрочем, и у Аристотеля, это означало только то, что для истинного грека все сводилось к государству. Поскольку на сограждан можно воздействовать только силой слова, не удивительно, что греки первыми заложили основы красноречия, систематизировав риторику. Среди литературных жанров, именно этот наиболее тесно связан с развитием политической и правовой демократии, он развивался одновременно с ней и появился последним в истории классической письменности. Разумеется, к концу VI века, судя по свидетельствам Геродота, среди азиатских ионийцев появляются искусные ораторы, такие, например, как Аристагор из Милета. Позже политическая борьба в Афинах времен Фемистокла и Перикла дала прекрасный шанс тем, кто стремился научиться красноречию. Если речи, которые Фукидид, заимствовал у Перикла, не являются, строго говоря, подлинными, то, по крайней мере, историк заявляет (I, 22), что в отношении общего смысла он «придерживался как можно ближе того, что действительно было сказано»: благородный дух и строгая логика, которые восхищают нас сегодня, принадлежат, таким образом, оратору, а не историку. Но это красноречие было еще скорее спонтанным, чем сознательным: Перикл не мог поучиться у софистов, поскольку те появились в Афинах уже на закате его жизни.

Родившаяся на Сицилии в начале V века софистика представляла собой науку об умозаключениях, ориентированную на чисто утилитарные цели: она быстро становится практикой определенного образа мыслей, подкрепленного всеми языковыми ресурсами, обладающими силой убеждения. Мы уже говорили о том, какую роль она сыграла в философии. Еще важнее оказалось ее влияние на риторику. Последователи Горгия, Протагора, Продика первыми строго и четко сформулировали требования, предъявляемые к речи и стилю. В Афинах они нашли великолепную аудиторию, которая сумела извлечь пользу из их уроков: софист Антифон, бывший при этом политическим лидером, погибшим от рук сограждан в 411 году после поражения Совета четырехсот, оставил нам учебные образцы придуманных речей и несколько судебных защитительных слов. Метек Лисий, разоренный налоговыми посягательствами Тридцати тиранов, зарабатывал на жизнь составлением для сторон уже готовых защитительных речей, которые оставалось лишь зачитать в суде: те, которые дошли до нас, представляют собой блестящий образец безупречности языка, ловкости аргументации и совершенства простоты.

Ритор Исократ, умерший в 338 году в возрасте почти ста лет, больше всех других ораторов размышлял над своим искусством. Он имел тихий голос и слабое здоровье, что не давало ему возможности ораторствовать самому, поэтому он, как и Лисий, составлял защитительные речи для других, но большую часть своего времени посвятил преподаванию риторики, где ему замечательно удалось донести до юных афинян влияние платоновской Академии. В своих торжественных речах, которые он публиковал, но не произносил, как, например, «Панегирик», (названный так, потому что был посвящен *панегирии*, собравшей греков по случаю Олимпийских игр 380 года), Исократ блестяще использует общие места, украшая их очарованием гармоничной и уравновешенной речи: его похвальное слово родному городу Афинам в «Панегирике» имело такой успех, что само название этой речи приобрело впоследствии значение «хвалебная речь», в котором оно нам сегодня известно. Кроме того, Исократ отличался оригинальностью своей политической мысли. Понимая, что Греция истощалась во внутренних войнах, он полагал, что она должна положить конец всем разногласиям, чтобы под единым командованием

предпринять завоевание персидской Азии. Когда он понял, что Афины не в состоянии сыграть здесь решающую роль, как он о том мечтал, Исократ обратил свои надежды к Филиппу Македонскому: и действительно, в пророческом видении он разглядел будущее великое предназначение Александра.

Трудно представить себе две большие противоположности, чем Исократ и Демосфен. Один был кабинетным человеком, другой — активным деятелем. Один на досуге оттачивал свои изысканные пассажи, другой отдавался пламенному красноречию. Один полагал, что царь Македонии спасет древнегреческую культуру от упадка, другой с непримиримым энтузиазмом противостоял политике Филиппа. Но оба, каждый по-своему, восхищались величием своей общей родины. История в конечном счете подтвердила правоту учителя, а не политика: и тем не менее, говорят, что Исократ умер от душевного потрясения, узнав новость о Херонее, в то время как Демосфен, сохранивший твердость перед лицом поражения, удостоился высочайшей чести произнести хвалебную речь в честь погибших в сражении воинов. Мрачный, но гордый глашатай афинской независимости нашел в этой битве прекраснейшие моменты, на которые только могут вдохновить человека любовь к родине и стремление к общему благу: и нет позора в том, что он оказался на поле побежденных. Хотя его пылкие речи бичевали трусость, слабость, любовь к развлечениям и слепую легкомысленность сограждан, он оставил в наследство будущим нациям пример хвалебных речей, над которыми они не раз задумаются.

После этого прямого и порой гневного красноречивого выступления, явившегося образцом совершенного искусства, речи других современных ему политических ораторов, какими бы ни были их заслуги, казались бледными: Эсхин, главный соперник Демосфена, Гиперид и Ликург, о которых мы знаем по нескольким их произведениям, выступали как умелые, красноречивые, пылкие и даже страстные ораторы, но никто из них не способен тронуть нас сильнее, чем это делает Демосфен. На нем мы и завершим краткий обзор греческой литературы того времени, когда ее величие было неразрывно связано с независимостью полиса:

и в момент, когда эта независимость стала ослабевать,
этот человек, сражаясь за нее, подарил ей последнюю возможность ярко вспыхнуть.

Глава девятая ИСКУССТВО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Большинству наших современников шедевры греческой литературы и мысли доступны не в полной мере из-за языкового барьера. Зато лучшие произведения искусства, собранные в музеях, где их зачастую представляют с утонченной изысканностью, позволяют прикоснуться к греческому гению, который их задумал и создал. Начиная с энтузиазма Винкельмана и ему подобных, греческая скульптура, керамика, «медальоны» и украшения становились для ценителей непреодолимым соблазном, который в наши дни красноречиво выражается в высокой стоимости выставленных на аукционе вещей. Самая маленькая микенская ваза, самая простая статуэтка геометрического периода, простая серебряная монета или резной камень по своей стоимости приближаются к цене золота на рынках Лондона, Базеля или Нью-Йорка. Что уж говорить о больших мраморных или бронзовых изделиях архаического и классического периодов, о краснофигурных вазах, расписанных знаменитым мастером? Сегодня они бесценны. Такое пристрастие свидетельствует о том, насколько греческое искусство все еще соответствует нашему вкусу и нашим чувствам. Тем не менее нельзя сказать, что оно раскрывает нам тайны цивилизации, от которой дошли легко разгадываемые свидетельства. Хотя оно и предстает перед нами в знакомых формах, но эта легкость восприятия — лишь видимость. Чистой воды наслаждение, которое греческий шедевр представляет нашему взору, приученному его понимать благодаря векам классической традиции, не позволяет нам разглядеть суть послания, которое обычно в него

вкладывалось. Поскольку это произведение искусства имело некий смысл: оно, как правило, не было предназначено исключительно для эстетического удовольствия, но имело практическое или религиозное назначение, которому в первую очередь и соответствовало. Таким образом, прежде всего необходимо разгадать глубинное намерение художника, в противном случае мы рискуем интерпретировать его творение неверно. Достаточно двух примеров, связанных с хорошо известными памятниками.

О знаменитом барельефе «Скорбящая Афина», датированном серединой V века, много писали с тех самых пор, как он был обнаружен в афинском акрополе в 1888 году. Каких только разнообразных толкований он не породил! Богиня в шлеме, опирающаяся на свое копьё, склонилась к небольшому прямоугольному столбу и как бы небрежно его рассматривает. Предполагали, что Афина читала (по правде говоря, в позе не слишком удобной) надписи на стеле, где были указаны имена казначеев священных сокровищниц или дан список воинов, погибших на поле брани; другим представлялось, что отшлифованный мрамор стелы ранее имел некое изображение, но не в скульптурной форме, как остальная часть композиции, а в графической, и со временем это изображение стерлось; другие усматривали в так называемом столбе схематичный образ стены акрополя, которую перед этим частично восстановил Кимон; четвертые, наконец, считали его дорожным знаком святыни богини, которая, таким образом, своим копьём отмечала границу, отведенную для ее священной территории. Все эти объяснения были ошибочными, как показал недавно один надежный метод, заключавшийся в помещении монумента в ряд аналогичных, правильно дешифрованных источников. Многочисленные изображения на вазах, относящихся к тому же времени, что и барельеф, позволили совершенно правильно соотносить столб, о котором идет речь, с дорожным знаком, или *термой*, которая в тот период обозначала линию старта и финиша в беге на короткие дистанции. Именно эта *терма* привлекает внимание Афины, в честь которой устраивали Панафинейские игры, и которая, согласно легенде, сама занималась бегом. Богиня отнюдь не скорбит, и этот памятник не что иное, как *ex-voto*, которым победитель в беговых соревнованиях славил божественную покровительницу игр перед *термой* как перед символом состязаний, победу

в которых он праздновал. Это весьма прозаическое толкование, очевидно, целиком изменило наше отношение к барельефу, теперь уже лишенному таинственности, которая возбуждала наше любопытство. Оно уже не позволяло воображать мнимую скорбь Афины: но не лучше ли понять истинный смысл произведения, чем обольщаться обманчивыми фантазиями?

Другой пример не менее ярък. Прославленная бронзовая статуя из афинского музея, называемая «Юноша из Марафона», попавшая в сети рыбаков у северо-восточного берега Аттики через несколько лет после Первой мировой войны, все время вызывала интерес и восхищение знатоков. На ней виден юноша, еще очень молодой, застывший в неустойчивой позе; его левая рука протянута вперед с открытой ладонью, на которой лежал какой-то предмет, ныне пропавший; правая рука поднята, большой и указательный пальцы сложены вместе. Кто же — бог или смертный — представлен в этом шедевре скульптора IV века, отмеченном особым изяществом, свойственным работам Праксителя? Быть может, этот мальчик забавлялся тем, что правой рукой держал нить игрушки, сделанной из двух соединенных дисков, которая была известна уже в древности, а в наше время получила название йо-йо? Или это юный победитель игр, вытягивающий ручкой ленточку, символ своей победы, из шкатулки, находящейся в другой руке? Может, он веревкой крутит волчок, лежащий на ладони его левой руки? Сборщик ли это фруктов или виночерпий, наливающий вино в сосуд? Правильная версия была изложена сразу после открытия, и ее тут же подтвердил решающий аргумент: речь идет о юном Гермесе, который в соответствии с текстом «Гомеровского гимна» в честь этого божества, только что нашел на своем пути черепаху: он посадил ее на ладонь левой руки и, подняв правую руку, щелкнул в воздухе пальцами — этот выразительный жест современные греки до сих пор используют, как правило, для выражения радости. Собираясь сию минуту изобрести лиру, для которой панцирь черепахи послужит резонансным корпусом, юный бог приходит в простодушное воодушевление творческого воображения. Эта интерпретация, подтверждаемая соответствующими многочисленными наблюдениями, позволяет верно описать статую с помощью «Гомеровского гимна Гермесу» и воссоздать вокруг нее поэтическую и священную

атмосферу, в которой она была задумана: это произведение уже не просто пленяет наш взор, оно, кроме того, является свидетельством религиозной мысли своего времени.

Барельеф «Скорбящей Афины» и статуя «Юноши из Марафона» дают отличные примеры того, что греческое искусство в архаический и классический периоды было не только развлекательным, но и содержательным. Это никоим образом не легкомысленное искусство, созданное для эстетов и призванное усладить разум и чувства. Произведение искусства имеет определенный смысл, оно отвечает определенным потребностям и намерениям. Эстетическое достоинство вторично, и мы совершаем большую ошибку, думая, что художник творил прежде всего для красоты. На самом деле он стремился создать предмет, который бы соответствовал своему предназначению: храм — это прежде всего дом бога, а уже потом архитектурный памятник; статуя — это приношение, и только потом произведение пластического искусства; чаша — в первую очередь сосуд, предназначенный для питья, материал и украшения которого всего лишь увеличивают ее цену. Стендаль прекрасно сказал: «У древних красота — это лишь видимая часть полезного». Искусство ради искусства — это чуждая греческому сознанию теория.

* * *

Подтверждение этому можно найти, рассматривая место, занимаемое творцами в греческом обществе. Слава самых выдающихся среди них, Фидия, Иктина, Зевксида, Праксителя, не должна вводить в заблуждение. Воздержимся от того, чтобы приписывать их современникам суждение, вынесенное поколениями потомков! С великими мастерами классического искусства нас знакомят, главным образом, сочинения компиляторов, писавших в римскую эпоху: Плиния Старшего и Павсания, которых в свою очередь вдохновляли труды ученых эллинистического периода. Это искусствоведение — если можно его так называть! — отражает чувство эпохи, когда хороший вкус произведений искусства, воспитанный долгой традицией, приобрел академический характер и охотно обращался к прошлому: отмечено, что в своем «Описании Эллады», созданном во II веке н. э., Павсаний, который упоминает столько

имен мастеров, не называет ни одного, кто появился после II века до н. э. Такой антикварный интерес может частично поведать о манере, в которой греки в архаический и классический периоды рассматривали творцов при их жизни. Лишь редкие свидетельства, которые предоставляют авторы V и IV веков, Геродот, Платон, Ксенофонт, позволяют сделать несколько неоспоримых выводов, которые поначалу способны озадачить.

Первое необходимое замечание: среди девяти муз, дочерей Аполлона, представляющих собой благородные увеселения для ума, нет ни одной, которая бы покровительствовала архитектуре и пластическим искусствам. Их отсутствие показательное: оно означает, что в глазах греков дело архитектора, живописца или скульптора не относится к творческой сфере, как труд поэта, астронома или музыканта. Художник слишком зависит от материала, с которым он работает, чтобы находиться в одном ряду с теми, кто обращается со звуками и словами. Восхищение, которое вызывают результаты его труда, никак не связано с даром божественного вдохновения, признаваемым за любимцами муз: художника рассматривают в первую очередь как ремесленника.

Отсюда второе свидетельство, предоставляемое самим пластическим искусством. Известно, что в римскую эпоху состоятельные ценители (Цицерон и Плиний Младший нас в этом заверяют) любили окружать себя портретами великих мыслителей, поэтов и ораторов. Ими украшали библиотеки и сады. В большом количестве также копировали настоящие и предполагаемые изображения Гомера и Платона, Сократа и Еврипида, Демосфена и Эпикура, некогда запечатленные греческими скульпторами IV века или эпохи эллинизма. Многие из этих портретов сохранились и составили весьма привлекательную галерею известных лиц. Но в этом богатейшем ансамбле нет ни одного художника, ни одного скульптора. Говорят, Фидий изобразил самого себя на щите Афины Парфенос в образе легендарного скульптора Дедала рядом с Тесеем, которому придал черты Перикла, но афиняне оскорбила бы такая вольность, которую они сочли бы святотатством. Эта история, без сомнения, вымышленная, и попытки восстановить подлинный портрет Фидия по копиям знаменитого щита завершились ничем. В действительности нам не известен облик великих греческих художников. Никто из них, по нашим сведениям,

не оставил ни своего узнаваемого автопортрета, ни портрета своих собратьев. Никто не помышлял даже просить их об этом, а не то что бы устанавливать их изображения в общественном месте. Тот животрепещущий восторг, который испытывали от их произведений, не распространялся на их личности.

Это отношение, которое может показаться удивительным, напротив, прекрасно согласуется с иерархией общественных ролей в восприятии греков. Поскольку художник был, с их точки зрения, по сути ремесленником или, как говорили сами греки, *банаусом*, он не мог претендовать на уважение, которое заслуживал бескорыстный труд. Когда Сократ у Платона ведет разговор о Фидии, он пользуется термином «демиург», то есть «творец», «мастер», и затрагивает живописцев или скульпторов лишь для того, чтобы сравнить их с умельцами в различных областях ручного труда или техники. В другом месте Платон нам сообщает, что софист Протагор, бравший очень высокую плату за свои уроки, зарабатывал столько же серебра, сколько Фидий и десять других скульпторов вместе взятые. Но к самим софистам, какой бы ни была их репутация, относились с некоторым пренебрежением, поскольку их деятельность не была бескорыстной. Понятно, насколько далеко было место художников от первых рядов в греческом обществе. И все же их скромное положение, ничуть не умалявшее качества их искусства, скорее ему способствовало. Если искусство — это главным образом техника, значит, художник должен показать себя мастером в своем деле: он бы не смог ни отделить вдохновение от мастерского владения техникой, ни сделать так, чтобы одно не мешало другому. Таким образом, его общественное положение хранило его от опасности впасть в поверхностность или примитивизм.

* * *

Именно этот приоритет технического мастерства, повсеместно признанный и художниками и публикой, объясняет исключительное качество греческих произведений в целом. Разумеется, в Греции того времени творили не только мастера первого ранга. В запасниках наших музеев хранится множество посредственных произведений скульптуры и керамики. Но даже эти посредствен-

ные произведения отличаются определенным качеством исполнения, которое отражает любовное отношение мастера к своему труду и его безупречное владение техникой. Отсюда также качество больших скульптурных ансамблей, которые были оставлены греками и которые составляют огромную массу подлинных произведений великой эпохи: фриз и фронтоны сокровищницы острова Сифнос, метопы сокровищницы афинян в Дельфах, метопы и фронтоны храма Зевса в Олимпии, метопы, фризы и фронтоны Парфенона, фризы города Бассы в Фигалии, украшения мавзолея в Галикарнасе. Разумеется, столь значительные ансамбли — произведения коллективного труда, обязанные целой армии исполнителей: скульптуры Парфенона создавались в течение пятнадцати лет, с 447 по 432 годы, в продолжение которых были изваяны 92 метопа, 160 м скульптурного фриза (с 360 персонажами) и 40 колоссальных статуй фронтонов. Можно представить, какие организационные проблемы ставила перед мастером такая работа, что совершенно очевидно сегодня и что, конечно же, должен был осознать сам Фидий. Это сотни исполнителей, работавших на строительстве акрополя: мраморщики и каменщики, живописцы и золотых и серебряных дел мастера — каждый со своими учениками или рабами. И тем не менее, все эти работники, без сомнения разных возрастов и талантов, должны были приспособиться к общей дисциплине и подстроиться под манеру Фидия, чтобы фриз не выделялся своей разнородностью, а, напротив, производил исключительно целостное впечатление. Результат, который нас изумляет, стал возможен только благодаря тому, что каждый художник отказался в пользу совместного произведения от поисков творческой оригинальности. Можно совершенно безошибочно предположить, что этот отказ им почти ничего не стоил: каждый понимал, что он должен делать свое дело, то есть свою часть произведения в соответствии с указаниями мастера, а не позволить раскрыться собственному таланту в ущерб работавшим с ним рядом.

Так же успешно эта задача была решена двадцатью годами ранее в храме Зевса в Олимпии, где неизвестный мастер, задумавший метопы и фронтоны, сумел придать своему коллективу работников необходимую для реализации замысла сплоченность: так стали возможны эти чудесные мраморные композиции, в которых чувствуются отголоски Эсхила и Пиндара и которыми мы,

скорее всего, обязаны Пеонию из Менде — создателю Нике, посвященной мессенцами Олимпии. Еще любопытнее, вероятно, пример галикарнасского мавзолея (середина IV века), для работы над которым, согласно нашим источникам, объединились четыре знаменитых скульптора: Скопас, Леохар, Тимофей и Бриаксий. Каждый пришел со своей группой рабочих, чтобы принять участие в украшении великой монументальной усыпальницы. Но уже более века археологи тщетно пытаются разделить восстановленные из руин фрагменты на четыре группы, чтобы приписать их кому-либо из четырех мастеров: насколько эти художники, бывшие при этом знаменитыми и, без сомнения, обладавшими индивидуальным «стилем», смогли подчинить свой собственный талант требованию необходимого сотрудничества! Сознание коллективной работы и уважение к техническому мастерству — главные качества греческого скульптора.

Уважение к технике исключало любую неуместную торопливость в исполнении. Когда речь идет о том, чтобы сделать хорошо, не стоит считаться со временем. Подлинные документы позволяют оценить заботу, которую греческие мастера проявляли о своем произведении. Мы располагаем подсчетами расходов, затраченных на скульпторов фриза Эрехтейона в афинском акрополе в конце V века. За одну из сохранившихся групп на самом верху рельефа, изображающую сидящего на корточках юношу и стоящего мужчину, мастер получил 120 драхм, то есть по драхме в день — это средний заработок высококвалифицированного рабочего за четыре месяца: при этом группа достигала в высоту всего 0,58 м и мрамор рабочим уже был доставлен. Так оценивали медлительность и кропотливость работы. Подобная усердная добросовестность обнаруживается в создании больших бронзовых статуй: детальное изучение дельфийского «Возничего» обнаруживает, что уже после отливки над статуей была проведена значительная дополнительная работа: с помощью ковки были устранены видимые недостатки, произведенные пузырьками воздуха и шлаками, а потом уже резцом была подчеркнута форма скульптуры.

В архитектуре мы видим подобную же заботу об исключительной завершенности: колонны дорического здания украшались канелюрами только после помещения их на цилиндрическую базу. Таким образом достигали точного соответствия между гранями

камня по всей высоте колонны. В храме Сегесты, на Сицилии, который датируется концом V века, непредвиденные события помешали строительству на этом этапе работы, и колонны сохранили свою гладкую форму. После того как стена устанавливалась на фундамент, она тщательно выкладывалась и подвергалась обтесыванию сверху донизу. Известно, какая отделочная техника применялась в создании таких стен: каждый блок скреплялся с другим при помощи металлических скоб, и с лицевой стороны стыки были абсолютно ровными благодаря рамкам, старательно нанесенным резцом по всей окружности каждой из них. Так что археологи сегодня могут точно определить точное место каждого камня в такой разрушенной стене.

Не меньшей была кропотливость в искусствах, называемых декоративными, в которых так отличилась Греция архаического и классического периодов. Резчики довели свое искусство до совершенства: будь то резьба по твердому камню в инталиях или чеканка по металлу в монетных штампах. Их острый глаз и уверенная рука придали поистине монументальный характер этим небольшим шедеврам, которые, даже в стократном увеличении на фотографии, не теряют ни точности пропорций, ни четкости формы: не многие произведения способны выдержать подобное испытание!

Новые научные работы позволяют лучше понять сложность техники, которой греческое искусство VI и V веков обязано большим числом своих самых прекрасных произведений. Английские и немецкие химики и археологи, показав отличный пример сотрудничества в науке, совместными усилиями разгадали наконец тайну знаменитого черного «лака», который придавал аттическим вазам их исключительное качество. На самом деле это не лак: тонкая черная пленка изготавливалась посредством растворения глины в воде. Этот коллоидальный раствор готовился из беспримесной глины, его оставляли испаряться, пока он не приобретал консистенцию жидкого желе темно-коричневого цвета, а затем наносили кистью на вазу перед обжигом. Именно в процессе обжигания это покрытие становилось черным благодаря хорошо известным сегодня процессам. В печи, доведенной сначала до температуры около 800°, происходило окисление с образованием окиси железа, которая придавала глине ее красный цвет. Тогда начиналась вторая фаза обжига с химической реакцией восстановления: гончар

закрывал дымоход, и температура поднималась примерно до 945°, под воздействием обильно выделявшегося оксида углерода красная окись железа превращалась в закись железа или в магнетическую окись железа — то и другое черного цвета; чтобы ускорить реакцию, использовали испарение воды: в огонь подкладывали сырые дрова или помещали в печь чашу с жидкостью. Если процесс на этом заканчивался, вазы получались полностью черными наподобие этрусских *буккери*. Но происходила третья фаза, с частично повторяющимся процессом окисления и незначительным охлаждением с 945° до примерно 875°: открывали заслонку, позволяя воздуху снова поступать в печь. На участках пористой глины закись железа или магнетическая окись железа поглощали кислород и вновь становились красной окисью железа, но там, где ваза была покрыта составом, такого процесса не происходило. Поскольку состав благодаря исключительной тонкости частиц имел плотную консистенцию, препятствовавшую повторному проникновению кислорода, повторное окисление не проявлялось и покрытие оставалось черного цвета. Когда обжиг завершался, фон вазы был красным, а поверхность, покрытая составом, становилась красивой, черной, блестящей. Эта сложная операция, которую гончары из квартала Керамик должны были освоить опытным путем и постепенно, имела в их глазах таинственный характер, даже когда они в совершенстве ею овладели. Считалось, что эти ремесленники, работавшие с огнем, призывали божественное покровительство Гефеста и Афины, объединенных общим культом в храме, который сегодня неправильно называется Тесейоном и который в то время был главным в их квартале.

Стремление греков к высокой виртуозности в технике лучше всего проявилось в так называемой *хрисозлефантинной* скульптуре из золота и слоновой кости. Формировавшийся в течение архаического периода, этот вид искусства, на сегодня безвозвратно утерянный, достиг своего апогея в колоссах Фидия: Зевсе Олимпийском и Афине Парфенос в акрополе. Эти громадные статуи достигали 12-метровой высоты. Каркас их был полым и поддерживался арматурой несущей конструкции. На плиточном полу Парфенона до сих пор видно место центрального бруса, который поддерживал арматуру Афины Парфенос. Сам корпус статуи был деревянным, он держался на этой конструкции и собирался из

отдельных деталей. Затем на него накладывались тонкие пластины слоновой кости и золота: слоновая кость применялась для обнаженных частей статуи и закреплялась при высокой температуре, а листы золота, украшенные чеканкой, предназначались для одежды, волос и разной атрибутики и прибавались к деревянной основе. Инкрустациями из драгоценных и полудрагоценных камней придавали блеск глазам или украшали некоторые детали наряда. Можно представить, сколько трудностей самого разного характера встречал мастер в процессе этой коллективной работы, которая требовала профессиональных знаний не только скульптора, но и в равной мере золотых и серебряных дел мастера и ювелира. Кроме того, законченную статую нужно было хранить с особой заботой, следить, чтобы конструкция не расшатывалась, материалы не отделялись и не тускнели, крысы и термиты не портили несущую конструкцию. Меры предосторожности принимались с самого момента установки: землю поливали водой или маслом, чтобы избежать ссыхания дерева. В Олимпии семья, претендовавшая на происхождение от Фидия, была обязана содержать статую Зевса в порядке: тем не менее понадобились реставрационные работы, подобные тем, которые скульптор Дамофон из Мессены провел во II веке до н. э.

Техническая смелость вызывала восхищение публики во всех областях: больше всего греческие живописцы ценились за оптические эффекты, свидетельствующие об их совершенной кисти. Восхищение вызывала, например, аллегорическая фигура «Опьянение» (Мефэ), которую в IV веке Павсий представил в образе женщины. Ее лицо просвечивает сквозь большой сосуд, из которого она пьет: верность передачи этой светопроницаемости восхищает знатоков. Примечательно, что в ту же эпоху скульпторы Кирены успешно пытались воспроизвести в некоторых погребальных статуях женское лицо, просматриваемое сквозь тонкую вуаль, закрывающую его наполовину.

Таким образом, греческий художник представляется нам, прежде всего, специалистом, влюбленным в красоту и сформировавшимся долгой практикой в традициях мастерской. Не стремившийся к новшествам, он гордился тем, что у него был учитель, и он с удовольствием напоминал об этом: два скульптора из Арго-са, которые в конце VI века оставили свои подписи в святилище

Олимпии на основании одной из статуй, недвусмысленно гордились, что учились своему искусству у предшественников. Когда античные историографы упоминали художника, они считали важным сообщить, чей он ученик: представление о школе, которой современная археология приписывает иногда исключительную значимость, частично идет отсюда. Верность прошлому отражала прочную связь художника с социальной средой. Свободный труженик, бывший среди своих соотечественников представителем среднего класса ремесленников и мелких собственников, которые обычно составляли силу полиса, он выражал чувства и стремления общества, в котором находил свое место.

* * *

Это общество, прежде всего, требовало от него отвечать на свои потребности в сакральной сфере. Антропоморфная религия, в которой культ был тесно связан с божественным образом, нуждалась в большом количестве художников. От него требовалось придать конкретную форму мысленному образу, который обожествляли его соотечественники. Следовательно, нужно было изучить человеческий образ, потому что боги выглядели как люди, и придать ему с помощью искусства ту совершенную красоту, которая была достойна божества. Натурализм и идеализация — две взаимодополняющие, а не противоречащие друг другу тенденции греческого искусства. Первая проявляется в постоянном с периода высокой архаики стремлении к анатомически точному воспроизведению: в вазописи и скульптуре можно четко проследить прогресс в изображении глаза, мускулатуры живота или в очертаниях колена. Но в то же время художник пытается умом постичь тайны тела, которое он изучает: он убежден, что красота заключена в математическом соотношении, рациональном или иррациональном, в котором наш разум может найти закономерность. Отсюда важность понятий *ритма* и *симметрии*, подлинное значение которых сегодня от нас скрыто из-за отсутствия точной дефиниции; но документы убеждают нас в том, что эти понятия были эстетическими критериями и вызывали огромный интерес у самих художников.

С этим связаны стремления разработать систему идеальных пропорций для человеческой фигуры. Этим вопросом занимался

скульптор Поликлет, работая над своим «Каноном», то есть «правилом», а затем блестяще воплотил свои изыскания в статуе, — возможно, в знаменитом «Дорифоре» («Копьеносце»), многочисленные копии которого нам известны. Атлетическая скульптура, которой Поликлет усердно занимался, представляла благодатное поле для подобных изысканий. Изображая обнаженных атлетов, ваятель должен был представить человеческое тело во всем его совершенстве. Поликлет сумел выразить осознанное восхищение греков мужской красотой, сочетавшей в себе физическую силу и самообладание. Пластический идеал, найденный таким образом, отвечал стремлению общества, для которого человеческая мера была мерой всех вещей и в глазах которого лучше всего человек совершенствовался в разумных видах спортивных состязаний. Этот идеал, исполненный интеллектуальности, тесно связан с реальностью, которую он украшал и возвышал, подчиняя закону чисел.

Значит ли это, что подобное внешнее совершенство полностью удовлетворяло греков? Восхищаясь им, они признавали его границы: римский ритор Квинтилиан, писавший в I веке н. э. и руководствовавшийся ранними греческими авторами, говорил следующее: «Если Поликлет сумел придать строению человека сверхестественную красоту, то лишь для того, чтобы выразить божественное величие». Полный смысл этой фразы обнаруживается, если сопоставить ее со словами того же Квинтилиана о Фидии, который «обогастил в какой-то мере традиционную религию». Избрав отправной точкой человеческий образ, один из этих художников достиг строгого внешнего совершенства, казавшегося, правда, немного холодным и безжизненным, другой поднял предназначение человека, дав ему непосредственную способность воспринимать сверхъестественное величие. Антропоморфный образ отражает, таким образом, и гуманистический идеал, и божественную трансцендентность. В этом все богатство эллинизма.

Культовая статуя являлась самой высокой планкой для скульптора, подобно храму для архитектора, но перед художниками стояли и другие задачи, которым они отдавались с тем же пылом и той же добросовестностью. Отделка священных сооружений, надгробных памятников, внутреннего убранства культовых помещений была невозможна без них и будила их воображение. Сокровищница древних мифов предоставляла богатый материал. Его

использовали также для создания бытовых предметов. Публике эти мифы были знакомы, поэтому художнику не нужно было быть многословным: нескольких характерных черт или, по крайней мере, подписи было достаточно, чтобы персонаж был узнаваем. Так что художник мог перейти непосредственно к главному. Отсюда строгость греческих произведений, где важна каждая деталь и где сдержанность стиля приобретает экспрессивную силу. Две пары воинов напоминают о троянской битве, точно так же как яблоко в руке Геракла наводит на мысль о легенде о Гесперидах, а подрезанный ствол изображает лес. Этот умный народ умел понимать с полуслова: он любил искусство, изобилующее намеками и символами, которое все время прибегало к активному участию зрителя, стремилось высказать как можно больше с как можно большей экономией средств и при помощи таких приемов, как метонимия и литота. Это искусство вдохновлялось ежедневными наблюдениями, но стремилось выражать то, что вечно. Оно допускало экспрессивное выражение, но отвергало жестикуляцию. Оно великолепно могло рассказать историю, но прежде всего находило удовольствие в постижении непрерывной сущности бытия: лучше всего дух классической Греции выражают одиночные фигуры, сидящие и стоящие, обнаженные и одетые, мужские и женские, которые размышляют или мечтают, а чаще всего, не имея какой-то особой мысли или действия, вечно живут тихой, восприимчивой и возвышенной жизнью. Не пренебрегая мелкими деталями, которые великолепно использовали вазописцы, классическое греческое искусство стремилось к высокому. Это животрепещущее и яркое искусство: не будем забывать, что все мраморные статуи тоновались, чтобы подчеркнуть ощущение реальности. Но воздействуя на чувства, искусство было обращено к разуму, и именно удовлетворить его оно стремилось посредством чувственного восприятия.

* * *

На службе у частного лица или полиса, мерой которого был человек, греческий мастер обретает и укрепляет ощущение своей собственной индивидуальности. Греческое искусство первым раскрыло личность художника. У самых истоков находится легенда, связанная с именем Дедала, родоначальника и покровителя скульп-

торов, происхождением от которого, шутя, хвалился Сократ. Другой легендарный мастер, Эпей, считался строителем троянского коня. О них обоих свидетельствуют еще произведения классического периода. С этих выдающихся предков начинается непрерывная линия скульпторов: в конце VII века критяне Дипойн и Скил-лид объявили себя Дедалидами, то же самое сделали и их ученики, Тектей и Ангелион, создатели огромной статуи Аполлона на острове Делос, которую видел и воспел Каллимах. Именно в Греции скульпторы ввели традицию подписывать свои произведения: их сохранившиеся автографы так многочисленны, что их объединили в особый сборник, ставший главным источником по истории искусства. Их свидетельства обогащают и дополняют сообщения Павсания, старательно фиксировавшего имена известных художников, подписавших свои статуи. Обычай скульпторов переняли гончары: в VI веке мастера по керамике в Аттике стали подписывать свои самые прекрасные вазы либо как художники, либо как гончары. И здесь документов сохранилось такое большое количество, что они предоставили археологам прочное основание для хронологических и стилистических классификаций. Ученые всегда стремились точно определить «манеру» главных художников: то, что это усилие увенчалось особым успехом в расписной керамике, где художники были лишь скромными ремесленниками, обнаруживает, в какой мере эллинистическое общество покровительствовало расцвету индивидуального таланта.

Значит ли это, что мы можем легко распознать этих талантливых людей во всех областях? К сожалению, нет. Что касается скульптуры, сохранившиеся произведения по преимуществу анонимны, а подписи обнаруживаются обычно на пустом цоколе, в то время как литературные источники сообщают о великих мастерах. Попытки собрать воедино части этой мозаики продолжают, но остаются огромные пробелы. Что касается живописи, представленной в V веке Полигнотом и Паррасием, а в IV веке, до начала эпохи Александра Македонского, — Зевксидом, Евфранором и Павсием, она до сих пор совершенно нам не известна: задние планы картин и грубые подражания, которые угадываются на фресках или мозаиках римской эпохи, заставляют горько сожалеть о том, что искусство, столь блистательное, столь единодушно восхищавшее современников, исчезло, не оставив нам ни

одного подлинного произведения. Зато судьба донесла до нас множество резных камней и чеканных монет: они свидетельствуют о том, что, подобно гончарам, резчики гордились своей виртуозностью и старались иногда сохранить авторство своих произведений. Действительно, Евзнет, Кимон и Евклид, которым обязаны прекрасные сиракузские монеты конца V и начала IV века, нисколько не уступали лучшим скульпторам своего времени.

Известность, которую получали некоторые художники, обеспечивала их заказами, которые выходили далеко за рамки их родного полиса или даже региона. Начиная с архаического периода это установленный факт: Спарта в VI веке обращалась к архитектору Феодору с Самоса и скульптору Бафиклею из Магнесии, которые были ионийцами. В свою очередь Милет чуть позже просил уроженца Сикиона Канаха изваять культовую статую для храма Аполлона. Дорийский город Кирена высоко ценил аттическое искусство. Тираны Сиракуз заказывали приношения по обету разным мастерам. Панэллинские святилища, Дельфы и Олимпия, привлекали скульпторов разного происхождения в поисках работы и играли роль постоянной выставки произведений искусства. Бронзовые, золотые, серебряные, терракотовые предметы декоративного искусства, вазы, стенные ковры путешествовали из одного конца греческого мира в другой, благопривествуя смешению стилей и их взаимному обогащению. Понятно, что своеобразии местных школ в этих условиях очень трудно описать: зачастую оно стирается на фоне общей эволюции стиля, которая почти везде идет одним путем, или в результате влияния великих мастеров. В конце концов, нас интересует не столько стиль того или иного полиса, сколько вообще искусство, которое нас так поражает. Конечно, распространение влияния некоторых центров, особенно Афин, было определяющим для формирования общей эстетики. Но примечательно, что ее распространение было таким быстрым и действенным: в таких отдаленных местах, как Кирена, Селинунт или Посейдония-Пестум, найдены шедевры, сравнимые с лучшими произведениями материковой Греции. В области искусства, как и в области литературы, вопреки политической разобщенности, греческая культура рано осознала свое единство.

А

Агальма

Образ бога, культовая статуя.

Агесилай

Родился в 444 году, царь Спарты с 401 года. Провел ряд блестящих кампаний в войне с Персией в Малой Азии, но был отозван в Грецию для защиты Афин и Фив у Королеи в 394 году. После заключения Анталкидова мира (386) он установил спартанскую гегемонию на территории всей Греции и поддерживал олигархические режимы. Однако он не смог препятствовать возвышению Фив. В 361 году поступил на службу к египетским государям Тахосу и Нектанебу. Умер по пути из Египта в 360 году. Плутарх посвятил ему одно из своих «Сравнительных жизнеописаний».

Агора

Городская площадь. Здесь проводились культовые мероприятия, посвященные мифической истории (богам, героям) и религиозным праздникам (первые теат-

ральные представления в Афинах). Это также центр политической жизни города, место проведения народных собраний. Здесь же располагались общественные учреждения (*булеветерий*, здание магистрата, трибунал, архивы) и наиболее значимые памятники. В классическую эпоху агора служит еще и торговой площадью.

Агораномы

В Афинах государственные деятели, в ведении которых находились рынки, а также контроль над весами и мерами.

Агригент

Греческий город на средиземноморском побережье Сицилии, основанный жителями города Гела в 580 году на равнине, вокруг которой было построено множество крупных храмов. Был завоеван и разграблен Карфагеном в 406 году и вновь заселен лишь в IV веке.

Акрополь

Возвышенная часть древнегреческого города, служившая оборонным

укреплением. Здесь же проводились наиболее важные богослужения.

Алкей

Лирический поэт, родился на острове Лесбос около 630 года в аристократической семье. Был втянут в борьбу против тирана Питтака и был вынужден бежать во Фракию, а затем в Египет. В итоге он вернулся на родину. Сохранившиеся отрывки его произведений отражают следы этой политической борьбы. Он также писал гимны и схилии, посвященные пиршествам.

Алкивиад

Афинянин, сын Клиния, родился около 450 года. Воспитанник Перикла, ученик и друг Сократа. Аристократ по происхождению и вкусам, наделенный незаурядным умом и красотой, но эгоистичный по натуре, тщеславный и беспринципный человек, он поразил своих соотечественников щедростью и начал играть важную роль как политик. В 417 году стал стратегом вместе с Никием, и в 415 году по его предложению была предпринята экспедиция на Сицилию. Обвиненный в осмеянии Элевсинских мистерий и уничтожении статуи Гермеса, он отказался вернуться в Афины и предстал перед судом. Заочно приговоренный к смертной казни, он перешел к спартамцам и убедил их поддержать Сиракузы и занять Декелею в Аттике. Спартанские военачальники, исполненные зависти к пришельцу, вынудили его обратиться к сатрапу Тиссаферну (412). Впоследствии он возобновил отношения с афинскими заговорщиками, в 411 году возглавил эскадры Самоса и Геллеспонта, ко-

торые остались верны демократии, и участвовал в свержении олигархического режима Четырехсот. После побед при Абидосе (411) и Кизике (410) и взятия Византия (409) он в 407 году с триумфом вернулся в Афины. После ряда поражений в других экспедициях он был вынужден бежать во Фракию (406), где он был убит по приказу так называемых Тридцати (404). Плутарх посвятил ему одно из своих «Сравнительных жизнеописаний».

Алкман

Лирический поэт родом из Сардинии, жил в Спарте во второй половине VI века; автор гимнов для исполнения хором молодых девушек (*парфениев*).

Алкмеониды

Афинский аристократический род, к которому принадлежали Мегакл и Клисфен. По материнской линии Перикл также был выходцем из этой семьи.

Амасис

Египетский фараон, принадлежавший саисской династии, прославившийся своим филэллинизмом. Правил с 568 по 526 год.

Амфиарай

Один из аргосских руководителей похода Семи против Фив. Был поглощен разверзнувшейся землей вместе с повозкой. Почитался как божество и герой-целитель в Оропе, на севере Аттики. В его храме находился оракул.

Амфидромия

Обряд, в ходе которого новорожденный ребенок приобщался к семейному культу.

Амфиктиония

Лига, или союз, племен, обитавших в одном регионе и объединившихся вокруг общего святилища. Члены совета лиги назывались *амфиктионами* (*amphictions* — редко используемое в орфографии написание, но хорошо отражающее этимологию слова: «живущие вокруг»). Античность знала множество таких союзов: существовали Делосская, Кикладская, Калаврийская (в Аργοлиде) амфиктионии. Самым известным был союз племен, объединившихся вокруг святилищ Деметры в Анфеле, недалеко от Фермопил, и Аполлона в Дельфах, в который входили двенадцать племен северной и центральной Греции. Решения этой амфиктионии имели большое значение. Собrania делегатов (или иеромнемонов) проводились два раза в год: весной — в Анфеле, осенью — в Дельфах.

Амфиполь

Греческая колония во Фракии, расположенная в низовьях Стримона, основанная в 436 году. Осаждена и взята Брасидом в 422 году. Завоевана Филиппом в 357 году.

Анакреон

Лирический поэт, родился в Теоесе, в Ионии, в середине VI века. Бежавший от персидского завоевания, он жил при дворе Поликрата, затем, после 522 года, — при дворе Писистрата. После смерти Гиппарха уехал в Фессалию.

Анаксагор

Родился в Клазоменах, в Ионии, около 500 года; возможно, был учеником философа милетской шко-

лы Анаксимена. Жил в Афинах и учился у Перикла, Еврипида и, возможно, Сократа. Обвиненный политическими соперниками Перикла в оскорблении богов, удалился в Лампак, недалеко от Геллеспонта, где и умер в 428 году.

Анаксимандр

Философ, родом из Милета, жил в первой половине VI века.

Анаксимен

Философ, представитель милетской школы, воспитанник Анаксимандра (первая половина VI века).

Андокид

Афинский политик и оратор, родился в аристократической семье около 440 года. Замешанный в процессе Алкивиада об осмеянии таинств и уничтожении статуи Гермеса в 415 году, он был лишен политических и религиозных прав и был вынужден отправиться в изгнание. Попытка возвращения в 411 года завершилась новым изгнанием, после этого он вернулся в 403 году вместе с Фрасибулом. Сохранившиеся выступления: «О таинствах» (399), «О мире» (391).

Анталкид

Спартанец, вел переговоры с персами о мире в 387 году (Анталкидов мир).

Антестерии

Праздник в честь Диониса в Аттике.

Антимах

Поэт из Колофона. Творил в конце V — начале IV века. Автор эпической поэмы «Фивиада» и элегии

«Лида», рассказывающей о несчастной любви. Его высоко ценил Платон, однако впоследствии он был сильно раскритикован, в частности Каллимахом в III веке. Его произведения сохранились лишь в незначительных отрывках.

Антисфен

Философ, родился в Афинах около 445 года, сын гражданина и рабыни. Ученик софистов и Сократа, основатель школы киников (от названия школы Киносарг, где он занимался со своими учениками). Умер около 365 года.

Антифон

Афинский оратор, родился около 480 года. Играл важную роль в перевороте Четырехсот, вел переговоры со Спартой, был обвинен в измене Фераменом и приговорен к смерти в 411 году. Оставил несколько судебных выступлений. Преподаватель риторики, был учителем Фукидида.

Апелла

Народное собрание в Спарте.

Аргинусы (острова)

Расположены между Лесбосом и малоазийским побережьем. Морская битва в 406 году.

Аргос

Город в Арголиде, расположенный на равнине, немного в стороне от моря (Навплийский залив), у подножия двух холмов — Аспида и Ларисы. От Микен унаследовал первенство в богатом земледельческом регионе, центральной в этой части Пелопоннеса. Наибольшего расцвета город достиг

в конце VIII века, в период правления царя Фидона, который считался изобретателем монеты. Впоследствии, став достаточно могущественным, чтобы распространять свой авторитет на соседние города, Аргос был вынужден вести бесконечные войны со Спартой, ставшей его серьезной соперницей на Пелопоннесе. Аргос был союзником Афин в войнах V и IV веков. Память о микенских царях, которые, согласно легенде, перенесли столицу из Микен в Аргос, а также слава местных скульпторов VI и V веков (в особенности, знаменитого Поликлета) способствовали возвращению этого знаменитого города в эллинский мир.

Ареопаг

Верховный трибунал в Афинах, созданный, согласно легенде, Афиной, чтобы осудить Ореста. Он размещался на холме Ареса (Ареопаг), почему и получил свое название. Состоял из бывших архонтов. Обладавший поначалу огромным политическим влиянием, после реформ Эфиальта (462) ареопаг потерял часть своих функций, оставив за собой лишь судебные полномочия: дела об отравлениях, предумышленных убийствах, пожарах, святотатствах.

Арефоры

Девочки из высшего афинского общества, которые по двое в течение года жили на акрополе в специальном доме. Они принимали участие в культе Афины Паллады. После исполнения тайного обряда (перестановка священных предметов) по истечении года их заменяли двумя другими.

Арион

Лирический поэт, родился в Мегимне, на острове Лесбос, в конце VII века, прославился тем, что был спасен дельфином, когда тонул в море.

Аристид

Афинский политик, родился около 540 года в аристократической семье, принадлежавшей к элевсинским Керикам. Благодаря своей неподкупности получил прозвище Справедливый. Стратег во время Марафонской битвы, архонт в 489 году, он выступил против Фемистокла и был подвергнут ostracismu в 483 году. Вновь призванный во время второго персидского вторжения, он принял участие в битве при Саламине, в морских операциях на Кипре и в Византии. Руководил справедливым разделением дани между союзниками. Умер в 468 году.

Аристогитон

См. Гармодий.

Аристокл

Аттический скульптор конца VI века. Известен по двум подписям, одна из которых поставлена на знаменитой стеле, изображающей воина Аристиона.

Аристофан

Самый значительный среди афинских комедиографов, типичный представитель древней комедии. Сын Филиппа, родился около 445 года, первую пьесу написал в 18 лет в 427 году под вымышлен-

ными именами. С неистовым вдохновением, несравненным остроумием и изобретательностью в своем жанре, блестящим владением словом, Аристофан стал автором сорока пьес, из которых до нас дошли лишь одиннадцать. Это «Ахарняне» (425), «Всадники» (424), «Облака» (423), «Осы» (422), «Птицы» (414), «Фесмофории» и «Лисистрата» (411), «Лягушки» (405), «Женщины в народном собрании» (392?) и «Плутос» (388). Большинство этих пьес — злободневные произведения, полные намеков на современную реальность и политической сатиры. Его первые произведения, написанные до заключения Никиева мира, наполнены критикой против демагога Клеона и выступлениями за прекращение войны со Спартой, дабы вернуть крестьян к их сельской работе. Сократ в «Облаках» и Еврипид в «Ахарнянах» и «Лягушках» также подвергаются резкой критике. *Laudator temporis acti*, Аристофан охотно воспеваает совершенство былых нравов. Он бичует и обличает продажных политиканов, недобросовестных чиновников, порочных и развратных людей. Его два последних сохранившихся произведения прокладывают дорогу для средней аттической комедии.

Архегет

Герой-основатель города.

Архелай

Царь Македонии в 413—399 годах. При его дворе в Пелле жили многочисленные греческие поэты, в частности Еврипид, и художники, например Зевксид.

Архилох

Лирический поэт, родился в Паросе в начале VII века. Принимал участие в колонизации Фасоса и в войнах между переселенцами и варварами. Сохранились лишь фрагменты его произведений (*ямбы*), часто очень пылких по своему тону.

Архонт

Родовое название («тот, кто правит»), даваемое некоторым магистратам. В Афинах после середины V века архонты сохранили лишь религиозные и судебные функции. По имени архонта-эпоныма называли год, он регулировал календарь, председательствовал на Великих дионисиях, занимался вопросами наследства, проблемами вдов и сирот; архонт-басилей ведал культом; архонт-полемарх проводил похороны граждан, погибших на войне, и занимался вопросами метеков и иностранцев. Шесть архонтов-фесмофетов возглавляли трибунал. Архонты выбирались по жребию между кандидатами из граждан трех первых разрядов по принципу: один кандидат от филы. Бывшие архонты входили в Совет ареопага.

Асклепий

Бог врачевания, чей храм находился в Эпидоре.

Ахарны

Город в Аттике, недалеко от горы Парнас, немного севернее Афин. В своей комедии «Ахарняне» Аристофан рассказывает о жизни местных крестьян — производителей лесного угля.

Б**Бафикл**

Архитектор и скульптор родом из Магнесии на Меандре (Иония). Его произведения относятся к VI веку. Был приглашен в Спарту, чтобы строить и украшать монументальный ансамбль, так называемый Трон Аполлона, окружавший статую этого бога в храме на Амиклее.

Брасид

Спартанский полководец, талантливый и храбрый, одержавший победы в Халкидике и во Фракии в 424 и 422 годах. Погиб во время обороны отвоёванного у Афинского союза Амфиополя от наступления Клеона.

Бриакий

Афинский скульптор IV века, работал над украшением мавзолея в Галикарнасе (после 352 года).

Булевтерий

Место, где собирался буле. В древности это был продолговатый зал с центральной колоннадой, вход находился на более длинной стороне. В конце V века в Афинах появляется новый тип — квадратное в основании здание, в котором полукругом располагались скамьи. Этот тип зала для совещаний, уже использовавшийся в религиозных целях в элевсинском *телестерии*, пользовался огромной популярностью в античный период.

Буле

Совет с политическими функциями, набираемый в зависимости от

особенностей, свойственных отдельному городу. Играет важнейшую роль в администрации многих греческих городов. В Афинах (где мы достаточно хорошо осведомлены о его деятельности) он был созван Солоном и изначально состоял из 400 членов, выбираемых по принципу 100 представителей от каждой из четырех традиционных фил. После реформ Солона буле насчитывает 500 членов старше 30 лет; их выбирали жребием по принципу 50 членов от каждой филы на один год. Помимо ежедневных собраний, буле было представлено временной комиссией — *пританией*, в которую входили булевтеры (члены совета) из одной филы и которая заседала в течение 1/10 года и регулировала отношения между филлами. Во главе пританий стоял *эпистат*, который выбирался по жребию каждый день и являлся хранителем официальной печати, ключей от казны и, по сути, был главой государства. Пританы содержались за счет государства в *толосе*. Ежедневно они проводили совещания, созывали буле и народное собрание, принимали экстренные меры. Буле разрабатывал проекты законов и декретов, которые впоследствии выставлялись на голосование в народное собрание. Также буле контролировал внутренние дела и внешнюю политику.

В**Вакхилид**

Поэт родом из Кеоса, племянник Симонида Кеосского. Творил в первой половине V века, в одно время

с Пиндаром, с которым они враждовали. Автор гимнов, эпиникиев, дифирамбов, он воспевал, как и Пиндар, победы Гиерона из Сиракуз в Больших играх. Были найдены значительные фрагменты его произведений на папирусе.

Г**Галикарнас**

Греческая колония в Карию, где смешались дорийские традиции и ионийское влияние. Родина Паниасиса и Геродота. Покоренная Персией, долгое время управлялась тиранами, среди которых иногда встречались женщины, например Артемисия, которая участвовала с персидским флотом в сражении при Саламине. В IV веке Галикарнас был столицей сатрапов Карию. Один из них, Мавсол, имел в качестве усыпальницы знаменитый Мавзолей.

Гармодий

Один из тираноубийц. По словам Фукидида (I, 20 и II, 53 и след.), Гиппарх, влюбленный в Гармодия и отвергнутый им (этот последний оказывал знаки любви Аристоклиту), отомстил, приказав запретить сестре Гармодия исполнять роль канефоры, которую она должна была играть на религиозной церемонии. Именно за эту обиду Гармодий с помощью Аристоклита решил расправиться с Писистратидами, что привело к убийству Гиппарха и усилению тирании Гиппия. Уже Геродот (V, 55—56) боролся с историческим заблуждением, очень широко распространенным, которое делало из тираноубийц борцов

за свободу, побуждаемых политическим идеалом.

Гекатей

Милетский писатель и политик, который напрасно давал своим соотечественникам советы быть осмотрительнее в период восстания Ионии в начале V века. Первый историк и географ, который писал в прозе. Создал четыре книги «Генеалогии» и «Описание земли» в двух книгах, одна из которых была посвящена Европе, другая — Азии. Его трудами зачитывались вплоть до эллинистической эпохи.

Гела

Колония дорийцев, основанная в начале VII века на южном побережье Сицилии критянами и жителями родосского города Линда; на акрополе на востоке располагались центр поселения и основная часть святилищ. В начале V века тиран Гиппократ распространил свое господство на часть восточной Сицилии. Вслед за ним Гелон, а затем его братья Гиерон и Полизал были тиранами Гелы. Последний в честь своего правления воздвиг стацию дельфийского «Возничего». После падения тирании (466) в Геле установился умеренный аристократический режим: сюда отправился Эсхий, где умер (456). В 405 году город пал под напором карфагенян.

Гелиэя

Народный суд в Афинах, организованный Солоном: 6000 присяжных (гелиастов) ежегодно избирались по жребию архонтами из числа афинских граждан не моложе 30 лет, выставивших свою канди-

датуру. Их распределяли на 10 судебных палат по 500 членов и оставляли 1000 человек запасных. Гелиасты принимали присягу и получали ежедневно вознаграждение в три обола (два — во времена Перикла). В день тяжбы жребием определяли судей, которые заседали каждый раз в разном количестве в зависимости от важности разбираемого дела; их возглавлял следственный судья. Сначала голосованием они принимали решение о виновности обвиняемого. Каждый присяжный имел два камешка для голосования: целый — для оправдания и просверленный — для обвинения. Имелось два сосуда: в один опускался камешек, олицетворявший решение, в другой — непонадобившийся. Затем присяжные объявляли наказание: если закон не предусматривал штраф за обсуждаемое правонарушение, обвинение и защита предлагали каждый свое наказание, и суд совещался между собой. Приговор гелиастов был безапелляционным.

Гелон

Сын Диномена. Был полководцем кавалерии тирана Гелы Гиппократа и стал его наследником. Женится на Демарете, дочери Ферона — тирана города Агригента. В 485 году стал тираном Сиракуз. Гелон одержал победу над карфагенянами в битве при Гимере в 480 году. Умер в 478-м.

Гераклит

Философ конца VI и начала V веков, родившийся в Эфесе. Его философия, с которой он знакомит в сочинениях в прозе, подсказала ему знаменитые формулы, такие

как: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку» и «Раздор есть отец всего».

Герма

Традиционное изображение Гермеса в виде четырехугольного столба, увенчанного головой этого бога, обычно бородатого. По бокам, на уровне плеч, имелось два выступа, чтобы можно было вешать венки. Наконец, на передней стороне столба был высечен фаллос. Герма считалась афинским изобретением, которое приписывали Гиппарху, сыну Писистрата. В Афинах гермы были очень многочисленны. Алкамен в то время изваял знаменитого Гермеса для пропилей акрополя. Разрушение герм в 415 году вызвало большое возмущение. Позднее вошло в обыкновение венчать столб не только головой бога Гермеса, но всевозможными божественными ликами, или копиями известных произведений, или портретами, от которых сохранилась лишь голова: этот обычай был очень распространен в римское время, когда создавали также копии герм.

Геродот

Будущий историк родился около 490—480 годов в Галикарнасе в знатной семье, борющейся против тирана Лигдамида, сына Артемисия. Дядя Геродота, поэт Паниасис, был казнен тираном. Геродот был вынужден уехать, вероятно, на остров Самос. Потом он много путешествовал по Греции, по Понту Эвксинскому, побывал в державе персов (Сирия, Месопотамия, Египет и Иония), во Фракии и Македонии, Кирене. Хронология этих

передвижений не всегда ясна. Долгое время Геродот жил в Афинах, был знаком с Периклом и Софоклом, посвятившим ему свою поэму. Афинский народ наградил его после публичных чтений «Истории». Затем, по предложению Перикла, он отправился в Фурии, основанные на юге Италии в 443 году, и стал гражданином этого города, откуда совершил путешествие по западным греческим колониям. Умер после начала Пелопоннесской войны, но точная дата не известна.

Гесиод

Поэт конца VII века родом из города Аскра в Беотии, куда его отец приехал из Кима (Эолида), после того как потерпел неудачу в морской торговле. Гесиод вел жизнь мелкого землевладельца в своей деревне и занимался поэзией в присутствии ему самобытной манере. Он предпринял свое самое большое путешествие на Эвбею, чтобы принять участие в состязаниях рапсодов, и одержал в них победу. Кроме сочинений «Теогония» и «Труды и дни», ему приписывают множество поэм, которые александрийская критика, воспринятая современниками, считала уже апокрифическими.

Геспериды

Самый западный из греческих родов в Африке. Основан жителями Кирены в VI веке на западном побережье Киренаики (современный Бенгази).

Гефейон

Порт Лаконии, в 45 км к югу от Спарты, для которой это был единственный выход к морю.

Гиерон

Второй сын Диномена. Наследовал своему брату Гелону сначала трон тирана Гелы, затем, в 478 году, трон тирана Сиракуз. Одержал победу над этрусками на море близ Кум в 474 году. Кончина тирана Ферона из Агригента предоставила ему свободу действий практически на всей Сицилии. Гиерон основал город Этна, одержал множество побед в конных состязаниях на играх, и их прославили Симонид, Вакхилид, Пиндар. Он пригласил к своему двору Эсхила. Умер в 466 году.

Гилипп

Спартанский полководец, победитель афинян при Сиракузах в 413 году.

Гимера

Город, основанный в середине VII века в западной части Сицилии халкидиянами из Занклы и ссыльными сиракузянами. Взывал к Ферону из Агригента и Гелону, ища союза против карфагенян, с которыми сразился под своими стенами в 480 году. В 408 году разрушен Карфагеном.

Гимнасий

Предназначенный сначала для тренировки атлетов, гимнасий с развитием пехоты и необходимостью гимнастической подготовки граждан к военной службе стал местом для занятий эфебов. Древнейшие из известных гимнасиев — Академия и Ликей, основание которых приписывают Писистрату и его детям, и Киносарг. Находившиеся за пределами города, это были посаженные деревьями сады с освежа-

ющими потоками вод, которые соседствовали с религиозными памятниками (жертвенниками, статуями, священными оградами) и спортивными сооружениями: крытыми площадками, родниками, где атлеты омывались, легкими постройками, где они отдыхали и оставляли свою одежду. В классический период архитектурный облик гимнасиев меняется. Гимнасий в Дельфах, построенный около 330 года, в завершении этой эволюции, возведен на двух террасах разного уровня. На верхней располагался длинный портик (200 м) с площадкой под открытым небом, ниже находились резервуары с водой для купания, круглый бассейн и здание, перистильный двор которого с двух сторон окружали постройки. С конца V века гимнасий превратился в интеллектуальный центр, где развивалось учение софистов и Сократа. Этот обычай быстро распространился: Платон в Академии, Аристотель в Ликее, Антисфен в Киносарге — знаменитейшие примеры. В IV веке гимнасии стали составной частью городов с пригородами; их место старательно предусматривалось в планах новых городов.

Гиперид

Афинский оратор IV века, ученик Исократ и, возможно, Платона. В 360 году началась его политическая карьера с ведения тяжбы о беззаконии. Известно, что будучи не очень сурового нрава, он защищал перед ареопагом куртизанку Фрину, обвиненную в святотатстве. В политике активно участвовал в борьбе с Филиппом. Позднее, обвинил Демосфена

в ходе дела Горпала (324). После провала восстания против македонцев, которое последовало за смертью Александра, был схвачен и казнен (322).

Гипподам

Милетский архитектор-градостроитель V века. Принимал участие в восстановлении Милета после 470 года, затем уехал в Афины, где около 475 года начертил план Пирея; без сомнения, был приобщен к основанию Фурий в 443 году. Написал трактат об идеальной городской планировке. Его именем стали называть прямоугольные и функциональные планы городов, распространению которых он способствовал.

Гиппократ

Врач, родившийся на Косе в семье врачей-утверждавших, что они происходят от Асклепия. Работал главным образом в последней трети V века. Много путешествовал и умер в Фессалии. Собрание гиппократовых записей включает на самом деле малую часть трудов, которые ему приписывают с большой долей вероятности.

Гиппонакт

Поэт примерно середины VI века, родом из Эфеса, автор сатирических поэм.

Горгий

Софист, родившийся в Леонтини на Сицилии в начале V века, ученик Эмпедокла и Тисия. Отправившись в посольство в Афины в 427 году, приобрел большую известность своей образованностью. Благодаря «Трактату об оратор-

ском искусстве» и торжественным речам, стал одним из создателей риторики. Его именем Платон назвал свой диалог, где Горгий встречается с Сократом и его учениками.

Гордион

Город в Анатолии на реке Сангария, примерно в 100 км к западу от Анкары. Столица царства Фригия в VIII веке. В конце VIII или начале VII века разрушен нашествием киммерийцев.

Гортин

Город на Крите, близости от Феста, знаменитый открытием длинной надписи, высеченной в V веке. Это не кодекс, но совокупность правовых положений, относящихся к самым разнообразным случаям как гражданского, так и уголовного права.

Д**Дадух**

Жрец в Элевсине, дословно «свеченосец», который играл роль в обряде инициации в мистериях. Традиционно он выбирался из элевсинского рода Кериков, которые предоставляли также священных глашатаев.

Дамофон

Скульптор из Мессены, жил в первой половине II века до н.э. Ему было доверено реставрировать статую Зевса, сделанную из золота и слоновой кости Фидием в Олимпии, у которой были повреждены соединения (Павсаний, IV, 31, 6).

Декелея

Город в Аттике, севернее Афин, расположенный в отрогах Парнаса. Спартанцы оккупировали его в 413 году и, прочно закрепившись в этой опорной точке, разрушали деревни Аттики до конца Пелопоннесской войны. Поэтому последний период этой войны (413—404) зачастую называют Декелейской войной.

Делион

Город в Беотии, недалеко от Танагры и до границы с Аттикой, где находился храм Аполлона. Афиняне, сделавшие здесь укрепленный опорный пункт, потерпели крупное поражение в конце 424 год. Алкивиад и Сократ сражались здесь: один в качестве всадника, другой — гоплита.

Делос

Маленький остров в Кикладском архипелаге, легендарное место рождения Аполлона и Артемиды, обитавшей в догреческие времена на горе Кинфе, а в микенскую эпоху — на равнине, орошаемой Инопом. В VII веке Делос стал крупнейшим островным святилищем; в «Гомеровском гимне к Аполлону» упоминается о восхвалениях ионийцев анатолийского берега и островов, обращенных к нему. Религиозный центр Кикладского архипелага, остров поначалу находился под наксосским влиянием, однако с VI века возросшее влияние Афин в Эгее распространяется на Делос, куда они отправляют великолепные процессии. В 543 году Писистрат устраивает первое очищение святилища; в 478 году Делос стал центром союза, осно-

ванного Афинами, сокровищница находилась в храме Аполлона вплоть до 454 года, когда она была перенесена в Афины; тотальное очищение острова произошло в 426 году, и его жители были депортированы в 422 году; финансовые дела святилища перешли под юрисдикцию афинских чиновников. Благодаря Спарте, Делос восстанавливает свою автономию в 401 году, но Афины вновь обосновываются там в 394 году. Основные культовые места распределяются между святилищем Аполлона на равнине, святилищами долины Инопа и святилищами Кинфа. Главный вход основного святилища открывался на юг для паломников, прибывавших в Священный порт; афиняне построили здесь пропилеи из четырех дорических колонн, выводящие к Священному пути. На западе изогнутый портик наксосцев (ок. 550) обрамлял вымощенную площадку, где возвышался мраморный колосс, посвященный ими Аполлону, и бронзовая пальма, посвященная позднее афинянином Никием (417). На юго-востоке, *ойкос* (дом) наксосцев, удлиненное здание, полностью выполненное из мрамора с центральной колоннадой из портика с четырьмя ионийскими колоннами (VII—VI веках). В центре святилища — три храма Аполлона: храм VI века со знаменитой статуей бога скульпторов Тектея и Ангелиона; храм, строительство которого в V веке начали делосцы и который долгое время оставался незавершенным; храм афинян конца V века, ставший приютом для семи статуй божества, посвященных Писистратом.

Севернее храмов полукругом располагались пять сокровищниц. Северо-западная часть священной территории принадлежала Артемиде. Восточнее находились могилы гиперборейских дев, принесших первые дары Аполлону. На окраине священного озера находилась терраса, охраняемая вереницей мраморных львов архаической эпохи, которая вела в *Летон*, небольшой ионийский храм VI века, посвященный Латоне, матери Аполлона и Артемиды. К югу от святилища располагались самые важные гражданские сооружения: алтарь Зевса Полиея и пританей V века, *булевтерий* и агора. На холме, ограничивающем долину Инопа, с VI века почитали Кабиров — богов Самофракии. На горе Кинф было установлено поклонение Зевсу и Афине Кинфийским, а также Артемиде Илифийской; позже, начиная с VIII века, появился культ Геры (небольшой храм из мрамора VI века).

Демокрит

Философ из Абдеры, родившийся около 460 года, умерший во второй четверти IV века. Его сочинения известны нам только по списку их названий, приведенному компилятором римской эпохи. Вошел в историю как основоположник материализма.

Демосфен

1. Афинский полководец V века. В 426 году воевал против жителей Этолии, захватил Пилос и взял островок Сфактерию. В 413 году, отправившись на помощь Никию на Сицилию, в результате разгрома был пленен и убит сиракузцами.

2. Оратор и политик, родившийся в 384 году. Его опекуны пустили по ветру его имущество; он стал логографом и с упорством готовился к общественной жизни. Первая политическая речь «Против Лептина» произнесена в 354 году. Ожесточенно боролся с Филиппом: «1-я филиппика» (351), «Олифские речи» (349—348), «За мир» (345). Участвовал в посольстве, которое вело переговоры о мире с Филократом, затем призвал афинян обратить все силы на сплочение: 2-я, 3-я и 4-я «Филиппики» (344, 341, 340). Одновременно воевал с политическими врагами: «Против Мидия» (347), который, в бытность свою хорегом, нанес Демосфену оскорбление; «О преступном посольстве» (343) в связи с тяжбой Эсхина. Искал союзников для Афин на Пелопоннесе, разоблачил растущую алчность Филиппа и преобразовал флот. После внезапного нападения на Эллатею (339) ему удалось заключить союз с Фивами. Несмотря на поражение при Херонее (338), народ наградил его золотым венком по инициативе Ктесифона, которого Эсхин затем незаконно критиковал; проходивший в 330 году процесс по делу о венке выиграл Демосфен со своей речью «За Ктесифона». Скомпрометированный в 324 году делом Горпала, казначея Александра, который скрылся в Афинах с доверенными ему деньгами, Демосфен был обвинен и сослан в Трезен, а затем в Эгину. Возвратившись вслед за кончиной Александра, он участвовал в борьбе против Антипатра, бежал после поражения Афин и, не сумев ускользнуть от македонцев, отправился на острове Калабрия (322).

Дем

Территориальный округ афинских областей, установленный Клисфеном. Всего было около ста сельских и городских демов. Собрание дема выбирало старшину — демарха. Он вносил в общинную книгу молодых людей, достигших восемнадцатилетнего возраста и ставших гражданами, занимался общинными делами и заведовал имуществом дема, имел полицейскую власть и представлял жителей, или демотов, на празднествах. Тридцать судей от демов, бросавших жребий, объезжали сельские демы и рассматривали дела небольшой важности.

Десять тысяч

Отряд наемников-греков, который принял участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса II в 401 году. После поражения и гибели Кира при Кунаксе, военачальники отряда под командованием спартанца Клеарха были взяты в плен персами во время переговоров и казнены. Ксенофонт, который сопровождал экспедицию частным образом как друг одного также казненного стратега, восстановил поколебленную храбрость греков и был избран стратегом вместе с четырьмя другими командирами. Опасное отступление с боями и неожиданными поворотами длилось целую зиму 401—400 годов, пока они не вышли к берегу Черного моря, которое встретили знаменитыми возгласами: «Таласса! Таласса!» («море! море!»). Возвратившиеся в Европу уцелевшие воины поступили на службу в Спарту в начале 399 года и сразу же включились в войну

в Азии против сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза.

Диагор

1. Знаменитый атлет, уроженец Иалиса на Родосе. Был почти двухметрового роста и одержал победы в кулачном бою на всех четырех панэллинских играх. Пиндар написал в 464 году в его честь «Седьмую Олимпийскую оду». Его сыновья вслед за ним одержали блестящие победы в Олимпии.
2. Уроженец острова Мелос. Его обвинили в святотатстве по отношению к мистериям (415).

Дидимы

Город в Ионии, вблизи Милета, где находилось грандиозное святилище Аполлона с оракулом — объект почитания милетян. До греко-персидских войн об этом святилище заботился род Бранхидов. Дорога славы поднималась от гавани к святилищу, окаймленная архаическими статуями сидящих людей и львов (многие перенесены в Британский музей). Архаический храм, сожженный персами в 494 году, был заменен колоссальным сооружением, построенным в начале эллинистической эпохи.

Диолк

Дорога из каменных плит с желобками, которая пересекала Коринфский перешеек от одного моря до другого и позволяла судам перейти из Саронического залива в Коринфский и наоборот. Последние археологические раскопки открыли ее следы на протяжении многих сотен метров. Вероятно, корабли помещали на колесные повозки, которые затем тащили по дороге

из каменных плит шириной от 3,5 до 5 м. Строительство этого механизма восходит к архаической эпохе. Впоследствии он был усовершенствован, в особенности во время Пелопоннесской войны.

Дион

1. Город в Македонии, находившийся у подножия горы Олимп, к югу от Пидны.
2. Дядя Дионисия Младшего. Будучи братом жены Дионисия Старшего, занимал при жизни последнего важные административные должности. Был связан дружбой с Платоном во время его пребывания в Сиракузах. После того как Платон пришел давать советы Дионисию Младшему, Дион был отправлен в ссылку своим племянником, стремившимся освободиться от его влияния, и философ не смог их примирить. В 337 году вернулся в Сиракузы с войском наемников и после двух лет борьбы сверг Дионисия. Но в 354 году его убили, когда он пытался ввести в родном городе аристократическое законодательство.

Дионисий

1. Старший — тиран Сиракуз, родившийся в 430 году, умерший в 367-м.
2. Младший — его сын и наследник.

Дипилон

Название, данное воротам в Афинах на северо-западе городских стен. Здесь проходила дорога из Академии. Этим путем добирался до дема Фрии, позади Элевсина. Рядом, чуть южнее стены проходила Священная дорога из

Элевсина, пролежавшая через Священные ворота. Дипилон, или «двойные ворота», называемые так, по крайней мере, с III века до н.э., — превосходный образец военного сооружения, восходящий в своем нынешнем виде ко второй половине IV века. Внутренние и внешние ворота, окаймленные по обе стороны той или иной башни, ограничивались площадкой 42 × 22 м, защищенной мощными боковыми стенами (5 м в длину). До сих пор сохранившиеся части стен восходят к началу IV века. Между Дипилоном и Священными воротами находилось здание Помпейон, которое использовали во время торжественной процессии (*помпы*) на Элевсинских мистериях. Найденный дорожный столб указывает, что квартал Керамик простирался до Дипилона. В геометрический период эта территория была занята некрополем, где найдены изумительные вазы, названные дипилонскими.

Дипойн

Критский скульптор, согласно легенде, ученик Дедала, его земляк и помощник Скиллида. Предполагают, что они работали в VII веке в различных регионах греческого мира, но главным образом на Пелопоннесе, где, по сообщениям Плиния Старшего и Павсания, было множество их творений.

Дифирамб

Поэтический или музыкальный гимн, предназначенный для исполнения хором в честь бога, главным образом Диониса, но также Аполлона. Зарождение в качестве литературного жанра связывают

с именем Ариана (конец VII — начало VI веков). Но уже Архилох в начале VII века, по всей видимости, сочинял дифирамбы. Первые греческие лирики: Пиндар и Вакхилид установили форму и содержание этого поэтического жанра. В Афинах исполнение дифирамбов хором из пятидесяти мужчин или детей было одним из традиционных элементов Великих дионисий. Расходы по содержанию хоров брали на себя хорегии, выбираемые филами.

Дракон

Афинский законодатель конца VII века.

Драхма

Греческая весовая и монетная единица. Ее вес колеблется в зависимости от системы (от немного более 6 г, по эгинской системе, до примерно 4,37 г, по аттической системе). В нумизматике известны серебряные монеты достоинством в одну драхму, две драхмы (тетрадрахма), четыре драхмы (тетрадрахма) и порой даже в десять драхм (декадрахма). Драхма делится на шесть оболов.

Е

Евбул

Афинский политик IV века. Будучи превосходным финансистом, состоял в течение многих лет в должности управителя зрелищной кассой и оказывал решающее воздействие на администрацию и политику Афин в 350-х годах. Сторонник мира с Филиппом, боролся с политикой Демосфена.

Евклид

Архонт-эпоним в Афинах в 403—402 годах, когда после правления Тридцати тиранов была восстановлена демократия. В эти же годы афиняне отказались от использования аттического алфавита в государственном делопроизводстве и приняли ионийский алфавит.

Евполид

Афинский комик V века, современник Аристофана, которому он был другом и сподвижником, прежде чем сделаться его соперником. Написал между 429 и 412 годом, когда преждевременно скончался, около пятнадцати пьес, которые были утрачены. Его хвалили за неистощимость фантазии, изящество и сатирический ум.

Еврипид

Афинский трагический поэт V века. Сын лавочника и торговки зеленью. Считается, что он родился на Саламине в сентябре 480 года. Будучи учеником софистов Анаксагора, Продика и Протагора, дружил с Сократом. Впервые выступил в театре в 455 году и написал, как говорили, 100 пьес (92 трагедии и 8 сатирических драм). Вероятно, пережил супружескую неверность, что объясняет некоторые женоненавистнические размышления в его произведениях. В конце своей жизни покинул Афины и был принят царем Архелаем в Македонии, в Пелле, где умер в 406 году. Нам известны названия 74 пьес, из которых сохранилось 18, в том числе «Алкестида» (438), «Медея» (431), «Ипполит» (428), «Ифигения в Тавриде» и «Ифигения в Авлиде». Критикуемый ко-

мическими поэтами, и особенно Аристофаном, он одержал всего пять побед в драматических конкурсах. Но после смерти к нему пришла великая слава: его пьесы часто ставились и ему воздвигали статуи. Его внешность известна нам по многим удачным копиям.

Евфранор

Греческий художник IV века, вызвавший восхищение своими сценами битв (картина «Подвиги афинян при Мантинее», на которой он изобразил натиск всадников) и украшением Стои Зевса в Афинах (Тесей, подводящий Демократию Демосу, и Двенадцать богов). Также был скульптором.

З

Заны

Медные статуи Зевса, которые элладники устанавливали в Олимпии на доходы от штрафов.

Зевксид

Живописец родом из Гераклеи (имелось множество городов с таким названием), творивший в конце V и начале IV века. Жил в Афинах и работал для македонского царя Архелая. Восхищались натуралистичностью его живописи, виртуозной игрой с тенью и образом. Также рисовал картины в технике гризайль.

Зенон

Философ V века, уроженец Элеи на юге Италии. Ему принадлежат знаменитые софизмы об отрицании существования движения.

И

Ивик

Лирический поэт, родившийся в Регио в первой половине VI века. Долгое время находился на Самосе при дворе Поликрата.

Иктин

Архитектор середины V века, возможно, афинянин. Создатель Парфенона (447—438) совместно с Калликратом и Фидием, и телестерия в Элевсине. Ему же приписывают храм Аполлона Эпикурия в Бассах (Фигалия).

Исократ

Афинский ритор, родившийся в 436 году. Его отец был изготовителем флейт. Ученик Продика, Сократа и Горгия. Потеряв свое имущество, вынужден был сделаться логографом; не занимаясь политической из-за своей робости и слабости голоса; основал в 393 году риторскую школу, успех которой позволил ему вновь обзавестись средствами. Сочинял в основном торжественные речи, тщательно выдержанного стиля, в которых изложил свои политические воззрения: «Панегирик» (380), «Панафинейская речь» (339). В «Антидосисе», вымышленном деле по обмену имуществом, он развивает в качестве личной апологии свои идеи об образовании, риторике и философии. Умер в 338 году.

К

Кадмея

Крепость в Фивах, названная в честь героя Кадма, легендарного основателя города.

Калаврия

Остров в Арголиде в Сароническом заливе. Здесь находился храм Посейдона, который был центром амфикионии, объединяющей в архаический период города Арголиды, Афины, Эгину и беотийский Орхомен. Нам известно слишком мало об истории этой организации, исчезнувшей так рано. Именно здесь, в калаврийском храме, в 322 году отравился Демосфен, преследуемый македонскими солдатами.

Календарь

Различался в зависимости от года. В Афинах в году было 12 лунных месяцев: 6 *пустых* (29 дней) и 6 *полных* (30 дней), иногда добавлялся дополнительный месяц (30 дней) для согласования с солнечным годом. Для этого существовали различные системы: восьмилетний цикл с тремя удлиненными годами и девятнадцатилетний цикл с семью удлиненными годами, изобретенный в V веке Метоном. В Афинах были приняты следующие названия месяцев (приблизительно с июля по июнь): гекатомбеон, метагейтнион, боэдромион, пианепсион, маймактерион, посеидеон, гамелион, антестерион, элафеболион, мунихион, таргелион, скирофорион; дополнительный месяц, вставлявшийся между посеидеоном и гамелионом, назывался посеидеон II. Каждый месяц был разделен на три части по десять дней (или девять — в последней части *пустых* месяцев). Года различали по имени архонта-эпонима, которое фигурировало в заглавии официальных документов.

Каллий

Богатый афинянин из рода Кериков, шурин Кимона, был женат на его сестре Эльпинике. Сопровождал в Сузах афинскую делегацию, которая заключила с Великим Царем так называемый Калиев мир (449—448).

Каллимах

Афинский полемарх, погибший во время Марафонской битвы. В Афинах сохранилась мраморная статуя *Нике*, посмертный дар этому полководцу, с посвятителем эпитафией, выгравированной на колонне, на которой она стоит.

Каллистрат

Афинский политический деятель первой половины IV века, организовал Второй афинский союз (377), выступал за мир со Спартой и Персией, однако был приговорен к смерти в 362—361 годах и бежал в Македонию к Пердикке, который оказал ему финансовую помощь. Вернувшись в Афины с ходатайством в 355 году, он был казнен по предыдущему приговору. Это был хороший оратор, знаменитый государственный деятель и отличный финансист.

Канак

Скульптор из Сикиона, конец VI — начало V века. Среди его шедевров — Филесийский Аполлон из Милета, захваченный Дарием в качестве трофея после войны в 494 году.

Канефоры

«Носительницы корзин», участвовавшие в процессиях.

Карнеи

Спартанский и дорийский праздник.

Керкира (Корфу)

Древняя колония Эретрии (начало VIII века), завоеванная Коринфом в 733 году. Конфликт с Коринфом в 433 году спровоцировал вторжение афинян: это стало одной из причин Пелопоннесской войны. Здесь найдены развалины храма Артемиды с ценными скульптурами (начало VI века).

Килон

Юный знатный афинянин, который в 632 году совершил попытку установить тиранию с помощью войск из Мегары. После провала смог бежать, но его сообщники, скрывшиеся в храме Афины, были казнены. Это было святотатство, память о котором долго преследовала виновный в этом род Алкмеонидов.

Кимон

Афинский политический деятель и полководец, сын Мильтиада и фракийской принцессы. После сложного периода юности он находит свое место в Афинах с помощью богатого зятя Каллия. Он был стратегом в 479 году; союзник Аристиды против Фемистокла. Он возглавил множество экспедиций во Фракию, Византий, на Скирос, откуда доставил останки Тесея. Смерть Аристиды и ссылка Фемистокла сделала его единственным главой афинской политики. Он одержал победу над персидским флотом при Эвримедонте (468). В Афинах он привел в порядок агору и реконструировал южную

стену акрополя. В 463 году подавил восстание на Фасосе. Расположенный к Спарте во время восстания мессенцев в 462 году, он был подвергнут остракизму в 461 году, и в 457-м по требованию Перикла был отозван. В 450 году он руководил морскими операциями против Персии и погиб в 449 году во время осады Китиона на Кипре.

Кипр

На этом большом острове в Восточном Средиземноморье с 4-го тысячелетия развивалась самобытная доисторическая цивилизация, ощутившая влияние Малой Азии, а затем Сирии и Палестины. Контакты с греческой цивилизацией начинаются в XIV—XIII веках, о чем свидетельствуют многочисленные микенские вазы, обнаруженные в кипрских некрополях. Под названием Алашия остров долгое время находился под властью египетского нового царства. В то время он занимал важное транзитное место между эгейским и азиатским миром. Кипрский город Энгоми соперничал с сирийским Угаритом (Рас-Шамра), где проживали киприоты и эгейцы. В начале XII века волна ахейских иммиграций соответствует легендам о возвращении с Троянской войны (город Саламин на Кипре был основан Тевкром); через век последовала новая волна ахейцев, бегущих от дорийского вторжения. Кипрская цивилизация стала чисто греческой к VIII веку, когда финикийцы поселились в северо-восточной части острова. С тех пор на Кипре финикийские города (Амафонт, Китион) соседствовали с греческими

(Саламин, Курион, Пафос, Марион, Солы, Кериния). Попавший под ассирийское влияние во второй половине VII века, остров был завоеван впоследствии фараоном Амасисом, а затем покорен Великим Царем. Он был разделен на несколько царств, в большинстве своем греческих, которые сохраняли свою автономию при условии постоянной уплаты дани. Царь Саламина вовлек другие города (кроме Амафонта) в ионийское восстание, но персы восстановили свою власть на острове в 497 году. В течение V века афинский флот часто проводил военные действия в водах Кипра, однако не смог освободить его полностью (в 449 году под стенами Китиона погиб Кимон). В 411 году Евагор I стал царем Саламина, и в течение своего долгого правления (он умер в 374—373 годах) он стремился объединить под своей властью весь остров и освободить его от персидского владычества. Несмотря на периодическую помощь со стороны Афин, он не добился успеха в своих начинаниях. Новая попытка добиться независимости, предпринятая в 351—344 годах, также не увенчалась успехом. Лишь при Александре греки Кипра стали свободными. Киприотский эллинизм занимает особое место в греческой цивилизации. Его керамика характеризуется оригинальными тенденциями, особенно в микенский, геометрический и архаический периоды, и в формах и в декоре. Скульптура, особенно из местного известняка и терракоты, испытала азиатское, египетское, а затем ионийское влияние, прежде чем получила отпечаток искусства

классической эпохи, отмеченное афинским преобладанием. Система письма, восходящая к линейному письму Б (подробности преемственности не раскрыты) сохраняется до III века: этот *киприотский силлабарий* хорошо известен и, наряду с алфавитным письмом, служил для передачи местного греческого диалекта и языка, до сих пор неизвестного, который называют *этеокипрским*.

Кипсел

Тиран Коринфа, в 657 году основал династию Кипселидов, правил около тридцати лет. Он демонстрировал свое богатство, посвятив в Дельфах сокровищницу и богатые пожертвования в Олимпии. Ему наследовал его сын Периандр.

Кирена

Греческий город в Ливии, основанный в 631 году. Процветал при династии восьми царей Баттиадов, которые носили имена либо Батт, либо Аркесилай. Три последних царя, приблизительно с 525 по 440 год, действовали как греческие тираны. Они властвовали во всей Киренаике, где киренейцы основали города Барку, Эвгеспериды и Тохейру. Активная торговля, основанная на экспорте сельскохозяйственных продуктов (хлеб, древесина и местное растение *сильфион*), установилась с материковой Грецией, и в частности с Афинами. После падения монархии, около 440 года, Киреной правили представители крупных родов, время от времени вспыхивали конфликты между группировками. Здесь чеканилась дорогая монета (из золота и серебра). Город расположен на

высоте 600 м, на краю плоскогорья. Его порт находится примерно в 15 км. Акрополь располагался на плоскогорье, ограниченном оврагами. Монументальная дорога соединяла его с агорой, где находилась круглая могила Батта, основателя города, ниже храма Аполлона, его бога-защитника: источник Аполлона, дорический храм с внешней колоннадой 6×11 колонн, восходящий к началу VI века и реконструированный в середине IV века вместе со своим большим алтарем, маленький храм и алтарь Артемиды, сокровищницы и фонтаны. На востоке, на другом холме, находилось святилище Зевса — большой дорический храм с внешней колоннадой 8×17 колонн (построен около 520—490 годов). Некрополи располагались вокруг города (могила с подземными комнатами, иногда с архитектурным фасадом, высеченным в скале, часовни в форме храмов). В ходе раскопок было обнаружено большое количество скульптур и надписей. Родина философа Аристиппа и математика Феодора.

Клазомены

Город в Ионии на южном побережье залива Смирны. Родина философа Анаксагора. В VI веке здесь делали большие расписные саркофаги из терракоты с фигурами и силуэтами черного цвета на светлом фоне.

Клеомен

Царь Спарты, сын Анаксандрида. Он сменил своего отца на престоле около 520 года (его сводный брат Дорией удалился в изгнание).

Властолюбивый и активный, он помог Алкмеонидам изгнать Писистратидов из Афин в 510 году, однако потерпел неудачу, попытавшись помочь афинской аристократической партии под руководством Исагора в борьбе против Клисфена. В 499 году он отклонил предложение о союзничестве от Аристагора, главы восставших ионийцев. Он сверг своего коллегу, царя Демарата, который нашел убежище у Ксеркса. Сойдя с ума, покончил с собой в 490 году. Ему наследовал его сын Леонид.

Клеон

Афинский политический деятель. Управлял кожевенной мастерской. После смерти Перикла, которого он яростно критиковал, он становится во главе демократической партии: сторонник борьбы не на жизнь, а на смерть, он жестоко подавлял возмущения союзников. Несмотря на крупный успех в Сфактерии (425), его нещадно критиковал Аристофан во «Всадниках» (424). Он отправился на Халкидику для борьбы с Брасидом и погиб вместе со своим противником недалеко от Амфиополя (422).

Клерухии

Колонии, основанные Афинами на вражеских или союзных территориях; были одновременно военным пунктом и поселением немущих граждан, которые получали участок земли (*клерос*); они сохраняли афинское гражданство.

Клисфен

1. Тиран Сикиона, правил приблизительно с 600 по 570 год. Его дочь

вышла замуж за афинянина Мегакла Алкмеонида.

2. Афинский законодатель, внук вышеупомянутого. После свержения Писистратидов возглавил защиту демократов в борьбе против аристократов, которых поддерживала Спарта. Отстраненный Исагором, он поднимает народ, отбрасывает спартанского царя Клеомена и восстанавливает конституцию Солона, придавая ей более демократический дух. Эти реформы создали прочные политические рамки для афинской демократии.

Книд

Греческий город в Малой Азии, расположенный на краю длинного мыса, примыкающего к карийскому берегу. Здесь располагался храм Аполлона Триопийского, вокруг которого сплотились жители Книды, дорийцы Галикарнаса, острова Кос и трех полисов острова Родос. Около 550 года он построил в Дельфах сокровищницу из паросского мрамора, а затем — здание для собраний (*лесха*), которое расписал Полигнот. Конон, возглавивший персидский флот, подкрепленный греческими наемниками, нанес тяжелое поражение спартанскому флоту при Книде (394). К середине IV века Пракситель создал для храма в Книде свою знаменитую статую Афродиты.

Кнос

Главный город минойского Крита, захвачен и занят ахейцами в XV веке.

Кодекс

Латинское название, присваиваемое любой книге, состоящей из од-

ной или нескольких тетрадей из папируса или пергамента. К концу античного периода *кодексы* из пергамента, гораздо более удобные, замещают свитки из папируса. Все литературные произведения, не записанные в *кодексах*, были утеряны (за исключением редчайших исключений, которым мы обязаны папирологическим открытиям).

Конон

Афинский полководец. Начал играть важную роль в последние годы Пелопоннесской войны. Запертый в Митиленах, он был освобожден после победы при Аргинусских островах (406). Потерпев поражение от Лисандра при Эгоспотамах (405), он укрывается на Кипре, переходит на службу к персам и наносит поражение спартанскому флоту при Книде (394). Затем опустошает берега Пелопоннеса и с триумфом возвращается в Афины. Он восстанавливает Длинные Стены. Отправленный в дипломатическую миссию в Карию, он был взят под стражу персами и умер скорее всего на Кипре. Ему установлены статуи в Афинах и во многих городах Ионии.

Коринф

Город на севере Пелопоннеса, расположенный на краю одноименного залива в местности, заселенной еще с неолитической эпохи. Поначалу подчиненный Аргосу, город стал независимым в VIII веке. Власть принадлежала земельной олигархии, Вакхиадам, которые коллективно осуществляли управление, выбирая из членов своего рода магистрата, наделенного царскими функциями. Именно в то

время были основаны колонии Керкира и Сиракузы. Вакхиады были изгнаны в середине VII века, и Кипсел установил здесь тиранию, которую унаследовали Перияндр и Псамметик. Это был наиболее яркий период в истории Коринфа: создание новых колоний в Эпире, Акарнании, Халкидике; развитие ремесла и торговли (бронза, керамика, благовония, пурпур, ткани); изобретение триеры; расцвет искусства (живопись, скульптура). В середине VI века Афины начинают вытеснять Коринф с рынка керамики. Однако Коринф сохраняет первенство в изготовлении изделий из металла: коринфская бронза остается знаменитой вплоть до эпохи Римской империи. Ослабленный войной в Керкире (434), на Пелопоннесе (431—404) и в Коринфе (395—387), город не участвует в распрях между греками и Филиппом, который делает город центром Союза в 338 году, тем самым поднимая его авторитет. Над городом возвышался скалистый акрополь высотой 573 м — Акрокоринф. На западе имелся порт Лехайон, а в Сароническом заливе был другой порт — Кенхереи. Канал (*диолкос*) соединял два моря. От древней эпохи остался храм Аполлона, окруженный дорическими колоннами (6×15 монолитных колонн из мягкого оштукатуренного известняка), середины VI века (один из самых древних в Греции); старые части (резервуары и бассейны) фонтанов Пирены и Главки; агора, перестроенная в IV веке, с длинным портиком; фабрика гончарной плитки, датируемая VI веком. Восточнее, посреди прилегающих территорий воз-

вышалось святилище Посейдона, где проходили Истмские игры.

Коронея

Город в Беотии, между Галиартом и Левадией, на юго-запад от Копайдского озера. Место битв между Фивами и Афинами в 446 году, между силами коалиции и Агесилаем в 394 году.

Кос

Остров в Додеканесе, недалеко от Книды. Поскольку на острове говорили на дорийском языке, он вошел в *гексаполию*, созданную вокруг святилища Аполлона Триопийского. Гиппократ был родом оттуда, и его медицинская школа продолжала процветать после него при местном *Асклепейоне*.

Кратин

Афинский комический поэт V века. Будучи старше Аристофана, он снискал свой первый успех на городских дионисиях 455 года. Он творил еще в период первых комедий Аристофана и стал победителем в 423 году со своей пьесой «Бутылка», в то время как «Облака» заняли лишь третье место. Ему приписывается авторство двадцати трех комедий. Считается, что он сформировал жанр античной комедии, благодаря своей изобретательности, живой политической сатире, страстным выпадам. Он восхвалял обычаи и поносил современных политических деятелей, в особенности Перикла, которого называл демагогом.

Крениды

Город во Фракии, недалеко от горы Пангея. В 356 году перед угрозой

соседних фракийских племен, город обращается за помощью к Филиппу Македонскому, который помогает, укрепляет город, оставляет там колонов и изменяет его название на *Филиппы*.

Критий

Афинский политический деятель, родился около 450 года. Ученик Сократа (его имя послужило названием для одного из диалогов Платона), автор трагедий и утраченных политических трактатов, в 410 году он был сослан после падения режима Четырехсот. Он возвращается в 404 году и становится одним из Тридцати тиранов; жестокий и решительный, он приговорил к смерти руководителя умеренного направления Ферамена. Сам он был убит в 403 году в бою против демократов в Пирее.

Кротон

Город в южной Италии, основанный в конце VIII века колонизаторами из Ахайи. Соперник своего соседа Сибариса, он был разрушен в 511—510 годах. В этот период в Кротоне господствовал аристократический режим, создание которого инспирировал Пифагор, укрывавшийся здесь в течение двадцати лет. Здесь получила расцвет знаменитая медицинская школа. Дионисий Старший завоевал Кротон и присоединил его к своим полисам. Самым известным кротонцем был атлет Милон, живший в конце VI века.

Ксенофан

Философ VI века. Родился в городе Колофоне в Ионии. Когда Кир II

захватил ионийские города (540), покинул родные места. Укрылся в Элее в Италии и основал там философскую школу, названную элеаты.

Ксенофонт

Афинский писатель, родившийся в 427 году. Последователь софистов, а затем Сократа. Оставил Афины после свержения Тридцати тиранов и принял участие вместе с отрядом наемников-греков в походе Кира Младшего, а затем в отступлении Десяти Тысяч. Отправился в Ионию с Агесилаем (396), затем в Коронею (394). Изгнанный из Афин, удалился в Спарту, и лакедемоняне подарили ему имение в Скиллунте близ Олимпии. Именно здесь он написал «Пир», «Сократовские достопамятности», где вывел на сцену Сократа, «Рассуждение о лакедемонском государстве», «Киропедию», «Анабасис» и «Греческую историю». В 371 году его имение разрушили элейцы; тогда он укрылся в Коринфе. В 367 году приговор об изгнании отменили, и Ксенофонт вернулся в Афины, где умер в 355 году.

Ксоан

Грубо выполненная статуя из камня или дерева.

Кумы

Город в южной Италии, основанный в 757 году халкидянами на побережье Кампании. Он был вынужден бороться с этрусками до тех пор, пока Гиерон из Сиракуз не разбил их флот рядом с городом (474). Был разрушен кампаниями в 421 году.

Л

Лаврий

Гористая местность вдоль юго-восточной оконечности Аттики, знаменитая своими серебряными рудниками, разрабатывавшимися с VI века. Они играли важную роль в экономике Аттики в V и IV веках. Руда добывалась в глубоких горных выработках (некоторые на глубине более 100 м от поверхности земли), низких и узких (1 м в высоту на менее чем 1 м в ширину). Отделение серебряной руды осуществлялось промыванием в резервуарах путем декантации, затем серебро очищали от примесей плавкой в печах. Остались значительные следы этих древних сооружений.

Лада

Остров в Ионии, близ Милета, около которого флот восставшей Ионии потерпел поражение от персов в 494 году.

Лакедемон

Другое название Спарты. Спарта обозначает сам город, а Лакедемон имеет более широкое толкование: оно употреблялось гражданами Спарты для названия и города и государства, особенно при контактах с другими греческими государствами. Лакедемоняне включали в себя собственно спартиатов и периэков. Считается, что название «Лакедемон» обозначало государство, уже организованное в Лаконии до прихода дорийских завоевателей.

Латомии

Каменоломни. Слово использовалось, в частности, для обозначения

тюрьмы в Сиракузах для пленных афинян после сицилийской экспедиции.

Левктра

Город в Беотии в 15 км к юго-западу от Фив, на равнине, где Эпаминонд в 371 году нанес сокрушительное поражение спартанскому войску.

Лекиф

Ваза для духов, часто использовавшаяся в погребальных обрядах. В аттической керамике V века существовала специальная категория погребальных лекифов, на которые наносились полихромные изображения с фигурами на белом фоне.

Леохар

Афинский скульптор IV века. Участвовал в украшении Мавзолея в Галикарнасе (ок. 350). Изваял множество статуй богов и портретных статуй (в том числе Исократ). После битвы при Херонее работал у македонских государей. Ему приписывают оригинальную статую Аполлона Бельведерского, находящуюся ныне в музее Ватикана.

Лесха

Здание, служившее залом для собраний. Лесху князья в Дельфах украсили своими картинами Полигнот.

Ливия

Название, данное греками Африке, которая для них начиналась на западе Египта. В узком смысле слово применялось к Кирене, единственной области континента, которая была занята эллинскими

колониями. Ливийские поселенцы, описанные Геродотом в IV книге его «Истории», находились с греками попеременно то в мирных, то во враждебных отношениях.

Лигдамид

1. Тиран острова Наксос (545—525), друг Поликрата с Самоса.
2. Тиран Галикарнаса во второй четверти V века.

Лидия

Царство в Малой Азии с центром в Сардах, которое процветало при династии Мермнадов вплоть до персидского завоевания (546).

Ликург

1. Легендарный спартанский законодатель царских кровей. Жил в конце IX века и взял за образец дорийские установления полисов Крита.
2. Афинский оратор IV века. Был жрецом Посейдона Эрехтея. После битвы при Херонее заведовал афинскими финансами и содействовал сооружению многих зданий: морского арсенала в Пирее, театра Диониса, гимнасия в Ликее и других. Умер в 324 году. Из его речей сохранилась та, которую он произносил против афинянина Леократа, обвиненного в том, что он бегством уклонился от своих военных обязанностей после битвы при Херонее.

Лисандр

Спартанский полководец. Будучи навархом в Эгейском море в 407 году, усилил свой флот при помощи Кира Младшего. В разгар войны был сменен Калликратидом, который потерпел поражение при Ар-

гинусских островах. Вновь взял командование в свои руки и разгромил афинский флот при Эгоспотаммах (405). В 404 году осадил и взял Афины, но не стал разрушать город и ограничился уничтожением Длинных Стен. Гордый своими успехами, приказал воздаты себе особые почести: установил свою статую в Дельфах, алтарь и учредил настоящий культ в некоторых городах. Призванный эфорами, предпочел держаться в стороне от власти. Погиб в битве при Галиарте в 395 году.

Лисий

Родившийся в Афинах около 440 года, был сыном богатого сиракузянина Кефала, обосновавшегося в качестве метека в Пирее, где он занимался изготовлением оружия. Провел несколько лет в Фуриях, затем в 412 году вернулся в Афины; стал жить за счет изготовления оружия. Но правительство Тридцати тиранов конфисковало его имущество, его брат Полемарх был убит, а сам он вынужден был бежать в Мегары (404). В 403 году вернулся с демократами и из мести за своего брата возбудил дело против Эратосфена, одного из Тридцати тиранов. Вынужденный из-за разорения своего имения заниматься мастерством логографа, составил множество судебных речей.

Логограф

Ритор, который составлял речи для личных выступлений. Сам не защищал дел: готовил тексты, которые клиент читал перед судом. Лисий, Гиперид были мастерами искусства составлять речи. Отличается по функциям от синегора.

М

Мавсол

Сын Гекагомна, сатрап Карию в середине IV века. Деятельный и могущественный, он способствовал отпадению от Второго афинского союза Хиоса, Родоса и Коса (357—355). Горячо любивший эллинскую культуру, обновил свою столицу Галикарнас, построив большой порт, чеканил монету в стиле Родоса. Умер в 353 году.

Мавзолей

Монументальную гробницу Мавсола в Галикарнасе, задуманную, возможно, при его жизни, начала строить его вдова Артемисия; прерванное, вероятно ее смертью, строительство было завершено стараниями Александра (ок. 333). Состояла из высокого прямоугольного постамента, целлы, обрамленной тридцатью шестью ионийскими колоннами, и ступенчатой пирамиды наверху, увенчанной квадригой. Архитекторами были Сатир и Пифей. Ленты скульптурного декора работы Скопаса, Тимофея, Бриаксида и Леохара включают два фриза (со сценами кентавромахии и амазономахии), опоясывающих постамент, и фриз целлы с несущимися колесницами. Квадрига работы Пифея несла статуи Мавсола и Артемисии; другие статуи — людей и львов — украшали террасу и промежутки между осями колонн целлы.

Мантинее

Город на востоке Аркадии. Разрушенный Спартой в 385 году, был восстановлен Эпаминондом, кото-

рый окружил его поясом укреплений, овальным в плане и сложенным из сырцового кирпича на каменном фундаменте, длиной около 4 км, с башнями по бокам и десятью воротами. В 362 году произошла битва при Мантинее.

Марафон

Дем на северо-востоке Аттики. В 490 году имело место Марафонское сражение.

Массалия (Марсель)

Фактория Фокеи, основанная около 600 года на берегу Прованса. Процветавшая, она посвятила сокровищницу Дельфам.

Мегара

Политический центр области Мегарида, которая располагалась между Истмией, Беотией и Аттикой. Процветавшая с VIII века, она была крупнейшим колонизаторским государством (метрополия Мегар Гиблейских и Селинунта на Сицилии, Халкедона, Византия и Гераклеи Понтийской). Во второй половине VII века в ней правил тиран Феаген, автор великих трудов; в VI веке здесь был установлен олигархический режим. Долго соперничавшая с Афинами за обладание Саламином, заключила с ними в 460 году союз, просуществовавший до 446 года; далее возродившаяся вражда между двумя государствами стала предлогом для Пелопоннесской войны.

Мегарон

Прямоугольный зал, предшествовавший вестибюлю, который в микенских дворцах стал главным залом.

Мегары Гиблейские

Греческая колония на восточном берегу Сицилии, основанная в 750 году дорийцами, выходцами из Мегары. Скучность территории побудила ее к основанию в свою очередь Селинунта. В 483 году была разрушена Гелоном и вновь заселена в конце IV века. На ее месте проведены археологические раскопки.

Мелос

Вулканический остров на юге Киклад; обитаем с 3-го тысячелетия. Местность Филакопи приняла друг за другом три поселения; последнее из них (XV—XI века, дворец, фрески) разрушили дорийцы. Поселение Мелос на севере было основано лишь в 700 году Спартой. Являясь членом Делосского морского союза, остров совершил измену во время Пелопоннесской войны, дважды осаждался афинянами и подвергся страшному опустошению (416), после чего здесь создали клерухии.

Мессена

Город, основанный Эпаминондом на склонах горы Итомы в 371 году для того, чтобы принять вновь объединенных мессенцев. Защищался длинной стеной укрепленной в 9 км с ровной кладкой, квадратными или полукруглыми башнями по бокам и был окружен полями и пастбищами. Его руины впечатляют.

Метеки

Чужестранцы, проживавшие в Афинах. Не имели ни гражданских, ни политических прав, платили установленную подать и

должны были иметь покровителя из афинян. Они исполняли общественные повинности, призывались на военную службу, участвовали в религиозных праздниках. За услуги, оказанные государству, могли приобрести права граждан (*метеки-исотелы*). Занимались в основном ремеслом и торговлей.

Метрополия

Город или государство — основатель колонии.

Микены

Город на северо-западе Арголиды, в гористой местности на возвышенности, откуда взор простирается вдаль на равнину Аргоса и которая позволяет контролировать главную дорогу, ведущую к Коринфу. Обитаемое уже в неолитическую эпоху, это место знало пору высшего своего процветания в течение 2-го тысячелетия, в период, которому оно дало свое название. Разрушенное завоевателями в конце XII века, оно было вновь заселено впоследствии: город значится среди участников битвы при Платее. Но немногим позднее, в 468 году, Аргос, оказавший помощь Тегее и Клеону, разрушил его до основания. В дальнейшем пережил возрождение только в III веке, в эллинистическую эпоху.

Милет

Важный город в Ионии, находящийся на входе в Латмийский залив, на южном берегу которого он занимал легкий для защиты полуостров. В середине 2-го тысячелетия здесь уже обосновалась фактория крито-микенской культуры.

Колонизованный затем ионийцами в эпоху ионийского переселения, он стал центром торговли и культуры и великой метрополией основанных им колоний. Играл доминирующую роль на Черном море и очень важную роль в контактах с Египтом. Был одним из первых греческих поселений, принявших лидийское изобретение монеты. Помогал Эретрии в Лелантинской войне. После сурового правления тирана Фрасибула с конца VII по начало VI века пережил период непрерывной борьбы. Это был единственный греческий город, договорившийся с Киром. В VI веке его прославили ученые и философы Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Вовлеченный, несмотря на советы историка Гекатея, в восстание Ионии Аристархом был взят и разрушен в 494 году. Его восстановление на протяжении V века позволило таким градостроителям, как Гипподам, воплотить свои теоретические проекты в жизнь. Милет входил в Делосскую симмахию.

Мильтиад

Афинский полководец, происходивший из аристократической семьи, которой завидовали Писистратиды. Его дядя был тираном Херсонеса Фракийского и он отправился туда в свою очередь в 516 году. Подчинившийся Дарию до восстания Ионии, возвратился в 493 году в Афины и подвергся там обвинениям со стороны политических противников. Избранный в 490 году стратегом, сыграл решающую роль в победе при Марфоне. В 489 году безуспешно осаждал Парос. Случайно ранен-

ный во время осады, вернулся в Афины, где был принародно обвинен и оштрафован. Умер вскоре после этого от серьезных последствий своей раны.

Мимнерм

Элегический поэт и флейтист родом из Колофона (последняя треть VII века).

Мирон

Скульптор V века родом из Элевтер, что на границе Аттики и Беотии. Ученик Агелада из Аргоса, видимо, осуществлял свою деятельность преимущественно в середине столетия. Работая в основном по бронзе, мастер стремился передать динамику движения. Документы упоминают множество его статуй атлетов и богов. Из его произведений благодаря копиям и описаниям нам известны два: группа «Афина и Марсий» (на Афинском акрополе) и знаменитый «Дискобол», запечатленный в момент броска. Мирон известен также как анималист: он создал статую коровы, реализмом изображения которой восхищаются множество текстов.

Монета

Обычай использовать в качестве разменной монеты определенное количество металла восходит к глубокой древности. Идея же подкрепить слиток металла знаком, гарантирующим его качество и вес, появилась достаточно поздно. Приписывают это нововведение либо лидийцам, либо Фидону из Аргоса; в любом случае, оно датируется VII веком. Серебро больше, чем лидийский электрум,

подходило для чеканки монет в греческих городах. Золото применялось гораздо реже, чем в Персидской державе, и его использование большей частью соответствовало чрезвычайным обстоятельствам. Тем не менее, в IV веке некоторые города (Кирена, Лампсак, Пантикапей) и Филипп Македонский регулярно чеканили золотую монету. Бронза служила лишь для изготовления мелкой разменной монеты, которая находилась только в местном обращении. Серебро, напротив, использовали даже во внешнеторговых сделках, и монеты некоторых городов (Эгины архаической эпохи, Афин классического периода) действительно служили средством международного обмена. Монетные системы, очень разнообразные, основываются на весе главных серебряных монет. Единицей в основном является драхма, которая делится на 6 оболов. Важнейшая в системе монета, которая служит мерой веса, имеет достоинство или в четыре драхмы (тетрадрахма), или в две драхмы (дидрахма): она называется статер. Чеканка монет большего достоинства, например в десять драхм (декадрахма), оставалась чрезвычайно редкой. Свыше этой стоимости, греки пользовались единицами счета, которые никогда не соответствовали чеканившимся в реальности монетам: такими единицами, заимствованными из таблицы мер веса, являлись мина (делится на 100 драхм) и талант (делится на 60 мин или 6000 драхм). Монеты, имевшие сначала изображение лишь на лицевой стороне, затем изготавливали со штампом и на оборотной. Мо-

нетный кружок, установленного веса, но не всегда регулярной формы, чеканился при высокой температуре, вручную, между двумя плоскостями с полыми рельефными изображениями. Одно из них было на неподвижной наковальне, другое — на внутренней стороне пуансона, перемещаемого вручную мастером, который ударял молотом по другому концу пуансона. Штампы могли быть из железа или бронзы. Нижний штамп соответствует тому, что называется лицевой стороной монеты (или аверсом), а верхний — реверсом. Штампы изнашивались очень быстро, подвижный штамп стирался в два или три раза быстрее неподвижного. Прогрессирование такого износа, которое можно проследить в исключительных случаях, позволяет хронологически классифицировать эмиссии. Правом чеканить монету обладали независимые города, и множество их монет сосуществовали в древнегреческом мире, являя крайне разнообразие образов, заимствованных либо из местных религиозных традиций, либо из особенностей местного колорита, либо даже из этимологической игры слов (роза острова Родос, сельдерей Селинунта, яблоко острова Мелос). Многие из этих монет имеют высокохудожественное исполнение.

Мрамор

Особенно ценился мрамор с Кикладских островов, прежде всего паросский мрамор, плотный, белоснежный, крупнозернистый, пропускающий свет на глубину — излюбленный мрамор скульпто-

ров. В Аттике твердый гиметтский мрамор, мелкозернистый, с серым или голубым отливом являлся превосходным материалом для строительства; пентелийский мрамор, твердый и плотный, белый при добыче, на воздухе приобретал золотистый оттенок; он применялся как в архитектуре (Парфенон, пропилеи), так и в скульптуре (скульптурный декор Парфенона).

Н

Наварх

Командующий лакедемонского флота.

Наксос

1. Крупнейший и богатейший из островов Кикладского архипелага. В VII и VI веках доминировал в Эгейском море. В островном союзе, религиозным центром которого являлся Делос, он был в первых рядах, на что указывают дары, посвященные им этому острову: мраморный колос высотой более 5 м (около 600 года; сохранился в главных фрагментах), зал и портик наксосцев (начало и середина VI века). Сверх того, около 575 года он посвятил Дельфам «Сфинкса». На острове чеканили монету, равную кантару, с изображением виноградной грозди. Во времена Поликрата с Самоса он был подчинен тирану Лигдамиду, которого около 525 года прогнала аристократическая партия, поддержанная спартанцами. В период греко-персидских войн, остров был захвачен и разграблен персами. Затем вместе с другими греками участвовал в битве при Платее и вошел

в Делосскую симмахию. Принял афинских поселенцев. В IV веке, в 376 году, в водах Наксоса афинянами был уничтожен пелопоннесский флот.

2. Город на восточном берегу Сицилии, севернее Катаны, основанный халкидянами в середине VIII века. Стал самой первой греческой колонией на Сицилии.

Немея

Город на Пелопоннесе, на территории Клеона. По легенде, Геракл убил здесь льва, который наводил ужас. На этом месте находилось святилище Зевса Немейского, перед которым с 573 года каждые два года в июле проводились Немейские игры. Еще видны развалины дорического храма Зевса, построенного в середине IV века. У колоннады с внутренней стороны были капители коринфского ордера.

Нестор

Греческий герой Троянской войны, самый старший и мудрый из греческих военачальников. Его династии приписывают микенский дворец, открытый в Пилосе, в Мессении.

Никий

Афинский политик и военачальник эпохи Пелопоннесской войны. Очень богатый (владел более чем тысячей рабов, которых отдавал на службу за 1 обол за душу и за день работы), был человеком религиозным и умеренных политических взглядов. Стратег с 425 года. Оставил Клеону заботы о делах острова Сфактерия. В 424 году захватил остров Киферу для блокирования доступа на побережье Лаконии. На

следующий год взял Менду на Халкидике. Его военные успехи не мешали заключению мира сразу же после смерти Клеона в 422 году. Договор 421 года получил название Никиева мира. Возражал против рискованной политики, проводимой Алкивиадом, но, вопреки его мнению, народ возложил на Никия командование походом на Сицилию, от которого он отговаривал: там в 413 году он нашел свою смерть в плену. Проявил набожность, посвятив Аполлону в Дельфийском святилище в 418 году великолепную бронзовую пальму.

О

Одежда

Особенность греческой одежды быть не стягивающей и не прилегающей плотно к телу объясняется тем, что она соткана из шерсти или льна. Мужчины обычно носили перепоясанный на талии короткий хитон. Ремесленники закрепляли хитон только на левом плече, чтобы оставить правую руку полностью свободной, или же ограничивались набедренной повязкой. Для защиты от холода и дождя использовали большой шерстяной плащ — прямоугольный кусок сукна, в который укутывались, собирая ткань в красивые складки. Всадники и путешественники обычно пользовались закрепленным на плече фибулой коротким шерстяным плащом, хламидой: это обычный плащ греческих воинов. Ноги оставались босыми или были обуты в сандалии, а иногда в сапоги до колен или высокую мягкую обувь со шнуровкой. На голову надевали

широкополую дорожную шляпу (петас) или простой конусообразный головной убор из фетра (пилос); обычно же ходили с непокрытой головой. Женщины носили короткую или длинную льняную рубашку (хитон), рукава которой были вшиты. Поверх хитона они надевали большую шаль или плащ, как у мужчин, но обычно сотканный изящнее и часто украшавшийся тканым (но не вязаным) орнаментом. Это традиционный ионийский костюм. У дорийцев была традиция надевать прямо на тело шерстяной пеплос, сделанный из большого прямоугольного куска сукна, укрепленного на обоих плечах круглыми застежками (или фибулами) с манишкой снаружи. Одежда подпоясывалась простым поясом на талии. Иногда манишка была такой длинной, что приходилось подвязывать ее вторым поясом, поверх которого красиво расправляли складки ткани. Скульпторы пользовались всем богатством средств пластического выражения, чтобы изобразить живописно спадавшие складки пеплоса. Женщины обычно носили фетровые или соломенные шляпы или укутывали голову шалью. Их сандалии и туфли могли быть сделаны из тончайшей кожи с разнообразными узорами. Они не носили нижнего белья, а только обвязывали торс лентой, служившей лифчиком. Одни акробаты надевали нечто вроде облегающих трусов, чтобы исполнять свои трюки.

Олимпия

Святилище Зевса в Элиде, находящееся на месте слияния рек Алфеи и Кладаи у подножия холма Кро-

нион. В 776 году, с учреждением Олимпийских игр и провозглашением священного мира, дающего возможность путникам без всякого риска отправляться туда каждые четыре года, святилище становится панэллинским. Оно управлялось городом Писа от имени 16 городов Элиды, а после 576 года — от имени города Элида, который имел там влияние, несмотря на частые ссоры со своими соседями (разграбление святилища жителями Аркадии в 364 году). Архитектурный облик святилища начинает складываться в архаический период; на священном участке, или альтисе, среди густой зелени роц около 600 года до н. э. строится храм Геры на месте более древнего храма. Его составляют портик с двумя колоннами, целла и опистодом с колоннадой с внешней стороны из 6 × 16 дорических колонн. По меньшей мере десять сокровищниц располагались на северной террасе с дарами городов Сикион, Сиракузы, Эпидавр, Византий, Сибарис, Кирена, Селинунт, Метапонт, Мегара и Гела. На северо-западе пританей, четырехугольная постройка, вмещала алтарь гестии, где принимали победителей и высоких гостей. На востоке находился стадион длиной в 600 олимпийских шагов (191,27 м). На юге, рядом с оградой, булевтерий, два здания с абсидой, обрамляющие квадратную постройку. Храм Зевса с колоннадой с внешней стороны из 6 × 13 дорических колонн возведен Либоном из Элиды в 468—456 годах. Скульптуры фронтонов и метопы работы неизвестного мастера (возможно, Пеония из Менде) являются

шедеврами строгого стиля (на восточном фронтоне: Зевс, Пелопс и Эномай перед забегом на колеснице; на западном фронтоне: Аполлон, кентавры и лапифы; дорический фриз наверху внутреннего входного портика и опистодом изображают подвиги Геракла). Культовая статуя Зевса Олимпийского, огромная, из золота и слоновой кости, была творением Фидия (для скульптора на западе святилища была устроена мастерская). В IV веке облик святилища был значительно изменен новыми постройками: появились храм Матери всех богов на севере и многочисленные портики на востоке и юге. После победы при Херонее (338) Филипп воздвиг круглое здание, Филиппейон, с восемнадцатью ионийскими колоннами с внешней стороны и девятью коринфскими колоннами с внутренней, чтобы укрыть хрисоэлефантинные статуи членов своей семьи работы Леохара. К подношениям геометрического и архаического периодов (треножки, бронзовые статуэтки, доспехи, принесенные в дар по обету и т. д.) в классическую эпоху добавились статуи победителей, творения величайших скульпторов-современников, и различные приношения, среди которых «Нике» работы Пеония для мессенцев и «Гермес» Праксителя, который был помещен в храм Геры. Павсаний посвятил большую часть V и VI книг своего «Описания Эллады» рассказу о святилище в Олимпии.

Олинф

Город на полуострове Халкидика. После разрушения в 479 году

персами был восстановлен и заселен в середине V века. В 392 году стал центром греческих поселений на Халкидике. Атакованный царем Македонии, осажденный и взятый Спартой в 379 году, в 375 году вошел в Афинский морской союз, но в 371 году покинул его. В 366 году Олинф вступил в союз с Филиппом II, затем, обеспокоенный его завоевательной политикой, заключил оборонительный союз с Афинами. В 348 году Филипп захватил Олинф и стер с лица земли. Раскопки американцев позволили изучить план города и развалины жилых построек V и IV веков.

Орфизм

Плохо изученное эсхатологическое учение, которое выразилось в поэмах, приписываемых фракийскому певцу Орфею.

П

Павсаний

1. Спартанец, племянник Леонида, назначенный регентом сына этого царя до его совершеннолетия. Возглавил объединенные войска греков в битве при Платее. Одержал победы на Кипре, освободив его от персов, и отвоевал у них же Византий. Но отказавшись от командования, он решил сделаться тираном этого города и вступил в переговоры с персидским царем. Призванный в Спарту эфорами, был уличен в измене и отправлен умирать от голода в храм Афины, где и скончался (467).

2. Писатель II века н.э., автор бесценного «Описания Эллады».

Павсий

Живописец IV века, уроженец Сициона. Славился своей виртуозной техникой: хвалили его ракурсы (на картине «Жертвоприношение быка» зрителю виден зад животного), эффекты светопрозрачности (на полотне «Опьянение» женщина пьет из большого стеклянного сосуда, через который просвечивает ее лицо).

Палестра

Предшествовавшая гимнасию атлетическая школа. Имелись также частные палестры, где дети под руководством педотриба занимались физическими упражнениями. Палестру составлял двор, который окружали здания для гардероба и гимнастического зала, постройки с местами для отдыха, иногда залы для купания.

Панафиней

Великие панафиней — грандиозные празднества граждан в честь Афины в Афинах. С 566—565 годов они торжественно справлялись раз в четыре года. Малые панафиней — с меньшим размахом — ежегодно. Включали конные и гимнастические состязания, победителям которых вручалась в качестве приза «панафинейская» амфора, полная масла, полученного из священных оливок. Празднества проходили в июле и длились четыре дня. Были ночные торжества: бег с факелами (лампадодромия) и праздничное шествие, заканчивавшееся с восходом солнца. Народ тогда собирался позади священных жертвенных животных, юных дев (канефор), несущих священные корзины, и афинских магистратов.

Всадники и колесницы участвовали в церемонии, воспроизведенной Фидием на ионическом фризе Парфенона. Афине Полиаде вручали пеплос, который афинские женщины и девушки, называемые эргастинами, ткали девять месяцев: на этом священном одеянии были изображены сцены гигантомахии, в которой богиня Афина играла важную роль.

Паниасис

Эпический поэт первой половины V века, уроженец Галикарнаса. Дядя Геродота. Боролся против тирана Лигдамида, который его убил.

Парменид

Поэт и философ первой половины V века, родившийся в Элее, ионийской колонии юга Италии. Написал поэму «О природе».

Парос

Островное государство Кикладского архипелага, метрополия Фасоса, процветавшая главным образом в архаическую эпоху и соперничавшая с Наксосом на протяжении всего VI века за первенство в Эгейском море. Родина поэта Архилоха, которого почитали там после смерти. Значительный художественный центр (керамика VII века и скульптура), Парос был знаменит прежде всего красотой своего мрамора, которому, начиная с VI века, скульпторы отдавали предпочтение.

Паррасий

Художник конца V века родом из Эфеса. По рассказу Ксенофонта, Сократ восхищался психологической глубиной его картин. Хвали-

ли тонкую и экспрессивную манеру живописца. Его «Филоклет» действительно выглядит страдающим, аллегория афинского народа «Демос» — испытывающим самые различные чувства.

Пеан

1. Эпитет Аполлона-врачевателя.
2. Боевой гимн в честь Аполлона.

Педагог

Раб, обязанный сопровождать маленького ребенка и присматривать за ним.

Педотриб

Учитель гимнастики детей и подростков. Вел занятия в палестре.

Пелопид

Фиванский политик и воин IV века, друг Эпаминонда. Изгнанный из Фив после взятия спартанцами Кадмеи, принял участие в походе, который изгнал их и освободил Фивы (379). Во главе «священного отряда» одержал при Тегире первую победу над лакедемонянами в открытом поле, затем победоносно участвовал в битве при Левктрах (371). Позже руководил множеством военных походов в Фессалии и был убит в 364 году при Киноскефалах. Лисипп создал его портрет в Дельфах немногим позднее 369 года. Плутарх ему посвятил одно из своих «Сравнительных жизнеописаний».

Пелтасты

Войсковой отряд легкой пехоты.

Пентатл

Атлетическое состязание для пентборцев, которое было включено

в программу Олимпийских игр. Состояло из пяти испытаний: прыжки, бег, метание диска, кулачный бой (который позже заменили метанием копья) и борьба. Впервые введено на XVIII Олимпиаде в 708 году.

Пентеконторы

Пятидесятивесельные суда.

Пентесилея

Амазонка, которая пришла на помощь Трое, осажденной греками. Ахилл, убивая ее, был пленен ее красотой.

Периандр

Тиран Коринфа, сын Кипсела. Согласно традиционной хронологии, правил с 627 по 586 год. Изображавшийся одними как очень суровый государь, другими включался в число Семи мудрецов.

Перикл

Афинский политик, сын стратега Ксантиппа. Его мать Агариста принадлежала к роду Алкмеонидов. В 472 году проявил себя, управляя хорегию: поставил по такому случаю «Персов» Эсхила. Затем стал одним из предводителей демократической партии наряду с Эфиальтом, которому помог в его выступлении против ареопага. После смерти Эфиальта Перикл сделался самым влиятельным политиком в Афинах. Кончина Кимона, с которым он, впрочем, примирился, затем остракизм Фукидида, главы партии аристократов и зятя Кимона, в 443 году предоставили ему полную свободу действий. С 443 по 430 год он еже-

годно переизбирался стратегом, и этого авторитета, ему было достаточно, чтобы определять всю политику государства. Окруженный друзьями, самыми выдающимися мыслителями своего времени, такими как философ Анаксагор, скульптор Фидий, историк Геродот, градостроитель Гипподам, прорицатель Лампон, не считая его возлюбленной, прекрасной милетянки Аспасии, он вознес могущество и авторитет Афин на самую высшую ступень. Перикл спровоцировал неизбежный конфликт со Спартой и верил, что сумел начать его в нужное время с «Мегарской псефизмой» 432 года. Став ответственным за первые испытания, которые понесла его родина в войне, он был осужден и наказан штрафом. Со следующего года, правда, народ доверил ему снова должность стратега: но изнуренный работой и хлопотами, Перикл умер спустя несколько месяцев, в конце лета 429 года.

Перистиль

1. Прилагательное: в случае, когда говорят о здании, обрамленном колоннадой (периптер).
2. Существительное: двор, окруженный колоннадой.

Периэки

Категория жителей Лакедемонского государства и других греческих государств.

Пилос

Древнее название области рядом с бухтой Наварино на западном побережье Мессении. Здесь открыт микенский дворец, имеющий большое значение.

Пиндар

Лирический поэт из Беотии, родившийся в местности недалеко от Фив в 518 году. Принадлежал к дорийской аристократии и всегда имел явную склонность к аристократическим режимам. С глубокой религиозным сознанием особо чтит Аполлона Дельфийского: позже показывали в храме бога железную скамью, где сидел Пиндар. Его долгая поэтическая карьера начинается для нас с «Десятой Пифийской оды» (498), сочиненной в двадцатилетнем возрасте, и завершается «Восьмой Пифийской одой» (446), когда ему было восемьдесят лет. Умер в 438 году. Он писал лирические поэмы разных жанров, религиозные (гимны, пеаны, дифирамбы и т.д.) и светские (хвалы, погребальные плачи, похвальные песни в честь победителей на спортивных играх). До нас вместе с небольшими фрагментами других поэм дошли четыре книги триумфальных од (или эпипикиев): «Олимпийские», «Пифийские», «Истмийские» и «Немейские».

Пирей

Первый порт Афин имел незащищенный рейд, бухту в Фалере. Фемистокл начал обустройство за Пиреем полуострова Акта. Там устроили три порта, защищенные сплошной стеной: Мунихию, Зею и Канфар. Все три могли принимать военные суда, но главным военным портом являлась Зея, почти закрытая бухта со 196 местами для кораблей и арсеналов. Канфар был больше и сделался торговой гаванью (эмпорием), окруженной крытыми галереями: хлебным

рынком, местом для торговли. Между двумя портами располагалась агора; недалеко от нее — театр, а восточнее — святилища, в том числе Артемиды Мунихийской. Жилые кварталы находились южнее и севернее, по обе стороны от агоры. Они были размежеваны границами. Сейчас большинство из них найдено. План поселения был начерчен Гипподамом из Милета. Пирей был связан с Афинами двумя параллельными Длинными Стенами, называемыми «Ноги» (*skélè*) и введенными: одна — Кимоном, другая — Периклом.

Писистрат

Афинский тиран VI века. Происходил из аристократической семьи Браврона, дема вблизи восточного побережья Аттики. Встал во главе партии диакриев. Руководил победоносным походом против Мегар и отвоевал Саламин. После разгромного покушения на его персону заставил народ приставить к нему военный караул, вооруженный дубинами, с которым захватил Акрополь и установил тиранию (560). Дважды изгоняемый аристократами, захватывал власть снова — сначала благодаря союзу с Мегаклом Алкмеонидом, которого он женил на своей дочери, затем силой. Скончался в 527 году.

Писистратиды

Так называют либо всю династию Писистрата и его сыновей, либо Гиппия и Гиппарха, которые разделили между собой власть после его смерти. Гиппарх был убит в 514 году Гармодием и Аристомитом. Гиппий, изгнанный

в 510 году, бежал в Персию. Он участвовал в походе Дария и в битве при Марафоне (490).

Питтак

Законодатель из Митилены VII века, один из Семи мудрецов.

Пифагор

Философ VI века, родившийся на острове Самос. Покинув свою родину, возможно, чтобы спастись от тирании Поликрата, удалился в Кротон, где основал философскую школу, имевшую характер настоящей секты с суровыми правилами жизни: совместная трапеза, воздержание от некоторых блюд. Учил, что бессмертная душа перевоплощается после смерти в другое живое существо (метемпсихоз). Очень долго занимался математическими умозрительными построениями (теорема Пифагора): для него вся вселенная управляется числами. Играл важную политическую роль в Кротоне, где секта долгое время руководила правительством города в соответствии с представлениями об олигархическом государстве. Но Пифагор кончил тем, что был изгнан из Кротона и нашел убежище в Локрах, затем в Метапонте, где умер. Его влияние, распространенное на весь греческий мир его учениками, было глубоким и прочным.

Платен

Беотийский город на северных отрогах Киферона. Известно сражение при Платеях в 479 году. Платейцы, верные союзу с Афинами начиная с Марафонской битвы, служили мишенью для атак Фив в ходе Пелопоннесской войны.

Платон

Философ IV века. Рожденный в Афинах в 427 году в аристократической семье, получил блестящее литературное и научное образование (одним из наставников был софист гераклитовского направления Кратил). В 407 году познакомился с Сократом и всецело посвятил себя философии. Со смертью Сократа, к которой он не имел отношения, укрылся в Мегаре, затем совершил путешествие в Кирену, Египет и южную Италию, где встречался с лучшими пифагорейцами. Около 388 года Дион пригласил его в Сиракузы ко двору Дионисия Старшего; поссорившись с последним, Платон вернулся в Афины, едва не угодив в рабство, и в 387 году основал Академию. Его новые поездки на Сицилию в 367 и 361 годах к Дионисию Младшему были еще неудачнее. Среди его трудов различают ранние диалоги, где еще сильно заметны воспоминания и личные мысли Сократа («Апология Сократа», «Критон», «Ион», «Евтифрон», «Протагор», «Горгий»); зрелые произведения, где собственная метафизика Платона и его теория идей приобретают окончательную форму («Государство», «Пир», «Федр», «Федон»); наконец, поздние диалоги («Парменид», «Тимей», «Критий», «Законы»), стиль которых менее гибок, а мысль стремится либо снова к космогоническим идеям досократиков, либо к детальным образам идеального государства, опираясь на историю. Достаточно очевидно, что философское и литературное творчество являлось заменой политической деятельности, к которой

такой афинянин, как Платон, мог с полным правом стремиться и от которой он находился в стороне в силу обстоятельств.

Полемарх

В сущности, командующий. Должность одного из архонтов в Афинах. Во времена сражения при Марафоне в его руках было также главное военное начальство. Затем эти обязанности перешли от него к стратегам, и у полемарха остались лишь религиозные функции и судебная власть над чужестранцами, или метеками.

Поликлет

Скульптор V века родом из Аргоса, согласно Платону и надписям. Плиний (который называет его уроженцем Сикиона) сообщает, что период расцвета его творческой деятельности совпадает с XС Олимпиадой (420—417). Эта дата должна соответствовать созданию хрисозлефантинной статуи Геры для храма богини близ Аргоса, восстановленного после пожара 423 года. Упоминают множество его статуй атлетов; следовательно, древнейшая отмеченная им победа восходит к 460 году, но могло пройти много лет между победой и возведением статуи — дара по обету. Будучи современником Фидия, которого античные авторы ставили на первое место, он удостоился победы, присужденной ему за изваяние статуи «Раненой амазонки» в состязании в Эфесе, где с ним соревновались Фидий, Кресилай и четвертый, менее известный скульптор. Теоретик искусства, Поликлет, который принимал традицию аргосских скульп-

торов, работавших по бронзе, сочинил трактат о пропорциях человеческого тела под названием «Канон». В нем он развил для своих будущих последователей стремление к систематизации пропорций с помощью математических формул, которые уже обнаружили его непосредственные предшественники. Восхищаясь внешним совершенством его статуй, их упрекали за некоторое отсутствие внутренней жизненной силы: они «совершенно не выражают божественного величия» (Квинтилиан).

Поликрат

Тиран острова Самос во второй половине VI века. Установил около 535 года с помощью тирана острова Наксос Лигдамида тиранию, направленную против аристократии богатых самосцев. Опираясь на наемников и большой флот, был некоторое время главой более мощного государства Эгейского моря. Поддерживал дружеские отношения с Киром, затем с Камбизом и с фараоном Амасисом. Спарта и Коринф безуспешно пытались его свергнуть. Но Поликрата заманил в ловушку персидский сатрап, который поймал его и около 522 года казнил.

Потидея

Колония Коринфа на полуострове Халкидика, основанная в конце VIII века на перешейке Паллена. Осаждена и захвачена афинянами в начале Пелопоннесской войны.

Пракситель

Афинский скульптор IV века, сын скульптора Кефисодота. Согласно

Плинию, вершина его творческой деятельности совпадает по времени со CIV Олимпиадой (364—360). Жил главным образом в Афинах, где у него была возлюбленная, куртизанка Фрина. Документы приписывают ему большое число культовых статуй и даров не только в Афинах, но и в Беотии, Мантинее, Олимпии, Малой Азии (Книд, Эфес, Парион). Работал с бронзой и мрамором, предпочитая последний. Свои мраморные статуи Пракситель поручал тонировать художнику Никию. Из работ общепризнанного мастера в оригинале до нас дошел, предположительно, «Гермес с младенцем Дионисом», находящийся ныне в музее в Олимпии (но некоторые, не без серьезных оснований, считают статую превосходной римской копией). Гармония, грация, безмятежность за счет некоторой томности и религиозность, которая долгое время оставалась непризнанной, вместе с виртуозной безупречностью в технике составляют характерные черты его искусства, которое отобразило более глубоко, чем у какого-либо еще, восприятие окружающего мира людьми той эпохи.

Продик

Софист V века, уроженец острова Кеос. Современник Протагора, он предстает его сторонником в диалоге Платона. В особенности стремился к ясности выражений, достигая этого через различие оттенков между синонимами. Сочинил знаменитую притчу о Геракле, который должен был выбрать между двумя стезями — Доброде-телью и Пороком.

Проксен

Гражданин греческого государства, на которого другое греческое государство возлагало обязательство заботиться об интересах его подданных, прибывавших в город, в котором проживал проксен. Сюда включалось гостеприимство, правовая, политическая и финансовая поддержка. Достоинство проксена, проксения, даровалось указом. Она была одновременно и честью и обязанностью.

Пропилеи

Монументальный проход, образуемый портиком с колоннами и оформляющий вход. Если вход или входы были в стене крепости, внутри нее мог добавляться второй портик симметрично первому.

Протагор

Софист V века, родившийся в Абдере. Упоминается в диалоге Платона, который в 432 году говорит о нем, как о человеке уже пожилom, знаменитом и осознающем бытие, красноречивом и отрешенном, верящем лишь в свою способность обучать искусству убеждать. Именно он сформулировал идею о том, что человек есть «мера всех вещей». Его скептицизм стоил ему обвинения в атеизме, которое закончилось его изгнанием из Афин, где он жил долгое время. Доброе имя позволяло ему брать высокую плату за свои уроки. Погиб в 411 году при кораблекрушении.

Пеоний из Менде

Скульптор V века, уроженец города Менде, колонии Эретрии на полуострове Халкидика. Павсаний (VI, 26, I) приписывает ему статую

«Нике», установленную мессенцами рядом с храмом Зевса в Олимпии около 455 года, а также рельефы восточного фронтона этого храма (VI, 10, 8). Доподлинно известно в то же время, что на дарованной мраморной Нике (к сожалению поврежденной) надпись упоминает имя Пеония и приписывает ему акротерии храма. Имеются достаточные основания, чтобы считать Пеония творцом скульптурного декора (акротериев, фронтонов и метопов) ансамбля храма Олимпии.

Р

Рамнунт

Дем на севере Аттики, на побережье напротив острова Эвбея, к северу от Марафона. Являлся надежным фортификационным пунктом (пояс укреплений IV века). На некотором расстоянии в направлении суши было устроено святилище Немезиды с дорическим храмом, возведенным во второй половине V века.

Регий

Колония халкидян, основанная в 730—720 годах на итальянском побережье Мессенского пролива. В числе переселенцев были мессенцы, которые покинули свою страну из-за спартанского завоевания: они заняли высокое положение в среде аристократии, которая управляла городом в архаический период. В начале V века тиран Анаксилай нискал для Регия исключительную славу. В 387 году город был взят и разрушен Дионисием Старшим. Дионисий

Младший основал его снова. Родина поэта Ивика и пристанище скульптора с Самоса Пифагора.

Родос

После того, как в микенскую эпоху остров играл важную роль перевалочного пункта на пути из Азии и с острова Крит, он был колонизован дорийцами. Три их поселения: Камир, Линда и Иалис, члены дорийского гексаполиса, процветали в архаический период (известна прекрасная родосская керамика VII и VI веков). Родосцы участвовали в основании Гелы в начале VII века, населяли Навкратис, последовали за эмигрантами с острова Фера в Кирену около 580—575 годов. Гражданин Линды, Клеобул, современник Солона и Периандра, входит в число Семи мудрецов. В V веке остров был частью афинской державы вплоть до 412 года, когда вступил в союз со Спартой. В 408 году синойкизм трех родосских поселений образует новый город Родос, который вошел в Вторую афинскую морскую союз, вышел из него в 357—355 годах в момент Союзнической войны, но, из-за угроз со стороны Мавсола, затем Артемисия, в 350 году вновь просил покровительства у Афин. Несмотря на поддержку Демосфена, родосцам не помогли, и остров сделался сатрапией Галикарнаса до похода Александра.

С

Саламин

1. Остров в заливе Сароникос, закрывающий бухту Элевсина. Афиняне впервые обосновались там

около 600 года, изгнав поселенцев из Мегары. После непрерывных войн Писистрату удалось окончательно отвоевать остров. На протяжении VI века на нем были организованы клерухии. После правления Тридцати тиранов Саламин вместе с Элевсином был местом убежища олигархии. На острове особенно почитался герой Аякс, сын Теламона, эпоним одного из десяти племен Аттики.

2. Город на острове Кипр.

Самос

Большой остров в Эгейском море, соседствующий с берегом Малой Азии, населенный некогда пеласгами, затем карийцами и колонизованный в XI веке легендарным ионийцем Проклом, потомки которого царствовали там примерно до 680 года. Расцвета Самос достиг в правление тирана Поликрата (538—522). Завоеванный персами, остров принял участие в восстании ионийских городов, позже вступил в Делосскую симмахию. После восстания самосцев против Афин в 440—439 годах сдался и покорился Периклу. На протяжении всей Пелопоннесской войны он являлся одной из главных баз афинского флота. Служил убежищем для сторонников демократии во время правления Четырехсот и оставался верным до эпохи правительства Тридцати тиранов, когда в 405 году произошла массовая раздача самосцам прав афинских граждан. В 404 году, после победы Спарты, Самос отделился от Афин, а в 392 году вступил в союз с Фивами. Вновь покоренный персами, затем отвоєванный афинянами в 365 году, он принял на своей земле клерухов.

По соглашению, заключенному после битвы при Херонее, Самос остался зависимым от Афин. Раскопки немецких археологов открыли рядом с древней местностью на южном побережье острова (к востоку от небольшого порта Тигани) развалины святилища Геры с элементами большого ионийского храма. Это огромный храм с двойной колоннадой с внешней стороны размером 5 × 102 м.

Самофракия

Остров во Фракийском море между Фасосом и Херсонесом, колонизованный в VIII и VII веках эолийцами, пришедшими с Лесбоса или из Эолиды. В начале V века обладал территорией, протянувшейся на берег Фракии. Был центром предшествующего прибытию греков культа Великих богов, или Кабиров, которые были позднее отождествлены с диоскурами Кастором и Полидевом. Они были связаны с женским божеством азиатского типа, Великой Матерью всех богов. Геродот, Лисандр, цари Македонии проходили там посвящение. Древнее поселение находилось на северо-западе острова, и святилище, расположенное чуть западнее, было исследовано американской экспедицией. Большая часть памятников относится к эллинистической эпохе.

Сапфо

Поэтесса родом с Лесбоса, жившая в конце VII — начале VI века.

Сикион

Город на полуострове Пелопоннес по соседству с Коринфом. Возвышался над плодородной равни-

ной на южном побережье Коринфского залива. Обслуживаемый искусственным портом малого значения, он никогда не играл экономической роли, сопоставимой с ролью Коринфа: но он знал пору расцвета с середины VII по середину VI века при тирании Орфагоридов и в особенности при блистательнейшем из них Клисфене, который правил примерно в 600—570 годах. Художники из Сикиона, живописцы и скульпторы, пользовались большой славой (скульпторы Каннах, Лисипп и живописец Павсий).

Симонид

Лирический поэт, уроженец острова Кеос. Родился около 556 года, вскоре стал известным и снискал дружбу Гиппарха Писистратида. Позднее часто бывал при дворе фессалийских царей Скопадов. Воспел победы греков в греко-персидских войнах, затем отправился к Гиерону в Сиракузы и умер в Агригенте в 468 году. Сочинял пеаны, эпиникии, френосы (погребальные плачи) и эпиграммы. Дядя поэта Вакхилида.

Синоикизм

Объединение многих поселений в единый полис. Это политическое действие никогда не сопровождалось сосредоточением в целостный город. Синоикизм Аттики приписывают Тесею. В классический период некоторые города, такие как Мегалополь, образовались посредством синоикизма.

Синоп

Колония Милета, основанная около 630 года на южном побережье Чер-

ного моря. В свою очередь стала метрополией множества менее важных колоний в той же местности.

Сиракузы

Греческая колония в южной части Сицилии, основанная в 733 году Коринфом на скалистом островке Ортигия. Постепенно она разрослась в направлении материка и соединилась с ним плотной на всей подводной части отмели Эпипол. Стала сильнейшим из сицилийских городов. Была украшена роскошными памятниками стараниями своих наследных тиранов: Диноменидов Гелона и Гиерона, а затем Дионисия Старшего и Дионисия Младшего.

Ситофилаки

Надзиратели за торговлей хлебом и зерном в Афинах.

Скопас

Скульптор IV века, родившийся в Паросе. Античным авторам нравилось множество его произведений, и они оставили нам большое количество упоминаний о них. Был в числе скульпторов, на которых около 350 года возложили труд украсить Галикарнасский мавзолей. Создал рельефные украшения одной из колонн Артемисия в Эфесе (восстановлен после пожара 356 года). Спроектировал планы храма Афины Алеи в Тегее, в Аркадии (был восстановлен около середины IV века, после того как сгорел в 395—394 годах). Его манеру узнают в изображении некоторых голов на фронтонах. Виртуозно работавший в мраморе Скопас, кажется, превзошел всех в искусстве выражать чувства:

сильные (его статуя восторженной менады) или нежные (его Потос, аллегория любовного вожделения). Влияние мастера на эллинское искусство очень велико.

Сократ

Философ, родившийся в Афинах около 470 года. Сын скульптора Софрониска и повивальной бабки. Сначала учился мастерству скульптора и посвятил на акрополе рельеф, изображающий Харит; затем занялся философией, используя физику и астрономию. Применял метод оригинального обучения, майевтику, или искусство пробуждать мысли, стимулируя их последовательными вопросами. Участвовал в качестве гоплита в походе в Потидею 431 года и в битве при Делионе в 424 году. Будучи пританом в деле об обвинении победителей при Аргенусах, тщетно искал способ препятствовать незаконному осуждению стратегов. Скомпрометированный деяниями своих учеников, Крития и Алкивиада, в 399 году был обвинен в развращении юношества и неверии в богов, признаваемых городом Афины. Приговоренный к смерти, отказался от побега из уважения к законам своей родины и выпил кубок цикуты в темнице.

Сокровищница

Небольшое сооружение в панэлинских святилищах, в котором города оставляли свои дары.

Солон

Поэт и законодатель, родился в Афинах примерно в 640 году. Происходивший из знатного, но обедневшего рода, разбогател на торговле. В своих поэмах советовал

присоединить остров Саламин. Будучи архонтом в 594—593 годах, реформировал государственное устройство и экономику Афин, объявил свои законы неприкосновенными на десятилетие и уехал в дальние земли, а затем вернулся в Афины, где умер около 550 года после тщетной борьбы с Писистратом. Его нравственные и политические элегии были первыми сохранившимися афинскими литературными произведениями. Входит в число Семи мудрецов.

Софокл

Трагический поэт, родившийся близ Афин в Колоне в 496 году. Был сыном богатого оружейного мастера. Играя на лире, сопровождал хор эфэбов, который пел гимн победе после сражения при Саламине. Взял верх над Эсхилом с момента своего первого драматического конкурса (468). Будучи стратегом в 441 году, сопровождал Перикла в походе против Самоса. Умер в Афинах в 406 году. Двадцать раз был победителем. До нас дошли семь трагедий из 130 пьес, которые он написал: «Аякс», «Антигона» (442), «Электра», «Царь Эдип», «Трахинянки», «Филоклет» (409), «Эдип в Колоне» (поставлена после его смерти в 401 году) и фрагменты сатирической драмы «Следопыты».

Спарта

Полис в области Лакония, образованный в IX веке синойкизмом четырех поселений. Спарта была превращена в военизированное и олигархическое государство полуполюгендарным законодателем Ликургом и существовала без особых

изменений на протяжении столетий. Став сильнейшим государством на Пелопоннесе, вела в V веке долгое соперничество с Афинами и вышла победительницей. Но после краткого периода неоспоримой гегемонии ее владычество было подорвано Эпаминондом. Город состоял из многочисленных селений вдоль долины реки Эврот, достаточно отдаленных одно от другого, от Питаны на севере до Амикл на юге. Уверенная в храбрости своих воинов, Спарта не имела городских укреплений вплоть до конца классического периода. Бедная величественными сооружениями, она все-таки обладала высоко почитавшимися святилищами.

Спондофоры

Посланики, на которых возлагалась обязанность оповестить греческие города о начале священного перемирия по случаю Олимпийских игр.

Стесихор

Лирический поэт, родившийся в Гимере около середины VII века.

Стратеги

Десять выбираемых в Афинах на один год военачальников.

Сфактерия

Островок, прикрывавший Пилосский залив, у которого в 424 году имели место важные боевые действия.

Т

Танагра

Город в Беотии близ границы с Атикой, знаменитый открытием на

прилегающем некрополе многочисленных терракотовых статуэток, в частности IV века. В 457 году произошло сражение при Танагре.

Тарент

Спартанская колония на юге Италии, основанная в конце VIII века.

Театр

Если считать широкие лестницы критских дворцов, возвышающиеся над эспланадой, далекими предками греческого театра, то именно в Афинах в конце V века появился театр в истинном смысле. Его составляли площадка с утоптанной землей (орхестра), где хор двигался вокруг алтаря Диониса, место, приспособленное для зрителей на помосте или отлогой площадке, и, наконец, полотняное или деревянное помещение для актеров. Достаточно быстрое развитие привело к созданию постоянного сооружения: его первые признаки были зафиксированы в композиции театра Диониса Элевтерия, размещавшегося на южных склонах Акрополя (последняя четверть V века). Во второй половине IV века сложился тип каменного греческого театра. Каменные скамьи для зрителей возвышаются ступенями амфитеатра на склоне холма, разделенные на секторы лестницами и иногда на дополнительные зоны одной или двумя горизонтальными дорожками. В центре — эллиптическая орхестра, позади которой возвышается помещение сцены (скены), служившее основой декораций и кулис. Невысокие деревянные подмостки, сообщавшиеся с орхестрой лестницами из нескольких ступеней, принимают

актеров, когда они не участвуют в движении хора на оркестре. В стене сцены сделаны двери, чтобы был выход на подмостки. Явления (главным образом богов) могли разыгрываться на ярусе. Перед стеной сцены мог возвышаться неглубокий портик (проскений), который расширял пространство. Передвижные детали (из дерева и полотна) украшают декорации. Различные механизмы сцены использовались для специальных эффектов. Актеры, только мужчины, благодаря маскам могли играть несколько ролей в одном представлении.

Тегей

Город в Аркадии, известный своим храмом Афины Алеи, план которого был создан Скопасом в середине IV века. Обнаружены фрагменты фронтовых скульптур.

Терпандр

Певец и поэт родом с Лесбоса (начало VII века), знаменитый кифаред. Победил в музыкальном состязании в Спарте на празднествах Аполлона Карнейского около 675 года.

Тимофей

1. Лирический поэт конца V и первой половины IV века, уроженец Милета. Знаменит своими гимнами, одами, дифирамбами и номами.

2. Афинский полководец первой половины IV века, сын Конона. Сыграл большую роль в образовании Второго афинского морского союза в 377 году. В 365 году отобрал у персов остров Самос, затем командовал блестящими операци-

ями в Македонии и на Халкидике, но потерпел неудачу при Амфиполе в 361 году. В 356 году во время Союзнической войны не сумел захватить Хиос. Обвиненному после возвращения, ему присудили тяжелый штраф в сто талантов и изгнали; он умер в 354 году.

3. Скульптор первой половины IV века, который создавал образцы скульптур для ваятелей храма Асклепия в Эпидавре (ок. 370), кроме скульптуры фронтонов и акротерии восточного фасада. Позднее участвовал в работах над рельефами Мавзолея в Галикарнасе.

Тираноубийцы

Прозвище Гармодия и Аристокитона, которые в 514 году убили тирана Афин Гиппарха, одного из сыновей и наследников Писистрата. Их бронзовые статуи работы Антенора (позднее 510 года) установлены на агоре; в 480 году увезены Ксерксом и в 477 году заменены заново отлитой скульптурной группой ваятелей Крития и Несиота.

Тиртей

Лирический поэт, живший в Спарте во второй половине VII века. Автор воинственных элегий, которые прославляли боевую храбрость спартанских воинов.

Триера

Военное судно с тремя ярусами весел, изобретение которого приписывают жителям Коринфа.

Ф

Фалес

Философ первой половины VI века, уроженец города Милета. Был

одновременно математиком, астрономом и натурфилософом. Считал воду первоначальным веществом. Включался в число Семи мудрецов.

Фарнабаз

Персидский сатрап в Малой Азии в конце V и начале IV века.

Фарсал

Город в Фессалии, вблизи которого был найден золотой «орфеев» листок.

Фасос

Остров во Фракийском море, колонизованный в начале VII века жителями Пароса под предводительством отца поэта Архилоха — Телесикла. К концу архаического периода являлся самым процветающим государством северной Греции благодаря добыче золота и серебра на Пангейских рудниках на континенте. После подчинения Дарием в 491 году вошел в Делосскую симмахию, но в 466—456 году покинул ее. В 463 году осажден и разрушен Кимоном. Однако богатства острова оставались велики вплоть до конца античной эпохи (мрамор, масло, вино, рынок фракийских рабов). Родина живописца Полигнота и атлета Теогена. Древний город располагался на севере острова, имел два акрополя (где находились святилища Афины и Аполлона) и опоясывался мощной стеной укреплений из мрамора и гнейса (начало V века). Исследованы порт, агора и многочисленные святилища: среди них храм Геракла, культ которого был особенно значим в этом городе.

Фемистокл

Афинский государственный деятель, родившийся около 525 года. Архонт с 493 года, между 490 и 480 годами возглавлял политику Афин. Создал сильный афинский флот, организовав военную гавань в Пирее и строя триеры на доходы от Лаврийских серебряных рудников. В 482 году вынужден был подвергнуть остракизму своего соперника Аристидида. Во время второго персидского вторжения Фемистокл убедил афинян покинуть город и настоял, чтобы греческий флот навязал персам бой у острова Саламин (480). Начал возведение Длинных Стен между Афинами и Пиреем. Подвергнутый в свою очередь остракизму в 471 году после ссоры с Кимоном, он вел интриги с Павсанием. Но замешанный в преследовании против последнего, кончил тем, что укрылся при дворе Артаксеркса I, который великодушно принял его. Умер в 459 году в Магнесии.

Феогнид

Поэт VI века, уроженец Мегары.

Фера (Санторин)

Вулканический остров на юге Киклад, колонизованный Спартой в XI веке, и метрополия Кирены. Город простирался в длину на узком скалистом плато, которое, возвышаясь над морем, выступало на восточном склоне Месса Вуно. В восточной оконечности острова находилось святилище Аполлона Карнейского.

Ферамен

Афинский политик умеренного толка, ученик Продика и Сократа.

Сыграл важную роль в перевороте 411 года. Будучи триерархом на Аргинусских островах, оказался среди осужденных стратегов. Был послан для переговоров со Спартой о сдаче Афин в 404 году. Член правительства Тридцати тиранов, осуждал их бесчинства. Критий заставил его смириться и казнил.

Фермопилы

Проход между морем и Каллидромскими горами, ведущий из северной в среднюю Грецию.

Ферон

Тиран города Агригента примерно с 488 года. Вступил в союз с Гелоном, которому отдал в жены свою дочь, Демарету, а на его племяннице женился. Атакованный карфагенянами при Гимере в 480 году, одержал победу благодаря помощи, оказанной ему Гелоном. После смерти Гелона Ферон рассорился с его наследником Гиероном, но их примирил поэт Симонид. Тиран умер в 472 году. В своих 2-й и 3-й «Олимпийских одах» Пиндар воспел победу квадриги Ферона на Олимпиаде 476 года.

Феспид

Первый афинский поэт-драматург, полулегендарная личность. Около середины VI века прибавил к песням дифирамбического хора пролог и реплики, произносимые актером, роль которого была сохранена. Собирался ставить представления в демах Аттики, увезя свое имущество и трупку на телеге: отсюда выражение «телега Феспиды».

Фивы

Согласно легенде, этот город в Беотии был основан финикийцем Кадмом, управлялся династией Лабдакидов (к которой принадлежали Лай и Эдип), осаждался Семью царями Аргоса и был разрушен их потомками (эпигонами). К концу микенского периода сделался важнейшим городом Беотии, но вынужден был долго бороться против своего соперника Орхомена. Во время греко-персидских войн выступал союзником персов, затем воевал с Афинами (сражения при Танагре в 457 году и близ Коронеи в 447 году). Занятые в 382 году спартанским гарнизоном и освобожденные в 379 году Пелопидом, Фивы стали крупной военной силой благодаря Эпаминонду. Но его гибель в сражении при Мантинее (362) положила конец гегемонии Фив. В 336 году, восставшие против Александра, они были взяты, опустошены и разрушены.

Фидий

Афинский скульптор V века, сын Хармида. Согласно Плинию Старшему, расцвет его творческой деятельности приходится на LXXXIII Олимпиаду (448—445 годы), то есть на время окончания шедевра мастера — статуи Зевса Олимпийского. Ученик Агелата, Фидий должен был начать работу после греко-персидских войн. Афинское приношение по обету в Дельфы (Мильтиад с Афиной и Аполлоном, сопровождаемые героями-эпонимами племен Аттики) в память Марфонского сражения могло быть посвящено до 461 года, в период, когда сын Мильтиада Кимон возглавлял политику Афин. Великая

бронзовая статуя Афины восьми-метровой высоты, установленная на акрополе и названная впоследствии Афиной Промахос, по эпиграфическим документам датируется 453—452 годами. Именно между этим временем и началом работ над Парфеноном в 447 году Фидий должен был отправиться в Олимпию создавать хрисоэлефантинную статую Зевса для храма, только что воздвигнутого Либоном. Недавно здесь найдена скромная аттическая чаша, принадлежавшая прославленному скульптору. Выгравированная на ее ножке его рукой надпись гласит: «Я принадлежу Фидию». Затем, уполномоченный Периклом руководить всем комплексом работ на Афинском акрополе, Фидий занялся специально скульптурным декором Парфенона, который обязан ему замечательным единством замысла и исполнения. В это же время он изваял колоссальную (12 м в высоту) статую Афины Парфенос (окончена в 438 году). Между этой датой и началом Пелопоннесской войны скульптор был обвинен в хищении средств, переданных ему для изготовления статуи; согласно Плутарху, осужденный, он скончался в тюрьме. Аттическая традиция, несомненно, желавшая смыть с Афин этот неблагодарный по отношению к мастеру поступок, утверждала, что он добровольно покинул родной город и отправился в Элиду, где именно тогда и приступил к работе над статуей Зевса Олимпийского. Античные авторы восхищались не только безупречной техникой Фидия, которая проявлялась в его работах в бронзе, хрисоэлефантинной скульптуре,

изготовлении золотых и серебряных изделий, живописи (внутренняя сторона щита Афины Парфенос была украшена сценами гигантомахии). Дивились в большей степени благородством его вдохновения: высокая идея, которую он воплотил в божестве, позволила ему, говоря словами Квинтилиана, «обогащать в какой-то мере традиционную религию». Этим преимущественно объясняется огромное влияние, которое он оказал на современников и на дальнейшее развитие искусства.

Фидон

Царь Аргоса в VII веке, которому традиция приписывает идею создания монеты.

Филократ

Афинский политик середины IV века, главная личность на переговорах о мире, названном его именем.

Филоксен

Поэт родом с острова Кифера, автор дифирамбов (конец V — начало IV века).

Фокея

Греческий город в Ионии, на побережье Малой Азии, к северу от устья реки Герм. Долгое время процветавший, распространил свою торговлю от Черного моря до Египта (где участвовал в колонизации Навкратиса) и до западной части Средиземного моря, где играл главную роль на побережьях Испании, Галлии и Корсики. Осажденный персами, был оставлен жителями в 545 году. Часть из них добралась до Массалии, другая возвратилась и покорилась Киру.

Фокион

Афинский стратег IV века. Начиная с 351 года руководил множеством военных кампаний, в частности, вынудил Филиппа снять осаду с Византии в 340 году. После поражения при Херонее высказался в пользу соглашения с Македонией, полагая, что Афины не в состоянии сопротивляться. Имел доброе имя неподкупного человека, которое воспринял Плутарх, посвятив ему одно из своих «Сравнительных жизнеописаний».

Фрасибул

1. Тиран города Милета (конец VII — начало VI века).

2. Афинский полководец и политик, сыгравший великую роль во втором периоде Пелопоннесской войны. В момент переворота Четырехсот командовал афинским флотом на Самосе и способствовал восстановлению демократии. На Аргинусских островах был триерархом и оказался среди обвинителей стратегов. Изгнанный Тридцатью тиранами в Фивы, в 403 году вернулся с несколькими приверженцами, овладел крепостью Филой, затем Пиреем и стал главным героем свержения Тридцати. В дальнейшем руководил боевыми действиями на севере Эгейского моря в 389 году. Умер в 388 году.

Фрина

Знаменитая куртизанка IV века. Была возлюбленной Праксителя и посвятила Дельфам свою собственную позолоченную статую, творение этого скульптора. Обвиненную в нечестивости, ее защищал перед афинским судом Гиперид, который, используя патети-

ческий эффект, раскрыл внезапно ее красоту и благородство.

Фриних

1. Афинский трагический поэт начала V века. Считается, что он впервые ввел в театральное действие женские роли (их, впрочем, играли под маской актеры-мужчины). Вдохновленный главным образом современными событиями, написал пьесы «Взятие Милета» (494), которая стоила ему штрафа за напоминание о недавних несчастьях, и «Финикийцы» (476), которая стала предшественницей «Персов» Эсхила.

2. Глава самой яростной олигархической партии в Афинах в период правления Четырехсот. Был убит в 411 году, а его убийца впоследствии получил право гражданства.

Фукидид

1. Афинский политик, сын Мелесия. Как противник Перикла был подвергнут остракизму в 444 году.

2. Афинский историк, сын Олора, родившийся около 460 года в богатой семье потомков фракийских царей. Владел Пангейскими золотыми рудниками. Избранный стратегом в 424 году, он не смог помешать Брасиду захватить Амфиполь и вынужден был удалиться во Фракию. Там принял за свою историю Пелопоннесской войны. Был убит по возвращении в Афины после 404—403 годов.

X**Хабрий**

Афинский полководец первой половины IV века. Одержал победы

в морских сражениях на Кикладах и на фракийском побережье в 376—375 годах. Умер на Хиосе во время гражданской войны в 357 году. Дружил с Платоном.

Халкидика

Полуостров в северной Греции с тремя выступами — Паллена, Ситония и Акте. Колонизован в VIII веке эвбейцами.

Холокост

Жертвоприношение, при котором жертва сжигалась целиком.

Хор

Группа певцов и танцовщиков (*хористов*), к которым по необходимости присоединялись актеры.

Хорегия

Одна из наиболее важных аттических литургий. Она заключается в оплате хоров, организованных для общественных представлений по случаю общественных праздников. Хорег платил хористам, их наставнику (который зачастую являлся автором текста — поэмы, трагедии или комедии — и музыки), музыканту или музыкантам, а также оплачивал костюмы и декорации. Поскольку обычно существовал конкурс между несколькими хорегами, каждый из которых представлял свою филу, себялюбие гражданина побуждало его платить высокую цену, что активно использовалось в соревновании. В случае победы хорег получал награду (чаще всего это был треножник) и различные почести. Он охотно праздновал свою победу, делая приношения (памятник хорега). В Афинах есть улица треножников,

где на мемориальных плитах, сооруженных хорегами, установлены эти трофеи, например памятник Лисистрата (334 год до н.э.), сохранившийся до сих пор (хотя треножник, стоявший на нем, исчез).

Храм

Жилище бога. Его предтечей был мегарон: главный элемент в нем — большой зал, которому предшествовал портик с двумя колоннами, расположенными между выступами продольных стен здания (названными антами). В классическое время привычный план храма включал вестибюль (пронаос), открывавшийся обычно на восток, зал, или целлу, вмещающую статую бога, и, наконец, задний портик (опистодом), где хранили сокровища и приношения. Снаружи с четырех сторон храм обрамляла колоннада: это основной тип храма — периптер. Фасад могли украшать лишь две колонны между антов, или входной портик (храм простиль). Храм амфипростиль имел портики на торцовых фасадах. Ансамбль сооружения высился на прямоугольной платформе, на которую можно было со всех сторон подниматься по трем ступеням. Последняя ступень, называемая стилобат, несла на себе колоннаду. Подступ к ней иногда облегчала площадка. На колоннах лежал антаблемент, на который опирались края несущей конструкции, служившей также в случае необходимости внутренней колоннадой целлы, обычно на втором ярусе; живое представление об этом дают интерьеры Эрехтейона и псевдо-Тесейона в Афинах.

Э

Эвмел

Эпический поэт второй половины VIII века, уроженец Коринфа. Происходил из могущественного рода Вакхиадов. В «Коринфике» воспел мифическое происхождение своего города, а также сочинил гимн в честь Аполлона для месенцев.

Эвмолпиды

Знатный род из Элевсина, из членов которого выбирали иерофанта.

Эвпатриды

Так называли аристократические семьи в Аттике.

Эвримедонт

Прибрежная река в Малой Азии, в Памфилии, на берегах которой Кимон в 467 году одержал решающую победу над персами.

Эгина

Остров в Сароническом заливе, обитаемый с древнейших времен и заселенный около 960 года колонистами с Пелопоннеса (пришедшими, согласно легенде, из Эпидавра). С конца VIII до начала V века его морская, производственная и торговая мощь не переставала возрастать, тогда как сухость почв не позволяла заниматься земледелием. Остров особенно славился своей бронзой и керамикой. Его весовая и монетная система, основанная на драхме, равной по весу 6,14 г, является самой древней (ок. 650) и самой распространенной на Пелопонне-

се. Остров участвовал в основании Навкратиса. Его экономическая сила вызывала неприязнь Афин. Солон запретил ей вывоз зерна из Аттики и отказался использовать в Афинах эгинскую систему, приняв эвбейскую. В 488 году Эгина разгромила афинский флот, но в 458-м потерпела поражение и, осажденная, в 457 году капитулировала. Афины оставили на острове свой гарнизон, навязали огромную дань — членство в Делосской симмахии; в 431 году эгинетов изгнали и заменили клерухами. В пределах острова находилось святилище местной богини Афайи, отождествляемой с Афиной. Дорический храм датируется первыми годами V века. Построенный из местного известняка, он был обрамлен колоннадой (из 6 × 12 искусно отделанных мрамором колонн). В его плане были портик, целла с колоннадой с внутренней стороны в два этажа и опистодом. Недавно он был воссоздан. Рельефные фронтоны (ныне в Мюнхенском музее) изображают сцены битвы; богиня Афина предстает в центре каждого из них. Эгинская школа скульптуры была представлена последовательно, начиная с крито-микенского времени Смилидом, Каллоном и, прежде всего, Онатом.

Эгоспотамы

Река в Херсонесе Фракийском. При Эгоспотамах в 405 году произошло морское сражение.

Эгосфены

Город в Мегариде, расположенный на берегу Коринфского залива, на склоне Киферона.

Экклесия

Так в большинстве греческих государств, в особенности в Афинах, называли народное собрание. Собиралась сначала на агоре, затем на возвышенности Пникс.

Элевсин

Дем Аттики, центр культа Деметры начиная с микенского времени. По преданию, включен в афинское государство синойкизмом Тесея, в действительности же приобщен в конце VIII или начале VII века. Приблизительно в 20 км к западу от Афин, на берегу залива, который защищал остров Саламин. Элевсин возвышался над небольшой сельскохозяйственной равниной Фрия. Идущая из Афин Священная дорога проходила через отрог Эгалеи и приводила прямо к воротам святилища, где находился свято оберегаемый колодец Каллихорон. Здесь, согласно мифу, Деметра присела во время своего блуждания в поисках Персефоны. Затем шла ограда, многократно перестраивавшаяся и удлинявшаяся (Писистратом, Кимоном и Периклом). Внутри нее в стороне от других построек возвышался телестерий, который использовался во время обрядов посвящения. Архитектору Иктину поручил его построить Перикл на месте прежнего сооружения, возведенного Писистратом. Зал представлял собой гипостиль в форме четырехугольника (52 × 54 м), защищенный со всех сторон, с сорока двумя большими колоннами, поддерживавшими крышу, увенчанную фонарем купола. В центре зала на постаменте находилась маленькая конструкция — Анакторон (святая

святыя), которая вмещала священные предметы. Во второй половине IV века зодчий Филон построил напротив восточного фасада телестерия портик с двенадцатью колоннами.

Элевтеры

Город на границе Аттики и Беотии, у подножия горы Киферон, в 47 км от Афин. Отсюда был привезен в Афины идол Диониса Элевтерия, который держали в храме около театра. Элевтеры — родина скульптора Мирона. На выступе Киферона, который возвышается над древней местностью и дорогой, ведущей в Фивы, до сих пор хорошо сохранилась крепость IV века, возведенная из строительного камня.

Элея

Современная Велия на побережье Лукании, к югу от Пестума. Родина философов Парменида и Зенона, отчего их последователей называли элеатами.

Элида

Главный город Элиды, в ведении которого находилось святилище Олимпии. Его жители, элейцы, были ответственными за организацию Олимпийских игр.

Эмпедокл

Философ V века, уроженец города Агригента. Изложил свою систему в эпических стихах величественного, пророчески вдохновенного стиля. Утверждают, что он добровольно бросился в кратер вулкана Этна.

Эпаминонд

Фиванский полководец и государственный деятель. Происходивший

из знатной, но бедной семьи, образованный и философичный, он оставил свое уединение, чтобы помочь Пелопиду освободить Фивы от притеснений лакедемонян в 379 году. Сотрудничал при реформе общественных установлений и армии. Противостоя Агесилаю на съезде в Спарте, раскрыл свой военный талант, одержав победу при Левктрах (371). После многочисленных дипломатических и военных успехов погиб в битве при Мантинее (362).

Эпей

Персонаж троянского цикла, сын Панопея и строитель Троянского коня. Его считали автором ксоана Гермеса, высокочтимого в Эносе. Ему приписывали также основание после Троянской войны Метапонта на юге Италии.

Эпидавр

Город в Арголиде, на берегу Саронического залива, знаменитый святилищем Асклепия, которое находилось в 9 км от него у подножия горы Кинортион, на небольшой равнине, орошаемой источниками с лечебным эффектом. Дорический храм Асклепия, обрамленный колоннадой из 6 × 11 колонн, целиком в руинах. Он имел средние размеры (24 × 13 м). Возведен архитектором Феодотом, украшен скульптором Тимофеем (сохранилось несколько скульптур с фронтонов), а хрисоэлефантинная культовая статуя создана Фрасимедом с Пароса. Описания донесли до нас строительные расчеты и позволили проследить поэтапно сам процесс (возможная дата — ок. 370 года). Толос, круглое в плане здание,

построенное в середине IV века, считается произведением зодчего Поликлета (прозванного Младшим, чтобы отличать от знаменитого скульптора). Толос состоял из круглой целлы с колоннадой дорического ордера с внешней стороны и колоннадой коринфского ордера с внутренней. Архитектурный декор был необыкновенно изысканным. Кроме того, святилище имело портик для инкубации, источник, вода которого обладала лечебной силой, храм Артемиды и жертвенники. Поблизости был стадион, а напротив холма — театр, сооружение которого приписывают тоже Поликлету. Это самый красивый и лучше всего сохранившийся театр. Он вмещал 14 000 зрителей.

Эпименид

Полулегендарный критский мудрец, живший во второй половине VII и начале VI века. Был поэтом, философом и прорицателем. К нему по обыкновению обращались за советом греческие города в затруднительных ситуациях. Совершил очистительные обряды в Афинах после преступления сообщников Килона. Солон был его другом. Эпименида иногда включают в число Семи мудрецов (вместо Периандра).

Эпихарм

Сицилийский комик, который написал великое множество комедий в конце VI и начале V века. Жил в основном в Сиракузах. До нас дошли названия 37 пьес и множество их фрагментов, которые позволяют оценить блестящий стиль

его своеобразных комедий. Был очень любим Платоном.

Эпоним

Магистрат, который давал свое имя году, или герой, который давал свое имя племени.

Эргастины

Юные девушки, подносившие пеплос Афине в дни Великих панафиней.

Эсхил

Трагический поэт, родившийся в Элевсине около 525 года. Участвовал в битвах при Марафоне вместе со своим братом Кинегиром и при Саламине. Впервые выступил в театре в 500 году, а в 484 году одержал свою первую победу. В 472 году имел большой успех с пьесой «Персы». Отправился в Сиракузы к пригласившему его тирану Гиерону. Возвратившись в Афины, снова стал победителем с пьесой «Семеро против Фив» (467) и трилогией «Орестея» (458). Недовольный реформами Эфиальта, ушел на Сицилию и умер в Геле в 456 году.

Эсхин

Афинский оратор, родившийся около 390—389 годов. Был актером, затем мелким служащим, прежде чем заинтересовался политикой. Участвовал в посольстве Филократа в 346 году и с тех пор стал сторонником македонской политики. В 345 году заставил осудить за безнравственный поступок Тимарха, который готовился напасть на него. Обвиненный в предательстве Демосфеном, был оправдан в 343 году. В 339 году

в Дельфах он заставил амфикионов голосовать за Священную войну с городом Амфиссой, позволявшую Филиппу вступить в Среднюю Грецию. После битвы при Херонее незаконно обвинил Ктесифона за то, что тот инициировал награждение Демосфена золотым венком, но не получил пятой части голосов и вынужден был удалиться (330). Основал школу красноречия на острове Родос. Умер в 314 году.

Этезез

Ветры, дующие летом в Эгейском море.

Эфес

Город в Ионии, в самом сердце побережья бухты Каистра. Процветавший в архаический период, в конце VII века одним из первых начал чеканить монеты из электрума, изображавшие пчелу, которая долгое время оставалась государственным символом Эфеса. В первой половине VI века пережил правление нескольких тиранов. Поддерживал хорошие отношения с царем Крезом, который содействовал возведению в середине века грандиозного храма Артемиды, одного из величайших в греческом мире. Это святилище было построено критскими архитекторами Херсифроном и Метагеном, которые посвятили своему творению книгу (ее цитировал еще Витрувий в эпоху Августа). После подавления восстания Ионии Ксеркс пощадил храм, но в 356 году он был подожжен безумцем Геростратом в ночь, когда родился Александр Македонский. Был отстроен заново

в эллинистический период по прежнему плану. В Эфесе начиналась Царская дорога, ведущая в Сузы, столицу Персии.

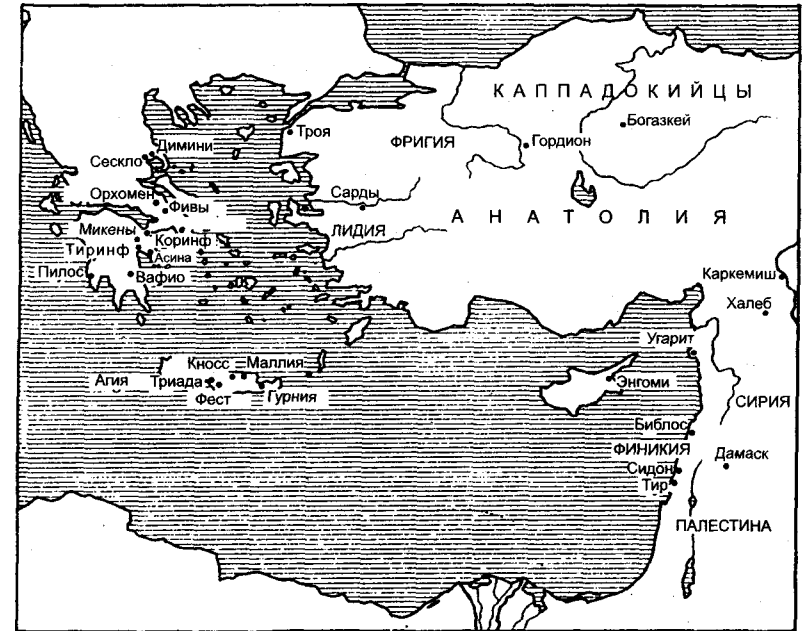
Эфиальт

Афинский политик, автор реформы 462 года.

Я

Ясон

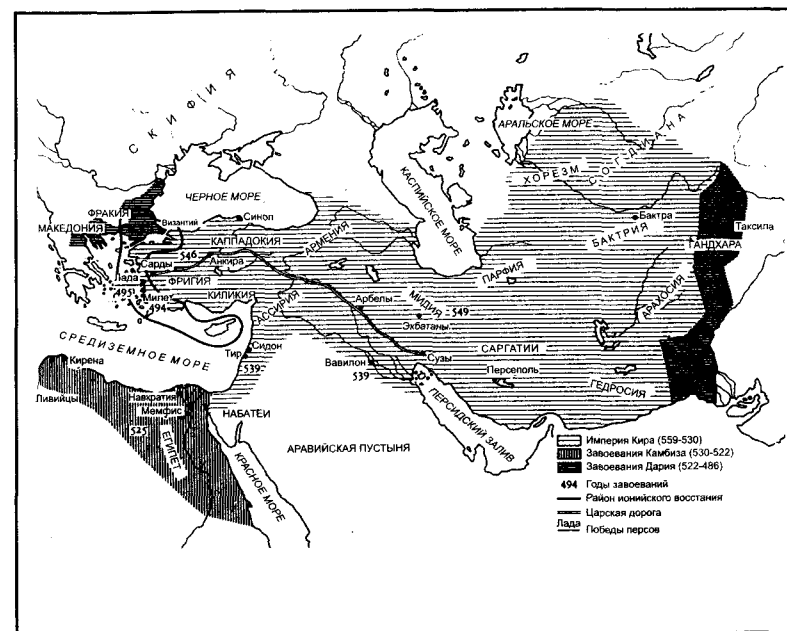
Тиран города Феры в Фессалии. Был убит в 370 году, после того как в течение нескольких лет играл большую роль в северной Греции.

1. Ближний Восток в конце 2-го тысячелетия

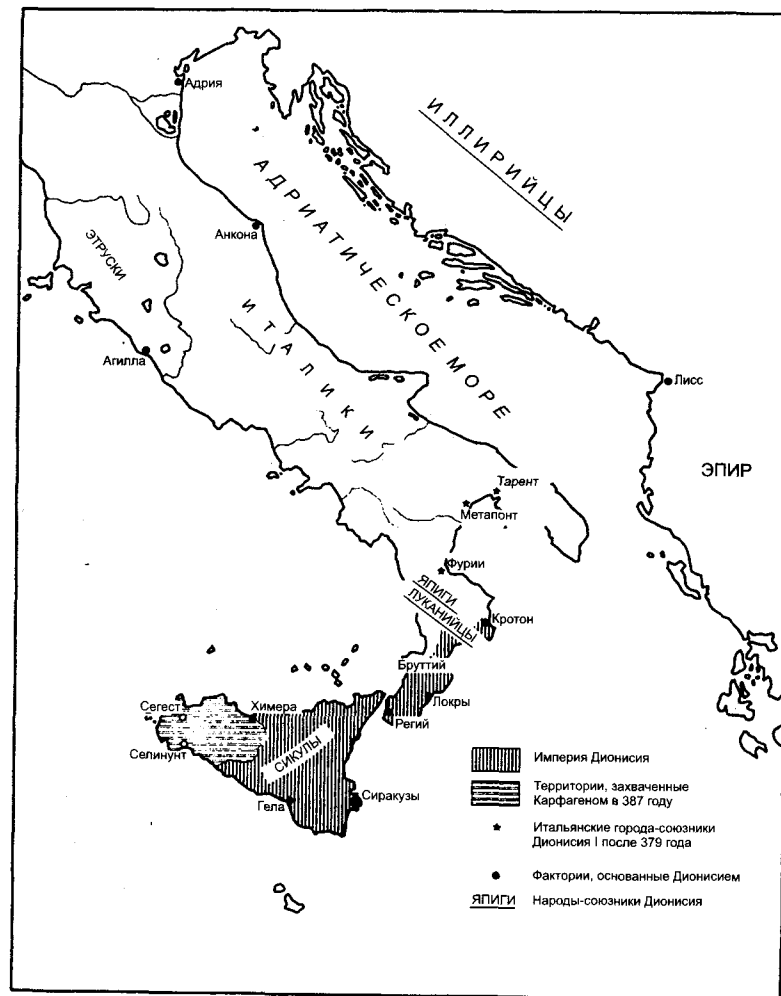

2. Греция и греческие диалекты в VIII веке до нашей эры

3. Персидская империя до греко-персидских войн

Оглавление

4. Сиракузы при Дионисии I

Предисловие	5
Введение	8
Глава первая. МИКЕНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	14
Глава вторая. ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, или ГОМЕРОВСКИЙ ПЕРИОД	29
Глава третья. АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (VIII—VI века)	42
Глава четвертая. КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (от греко-персидских войн до прихода к власти Александра Великого, 490—336)	75
Глава пятая. ПОЛЕМОС	111
Глава шестая. ОБРЯДЫ И БОГИ	151
Глава седьмая. ГРАЖДАНИН В ГОСУДАРСТВЕ	226
Глава восьмая. МЫСЛИТЕЛИ И ПОЭТЫ	267
Глава девятая. ИСКУССТВО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	291
Справочный индекс	307